Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Всероссийская научно-практическая конференция
(10 апреля 2025 г.)

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2025

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2025
ISBN 978-5-9694-1649-9

УДК 343.985
ББК 67.73
А43

Рецензенты:
заместитель начальника 3 отдела управления
по расследованию организованной преступной деятельности
в сфере незаконного оборота наркотических средств и информационно-
коммуникационных технологий СД МВД России **А. О. Будяев**;
заместитель начальника УВД по СВАО ГУ МВД России
по г. Москве **А. А. Иванов**

Составитель *Д. А. Иванов, Н. В. Макеева*

А43 **Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства**: Всероссийская научно-практическая конференция, 10 апреля 2025 г. : сборник научных трудов / [сост. Д. А. Иванов, Н. В. Макеева]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. – 353 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1649-9

Сборник научных трудов подготовлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства», состоявшейся 10 апреля 2025 г. Статьи посвящены актуальным проблемам совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Издание адресовано преподавателям, адъюнктам, докторантам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, а также может представлять интерес для практических работников правоохранительных органов, экспертных и следственных подразделений.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

Корректор *Достовалов Ю. Н.*
Компьютерная верстка *Тарасова Т. С.*

Подписано к изданию 30.10.2025
Объем издания: 3,44 Мб
Тираж: 6 электронных оптических дисков (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1649-9

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
https://мосу.мвд.рф, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1

Алонцева Е. Ю., Коньшин А. Н.
Рассуждения об установлении истины в уголовном судопроизводстве 10

Артамонова Е. А.
Ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела
посредством изучения их копий, переданных следователем
на электронном носителе информации 13

Артемова В. В.
К вопросу о подследственности 18

Архипова И. А.
Особенности тактики производства отдельных следственных действий
при расследовании корыстно-насильственных преступлений 23

Айсанов А. С., Фадеев П. В.
К вопросу о доказывании по уголовным делам
о нарушениях правил дорожного движения
и эксплуатации транспортных средств 28

Белавин А. В., Маслов Н. В.
Отдельные аспекты тактики допроса лиц
с психопатическими расстройствами при расследовании преступлений 36

Блинова Е. В., Титовец И. В., Бельчиков Н. С.
К вопросу об окончании действия подписки
о неразглашении данных предварительного расследования 40

Барбачакова Ю. Ю.
Использование экспертно-криминалистических учетов
при расследовании преступлений 45

Боровиков В. Б., Боровикова В. В.
О содержании ст. 104.1 УК РФ 49

Власов П. Е.
Современные технологии: актуальные направления
совершенствования уголовно-процессуального законодательства 54

Глимейда В. В.
Вопросы совершенствования протоколирования
следственных действий с помощью цифровых технологий 59

Горач Н. Н.
Актуальные проблемы расследования преступлений,
связанных с дистанционным хищением денежных средств
под предлогом вложений в инвестиционные рынки 64

Гриненко А. В.
Признание в даче и получении взятки:
уголовно-правовые и уголовно-процессуальные последствия 68

Данилкина В. М., Ивлев К. А.
Применение следователем информационно-коммуникационных технологий
при производстве следственных действий 73

Евтюхина С. В.
Значение явления «порок воли» при расследовании телефонных
мошенничеств при заключении кредитного договора потерпевшим 78

Ендольцева А. В.
При каких условиях домашний арест как мера уголовно-процессуального
принуждения может достигнуть своих целей 84

Есина А. С.
Вопросы комплексного правоприменения
в деятельности следователя при установлении
субъекта преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ 91

Жамкова О. Е.
Обеспечение прав лица, в отношении которого проводится
проверка сообщения о преступлении,
как условие успешного расследования 96

Заливин А. Н., Рыжаков А. П.
К вопросу о продолжении уголовного преследования подозреваемого
или обвиняемого ввиду отсутствия согласия на прекращение уголовного дела
по нереабилитирующему основанию после истечения срока давности 101

Захарова В. О.
О качестве наставнической деятельности
в следственном комитете Российской Федерации 106

Золочевская Л. С.
Исчисление срока при задержании лица,
подозреваемого в совершении преступления 113

Иванов Д. А., Григорян Т. А.
К вопросу о признании вещественного доказательства недопустимым
в уголовном судопроизводстве 118

Ильяшевич Т. А., Емельянова Н. Ю.
Обеспечение защиты персональных данных
в уголовном судопроизводстве 122

Клементьева Е. С.
Некоторые особенности доследственной проверки
с участием несовершеннолетних 125

Клещина Е. Н., Крылова Д. С.
Преступность несовершеннолетних
как современный вызов национальной безопасности 129

Лифанова Л. Г.
К вопросу о субъектах, обязанных хранить тайну
предварительного расследования 133

Макаренко М. М., Денцель А. С.
Применение результатов полиграфа в уголовном процессе:
постановка проблемы 138

Макеева Н. В., Макеев А. В.
Особенности привлечения
к уголовной ответственности по ст. 172.4 УК РФ 141

Маслов Н. В.
Отдельные вопросы криминалистической характеристики
нераскрытых преступлений прошлых лет 146

Мичурин В. С.
Место и роль электронных доказательств
в доказывании по уголовным делам 153

Мичурина О. В.
Функциональное содержание деятельности
органа предварительного расследования в уголовном судопроизводстве 159

Московцева К. А.
Теоретические и практические аспекты профилактики преступлений,
совершенных с использованием
информационно-телекоммуникационных технологий
в отношении несовершеннолетних 165

Муратова Н. Г.
Заключение под стражу:
новая межотраслевая законодательная модель 168

Нуйкин С. Ю.
К вопросу о квалификации незаконного предпринимательства 173

Победкин А. В.
«Принцип» процессуальной экономии: чужой среди чужих 175

Поляков С. А.
Вопросы совершенствования международного уголовного правосудия
и предварительного следствия 180

Попенков А. В.
Актуальные проблемы расследования незаконной коллекторской
деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц 185

Прохорова Е. А.
К вопросу о регламентации порядка исчисления процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве 189

Соколова М. В.
Проблемы, возникающие у следователя по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлениями по приостановленным уголовным делам в соответствии с п. 3^1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ 194

Степырева А. М.
Деятельность дознавателя органов внутренних дел на транспорте по предупреждению преступлений 198

Уханова Н. В.
К вопросу о заключении досудебного соглашения по уголовным делам о преступлениях, совершенных организованными группами или преступными сообществами 202

Фадеев П. В.
Проблемы правового регулирования хранения вещественных доказательств по уголовному делу и пути их решения 209

Федулова И. И.
Вопросы профилактической деятельности следователя 215

Федюкина А. Ю.
Современные технические средства как фактор эффективности производства неотложных следственных действий 219

Хакимова Т. М.
Понятие начала уголовного судопроизводства 222

Химичева О. В., Шаров Д. В.
Актуальные проблемы цифровизации уголовного судопроизводства 226

Хмелев С. А., Хмелева З. А.
Актуальные проблемы взаимодействия следователя с органом дознания и специалистом при расследовании преступлений, совершенных в сети Интернет 232

Чиковани М. А.
Проблемы правовой регламентации в вопросе назначения судебных экспертиз 238

Шуваева М. С., Пенькова М. Н.
Перспективные направления развития технико-криминалистических средств и методов в условиях цифровизации 241

ЧАСТЬ 2

Бадалов А. О.
Предварительное следствие
в процессуальной форме досудебного производства 246

Байкова А. П.
Организационно-правовые проблемы расследования преступлений
в сфере организации незаконной миграции 251

Барабанова А. А.
Процессуальный порядок допроса свидетеля,
имеющего психическое расстройство (заболевание) 258

Белых К. С.
Место военной прокуратуры
в системе органов прокуратуры Российской Федерации 264

Беспалов В. Н.
О праве защитника копировать материалы уголовного дела
(по поводу одной законодательной инициативы) 268

Блидар М. А.
Особенности расследования вымогательств, совершаемых
с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 272

Виноградов Е. А.
Теоретические и практические аспекты взаимодействия органов дознания
с иными субъектами противодействия киберпреступлениям 278

Виноградская К. С.
Профилактическая деятельность дознавателей органов внутренних дел 283

Вихляев А. А.
К вопросу использования результатов оперативно-разыскной деятельности
по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности,
совершаемых представителями религиозных объединений 288

Волкова Г. А.
Прокурорский надзор за реализацией требований
об устранении обстоятельств,
способствовавших совершению преступления 292

Денищик А. Ю.
Интеграция данных искусственного интеллекта
в процесс доказывания: перспективы и проблемы 298

Жидович А. С.
Криминалистическое обеспечение расследования незаконного оборота
огнестрельного оружия: этапы становления 301

Киселева А. А.
«Заинтересованность в исходе дела»
или отголоски формальной оценки доказательств: назад в прошлое 306

Кияева Е. Ю.
О применении технических средств
в исследовании материалов уголовного дела 309

Коновалова Е. А.
Дополнительные аргументы
в пользу сохранения стадии возбуждения уголовного дела 313

Кузовлева М. А.
Проблемы, связанные с практической реализацией положений
ст.ст. 91, 92 УПК РФ при задержании лица,
совершившего преступление 318

Макаров Д. А.
Судьба вещественных доказательств,
имеющих культурную ценность,
при окончании уголовного судопроизводства 323

Максимов Н. Р.
Международное сотрудничество
в сфере уголовного судопроизводства: система источников 329

Маньковская Д. Ю.
Особенности привлечения к уголовной ответственности
за неправомерный доступ к компьютерной информации 334

Никитина У. Р.
Некоторые проблемы квалификации уголовно наказуемых деяний
при расследовании жестокого обращения с животными 337

Сиворакша В. В.
Соблюдение тайны предварительного следствия
и дознания при продлении срока расследования уголовного дела 343

Туров С. С.
Видео-конференц-связь (ВКС) в уголовном судопроизводстве 348

ЧАСТЬ 1

Алонцева Е. Ю.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Коньшин А. Н.[2],
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

РАССУЖДЕНИЯ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Русский ученый-правовед, криминолог, заслуженный профессор И. Я. Фойницкий говорил, что задачей уголовного суда является отыскание в каждом деле безусловной истины [1, с. 172].

Сначала разберемся в философском значении термина «истина». Понятие истины не имеет однозначного определения. Классическим пониманием истины принято считать мнение Аристотеля и Платона, которые говорили, что истина – это соответствие знаний действительности.

Известный французский философ и математик XVI в. Декарт понимал под истиной ясность. Он считал, что за истину может быть принято то, что в результате рассуждения кажется ясным и понятным. Французский философ Ж. А. Пуанкаре считал, что истина – это соглашение, однако такой подход к пониманию изучаемого явления можно применить далеко не ко всем областям нашей жизни [2].

В зависимости от полноты знания истину принято делить на абсолютную и относительную. Под абсолютной истиной принято понимать полное, исчерпывающее знание о предмете или его свойствах, а под относительной – неполное, но при этом достоверное знание, которое зависит от совокупности определенных условий. Так как в достижении абсолютной истины существует ряд проблем, таких, как постоянная изменчивость мира, ограниченность человеческих возможностей в познании и ограниченность способов познания, сегодня чаще встречается относительная истина.

Установление истины во все времена было одним из важнейших интересов государства. При этом важно отграничивать понятие истины от смежных понятий, например, правды. Согласно толковому словарю Даля, правдой является истина на деле, т. е. правда – это истина, носящая субъективный характер [3]. Из этого можно сделать вывод, что правд может быть много, а истина всегда одна. Поиск этой единственной верной истины является одной из основных целей уголовного судопроизводства. Однако в современном законодательстве не упоми-

[1] © Алонцева Е. Ю., 2025.
[2] © Коньшин А. Н., 2025.

нается об истине (в отличие от УПК РСФСР 1960 г.). Законодатель по-иному сформулировал назначение уголовного судопроизводства в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). Следует ли отказываться от установления истины по уголовному делу – данная дискуссия имеет место в научной доктрине, и многие авторы придерживаются мнения, что установление истины является целью уголовного процесса.

Далее рассмотрим основные проблемы, возникающие при установлении истины в рамках современного уголовного процесса. Преступлением согласно ст. 14 УК РФ признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным Кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) под угрозой наказания. Любое преступление посягает на те или иные общественные отношения и затрагивает интересы как отдельного человека, так и государства, поэтому в установлении истины и восстановлении своих нарушенных прав нуждаются как отдельные личности, так и такой сложный институт организации публичной власти, как государство. Для этого уголовное судопроизводство стремится к установлению реальных виновников преступления через установление материальной и объективной истины.

Объективной истиной принято считать знание, которое не зависит от нашего сознания, а вот по поводу материальной возникает много споров. Советский правовед М. С. Строгович считал, что материальная истина и объективная истина – это не разные понятия, а одно и то же: материальная-де истина служат для обозначения объективной [4, с. 329]. То есть материальная истина – это объективная истина, получаемая по уголовному делу разрешенными уголовно-процессуальными средствами.

Одной из проблем в поиске истины является невозможность проверки полученных знаний путем производства следственных действий, например, через эксперимент и проведение опыта. Следствие и судебные органы проверяют отдельные обстоятельства, как правило, с внешней стороны. Они могут воспринимать отдельные факты, определенные последствия и следы. Проведение эксперимента путем воссоздания событий преступления может еще раз поставить в опасность объект уголовно-правовой охраны. Так, например, невозможно в качестве эксперимента воссоздать события состава преступления ч. 4 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть», так как момент убийства наступил и человека уже нет в живых. Единственным способом воссоздания обстоятельств преступления является сбор показаний очевидцев, просмотр записей с видеокамер, если таковые имеются.

Говоря о показаниях очевидцев, стоит отметить один важный момент: человеческая память обладает особенностью запоминать не картину целиком, а лишь некоторые моменты, а потом нарисованная картинка дополняется фантазиями, на основе прочитанного, увиденного в фильмах и т. д.

Поиск истины в данном случае происходит путем производства допроса свидетелей, получением заключений экспертов и специалистов, а также с помощью сведений, полученных из вещественных доказательств. Суд может оценивать подлинность представленных сведений только после того, как их оценили защитник и сторона обвинения, исследуя все доступные доказательства. Из этого вытекает вторая проблема истины в уголовном судопроизводстве: види-

мая истина действительно достигнута, адвокат либо прокурор сумел убедить суд в подлинности своих заявлений, однако на деле ни о какой истине речи может и не идти. Процесс ее поиска сугубо индивидуален и достаточно длителен, потому результат не всегда виден даже при многолетнем судебном следствии.

Говоря о проблемах истины в уголовном судопроизводстве, нельзя не упомянуть о понятии юридической истины, раскрываемом в работах множества ученых и правоведов. И. Б. Михайловская, например, отмечает в своих работах, что юридическая истина не всегда соответствует фактам, которые имели место в реальности [5, с. 16]. Советский и российский правовед, доктор юридических наук, профессор П. А. Лупинская пишет, что для получения юридической истины необходимо соблюдение установленной законом процессуальной процедуры сбора, проверки и оценки доказательств. Юридическая истина основывается исключительно на фактах, которые можно найти в материалах дела, что часто приводит к принятию решений, которые не соответствуют объективной истине [6, с. 24]. В данном понимании истина связана с доказыванием по уголовному делу.

Таким образом, мы выдели три основные проблемы истины. Во-первых, невозможность проверки истины в уголовном судопроизводстве путем эмпирического эксперимента или опытов. Во-вторых, невозможность суда самостоятельно оценивать подлинность представленных доказательств. И, в-третьих, юридическая истина, которая основывается исключительно на фактах, которые можно найти в материалах дела (доказательствах), часто приводит к принятию решений, не соответствующих объективной истине.

В заключение хотелось бы отметить, что истина в уголовном судопроизводстве занимает особое место, потому что установление истины гарантирует восстановление нарушенных прав граждан. Очень важно, чтобы современное уголовное судопроизводство осознавало важность истины и делало все возможное для ее установления. Несмотря на то, что законодатель не упоминает об истине в самом законе, вся процессуальная деятельность органов предварительного расследования и судебных органов в процессе судебного рассмотрения дела связана с понятием истины и нацелена на ее установление.

Список литературы

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. 4-е изд. СПб. : Общественная Польза, 1912. С. 172.

2. Карякин Е. А. Проблемы устранения судебных ошибок в свете учения об истине в уголовном судопроизводстве. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ustraneniya-sudebnyh-oshibok-v-svete-ucheniya-ob-istine-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/.

3. Даль В. И. Толковый словарь. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i- dalja-bukva-p/8110E.A/.

4. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М. : Академия наук СССР, 1958. С. 329.

5. Михайловская А. В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905. С. 16.

6. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. М. : Норма, 2024. С. 24.

Артамонова Е. А.[1],
профессор
департамента уголовного права,
процесса и криминалистики факультета права
Высшей школы экономики,
доктор юридических наук, доцент

ОЗНАКОМЛЕНИЕ ОБВИНЯЕМОГО С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПОСРЕДСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ ИХ КОПИЙ, ПЕРЕДАННЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕМ НА ЭЛЕКТРОННОМ НОСИТЕЛЕ ИНФОРМАЦИИ

Появляющиеся новые технические возможности следует смелее использовать в уголовном судопроизводстве для обеспечения прав и законных интересов его участников, особенно исходя из стремления достижения процессуальной экономии и разумных сроков судопроизводства, в частности, при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела (далее – ознакомление).

Уже широко распространена практика, когда заинтересованные лица предпочитают знакомиться с делом, изучая электронные образы содержащихся в нем документов. И фактически сложившимся отношениям необходимо придать законодательное закрепление, предусмотрев не просто право обвиняемого, защитника, потерпевшего по окончании предварительного расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела и снимать с них копии за свой счет, в том числе с помощью технических средств (пп. 12, 13 ч. 4 ст. 47; п. 7 ч. 1 ст. 53; п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), а дать возможность реализации этого права через получение копий материалов уголовного дела посредством их загрузки на предоставленный ими электронный носитель при соблюдении предусмотренных законом условий и процедуры.

И не просто закрепить в законе такую возможность, а возложить на следователя обязанность предъявить обвиняемому, при положительном волеизъявлении последнего, материалы дела в виде их копий на электронном носителе. (Обвиняемый заявил такое ходатайство, предоставил электронный носитель информации – следователь переводит в электронную форму материалы дела.) Закон *обязывает* следователя предъявить обвиняемому материалы уголовного дела в каждом конкретном случае (императивное предписание – «… следователь предъявляет обвиняемому…»). Обвиняемый же, получив к ним фактический доступ, вправе решать, будет он с ними знакомиться или нет. Действующая ч. 1 ст. 217 УПК РФ обязывает следователя предъявлять оригинал уголовного дела в подшитом и пронумерованном виде. По групповым делам каждый обвиняемый *последовательно знакомится* с делом и одновременно остается вправе снимать с него копии, в том числе и в полном объеме. Ознакомление происходит в присутствии следователя, который тратит на это значительную часть своего рабочего времени.

---

[1] © Артамонова Е. А., 2025.

С целью процессуальной экономии, прежде всего экономии времени на этом этапе досудебного производства по уголовному делу, видится более рациональным закрепить в законе возможность предъявлять обвиняемому материалы уголовного дела сразу в виде копий на электронном носителе. В таком случае по групповым делам ознакомление с материалами уголовного дела обвиняемых возможно параллельно во времени, а не последовательно, по крайней мере, в основной части процедуры.

Предлагаемая процедура не может распространяться на уголовные дела, содержащие сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну. Действуют особые требования, направленные на защиту такой информации, в частности, закон содержит правило, ограничивающее использование таких выписок или копий (ч. 2 ст. 217 УПК РФ). Кроме того, следует исключить (ввести запрет на) передачу на электронном носителе обвиняемому и/или иным лицам, имеющим право на ознакомление, копий материалов дела, содержащих информацию, подлежащую повышенной защите от разглашения, а именно, когда материалы уголовного дела содержат сведения, затрагивающие безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, или если это материалы расследования преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы личности.

Недопустимость передачи самого электронного носителя информации, на котором содержатся копии материалов уголовного дела, или содержащихся на нем сведений посторонним лицам охватывается запретом на разглашение данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ). В качестве дополнительной, превентивной меры, направленной на обеспечение выполнения запрета на несанкционированную передачу полученных электронных образцов документов уголовного дела, представляется допустимым использовать предупреждение о возможности наступления уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ с оформлением соответствующей подписки. В отношении обвиняемого – подписки о неразглашении данных предварительного расследования, содержанием которой видится возложение лицом на себя обязанности не передавать электронный носитель информации с содержащимися на нем копиями материалов уголовного дела посторонним лицам, не распространять материалы – например, не публиковать их в СМИ, интернете или иным способом, полностью или части их содержания. Это послужит средством обеспечения сохранности материалов уголовного дела от предания их гласности вне установленной законом процедуры и никоим образом не ограничит обвиняемого в их использовании для защиты своих прав и законных интересов процессуальным путем [5].

Следует отметить, что однозначной позиции о легитимности предупреждения обвиняемого о неразглашении данных предварительного расследования до сих пор не сформировано. Конституционный Суд Российской Федерации в более ранних своих разъяснениях указывал на недопустимость этого [6]. Суды нередко берут за основу именно эту позицию. Например, Ставропольский краевой суд признал действия следователя, выразившиеся в получении от обвиняемого К. подписки о неразглашении данных предварительного следствия, незаконными [7]. В процессуальной литературе большинство авторов придерживаются указанной выше

позиции Конституционного Суда Российской Федерации [1, с. 132; 2, с. 115; 3, с. 48], другие допускают и обосновывают возможность и необходимость применения ст. 161 УПК РФ к обвиняемому [4, с. 89].

Обвиняемый, получивший на электронном носителе копии материалов уголовного дела, не может быть лишен права при возникновении разного рода сомнений и неясностей (например, на документе стоит собственноручно выполненная подпись или факсимиле; в деле находится оригинал или скан документа) получить свободный доступ к бумажному варианту уголовного дела для их устранения. Аналогичный порядок должен действовать и в отношении защитника, а также других участников уголовного процесса, имеющих право на ознакомление.

Наиболее актуальным положительное решение этого вопроса видится в отношении обвиняемого, находящегося под стражей или домашнем арестом. Этим сгладится проблема растягивания сроков ознакомления, например, вызываемая несовпадением графика занятости следователя с режимом обвиняемого. Отпадет необходимость в части доставлений обвиняемого к следователю, что позволит сэкономить на организации и исполнении их транспортировки. Здесь следует оговориться, что речь идет о добросовестном поведении обвиняемого, случаи злоупотребления им правом на ознакомление не анализируются.

Рассматриваемая процедура предлагается как вариант реализации обвиняемым права на ознакомление. Воспользоваться им может только обвиняемый, решивший знакомиться с материалами уголовного дела раздельно с защитником. Для содержащихся под стражей, а в ряде случаев и под домашним арестом, есть еще одно условие – особый вид электронного устройства типа электронной книги, не имеющего выхода в интернет и функций аудио- и видеозаписи.

Порядок видится следующим: соответствующее ходатайство/согласие должно быть представлено/получено при уведомлении обвиняемого об окончании предварительного следствия, о чем делается запись в протоколе уведомления обвиняемого об окончании предварительного следствия. Затем следователь готовит электронный носитель для вручения обвиняемому, т. е. загружает на него копии материалов уголовного дела в полном объеме (с учетом предусмотренных законом исключений) и в точном соответствии с оригиналом.

Обязательным условием реализации в таком порядке права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела должно являться хорошее качество загруженных материалов. Все материалы должны хорошо читаться, не иметь помех (затертостей, засвечиваний и т. п.). Проведя техническую подготовку, следователь приглашает обвиняемого для оформления начала ознакомления с материалами уголовного дела, вручает ему электронный носитель, о чем делает отметку в протоколе ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, и определяет с учетом объективных (объем (количество томов) и сложность (многоэпизодность, многосубъектность) уголовного дела, условия жизни/содержания) и субъективных (возраст, состояние здоровья и др.) факторов разумный срок для ознакомления.

Изучение материалов уголовного дела («ознакомление») – это трудоемкая интеллектуальная деятельность, в результате которой происходит восприятие, понимание и осмысление имеющейся в деле информации, на что требуются

значительные временные затраты. Поэтому в качестве варианта определения разумности срока ознакомления предлагается устанавливать такой срок, например, исходя из расчета не менее трех суток на один том. При этом обвиняемый не лишается права ходатайствовать о продлении первоначально установленного срока. Разрешая поступившее ходатайство, следователь вправе самостоятельно продлить срок ознакомления, если признает его увеличение, обусловленным уважительными причинами. Если же в действиях обвиняемого будут усматриваться признаки злоупотребления правом на ознакомление, он обращается в суд в порядке ч. 3 ст. 217 УПК РФ.

Обвиняемый, фактически закончивший изучение копий материалов уголовного дела, содержащихся на электронном носителе, (заочное ознакомление), вправе в обычном порядке ознакомиться с вещественными доказательствами, приложениями к протоколам следственных действий, которые невозможно перенести в качестве копий на электронный носитель. В любом случае выполнение требований чч. 4 и 5 ст. 217 УПК РФ надлежит производить в обычном порядке, с соблюдением всех предусмотренных законом гарантий.

Несмотря на то что предлагаемый вариант ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела структурно состоит из трех неоднородных элементов, имеющих свои особенности и существенно различающихся (табл. 1), он не нарушает права обвиняемого, направлен на оптимизацию офлайн-взаимодействия обвиняемого и следователя на рассматриваемом этапе досудебного производства, обусловлен в том числе большими временными затратами, особенно по групповым делам, когда происходит последовательное ознакомление с материалами многотомного уголовного дела, что растягивает сроки производства по делу, отодвигая доступ к правосудию.

Таблица 1

Элементы	**Форма**	**Содержание**
Начальный этап ознакомления	Очно	Объявление о начале ознакомления, вручение/получение копий материалов уголовного дела на электронном носителе, установление срока фактического ознакомления
Фактическое ознакомление	Заочно	Самостоятельное изучение копий материалов уголовного дела, содержащихся на электронном носителе информации
Завершающий этап ознакомления	Очно	Ознакомление с недокументарными материалами уголовного дела, выполнение требований чч. 4 и 5 ст. 217 УПК РФ
Выполнение каждого элемента, его форма и сроки отражаются в протоколе ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела (ст. 218 УПК РФ)		

Список литературы

1. Намнясева В. В. Проблемные вопросы конструирования и применения нормы, предусматривающей уголовную ответственность за разглашение данных предварительного расследования // Евразийская адвокатура. 2024. № 6 (71). С. 129–133.

2. Есина А. С., Блинова Е. В. Неразглашение данных предварительного следствия: проблемы правоприменения и вопросы толкования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 113–117.

3. Кудрявцев В. Л. Разглашение данных предварительного расследования: некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы в свете правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2020. № 6 (49). С. 46–52.

4. Бравилова Е. А. О субъектах, которые могут быть предупреждены об ответственности за разглашение данных предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 86–91.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 2144-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. Ю. Брянцева на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 161 УПК РФ». URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26102021-n-2144-o/.

6. Абзац 2 пункта 3.2 определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 октября 2015 г. № 2443-О «По жалобе гр-н Д. В. Динзе и О. Г. Сенцова на нарушение их конституционных прав положениями п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 53 и ст. 161 УПК РФ». URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06102015-n-2443-o-po/.

7. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 21 ноября 2023 г. URL: https://sudact.ru/regular/doc/WK7WCbOsS8Yq/.

Артемова В. В.[1]*,*
заместитель начальника кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ

Подследственность уголовных дел и связанные с ней споры нередко выступают предметом исследования ученых и объектом внимания правоприменительных органов. Не в последнюю очередь это обусловлено сложностью конструкции статьи о подследственности, которая не содержит исчерпывающей информации относительно подследственности. Имеют место также пробелы в регламентации вопросов подследственности.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не определяет, что понимается под подследственностью. Тем не менее, совокупность норм, регулирующих вопросы подследственности уголовных дел, образует процессуальный институт. Характерно, что нормы о подследственности не объединены в самостоятельную главу, а содержатся в нескольких статьях кодекса.

В частности, ст. 151 УПК РФ непосредственно посвящена подследственности, ее видам и определяет субъекты расследования в зависимости от вида преступления, лица, его совершившего. Статья 150 УПК РФ разграничивает формы предварительного расследования и регламентирует, по уголовным делам о каких преступлениях осуществляется дознание. Статьей 152 УПК РФ «Место производства предварительного расследования» регулируются вопросы территориальной подследственности уголовных дел. Также имеются отдельные нормы, которые напрямую не определяют вопросы подследственности, но содержат отдельные полномочия субъектов уголовного процесса по передаче по подследственности. Так, в ч. 2 ст. 38 УПК РФ среди прочих указывается полномочие следователя передавать уголовное дело руководителю следственного органа для направления по подследственности. Пункт 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ наделяет прокурора правом передачи уголовного дела и материалов проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому.

Таким образом, анализ положений данных норм УПК в целом позволяет правоприменителю с учетом квалификации деяния, должностного положения лица, совершившего преступление, места окончания преступления и некоторых других аспектов определить подследственность уголовного дела, отнеся его к компетенции следователей или дознавателей соответствующих ведомств.

Тем не менее, исходя из практики применения указанных статей, можно сказать, что имеются определенные сложности, спорные моменты, связанные с реализацией института подследственности, которые обусловлены следующими обстоятельствами.

---

[1] © Артемова В. В., 2025.

Отсутствие единообразного понимания как у правоприменителей, так и у представителей науки, на что распространяются требования о подследственности, только на уголовные дела или ими надлежит руководствоваться и при проведении проверки по сообщениям о преступлениях, предусмотренной ст. 144 УПК РФ.

Отсутствие законодательного определения подследственности порождает наличие различных подходов к решению данного вопроса. Анализ понятий подследственности, предлагаемых в юридической литературе, позволяет прийти к выводу, что отдельные авторы придерживаются мнения: подследственность – это совокупность признаков уголовного дела, в зависимости от которых определяется форма предварительного расследования и компетенция органа, полномочного проводить расследование по делу [1, с. 371–372, 2, с. 111–112.]. Имеются позиции о том, что подследственность представляет собой «совокупность правил, обеспечивающих отнесение уголовных дел к ведению конкретного органа или должностного лица, наделенного государственно-властными полномочиями по производству предварительного расследования…» [3, с. 473.], «отнесенность уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении к компетенции конкретного органа предварительного расследования» [4, с. 115].

Различия в приведенных определениях преимущественно сводятся к тому, что некоторые исследователи полагают, что требования о подследственности распространяются только на уголовные дела, а другие – и на материалы проверки сообщений о преступлениях. Вместе с тем, исходя из буквального толкования ст. 151 УПК РФ о подследственности, ее действие охватывает именно этап предварительного расследования, что достаточно логично ввиду нахождения этой статьи в главе, посвященной общим условиям предварительного расследования. Тем не менее необходимость передачи по подследственности может возникнуть и в ходе проверки сообщения о преступлении, что следует из п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, в соответствии с которым такая передача является одним из трех вариантов решений, принимаемых по результатам рассмотрения поступившего сообщения о преступлении.

Следует заметить, что в упомянутом пункте закона содержится указание на то, что передача по подследственности сообщения о преступлении осуществляется в соответствии со ст. 151 УПК РФ. Однако если проанализировать ст. 151 УК РФ, можно сделать вывод об отсутствии в ней положений, определяющих алгоритм такой передачи, нет прямого указания и на процессуальное оформление этой процедуры.

Отчасти данный вопрос находит отражение в Указании Генпрокуратуры Российской Федерации от 19 декабря 2011 г. № 433/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел» [5]. В частности, в нем содержится требование об обоснованности и мотивированности решения прокурора о передаче сообщения о преступлении по подследственности. В соответствии с п. 1.2 Указания при поступлении к прокурору в установленном порядке материалов проверки зарегистрированного сообщения решение о его передаче должно иметь процессуальную форму постановления. Кроме того, при осуществлении надзорной дея-

тельности за законностью возбуждения уголовного дела п. 1.3 обязывает сотрудников прокуратуры в каждом случае проверять соблюдение положений ст. 151 УПК РФ. Из этих предписаний следует, что позиция прокуратуры по рассматриваемому вопросу сводится к тому, что правила подследственности должны учитываться как при производстве предварительного расследования, так и в ходе проверки сообщения о преступлении.

Об этом свидетельствует и анализ правоприменительной практики, согласно которому субъект проверочной деятельности по поступившему сообщению о преступлении определяется, исходя из предметной подследственности, по составу совершенного преступления. В свою очередь, решение о возбуждении уголовного дела преимущественно принимается тем органом, которому подследственно преступление. Исключение составляют случаи возбуждения дела и производства неотложных следственных действий органом дознания по преступлениям, по которым обязательно производство предварительного следствия (ст. 157 УПК РФ).

Следует согласиться с мнением о том, что такой же подход целесообразен и при принятии иных видов решений по результатам проверки сообщений о преступлении [6, с. 207]. Сложнее обстоит дело с решением об отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку не в каждом случае сразу очевидна статья уголовного закона, в возбуждении уголовного дела по которой отказывается. Нередко это становится известно в ходе или по окончании проверочных действий. В связи с этим в практической деятельности имеют место случаи, когда проверку проводит один субъект, а решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимает другой, который был бы полномочен при наличии повода, оснований принять решение о возбуждении уголовного дела по соответствующей статье. Полагаем, что решение об отказе в возбуждении уголовного дела должно в части определения субъекта приниматься тем, который полномочен выносить решения в соответствии с правилами определения подследственности.

Этот вывод, на наш взгляд, коррелирует с положением вышеупомянутого Указания Генпрокуратуры Российской Федерации о том, что при отмене незаконных постановлений прокурор направляет материалы в тот орган предварительного расследования, который правомочен выносить решение в соответствии со ст.ст. 150, 151 УПК РФ. Кроме того, этим же Указанием прокурорам предписывается в случае очевидности подследственности незамедлительно передавать сообщение для процессуальной проверки в соответствующий орган, должностному лицу, уполномоченному проводить дознание или предварительное следствие на основании ст. 151 УПК РФ.

Во избежание споров, в целях выработки единообразного понимания представляется целесообразным закрепить в ст. 5 УПК РФ определение понятия «подследственность», указав, что им охватывается не только расследование, но и проверка сообщения о преступлении.

Проблемы, связанные с неверным определением подследственности, заключающиеся в том, кем должно осуществляться расследование – следователем либо дознавателем, возникают крайне редко, поскольку подследственность четко определена законодателем, такие проблемы обусловливаются в основном

ошибочным принятием решения о возбуждении уголовного дела не тем органом расследования.

Итак, по сообщению о преступлении любое решение должно приниматься лишь тем органом, которым может быть осуществлено расследование соответствующего преступления. При этом, как уже отмечалось, по поводу принятия решения о возбуждении уголовного дела споров зачастую не возникает. Однако нельзя исключать ситуации, когда в ходе расследования осуществляется переквалификация преступления и, соответственно, возникает вопрос, кем должно осуществляться дальнейшее расследование. Подобные случаи встречаются достаточно часто. Например, в ходе расследования дознавателем умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью по ст. 112 УК РФ в результате оценки заключения судебно-медицинской экспертизы было установлено, что вред относится к категории тяжкого, в действительности имело место преступление, предусмотренное ст. 111 УК РФ, производство по которому осуществляется следователями органов внутренних дел. В данном случае осуществляется передача уголовного дела для производства предварительного следствия в соответствии с правилами о подследственности.

Аналогичным образом в ходе расследования уголовного дела может быть установлено, что преступление совершено специальным субъектом (п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ), в отношении которого уголовное дело должно быть направлено по подследственности в Следственный комитет Российской Федерации.

Однако должным образом не разрешен вопрос о том, как надлежит действовать в том случае, когда изначально было принято решение о возбуждении уголовного дела следователем в соответствии с правилами о подследственности, но в ходе расследования было установлено, что в действительности совершено деяние, подследственное дознавателям. Законом в данном случае не предусмотрено направление уголовного дела в подразделение дознания органов внутренних дел, но не имеется и какого-либо запрета по данному поводу. Анализ правоприменительной практики не позволяет сделать вывод о единообразности в решении такой ситуации: отмечаются случаи как производства дальнейшего расследования следователями в форме предварительного следствия, так и передача по подследственности в подразделение дознания.

Нет единения по этому вопросу и среди ученых. При этом приводятся весомые аргументы в подтверждение каждой из позиций. В частности, признавая оптимальным порядок, при котором уголовное дело не должно передаваться из органа предварительного следствия в орган дознания, В. Ю. Стельмах в качестве аргумента справедливо говорит о сложностях, связанных с соблюдением сроков расследования, отличающихся в зависимости от форм расследования, например, когда уголовное дело будет передано за несколько суток до истечения срока следствия, соответственно срок дознания по этому делу уже будет исчерпан [7, с. 79].

Очевидно, что для устранения разногласий в понимании порядка возможности передачи уголовного дела от следователя дознавателю, выработки единого подхода с точки зрения правоприменительной практики представляется правильным разрешить этот вопрос на законодательном уровне, основываясь, на наш взгляд, на положениях ст. 151 УПК РФ, которой строго определены субъекты расследо-

вания в зависимости от состава преступления. В связи с этим считаем более подходящим закрепить в УПК РФ указание на то, что в данной ситуации уголовное дело должно направляться в подразделение дознания (как надлежащему субъекту расследования), а расследование должно производиться в форме дознания.

Список литературы

1. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс : учебник. М. : Эксмо, 2005.

2. Химичева Г. П., Химичева О. В., Мичурина О. В. Комментарий Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : учебное пособие. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2002.

3. Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : постатейный научно-практический комментарий. М. : Проспект, 2022.

4. Дикарев И. С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 113–125.

5. Указание Генпрокуратуры Российской Федерации от 19 декабря 2011 г. № 433/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126051/.

6. Степанов В. А. Правовое регулирование организации деятельности следственных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации // Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. М. : Академия управления МВД России, 2023. С. 204–210.

7. Стельмах В. Ю. Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности // Российский юридический журнал. 2020. № 3 (132). С. 77–90.

Архипова И. А.[1]*,*
заместитель начальника
кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Правильная организация и производство следственного действия обеспечивает качественный сбор доказательств. Значение криминалистической тактики проявляется в следующем:

1) обеспечение законности при производстве следственного действия;

2) обеспечение правильного поиска, обнаружения и фиксации следов преступления;

3) установление нормального психологического контакта между участниками следственного действия;

4) обеспечение эффективного применения процессуальных приемов.

Одним из наиболее важных следственных действий в процессе расследования корыстно-насильственных преступлений является допрос. Допрос – это следственное действие, которое направлено на фиксацию показаний участника уголовного судопроизводства.

С. В. Швец считает, что спецификой допроса является его индивидуальный характер применительно к каждому отдельно взятому участнику уголовного процесса. Одной из наиболее насущных проблем тактики производства допроса до сих пор остается невербальное общение между участниками следственного действия [1, с. 11–14].

К основным уголовно-процессуальным признакам допроса можно отнести следующее:

1) допрос проводится только после возбуждения уголовного дела;

2) продолжительность допроса ограничена четырьмя часа подряд и восемью часами в сутки для лиц старше 14 лет;

3) во время проведения допроса следователь не может задавать наводящие вопросы;

4) при проведении допроса подозреваемый/обвиняемый, в отличие от иных участников судопроизводства, не предупреждаются об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Ученые-правоведы считают, что проведение любого допроса сопряжено с рядом факторов, усложняющих следственное действие. Одним из них является пребывание допрашиваемого в состоянии стресса, невозможность установить нормальный психологический контакт, преднамеренная ложь допрашиваемого

---

[1] © Архипова И. А., 2025.

и т. д. Во избежание подобных трудностей, криминалистическая наука рассматривает проведение допроса в конфликтной ситуации и в условиях бесконфликтной ситуации.

Бесконфликтная ситуация характерна для допроса свидетелей и потерпевших. Фиксация показаний также носит травмирующий характер, поскольку заставляет лицо описывать механизм и алгоритм совершенного нападения. Однако роль следователя при проведении допроса потерпевшего и свидетеля сводится все же к тому, чтобы помочь пострадавшему от преступления лицу или очевидцу посягательства вспомнить обстоятельства и детали преступления.

Э. Д. Нагучева считает, что допрос лица, совершившего корыстно-насильственное преступление, должен строится через тактические комбинации, а также эмоциональное и логическое давление. Ключевыми тактическими приемами в допросе обвиняемого по грабежу или разбою будут являться побуждение к чистосердечному раскаянию, создание иллюзии собственного неведения об обстоятельствах преступления, убеждение обвиняемого в неправильности занимаемой им позиции и т. д. Одной из главных трудностей в проведении допроса лица, совершившего корыстно-насильственное преступление, является наличие преступного опыта, который позволяет обвиняемому обходить острые углы в описании преступления [2, с. 28–32]. Тактика допроса по корыстно-насильственным преступления включает три основных этапа: подготовительный, рабочий и заключительный. Подготовительная стадия допроса включает в себя такие действия, как определение времени, даты и места допроса, определение субъектного состава (например, в случае допроса задержанного подозреваемого следователь обеспечивает участие защитника), вызов на допрос путем вручения повестки или иным способом, составление круга вопросов, которые необходимо выяснить. Также в подготовительную стадию проведения допроса стоит включать предварительное изучение личности допрашиваемого, т. е. уточнение его характера и менталитета, социального положения, интересов и хобби.

Рабочая стадия допроса состоит из нескольких подэтапов:

1) установление личности допрашиваемого, обеспечение психологического контакта и изучение его настроя на предстоящий допрос;
2) стадия свободного рассказа допрашиваемого;
3) вопросно-ответная стадия.

Одним из наиболее важных действий следователя перед началом допроса является установление психологического контакта с лицом независимо от его процессуального статуса. Если в условиях бесконфликтной ситуации психологический контакт устанавливается быстро, поскольку потерпевший или свидетель настроен сотрудничать со следствием, то проведение допроса подозреваемого, обвиняемого часто может проходить в условиях абсолютного нежелания допрашиваемого сотрудничать со следствием.

Анализируя проведение допроса в условиях конфликтной ситуации, А. В. Сибилькова приходит к выводу, что привычное представление о психологическом воздействии следователя на обвиняемого/подозреваемого не совсем актуально, поскольку довольно часто сам допрашиваемый задает темп и направление следственного действия [3, с. 101–109]. Применительно к ко-

рыстно-насильственным преступлениям это проявляется особенно сильно, поскольку наличие преступного опыта дает возможность обвиняемому быстрее анализировать скрытые логические ловушки в вопросах следователя.

Так, описательно-мотивировочная часть приговора от 13 мая 2020 г. № 1-96/2020, вынесенного Сарапульским городским судом, четко излагает доказательственную базу в части совершения подсудимым открытого хищения чужого имущества с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, т. е. преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. В ходе процессуальных действий было установлено, что подсудимый открыто похитил золотое кольцо из комиссионного магазина, параллельно высказывая в адрес продавца угрозы причинения вреда, которые последний воспринял реально. Одним из доказательств вышеназванный приговор определяет допрос, в ходе которого подсудимый признал свою вину и дал исчерпывающие показания [4]. Таким образом, грамотная работа органа предварительного расследования в выборе тактики допроса обеспечила получение правдивых показаний. Заключительный этап допроса выражается в составлении и оформлении протокола. Протокол следственного действия состоит из трех основных частей:

1) вводной (здесь фиксируется дата и время, разъяснение допрашиваемому его прав, круг участников, перечень специальных средств и т. д.);

2) описательной, которая фиксирует показания данные допрашиваемым;

3) заключительной (с фиксацией замечаний, жалоб и ходатайств, заявленных участниками следственного действия, а также с подтверждением факта ознакомления участников следственного действия с документом).

Еще одним следственным действием в ходе раскрытия корыстно-насильственных преступлений является обыск. По мнению Д. Н. Балашова, Н. М. Балашова и С. В. Маликова, обыск – это следственное действие, содержанием которого является принудительное обследование каких-либо объектов или лиц в целях обнаружения и изъятия орудий преступления, предметов, документов, ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела [5, с. 270]. В процессе расследования таких корыстно-насильственных преступлений, как грабеж, разбой и вымогательство, производство обыска необходимо всегда, поскольку в большинстве случаев у подозреваемого/обвиняемого изымаются орудия преступления, следы подготовки к нападению, а также следы реализации похищенного имущества. Э. Д. Нугаева считает, что тактика обыска – это совокупность законных и наиболее эффективных тактических приемов, направленных на обнаружение, исследование и фиксацию доказательств путем принудительного обследования помещений с учетом следственной ситуации и условий обыска [6, с. 57–66].

К основным уголовно-процессуальным правилам производства обыска можно отнести:

1. Обыск проводится только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

2. Фактическим основанием обыска является постановление следователя.

3. Обыск проходит стадию судебного контроля, если объектом исследования является жилое помещение.

4. Обыск подразумевает обязательное участие минимум двух понятых.

5. При производстве обыска охраняется личная и семейная тайна. Подготовительная стадия обыска включает в себя два подэтапа – до прибытия на место и после прибытия. В. В. Пушкарев считает, что подготовка к обыску включает установление точного адреса места производства следственного действия, подступов к дому, числа этажей, планировку комнат. При планировании времени обыска следователь ограничен уголовно-процессуальным законодательством, поскольку данное следственное действие может быть проведено только в период с 06:00 до 22:00. Также правовед выделяет примерный перечень имущества, которое изымается во время обыска: орудия преступления, похищенные вещи, одежда и обувь, в которой было совершено преступление, средства сокрытия преступления [7, с. 56–61]. Особое внимание на подготовительной стадии обыска стоит уделять изучению личности подозреваемого, в частности, психическим заболеваниям, наличию судимостей, постановке на учет в психоневрологический диспансер и т. д.

По прибытию на место обыска следователю необходимо обеспечить участие понятых. Тактическими приемами обыска являются внезапность, последовательность, использование технико-криминалистических средств. Подготовка технических средств включает транспорт, поисковые средства, средства фиксации.

В подготовительную стадию входит предварительное разъяснение участникам следственного действия целей обыска, порядка производства следственного действия, а также разъяснение прав. Ряд правоведов считает, что подготовительная стадия обыска должна включать составление предварительного плана, в котором следователь описывает роль каждого члена следственно-оперативной группы.

В. А. Жбанков считает, что рабочая стадия обыска начинается с вхождения в помещение и предъявления служебного удостоверения, а также предоставления подозреваемому постановления о производстве обыска. Перед началом обыска подозреваемому предлагается выдать предметы преступления добровольно. Лица, находящиеся в помещении, должны быть собраны в одном месте. В присутствии понятых им разъясняется порядок поведения во время обыска. Им может быть запрещено покидать помещение, передвигаться по нему без разрешения следователя, принимать пищу, передавать друг другу что-либо, разговаривать и пользоваться мобильными телефонами [8, с. 213].

Рабочий этап обыска состоит из обзорного и детального обследования. Обзорная стадия заключается в визуальном обследовании помещения. При этом следователю важно выяснить, какие предметы в помещении используются лично подозреваемым, а какие – членами его семьи. А. С. Яковлева считает, что при осуществлении поисковой стадии обыска стоит обращать пристальное внимание на поведение подозреваемого, поскольку его неумышленные телодвижения в сторону тех мест, где потенциально находятся следы преступления, может как помочь следствию обнаружить и изъять предметы, так и, при недостаточном присмотре, уничтожить важные вещественные доказательства [9, с. 97].

Ю. К. Якимович считает, что при производстве обыска важно использовать широкий перечень технико-криминалистических средств. К таковым правовед относит: средства обнаружения объектов; технико-криминалистические сред-

ства изъятия; технико-криминалистические средства доэкспертного исследования [10, с. 111–117].

В большинстве случаев, при производстве обыска по делам о корыстно-насильственных преступлениях у подозреваемого изымается орудие совершения преступления – травматические оружие, дубинки, ножи или иное холодное оружие.

Криминалистическая тактика рассматривает заключительный этап любого следственного действия как составление протокола, однако, поскольку обыск – это выездное мероприятие, почти всегда следователь составляет протокол по ходу производства и от руки. Особое внимание необходимо концентрировать на описании орудия преступления и его упаковывании. Обнаруженные предметы сначала фотографируются, затем представляются понятым, а после изымаются. Изъятие происходит всегда в перчатках в целях сохранения следов пальцев рук подозреваемого. Огнестрельное оружие закрепляется на дне коробки. Коробка в обязательном порядке опечатывается оттиском печати и сопровождается пояснительной запиской с номером уголовного дела, датой и временем следственного действия, перечнем участников и их подписями.

Список литературы

1. Швец С. В. Понятие и характеристика допроса на предварительном следствии с участием переводчика // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 305–308.

2. Нагучева Э. Д., Влезько Д. А. Тактические особенности производства допроса обвиняемых по делам о грабежах и разбойных нападениях // Нацразвитие: наука и образование. 2021. № 2. С. 28–31.

3. Сибилькова А. В. Психологические аспекты тактики допроса в парадигме развития криминалистики // Труды Академии управления МВД Росси. 2021. № 1 (61). С. 101–109.

4. Приговор № 1-96/2020 от 13 мая 2020 г. по делу № 1-96/2020 // Судебные и нормативные акты. URL: https://sudact.ru/regular/doc/p1R3kbng6FO/.

5. Балашов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В. Криминалистика : учебник. М. : Инфра-М, 2005.

6. Нугаева Э. Д. Обыск: виды и тактика его производства // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 3 (11). С. 57–66.

7. Пушкарев В. В. Порядок и тактика производства обыска // Эпоха науки. 2017. № 11. С. 56–62.

8. Криминалистика : учебник / под общ. ред. В. А. Жбанкова. М. : Российская таможенная академия, 2012.

9. Яковлева С. А. Вопросы тактики проведения обыска и выемки // Вестник магистратуры. 2022. № 3–2 (126). С. 97–98.

10. Якимович Ю. К. К вопросу о технико-криминалистических средствах производства обыска // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 4 (14). С. 111–117.

Айсанов А. С.[1]*,*
старший научный сотрудник
отдела изучения проблем
нормативного правового
и аналитического обеспечения
НЦ БДД МВД России

Фадеев П. В.[2]*,*
профессор кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ О ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАРУШЕНИЯХ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Доказывание на протяжении многих лет является объектом многочисленных научных исследований [1, с. 4; 2, с. 416–468; 3, с. 12–13; 4, с. 88–131; 5, с. 605–634]. Под ним понимается урегулированная законом уголовно-процессуальная деятельность лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, направленная на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, посредством собирания, проверки и оценки доказательств в целях реализации назначения уголовного судопроизводства.

Основываясь на доктринальных учениях, в юридической литературе появились научные работы, в которых рассматриваются теоретические и правовые основы доказывания при расследовании преступлений различных видов [6, с. 11–16; 7, с. 88–91]. Не остались без внимания и вопросы, связанные с доказыванием по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [8, с. 109–111; 9, с. 136–141].

Вместе с тем, как показывает анализ, исследования в сфере дорожного движения и эксплуатации транспортных средств не затрагивали институт доказывания с точки зрения уголовно-процессуальной деятельности уполномоченных субъектов и имели только общий и фрагментарный характер.

Принимая во внимание, что доказывание как вид уголовно-процессуальной деятельности представляет собой собирание, проверку и оценку доказательств уполномоченными лицами в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), представляется целесообразным остановиться на предмете доказывания применительно к теме нашего исследования.

---

[1] © Айсанов А. С., 2025.
[2] © Фадеев П. В., 2025.

Однако, учитывая тот факт, что определение сущности доказывания и его предмета при доказывании по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств является недостаточно исследованным в юридической литературе, вначале остановимся на общей характеристике основных подходов к определению понятия доказывания по уголовным делам и приведем некоторые наиболее распространенные из них.

Во-первых, целесообразно выделить утилитарный (гносеологический) подход. Как показывает анализ, суть данного подхода заключается в том, что доказывание рассматривается как процесс познания истины по уголовному делу, как способ получения достоверных знаний о произошедшем преступлении. При этом акцент делается на отражении объективной реальности в сознании субъектов доказывания [10, с. 94–95; 11, с. 60–61].

По нашему мнению, чрезмерный акцент на объективной истине, которая в уголовном процессе не всегда достижима, а также отсутствие процессуальных правил, в которых осуществляется доказывание, являются некорректными, особенно применительно к современному уголовному судопроизводству России.

Во-вторых, наиболее сбалансированным, на наш взгляд, представляется процессуальный (формально-логический) подход, который позволяет рассмотреть процесс доказывания по уголовным делам как регламентированную законом деятельность уполномоченных субъектов, направленную на установление обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, и осуществляемую в установленной процессуальной форме. Непосредственный акцент делается на соблюдении процессуальных норм и правил, что в целом заслуживает одобрения.

Вместе с тем, несмотря на положительную характеристику данного метода, следует отметить, что его авторам все же свойствен формализм и недооценка познавательного аспекта доказывания.

В-третьих, в данном случае доказывание рассматривается как единство познавательной и процессуальной деятельности, как сложный процесс, включающий в себя познание обстоятельств дела и их процессуальное закрепление в соответствии с законом. По нашему мнению, данный подход позволил сконцентрировать возможности процессуального (формально-логического) подхода, практикуя сочетание гносеологического и процессуального аспектов [12, с. 32–34].

Например, С. А. Шейфер определяет доказывание по уголовным делам как осуществляемую в установленной законом форме познавательную и удостоверительную деятельность органов расследования и суда, направленную на установление обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела [13, с. 81–86].

В-четвертых, следует выделить еще коммуникативный подход, присущий в большей мере англо-саксонской системе права. В соответствии с данным подходом доказывание рассматривается как процесс убеждения суда в обоснованности доводов и доказательств, представленных сторонами. Акцент делается на аргументации, убедительности и риторике [14, с. 87–91].

Таблица 1

Сравнение подходов

Подход	**Суть**	**Акцент**	**Преимущества**	**Недостатки**
Утилитарный	Познание истины	Объективная реальность	Подчеркивает важность установления истины	Игнорирует процессуальные рамки, идеализирует возможность познания
Процессуальный	Регламентированная деятельность	Соблюдение процессуальных норм	Гарантирует соблюдение прав участников процесса	Формализм, недооценка познавательного аспекта
Интегративный	Единство познавательной и процессуальной деятельности	Сочетание гносеологического и процессуального аспектов	Сбалансирован, учитывает оба аспекта	Может быть сложным в применении
Коммуникативный	Процесс убеждения суда	Аргументация, убедительность	Подчеркивает роль убеждения и аргументации	Риск злоупотребления, если не контролируется объективными критериями

Как показывает анализ, представленные подходы при доказывании по уголовным делам характеризуют следующие сущностные признаки:

1) утилитарный подход – познание истины;

2) процессуальный подход – регламентированная нормами уголовно-процессуального закона деятельность;

3) интегративный подход – единство познания и процессуальной формы;

4) коммуникативный подход – убеждение суда.

На наш взгляд, в современной теории уголовного процесса преобладает тенденция к процессуальному подходу, который представляется наиболее полным и всесторонним. В тоже время доказывание по уголовному делу, особенно при расследовании преступлений, предусматривает творческий подход. Согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ, лица, осуществляющие производство по уголовному делу, оценивают доказательства по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Представляется, что именно эти рассмотренные под-

ходы целесообразно использовать для глубокого анализа процесса доказывания по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Продолжая наше исследование, проведем сравнение общих подходов к доказыванию в уголовном процессе с особенностями доказывания по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, чтобы лучше понять специфику последних. Для наглядности покажем эти особенности в табличном варианте.

Таблица 2

Особенности доказывания по уголовным делам о ДТП

Аспект сравнения	**Общие подходы**	**Уголовные дела о ДТП (ст. 264 УК РФ и смежные составы преступлений)**
Предмет доказывания	Общие обстоятельства, подлежащие доказыванию по любому уголовному делу (событие преступления, виновность и т. д.)	Более конкретный предмет доказывания, требующий установления: 1. Факта нарушения конкретных пунктов ПДД. 2. Механизма ДТП (скорость, траектория, положение ТС и объектов). 3. Технической возможности предотвратить ДТП. 4. Причинно-следственной связи между нарушением и наступившими последствиями (причинением вреда здоровью или смертью). 5. Технического состояния транспортного средства (если оно имеет значение)
Утилитарный подход (познание истины)	Стремление к установлению объективной истины по всем обстоятельствам дела	Особая важность установления объективной картины ДТП, требующая тщательного анализа вещественных доказательств и использования специальных знаний. Восстановление последовательности событий, предшествовавших ДТП, часто представляет значительную сложность

Продолжение табл. 2

Особенности доказывания по уголовным делам о ДТП

Аспект сравнения	**Общие подходы**	**Уголовные дела о ДТП (ст. 264 УК РФ и смежные составы преступлений)**
Процессуальный подход (регламентированная деятельность)	Соблюдение общих процессуальных требований при проведении следственных действий и судебном разбирательстве	Помимо общих требований, повышенное внимание к соблюдению процессуальных норм при осмотре места происшествия, назначении и проведении автотехнических и судебно-медицинских экспертиз. Любое нарушение процессуального порядка может привести к признанию доказательств недопустимыми
Интегративный подход (единство познания и формы)	Баланс между установлением истины и соблюдением процессуальных норм	Сочетание тщательного изучения обстоятельств ДТП (познание) с соблюдением процессуального порядка при сборе и фиксации доказательств (форма). Ошибки в технической или юридической оценке обстоятельств ДТП могут привести к неправильной квалификации деяния
Коммуникативный подход (убеждение суда)	Представление сторонами аргументов и доказательств с целью убеждения суда	В делах о ДТП аргументация строится на основе экспертных заключений, показаний свидетелей и участников ДТП, а также на анализе вещественных доказательств. Особое значение имеет убедительность представленной стороной версии событий и ее соответствие материалам дела
Специфика доказательств	Общий перечень доказательств, предусмотренный УПК РФ	Широкое использование специальных доказательств, таких как: 1. Схемы места ДТП. 2. Протоколы осмотра транспортных средств. 3. Заключения автотехнической, судебно-медицинской, трасологической экспертиз 4. Результаты освидетельствования на состояние опьянения. 5. Видеозаписи с видеорегистраторов и камер наблюдения

Окончание табл. 2

Особенности доказывания по уголовным делам о ДТП

Аспект сравнения	**Общие подходы**	**Уголовные дела о ДТП (ст. 264 УК РФ и смежные составы преступлений)**
Специальные познания	Использование специальных познаний может быть необходимо в различных категориях уголовных дел	Необходимость использования специальных познаний в области автотехники, судебной медицины, трасологии является *обязательной* для правильной квалификации деяния и установления всех обстоятельств дела. Автотехническая экспертиза часто является ключевым доказательством

Следует отметить, что применительно к теме нашего исследования важно понимать: доказывание не сводится только к установлению предмета доказывания. Большую роль в этом процессе имеет установление причинно-следственной связи между нарушением и наступившими последствиями, а также к оценке технической возможности избежать дорожно-транспортное преступление.

Успешное расследование и судебное рассмотрение дел о ДТП требует от правоприменителей не только знания уголовно-процессуального законодательства, но и глубокого понимания основ автомобильной техники, судебной медицины и других специальных дисциплин. При этом важно помнить, что соблюдение процессуальных гарантий прав участников процесса и обеспечение состязательности сторон являются непременными условиями для вынесения законного и обоснованного приговора [15, с. 50–52].

Анализ уголовно-процессуальной деятельности при доказывании по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, показывает, во-первых, целесообразность детализации особенностей предмета доказывания. Предмет доказывания в делах о дорожно-транспортных преступлениях значительно более детализирован, чем в обычных уголовных делах. Необходимо установить не только факт нарушения правил дорожного движения, но и множество сопутствующих обстоятельств, влияющих на квалификацию деяния и степень вины.

Во-вторых, не вызывает сомнений усиление роли специальных познаний. В отличие от многих других категорий уголовных дел, при расследовании дорожно-транспортных преступлений специальные познания не просто желательны, а необходимы для установления объективной истины. Без квалифицированного заключения эксперта очень сложно определить механизм дорожно-транспортных преступлений, виновность участников и причинно-следственную связь.

В-третьих, повышенные требования предъявляются к осмотру места происшествия. Качество осмотра места происшествия имеет решающее значение для

успеха всего расследования. Ошибки, допущенные на этом этапе, практически невозможно исправить в дальнейшем.

В-четвертых, ключевая роль вещественных доказательств. В делах о дорожно-транспортных преступлениях вещественные доказательства (поврежденные транспортные средства, обломки, следы торможения) часто являются более важными, чем показания свидетелей и потерпевших, которые могут быть субъективными и противоречивыми.

Таким образом, доказывание по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств подчиняется общим принципам и правилам уголовного процесса, но имеет свою специфику, обусловленную особенностями предмета доказывания, установления объективной картины ДТП и причинно-следственной связи между действиями виновного лица и дорожным происшествием, большого объема проводимых экспертиз и технической насыщенностью данной категории дел.

Список литературы

1. Щерба С. П., Архипова Е. А., Быкова Е. В. Собирание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы : монография. М. : Проспект, 2022.

2. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2016.

3. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2009.

4. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М. : Юристъ, 2006.

5. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М., 1989.

6. Аникевич Д. С. Доказывание по уголовным делам о компьютерных преступлениях // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 2024. С. 11–16.

7. Гриненко А. В. Доказывание негативных обстоятельств по уголовным делам, связанным с безвестным исчезновением лиц // Раскрытие и расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А. М. Багмета. М., 2018. С. 88–91.

8. Веселов А. В. К вопросу об источниках доказательств по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 109–111.

9. Власова С. В. Следственный осмотр как способ собирания доказательств по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспорта // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 136–141.

10. Строгович М. С. На пути доказывания истины. М. : ИГП РАН, 2024.

11. Мельников В. Ю., Джамалова Б. Б., Саидов М. О. Проблемы доказывания по уголовным делам : учебник. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2020.

12. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

13. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2018.

14. Терехин В. В. Допустимость доказательств в свете информационно-когнитивного подхода к доказыванию в уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 87–91.

15. Карагодин В. Н., Шеметов А. К. Современные средства и направления поиска лица, скрывшегося с места дорожно-транспортного происшествия // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 50–52.

Белавин А. В.[1]*,*
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Международный юридический институт,
кандидат юридических наук, доцент

Маслов Н. В.[2]*,*
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКИ ДОПРОСА ЛИЦ С ПСИХОПАТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Объектом любого допроса является четкое и доскональное выяснение всех обстоятельств уголовного дела. Особенное значение имеют аспекты тактики допроса лиц с психопатическими расстройствами. С целью образования полной картины по уголовному делу допрашиваемое лицо необходимо допросить наиболее подробно обо всех деталях, известных этому лицу. Однако важно понимать, что информация, полученная следователем или дознавателем в ходе допроса, далеко не всегда реальна и объективна, по большей части субъективна и способна лишь дополнять обстоятельства уголовного дела [1, с. 25; 2, с. 66]. Отсюда вывод, что абсолютно все показания важны – как фигурантов уголовного дела, так и свидетелей. Однако любые показания подлежат объективной оценке следователем, дознавателем или же судом, поскольку нельзя исключить возможность дачи ложных или неправдивых показаний во время допроса [3, с. 144; 4, с. 212]. После допроса следователю необходимо внимательно прочесть протокол и сопоставить с уже имеющейся информацией по уголовному делу – для выявления или опровержения устранений и сомнений по имеющейся информации. Сверка показаний непосредственно после допроса является далеко не единственным способом проверки истинности данных в ходе расследования по уголовному делу.

Как уже говорилось, у следователя и дознавателя существует целый перечень приемов и способов для устранения неправдивых показаний еще во время допроса или же для проведения иного следственного действия [5, с. 266; 6, с. 218; 7, с. 394]. Несомненно, выбор приема и тактики действий во время допроса зависит от процессуального статуса лица, который участвует в допросе.

На примере разберем ситуацию, когда лицо, участвующее в допросе, дает ложные показания и создает конфликтную ситуацию. Для такого случая характерно два развития событий: при внутреннем противоборстве внутри самой личности и при открытом конфликте между участниками уголовного судопроизводства [8, с. 107; 9, с. 183; 10, с. 213]. Такой конфликт может носить как открытый, так и скрытый характер. При общении с лицом, явно не желающим да-

[1] © Белавин А. В., 2025.
[2] © Маслов Н. В., 2025.

вать правдивые показания, следователю следует избрать особую тактику поведения. Если человек дает ложные показания, следует для начала понять и изучить причину такого поведения. По мнению авторов, таких причин может быть несколько, одной из них является то, что человек, участвующий в допросе, попросту боится фигурантов уголовного дела или же своих соучастников, своего лидера, следовательно, боится расправы над собой за сказанную на допросе правду [11, с. 26; 12, с. 219]. Следует понимать: для того чтобы изучить истинную причину такого поведения, целесообразнее рассматривать допрашиваемого человека, будто бы пережившего три разных отрезка совей жизни: прожившего до совершения преступления, жившего во время его совершения и живущего сейчас, уже после преступления.

Ошибочно представление, что чем важнее участник уголовного судопроизводства, тем тщательней его следует допрашивать. В действительности это не так. На наш взгляд, наиболее подробно, обстоятельно стоит допрашивать всех участников уголовного судопроизводства, всех без исключения. Во время самого допроса следователю не стоит забывать о такой возможности, как дополнительные вопросы, причем задавать их стоит вразнобой, это необходимо для того, чтобы сбить допрашиваемого с толку и не дать времени на сосредоточение и возможную ложь. Является большой ошибкой, когда следователь прибегает, на его взгляд, к единственной (и зачастую неправильной) мере выяснения истины, которая заключаются лишь в том, что допрашиваемому задается формальный вопрос: не состоит ли он в особых личных отношениях с кем-либо из интересующих следствие лиц [13; 14, с. 111]. Проблема как раз в том, что следователь независимо от данного ответа обязан зафиксировать его в протоколе, даже не изучив его истинность. Отсюда и возникают дальнейшие трудности при доказывании, так как указанное лицо при ответе уже было зафиксировано в протоколе и убрать или его оттуда или дополнить данный ответ можно будет лишь повторным допросом, который в дальнейшем не всегда удается провести.

Также при расследовании данной категории преступлений нередка ошибка, когда следователь полагает, что допрос подозреваемых и обвиняемых по тактике не отличается от допроса тех же свидетелей. Суть данной ошибки заключается в том, что свидетели никак не заинтересованы в исходе дела, в отличие от подозреваемых или обвиняемых, следовательно, показания последних должны проверяться с особой тщательностью. Ошибочно также полагать, что вся заинтересованность вышеуказанной группы заключается лишь в том, чтобы избежать уголовной ответственности, поскольку могут иметь место как самооговор, так и оговор товарищем по цеху. Именно поэтому по окончании предварительного следствия следователю необходимо быть уверенным в том, что привлечению в качестве обвиняемого, а в дальнейшем и подсудимого будет подлежать именно человек, виновный в совершении преступления [15, с. 115; 16, с. 187]. Говоря об одновременном допросе, стоит отметить, что данный тактический прием применяется почти всегда, когда имеет место совершение преступления группой лиц или организованной преступной группой по предварительному сговору. Данный тактический прием необходим, поскольку соучастники преступления не слышат и не видят друг друга. У следователя появляется возмож-

ность войти в доверие к данному лицу, выяснить причину дачи неправдивых показаний, объяснить подозреваемому его защищенность и привилегии в случае дачи правдивых показаний. Однако следует понимать, что многие лица, как уже говорилось, имели судимость и, как правило, уговорам и иным тактическим приемам и следственным хитростям поддаются с трудом.

Но вопрос о том, как верно и целесообразно проводить такой вид допроса, требует уже совершенно особого внимания.

Список литературы

1. Маслов Н. В. Особенности тактики допроса при расследовании групповых преступлений // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2024». М., 2024. С. 205–208.

2. Маслов Н. В. К вопросу обеспечения расследования преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт : сборник научных статей преподавателей и адъюнктов кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. М., 2020. С. 65–68.

3. Маслов Н. В. Отдельные вопросы технико-криминалистического обеспечения проведения процессуальных действий с лицами, имеющими психопатологию // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки средств обеспечения безопасности государства. М., 2022. С. 143–145.

4. Маслов Н. В. Криминалистика и судебная экспертиза: современные информационные технологии применения специальных знаний при производстве судебных экспертиз // Сборник научных статей по итогам Недели Российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. М., 2021. С. 212.

5. Маслов Н. В. Современный подход в применении специальных знаний в уголовном процессе при производстве судебных экспертиз // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов IX ежегодной Всероссийской конференции / под ред. О. В. Химичевой. М., 2020. С. 265–267.

6. Маслов Н. В. Основные вопросы производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий с лицами, имеющими психопатологию // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сборник статей по итогам международной научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2019». М., 2020. С. 217–219.

7. Маслов Н. В. Некоторые вопросы использования специальных знаний в практике правоприменения // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А. М. Багмета. М., 2019. С. 393–395.

8. Маслов Н. В. Некоторые вопросы криминалистического обеспечения проведения процессуальных действий с лицами, имеющими психические отклоне-

ния // Криминалистика: прошлое, настоящее, взгляд в будущее : сборник научных трудов межвузовской конференции / под общ. ред. М. И. Пилякина, А. В. Ростовцева. М., 2019. С. 106–108.

9. Маслов Н. В. Особенности криминалистического обеспечения проведения процессуальных действий с лицами, имеющими психические отклонения, не исключающими уголовно-правовой вменяемости // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сборник статей по итогам международной научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2018». М., 2018. С. 182–184.

10. Маслов Н. В. Особенности производства следственных действий и современные возможности использования экспертных исследований при расследовании преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями // Правопорядок в России: проблемы совершенствования : сборник научных статей Всероссийской конференции. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 212–216.

11. Маслов Н. В. Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных лицами, имеющими психические отклонения // Экономика и юриспруденция: теория и практика : сборник публикаций научного журнала «Globus» по материалам XVII международной научно-практической конференции. 2017. С. 24–28.

12. Маслов Н. В. Некоторые вопросы организации раскрытия и расследования преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт : сборник научных статей преподавателей и адъюнктов кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. М. , 2017. С. 218–222.

13. Маслов Н. В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых лицами с психической патологией. Ломоносов-2017 // Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский государственный университет им. М. В.Ломоносова, Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах при Совете при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. 2017.

14. Маслов Н. В. Особенности технико-криминалистического обеспечения проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий с лицами, имеющими психические отклонения // Интерполитех-2017. Сборник материалов выставки средств обеспечения безопасности государства. 2017. С. 111.

15. Маслов Н. В. Некоторые вопросы вменяемости лиц с психическими аномалиями // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт : сборник научных статей. Одобрено и рекомендовано к изданию решением Редакционно-издательским советом Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. М., 2017. С. 114–119.

16. Маслов Н. В. К вопросу обеспечения расследования преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями // Проблемы совершенствования сотрудничества правоохранительных и иных органов государств – участников СНГ в выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных правонарушений : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 186–190.

Блинова Е. В.[1]*,*
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Титовец И. В.[2]*,*
старший преподаватель кафедры
Правовое обеспечение национальной безопасности
Института кибербезопасности
и цифровых технологий РТУ МИРЭА,
адвокат Адвокатской палаты
Московской области

Бельчиков Н. С.[3]*,*
заместитель командира взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОБ ОКОНЧАНИИ ДЕЙСТВИЯ ПОДПИСКИ О НЕРАЗГЛАШЕНИИ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Разглашение сведений, составляющих тайну следствия, может нанести непоправимый ущерб ходу расследования и создать угрозу безопасности участников уголовного судопроизводства. Особую опасность представляет разглашение данных о личности потерпевших и свидетелей, находящихся под защитой государства.

В связи с этим законодательством предусмотрено уголовно-правовое наказание по ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) за разглашение информации, полученной в ходе предварительного расследования [1].

Правоохранительные органы обязаны принимать все необходимые меры для защиты конфиденциальной информации, а лица, имеющие доступ к такой информации, несут персональную ответственность за ее несанкционированное распространение, однако на практике в этом нередко возникают сложности. Неточность законодательных формулировок, отсутствие конкретики порождают различные вопросы. Что именно входит в понятие «данные предварительного расследования»? Когда наступает момент окончания действия подписки о неразглашении таких данных?

---

[1] © Блинова Е. В., 2025.
[2] © Титовец И. В., 2025.
[3] © Бельчиков Н. С., 2025.

В своем исследовании Х. Г. Дациева объясняет сущность тайны следствия следующим образом: «Тайна следствия – это, по сути, всего лишь право следователя сообщать исключительно то, что он считает возможным, и предупреждать участников процесса о недопустимости разглашения этих сведений. Какого-либо перечня таких сведений или дополнительных механизмов их защиты от иных лиц (не участников процесса) закон не содержит» [5, с. 47].

Тайна следствия ограждает процесс от внешнего давления, спекуляций и попыток воспрепятствовать установлению истины. Она позволяет следователю спокойно собирать доказательства, анализировать информацию и строить версии, не опасаясь преждевременного раскрытия деталей дела.

Нарушение тайны следствия может привести к серьезным последствиям: от уничтожения доказательств до давления на свидетелей и уклонения виновных от ответственности. Поэтому, несмотря на отсутствие четкого перечня охраняемых сведений, соблюдение принципа конфиденциальности является ключевым элементом успешного уголовного преследования.

Таким образом, сложившаяся проблема, связанная с непониманием процессуальными лицами момента окончания действия подписки о неразглашении данных предварительного расследования, сильно осложняется и непониманием того, какие именно данные нельзя разглашать.

Из смысла закона и сложившейся практики можно выделить некоторые категории сведений, которые традиционно относятся к тайне предварительного расследования.

К ним, как правило, относятся данные о личности свидетелей и потерпевших, особенно в случаях, когда их безопасность может оказаться под угрозой; сведения о ходе следственных действий, включая тактику и стратегию расследования; информация об уликах и доказательствах, собранных по делу; данные о личности подозреваемых и обвиняемых, за исключением случаев, когда они уже стали общественным достоянием; а также любая другая информация, разглашение которой может помешать установлению истины по делу или создать препятствия для его успешного завершения.

Несмотря на отсутствие формального перечня, правоприменитель должен руководствоваться принципами разумности и целесообразности при определении объема информации, подлежащей охране. Необходимо учитывать, что ограничение доступа к информации является исключением из общего правила гласности и открытости правосудия и должно быть оправдано необходимостью защиты интересов правосудия, прав и законных интересов участников уголовного процесса. В каждом конкретном случае следует взвешивать потенциальный вред от разглашения информации и пользу от ее раскрытия для общества.

В целях обеспечения единообразного применения законодательства и защиты прав граждан представляется целесообразным внесение изменений в уголовно-процессуальный закон, предусматривающих закрепление перечня сведений, составляющих тайну предварительного расследования. Это позволит повысить прозрачность и предсказуемость уголовного процесса, а также избежать произвольного толкования закона. Такой перечень должен быть достаточно широким, чтобы охватывать все случаи, когда разглашение информации может нанести ущерб рас-

следованию, но в то же время достаточно конкретным, чтобы не ограничивать неоправданно свободу слова и право на доступ к информации.

Из анализа ст. 310 УК РФ сделаем вывод, что лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования только в том случае, если оно было предупреждено о недопустимости подобных действий, ему были разъяснены их правовые последствия и об этом отобрана подписка.

По мнению С. Л. Арии, «ответственность по ст. 310 УК РФ должна распространяться и на защитника, участвующего в уголовном деле, при оказании консультационной помощи, независимо от факта дачи подписки о неразглашении» [3, с. 48].

Многие адвокаты отказываются поставить подпись в предоставляемой им следователем подписке. Это происходит по нескольким причинам, часто коренящимся в профессиональной этике и в принципах защиты прав подследственного. Во-первых, адвокат, подписывая подобную подписку, существенно ограничивает свою возможность эффективно выстраивать линию защиты. Ему может потребоваться консультация со специалистами, предоставление информации экспертам для проведения независимой экспертизы или обсуждение стратегии защиты с другими коллегами. Ограничение доступа к материалам дела для этих целей фактически нивелирует роль адвоката как защитника.

Во-вторых, подписка о неразглашении, составленная следователем, зачастую содержит расплывчатые формулировки, не определяющие четко, что именно считается «данными предварительного расследования». Это создает риск привлечения адвоката к ответственности за разглашение информации, которая на самом деле не является секретной или уже стала общедоступной. Адвокат не может рисковать своей репутацией и правом на адвокатскую деятельность из-за неопределенных трактовок.

В-третьих, отказ от подписания подписки о неразглашении является проявлением независимости адвоката от органов предварительного следствия. Адвокат, как независимый участник процесса, должен иметь возможность самостоятельно определять, какую информацию, в каком объеме и кому он может предоставить в рамках защиты своего клиента, руководствуясь при этом требованиями закона и профессиональной этики, а не указаниями следователя.

Зачастую адвокаты просят следователя разъяснить, какие конкретно данные предварительного расследования и кому именно нельзя разглашать. Получив ответ, что любые данные любым лицам, делает отметку в подписке о неразглашении данных предварительного расследования с записью примерно такого содержания: «Дать подписку о неразглашении данных предварительного расследования отказываюсь, считаю действия следователя нарушением моих прав и права моего доверителя на защиту. Следователь, несмотря на мои обращения к нему, не разъясняет мне, какие конкретно данные предварительного расследования, в связи с чем и кому я не могу разглашать. Создается ситуация, попирающая право моего доверителя на защиту, поскольку в случае дачи мной соответствующей подписки я по произвольной воле следователя не могу обсуждать

с доверителем любые обстоятельства, ставшие мне известными в связи с его защитой из материалов уголовного дела».

Ниже данной отметки адвокат ставит свою подпись, а какие-либо разделы в подписке не заполняет и не подписывает. Таким образом, фактически речь идет о модифицированном варианте отказа от дачи подписки, при котором защитник объясняет и письменно фиксирует причины отказа, перекладывая ответственность на следователя.

В следственной практике могут возникнуть и парадоксальные ситуации – например, адвокат заключил соглашение с доверителем в интересах другого лица (родственника), и следователь предупредил его об уголовной ответственности за неразглашение данных. Адвокат несет ответственность и перед доверителем за надлежащее оказание юридической помощи, и вместе с тем лишен возможности обсуждать правовую позицию с доверителем, необходимый объем юридической помощи и другие важные моменты защиты. Такие факты могут служить и основанием подачи жалобы на действия адвоката.

Что касается момента окончания действия подписки о неразглашении данных предварительного расследования, то здесь необходимо отметить следующее.

Мы приходим к выводу, что под сроком неразглашения данных предварительного расследования понимается временной период, в течение которого уполномоченное процессуальное лицо осуществляет в полном объеме все необходимые мероприятия для достижения целей назначения уголовного судопроизводства, а также когда разглашение таких сведений может помешать его осуществлению и негативно повлиять на ход предварительного расследования.

Раскрывая вопрос момента окончания подписки о неразглашении данных предварительного расследования, необходимо отметить, что нам видится целесообразным внести в законодательство конкретное уточнение с условиями об окончании ее действия. Так, исходя из вышеуказанного нами определения, будет логично обозначить следующие условия: недопустимость разглашения данных предварительного расследования до момента вынесения судебного решения о назначении уголовного наказания в отношении обвиняемого при отсутствии соучастников и других подозреваемых лиц в уголовном деле. В случае их наличия принцип недопустимости разглашения данных предварительного расследования действует до момента вынесения судебного решения о назначении уголовного наказания по каждому из соучастников или подозреваемых лиц.

Е. В. Блинова предлагает ч. 3 ст. 161 УПК РФ изложить в следующей редакции: «В случае необходимости предупреждения участников уголовного судопроизводства и иных лиц, участвующих в следственном или ином процессуальном действии, о недопустимости разглашения данных предварительного расследования следователь или дознаватель выносит постановление, в котором должен быть указан объем подлежащих неразглашению данных предварительного расследования, а также срок неразглашения [4, с. 13].

Таким образом, в целях обеспечения законности и эффективности уголовного судопроизводства соблюдение тайны следствия является приоритетной задачей. Недопустимость разглашения информации служит гарантией защиты прав и законных интересов всех участников уголовного процесса, способствует объ-

ективному расследованию и вынесению справедливого решения по делу. Нельзя отрицать тот факт, что обеспечение сохранности тайны следствия является важной гарантией справедливого и эффективного отправления правосудия, способствующей установлению истины по делу и привлечению виновных к ответственности. Такое общее условие, как недопустимость разглашения данных предварительного расследования, являясь существенной гарантией эффективности достижения цели и назначения уголовного наказания, требует дальнейшего реформирования механизма практической реализации.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Российская газета. 2001. № 249.

3. Ария С. Л. Об адвокатской тайне // Российская юстиция. 1997. № 2. С. 35–39.

4. Блинова Е. В. Обеспечение неразглашения данных досудебного производства в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. М., 2020.

5. Дациева Х. Г., Муталибова Э. М. Недопустимость разглашения данных предварительного расследования: проблемы правоприменения // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 183–185.

Барбачакова Ю. Ю.[1],
старший преподаватель
кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современная криминалистика активно использует различные методы сбора, хранения и анализа информации для борьбы с преступностью. Одним из ключевых инструментов в этой области являются криминалистические учеты – системы, позволяющие фиксировать данные о лицах, предметах, следах и событиях, имеющих значение для раскрытия и предотвращения правонарушений. Актуальность данной темы обусловлена постоянным развитием технологий, которые совершенствуют методы сбора и обработки данных, а также возрастающими требованиями к эффективности правоохранительной деятельности. Цель настоящей статьи – проанализировать теоретические основы и практическое применение криминалистических учетов, а также выделить перспективы их развития. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: исследование истории и эволюции криминалистических учетов; классификация видов учетов и их методологических основ; анализ роли криминалистических учетов в современной практике; выявление проблем и возможностей для дальнейшего совершенствования систем учета.

Криминалистический учет представляет собой организованную систему сбора, систематизации, хранения и использования информации о лицах, предметах, следах и событиях, имеющих значение для расследования преступлений и обеспечения безопасности общества [1, с. 88].

Основная цель криминалистического учета заключается в создании информационной базы, которая может быть использована для идентификации личности, установления связей между преступлениями и предотвращения рецидива правонарушений. В 2019 г. в России благодаря дактилоскопической регистрации был задержан серийный убийца. Отпечатки пальцев, обнаруженные на месте преступления, совпали с данными из федеральной базы МВД, что позволило быстро установить личность подозреваемого.

История криминалистических учетов берет свое начало в XIX в., когда были разработаны первые методы регистрации преступников. Ключевым этапом стало внедрение в конце 1800-х гг. дактилоскопии (учет отпечатков пальцев), что позволило повысить точность идентификации личности. В 1892 г. аргентинский полицейский Хуан Вучетич впервые применил дактилоскопию для раскрытия убийства двух детей. Этот случай стал первым официально зарегистрированным использованием дактилоскопии в мире. По-настоящему инновационным стало внедрение повсеместного исследования папиллярных узоров пальцев рук.

[1] © Барбачакова Ю. Ю., 2025.

Именно дактилоскопическая экспертиза являлась и является по настоящее время самой популярной у правоохранителей. Причиной тому стала простота обнаружения и фиксации следов пальцев рук на месте происшествия, их распространенность, а также удобство ведение учетов.

Формирование криминалистических учетов стало новой страницей в общем учении о следах. Классификация следов получила не только теоретическое, но и прикладное значение. Эффективность такого подхода не заставила себя долго ждать, так как многие преступления прошлых лет стали раскрываться именно благодаря ведению криминалистических учетов. В СССР криминалистические учеты получили широкое развитие благодаря созданию централизованных систем регистрации. Современная Россия продолжает развивать эти системы, внедряя автоматизированные базы данных и биометрические технологии.

Экспертно-криминалистический учет – это система хранения и поиска экспертно-криминалистической информации, представляющей собой индивидуальную совокупность криминалистически значимых признаков объектов учета, выявляемых и фиксируемых с использованием специальных знаний, экспертно-криминалистических методов и средств, используемых для решения задач оперативно-разыскной деятельности и расследования уголовных дел.

Использование учета представляет собой комплекс мероприятий по получению результатов сопоставления экспертно-криминалистической информации об объектах учета и объектах проверки, в целях установления лиц, подозреваемых в совершении преступлений, а также иных обстоятельств, имеющих значение для решения задач оперативно-разыскной деятельности и расследования уголовных дел [2, с. 6].

Ведение экспертно-криминалистических учетов осуществляется сотрудниками ЭКП и представляет собой деятельность по систематизации и размещению в информационной системе экспертно-криминалистической информации об объектах учета, позволяющей осуществить ее использование в целях решения задач оперативно-разыскной деятельности и расследования уголовных дел. Основной формой ведения экспертно-криминалистических учетов является картотека, состоящая из информационных карт установленной формы, содержащих закрепленную и систематизированную индивидуальную экспертно-криминалистическую информацию об объектах учета. Автоматизированное ведение картотек экспертно-криминалистических учетов не допускается без обеспечения специальными средствами архивирования, контроля и защиты от несанкционированного доступа к учетным данным.

Криминалистические учеты можно классифицировать по различным критериям:

1) по объектам учета:

– учет лиц: например, дактилоскопические картотеки, генетические базы данных;

– учет предметов: регистрация транспортных средств, оружия, похищенных вещей. Так, например, в 2021 г. в Москве благодаря учету похищенных транспортных средств была раскрыта серия краж велосипедов: владелец одного из велосипедов сообщил о краже, и через несколько дней его транспортное сред-

ство было найдено на пункте приема металлолома благодаря регистрационным данным [3, с. 4];

– учет следов: папиллярные узоры, следы обуви, следы зубов;
– учет событий: преступления, происшествия, аварии;

2) по форме представления данных:

– бумажные учеты: архивы, картотеки;
– электронные учеты: автоматизированные системы;

3) по уровням ведения:

– федеральные учеты: например, Единый банк данных МВД России;
– региональные учеты;
– ведомственные учеты: например, учеты в органах внутренних дел.

Формирование криминалистических учетов должно основываться на следующих принципах:

1) законность: соблюдение норм права при сборе и использовании данных. Например, запрещено включать в базы данных информацию без согласия гражданина, если это не предусмотрено законом;

2) системность: взаимосвязь различных видов учетов для повышения эффективности. Например, данные дактилоскопической регистрации могут дополняться генетическими данными;

3) достоверность и актуальность: обеспечение точности и своевременного обновления информации. В 2020 г. в Санкт-Петербурге была проведена проверка региональной базы данных, в результате которой обнаружены устаревшие записи о лицах, уже освобожденных из мест лишения свободы. После обновления базы количество ошибочных запросов значительно сократилось.

Для создания криминалистических учетов используются различные методы:

1) дактилоскопия: регистрация отпечатков пальцев для идентификации личности;

2) генетическая экспертиза: учет ДНК для установления родства или причастности к преступлению;

3) фотографирование и видеосъемка: фиксация внешнего вида лиц или предметов;

4) автоматизированные системы: использование программного обеспечения для анализа данных (например, АИС «Дактилоскопия»).

Современные технологии значительно расширяют возможности криминалистических учетов. Здесь и базы данных (хранение и обработка больших объемов информации), и биометрические технологии (распознавание лиц, голоса, радужной оболочки глаза), и искусственный интеллект (автоматизация анализа данных и выявление закономерностей). В 2022 г. в Китае была внедрена система распознавания лиц, которая позволила задержать более 2000 преступников за первые полгода работы. Система анализирует видео с камер наблюдения и сравнивает изображения с базой данных МВД России.

Криминалистические учеты играют ключевую роль в раскрытии преступлений, позволяют идентифицировать личность подозреваемого через дактилоско-

пические или генетические данные, устанавливают связи между различными преступлениями (например, серийными убийствами).

Учеты позволяют контролировать лиц, склонных к совершению преступлений, и предотвращать рецидив. В России действует система учета лиц, ранее судимых за особо тяжкие преступления. Это позволяет правоохранительным органам оперативно реагировать на возможные повторные правонарушения. Криминалистические учеты используются для поиска пропавших без вести, идентификации неопознанных тел, выявления лиц, находящихся в розыске.

Одной из главных задач сбора материальных следов преступлений является насыщение экспертно-криминалистических учетов данных следов. Это необходимо для того, чтобы должностное лицо при расследовании или раскрытии неочевидных преступлений, по которым имеется широкая следовая картина, смог установить связи посредством обнаруженных следов с другими преступлениями, тем самым снизив количество предполагаемых версий произошедшего.

Имеются и проблемы криминалистических учетов: до настоящего времени недостаточна автоматизация некоторых учетов, защита персональных данных в соответствии с требованиями законодательства, также недостаточно межведомственное взаимодействие для создания единой базы данных. Перспективным видится внедрение искусственного интеллекта для анализа данных, развитие биометрических технологий (например, распознавание по ДНК или радужной оболочке глаза), создание единой федеральной базы данных для всех правоохранительных органов.

Криминалистические учеты являются важнейшим инструментом в работе правоохранительных органов. Они позволяют эффективно решать задачи по раскрытию преступлений, профилактике правонарушений и обеспечению безопасности общества. Однако для повышения эффективности криминалистических учетов необходимо постоянно совершенствовать технологии, законодательную базу и методы работы правоохранительных органов. Внедрение новых технологий, таких как искусственный интеллект и биометрия, открывает новые горизонты для развития данной области.

Список литературы

1. Мороз А. В. Виды и перспективы развития криминалистических учетов материальных следов преступления // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 1. С. 87.

2. Приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис».

3. Приказ от 10 февраля 2006 г. (в ред. приказов МВД России от 21.05.2008 № 436, от 30.12.2010 № 902, с изм. и доп.) // НПП «Гарант-сервис». URL http://base.garant.ru/72222630/.

4. Решение Кировского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 20 апреля 2022 г. по делу № 2а-1716/2022 // НПП «Гарант-сервис». URL http://arbitr.garant.ru/#/document/329053507.

Боровиков В. Б.[1],
профессор кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Боровикова В. В.[2],
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О СОДЕРЖАНИИ СТ. 104.1 УК РФ

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ) предусматривал в качестве дополнительного вида уголовного наказания конфискацию имущества (ст. 52), которая в Федеральном законе Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ утратила силу.

Это законодательное решение вызвало немало вопросов в юридическом сообществе, поскольку конфискация имущества позволяла наносить серьезный удар по материальным основам существования организованной, профессиональной, коррупционной преступности, восстанавливать нарушенную справедливость, направлять конфискованное имущество на нужды государства и общества. Распространенным было и мнение о том, что конфискация имущества имеет значительные предупредительные свойства. Страх возможной потери находящегося в его собственности имущества для определенной категории лиц, склонных к нарушению уголовного закона, порою является фактором, заставляющим их отказаться от совершения рокового шага. В какой-то мере существование в уголовном законодательстве конфискации имущества как вида уголовного наказания соответствовало представлениям значительной части населения о торжестве справедливости в обществе («Не надо завидовать богатству, поскольку оно может быть получено только за счет преступления. А раз так, всегда рано или поздно наступает расплата, которая часто приобретает ограничения материального характера»).

Серьезных доводов в пользу этого решения приведено не было, если не считать ссылки на то, что конфискация имущества ухудшает материальное положение семьи осужденного, может стать орудием сведения счетов между конкурентами – представителями криминального бизнеса.

Отмена конфискации имущества – это торжество священной частной собственности, средство дополнительной защиты имущества, прав и законных интересов человека и гражданина. Ее отмена – проявление принципа гуманизма в уголовном праве.

---

[1] © Боровиков В. Б., 2025.
[2] © Боровикова В. В., 2025.

Это решение было недостаточно проработанным и фактически привело к тому, что нажитые преступным путем (прежде всего, за счет хищений, бандитизма, коррупционных деяний, вымогательства, рейдерства) крупные состояния (яхты, виллы, предприятия) получили надежную защиту от их изъятия в пользу государства.

Естественно, подобные ситуации стали вызывать серьезную критику со стороны, прежде всего, правоохранительных органов. Тем более что многие бывшие союзные республики, входившие в состав СССР, сохранили конфискацию как вид дополнительного наказания в своем уголовном законодательстве (например, Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Киргизия).

Видимо, интересы противодействия наиболее опасным видам преступной деятельности (прежде всего, организованной, профессиональной, в сфере экономики, обеспечения общественной безопасности), потребности правоприменительной практики заставили российского законодателя частично изменить первоначальное решение, включив в УК РФ специальную гл. 15.1 (Конфискация имущества) (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ), содержащую ст. 104.1, входящую в раздел VI (Иные меры уголовно-правового характера). Отсюда вытекает, что конфискация имущества сейчас не является видом наказания, а признается мерой уголовно-правового характера.

Насколько правильным было это законодательное решение, покажет время. Нормы, содержащиеся в анализируемой статье УК, неоднократно претерпевали изменения. Наша задача – оценить содержащийся в них потенциал, способный сделать их более действенными, и показать пути их совершенствования. Надеемся, что подобное практическое критическое исследование позволит более глубоко показать смысл этих норм.

Итак, согласно ч. 1 рассматриваемой статьи, конфискация имущества – это безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора суда следующего имущества:

1) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 1 указанной статьи;

2) тех же предметов, в которые имущество, полученное в результате совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями, указанными в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы;

3) перечисленных выше предметов, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), а также деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации;

4) орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому;

5) транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ.

Изучение содержания ст. 104.1 УК РФ вызывает ряд вопросов, на которые пока нет ответов ни российского законодателя, ни Пленума Верховного Суда Российской Федерации [2].

Они касаются, прежде всего, содержания п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Так, трудно объяснить, почему перечень статей УК РФ, устанавливающих ответственность за преступления, совершение которых позволяет суду применить конфискацию имущества, не содержит упоминания о ч. 7 ст. 159 УК РФ (мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если оно совершено в особо крупном размере, т. е. при стоимости похищенного имущества, превышающего 18 млн руб.), ч. 2 ст. 1 64 УК РФ (хищении предметов, имеющих особую ценность при отягчающих обстоятельствах).

Но это очевидные ситуации, вызывающие закономерные вопросы. В принципе, на наш взгляд, конфискации имущества должны подлежать деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате хищения (ст.ст. 158–162 УК РФ). Эта идея не находится в противоречии с содержанием п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, так как названные выше преступления являются типичными для тех деяний, которые связаны с незаконным завладением чужим имуществом в виде денег и других ценностей, о которых идет речь в нормах о конфискации.

Закон в вышеназванном перечне называет в качестве предмета конфискации деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате убийства при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Но тогда вполне логично включить в этот список и статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за специальные случаи убийства: ст. 277 (Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), ст. 295 (Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование), ст. 317 (Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа). Полагаем, такое дополнение вполне соответствовало бы принципу справедливости в уголовном праве. Одновременно указанное дополнение способствовало бы в определенной мере повышению уровней правовой защиты жизни категории лиц, стоящих на защите интересов Российской Федерации.

Законодатель в списке статей за совершение преступлений, которые допускают применение конфискации имущества, называет и чч. 2–4 ст. 111 УК РФ. Но есть и другие статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за совершение специальных случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, например, указанные в ч. 4 ст. 296 (Угроза или насильственные действия, в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, совершенные с применением насилия, опасного для жизни и здоровья), ч. 2 ст. 318 УК РФ (Применение насилия, опасного для жизни или здоровья в отношении представителя власти или его близких, в связи с исполнением им своих должностных обязанностей), п. «в» ч. 2 ст. 334 (Насильственные действия в отношении начальника, совершенные с применением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо иных тяжких последствий). Разумеется, названные статьи должны найти свое отражение в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

В рассматриваемом перечне статей (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) содержится указание и на ст. 285 УК РФ, устанавливающую ответственность за злоупотребление должностными полномочиями. Видимо, законодатель учел, что это деяние признается преступлением при наличии корыстной или иной личной заинтересованности.

Однако тогда возникает вопрос, связанный с отсутствием в анализируемом перечне ст. 200.4 УК РФ, устанавливающей ответственность за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государством или муниципальных нужд (деяние признается преступным, если совершено из корыстной заинтересованности и причинило крупный ущерб – ч. 1 ст. 200.4 УК РФ).

Отсутствует в перечне статей, допускающих применение конфискации имущества, и п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ, предусматривающий ответственность за превышение должностных полномочий, совершенного из корыстной или иной личной заинтересованности. Если уж упоминать в этом перечне ст. 285 УК РФ, то почему здесь не может быть назван и пункт указанной нормы ч. 3 ст. 286 УК РФ, устанавливающий ответственность за преступление, относящееся к категории тяжких.

Ранее уже отмечалось, что конфискации подлежат деньги, ценности и иное имущество для финансирования деятельности, направленной против безопасности Российской федерации. Понятие этой деятельности раскрывается в примечании к ст. 104.1 УК РФ. В соответствии с ним к данной деятельности относятся и преступления, предусмотренные ст. 290 (Получение взятки) и ст. 291 (Дача взятки) УК РФ. Традиционно в юридической литературе названные деяния рассматривались как коррупционные, посягающие на нормальную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. Теперь их надо признавать преступлениями против безопасности Российской Федерации (как, например, и государственную измену). Но и это еще не все.

В перечне статей УК РФ, по которым может применяться конфискация имущества, уже названа ст. 290. Получается, что получение взятки признается и должностным преступлением и преступлением, посягающим на деятельность, направленную против безопасности Российской Федерации.

Полагаем, что законодателю необходимо устранить подобное противоречие, которое не способствует определению направлений уголовно-правовой политики.

Тоже самое касается и указания закона (ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) в отношении ст. 322.1 УК РФ, которая одновременно по смыслу закона предусматривает ответственность и за преступление против порядка управления (если совершается из корыстных побуждений – п. «а» ч. 1 ст. 104.1) и за преступление как разновидность деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации (без указания на какие-либо мотивы).

Легко заметить, что эта ситуация создает противоречие для применения ст. 104.1 УК РФ.

Таким образом, перечень преступлений, которые допускают применение конфискации имущества, нуждаются в совершенствовании. Это как минимум будет способствовать единообразию в практике применения конфискации имущества как меры уголовно-правового характера.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 03.08.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства. М. : Проспект, 2023. С. 478–484.

Власов П. Е.[1]*,*
докторант центра
организационного обеспечения
научной деятельности
ФГКУ «ВНИИ МВД России»,
кандидат юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Информационные, телекоммуникационные и другие виды современных технологий и систем стали доступны для широкого круга пользователей, некоторые из них – теперь неотъемлемая часть жизни современного общества. Технологическое развитие оказывает колоссальное воздействие на развитие всех сфер жизни общества и государства, а их применение и использование невозможно вне рамок правового поля, определение глубины и границ которого требует научного осмысления.

Особую актуальность приобретает исследование вопросов применения и использования новых для национального уголовного судопроизводства современных технологий, среди которых – технологии, обеспечивающие электронный документооборот, искусственный интеллект, обработку больших данных и др.

Чтобы определить актуальные направления совершенствования уголовно-процессуальных норм в части законодательной регламентации использования современных технологий, необходимо обладать знаниями о сущности функционирования новых технологических решений или систем. Обратимся к некоторым из них.

В литературе, в том числе не юридического профиля, в последнее время достаточно много публикаций, посвященных искусственному интеллекту (ИИ, ИИ-системы). Авторские точки зрения разнятся. Есть сторонники непременного, уже сегодня (при условии достаточной законодательной регламентации) использования ИИ-систем в уголовном судопроизводстве, есть те, кто считают, что такие системы уже используются. Отдельные исследователи аргументированно отстаивают точку зрения о том, что наделение систем, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма), ни в коем случае нельзя наделять хоть какой бы то ни было правосубъектностью.

Автор данной статьи разделяет последнюю точку зрения, причем в достаточно безальтернативной форме: даже в условиях технического развития ИИ-систем, позволяющих им фактически думать как человек, иметь интеллектуальное превосходство по объему и скорости обрабатываемой информации, – наделять такие системы правосубъектностью, как в правовом значении данного термина, так и в значении «субъект человеческих отношений» нельзя.

---

[1] © Власов П. Е., 2025.

Справедливости ради следует отметить, что на настоящей момент никакого искусственного интеллекта не существует, нет системы, которая бы в полной мере могла имитировать когнитивные функции человека, т. е. самообучаясь, думать и принимать решения без заранее заданного алгоритма. Причем именно алгоритмизация, лежащая в основе функционирования имеющихся прототипов искусственных когнитивных систем, по нашему мнению, не позволяет говорить как о существовании искусственного интеллекта сегодня, так и о наделении его правосубъектностью в принципе.

К алгоритмизации приходят практически все современные исследователи сферы ИИ-систем: любые разговоры об искусственном интеллекте рано или поздно упираются в тест Тьюринга, придуманный им еще в 1950 г., чтобы положить прагматический конец дискуссиям о том, может ли машина быть разумной.

Суть тестирования достаточно понятна и прозрачна, и спустя более 70 лет его повторили, но вот уже не с ELIZA (имевшейся на тот момент системой, запрограммированной на ответы и не имевшей языковой модели LLM и архитектуры нейронной сети), а с программами искусственного и интеллекта GPY-3.5 и GPT-4, на алгоритмах которых работает ChatGPT. Участникам было предложено пообщаться в организованном анонимном чате и определить, кто перед ними: человек или искусственный интеллект. Результаты тестирования 500 человек показали, что 54 % из них оценивали GPT-4 как человека [1].

Однако стоит ли принимать эти данные с позиции того, что ИИ-системы обладают человеческим интеллектом? Полагаем, что нет. И не только потому, что считаем результаты пройденного теста Тьюринга лотереей (практически пятьдесят на пятьдесят), а потому, что данный процент сам по себе ничтожно мал. Полагаем возможным говорить об интеллектуальных способностях искусственных когнитивных систем только в случае, когда показатель Тьюринга в процентном соотношении приблизится к ста [2].

Вместе с тем технологические решения и алгоритмы, используемые в разработке искусственных когнитивных систем, можно, а учитывая необходимость достижения обозначенных целей по технологическому лидерству и цифровой трансформации, и нужно использовать для достижения назначения уголовного судопроизводства. Полагаем возможным уже сейчас использовать данные системы для работы с большими данными (Big Data), при поиске информации, для операций сравнения и выявления индивидуализирующих признаков как объектов, имеющих соответствующее цифровое отражение, так и цифровых следов.

В этом направлении будет интересен следующий проведенный эксперимент [3], который мы перепроверили и получили похожие результаты.

Для того чтобы понять, что могут сказать цифровые следы, оставленные пользователем в интернет-пространстве (при посещении сайтов, маркетплейсов, при отправке электронной почты, при общении в социальных сетях и мессенджерах и пр.) предварительно скачанный из одной социальной сети архив данных пользователя, в котором были твиты, лайки, информация о просмотренных рекламных объявлениях, история поисковых запросов, история посещенных страниц, сайтов и т. п., был загружен в ChatGPT, перед которым был поставлен вопрос: «Кто я?». В полученном ответе (с точностью порядка 85 %)

были определены интересы пользователя, а именно: увлеченность технологиями и искусственным интеллектом, музыкальные предпочтения, любознательность, открытость к чему-то новому. Искусственный интеллект распознал направление возможной занятости (сферы работы) пользователя – создание коммерческих Al-видео и управление данными.

Приведенный пример наглядно демонстрирует поисково-аналитические возможности ИИ-систем. Очевидно, что данные, полученные с их помощью, пока можно использовать в качестве ориентирующей информации: характеризующих личность сведений, потенциального (ориентировочного) направления последующего поиска доказательственной информации и пр. Во всяком случае, такие данные, в соответствии с УПК РФ невозможно использовать в процессуальной деятельности, хотя очевидно, что потребность в этом существует.

Так, правоприменительная практика в направлении использования, например, данных переписки по электронной почте, идет по пути назначения компьютерно-технической экспертизы оргтехники, изъятой в ходе обыска. Связывая имеющиеся недочеты в процессуальной регламентации такого порядка с нарушением «принципа тайны переписки», М. С. Дунаева предлагает дополнить нормы УПК РФ самостоятельным следственным действием, предусматривающим осмотр и выемку данных электронной переписки [4].

По нашему мнению, такую идею можно взять за основу, направив нормотворческие усилия на закрепление в УПК РФ положений, в соответствии с которыми поисково-аналитические данные, полученные с использованием ИИ-систем, по сути представляющие собой цифровые следы, при соблюдении соответствующих процессуальных форм могут быть признаны документами, в том числе исследуемыми в порядке рассмотрения сообщения о преступлении.

Развивая данное направление, можно отметить, что, в целом, пришло время вводить в орбиту процессуального доказывания не только цифровые следы, но и информацию, имеющую цифровую природу. Причем речь идет не о материальных носителях, которые сейчас используется для придания таковой статуса документа, и тем более не об ошибочном смешении понятий электронного и цифрового доказательств [5].

Мы согласны с позицией Н. В. Олиндера, который против использования термина «электронное доказательство», поскольку считает, что «ни информация, ни доказательство не могут быть электронными, так как этим термином пытаются показать форму такой информации, а она является цифровой» [6]. Развивая рассматриваемую позицию, учитывая сущность и природу «электронных» и «цифровых» следов, определяющих их форму, имеющийся уровень научно-технического прогресса[1], полагаем правильным определить форму до-

[1] Здесь мы исключаем такие устаревшие виды цифровых объектов-носителей информации, как перфокарта, представляющая собой небольшой лист плотной бумаги (тонкого картона) с прямоугольными отверстиями, расположенными на поле карты в определенном порядке. Наравне с этим мы не учитываем развивающуюся область квантовых технологий, находящихся в стадии становления, в виду чего не имеющих четких, стандартизированных технических границ.

казательств, следов, документов как цифровую, а способы передачи цифровых форм информации – электронными.

В соответствии с указанными концептуальными положениями предлагаем внести соответствующие изменения в нормы УПК РФ, гармонизирующие правовые конструкции в части использования цифровых следов и цифровых доказательств.

Для этого, например, в ч. 4 ст. 81 УПК РФ, после слов «…, включая электронные…» добавить словосочетание «и цифровые». Подобные изменения следовало бы внести в ч. 4 ст. 81.1, п. 5 ч. 2 ст. 82, ч. 2.1 ст. 82, ч. 4.1 ст. 164, ст. 164.1 и другие статьи УПК РФ.

Исходя из содержания формы «электронных документов», документов, «изготовленных в форме электронного документа», «электронных подписей» документов, полагаем обоснованным внесение отдельных изменений в УПК РФ, предусматривающих с одной стороны замену таких понятий, с другой – их частичную конкретизацию.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [8] используется термин «электронный образ документа», частично, но более точно отражающий правовую природу документа, «изготовленного в форме электронного документа» (например, ч. 3.1. ст. 222 УПК РФ и др.). В основе электронной подписи используется цифровая технология шифрования (цифровая подпись) [7], данная «техническая» тонкость усматривается и из определений «электронной подписи» и ее видов, используемых для удостоверения цифровых форм документов в уголовном судопроизводстве, данных в постановлении Пленума № 57.

Исходя из этого, считаем правильным изменение терминологического аппарата как в конструкциях норм УПК РФ, так и в нормативных правовых актах смежных отраслей права. Термин «цифровые документы» предлагается использовать для обозначения «электронных документов», для документов, «изготовленных в форме электронного документа» – «цифровой образ документа», а «электронную подпись» и ее виды именовать «цифровая подпись».

Изложенные в работе предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровой трансформации и достижения национальных целей развития Российской Федерации, определенных в указе Президента [9], своевременны и направлены на гармонизацию действующего законодательства, технологическое лидерство и цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной среды.

Список литературы

1. Most people couldn't distinguish ChatGPT from a human responder, suggesting the famous Turing test has been passed for the first time. URL: http: livescience.com/technology/artificial-intelligence/gpt-4-has-passed-the-turing-test-researchers-claim/.

2. Электронный ресурс. URL: http: //hightech.fm/2022/10/06/quantum-computers-qubit.

3. Павлов Т. Как искусственный интеллект раскрыл мои тайны: история анализа цифрового следа. URL: http: // vc.ru/life/1749047-kak-iskusstvennyi-intellekt-raskryl-moi-tainy-istoriya-analiza-cifrovogo-sleda?ysclid=m848ycg81116562699/.

4. Дунаева М. С. Данные цифровой переписки как уголовно-процессуальные доказательства: проблемы законодательной регламентации // Адвокатская практика. 2023. № 3. С. 49–53.

5. Полицан Д. А. Цифровое и электронное доказательство – pro et contra: проблемы терминологии // Российский судья. 2022. № 7. С. 38–44.

6. Олиндер Н. В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 3.

7. Электронный ресурс. URL: http: //tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2019/aktualnye_ problemy/5/Miroshnichenko_Kulagin.pdf/.

8. Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 г.» // СПС «КонсультантПлюс».

Глимейда В. В.[1]*,*
преподаватель кафедры уголовного процесса
Кубанский государственный университет,
кандидат юридических наук

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОТОКОЛИРОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ПОМОЩЬЮ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Современная цифровая трансформация затронула все сферы жизнедеятельности общества, в том числе правоотношения, возникающие в сфере уголовного судопроизводства. Возможности, предоставляемые внедряемыми техническими средствами и технологиями, обусловливают перспективу модернизации порядка фиксации следственных действий для повышения эффективности собирания доказательств. Протокол следственного действия является основным носителем информации о ходе и результатах следственного действия, что делает его ключевым процессуальным документом. При этом стремительный рост объема информации и возможностей технических средств ставит насущный вопрос адаптации порядка протоколирования к новым возможностям. Консервативное предписание о полном протоколировании на бумажном носителе создает разрыв между доступностью технологий аудио-, видеозаписи, электронным документооборотом и формальными требованиями закона. В связи с этим актуализируется вопрос об анализе норм, регулирующих протоколирование следственных действий, рассмотрении возможностей использования цифровых технологий и поиске путей совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Сегодня протокол следственного действия представляется одним из самых эффективных средств доказывания в уголовном процессе. Он позволяет привести в надлежащую форму любую получаемую в ходе следственного действия информацию благодаря аналитической работе следователя, позволяющей, по мнению С. Б. Россинского, «потенциальным читателям (суду, прокурору, иным участникам уголовного процесса) впоследствии уяснить (реконструировать) содержание, направленность и динамику проводимых познавательных и организационно-обеспечительных приемов» [1, с. 37].

Это означает, что качество и содержательность составляемого протокола предопределяет его общую доказательственную ценность, вызывающую необходимость в отражении наиболее полной картины производства следственного действия и его результатов.

В то же время традиционные формы протокола не отвечают критерию эффективности фиксации доказательственной информации. Дело в том, что указанная ранее аналитическая работа по восприятию обстоятельств, с учетом последующей деятельности по приданию ей надлежащей формы, требует значительной затраты времени и сил в условиях, когда современная следственная практика активно демонстрирует рост объема составляемых протоколов,

[1] © Глимейда В. В., 2025.

особенно в рамках допросов и других продолжительных следственных действий. В связи с этим справедливо звучит замечание К. И. Сотникова и Г. В. Парамоновой, о том, что составление протокола допроса остается наиболее трудоемким этапом, при котором значительная часть времени уходит не на получение показаний, а на их фиксацию в письменной форме [2, с. 127].

Во многом это обусловлено современным требованием о необходимости составления протокола следователем (дознавателем) непосредственно по окончании следственного действия ручным письмом либо с помощью технических средств. На практике данная норма реализуется в минималистическом ключе – протоколы чаще всего печатаются на компьютере, затем распечатываются и подписываются участниками.

Иными словами, компьютерная техника фактически сводится к роли обыкновенной пишущей машинки: электронный текст лишь распечатывается и подписывается, не меняя качественно сущности традиционного бумажного протокола. С учетом того обстоятельства, что в ряде случаев протокол составляется вручную, представляется необходимым обратить внимание на возможности совершенствования действующего порядка протоколирования с учетом современного уровня развития процессуальной формы применения технологий и технических средств.

Динамика правового регулирования показывает, что значительная часть информации, возникающей в ходе следственных действий, может быть зафиксирована с помощью различных технологий и технических средств.

Так, ст. 189 УПК РФ предусматривает возможность применения фото-, аудио- и видеосъемки при допросе, ст. 190 УПК РФ обязывает указывать в протоколе факты применения таких технологий, а также замечания допрашиваемого относительно записи. В числе законодательных новелл особого внимания заслуживает ст. 164.1 УПК РФ, регламентирующая порядок изъятия электронных носителей информации, где следователь прямо наделен правом самостоятельно снимать копии с цифровых устройств и обязан отражать в протоколе примененные средства и сам процесс копирования. С декабря 2021 г. стала возможна организация отдельных следственных действий в дистанционном формате (ст. 189.1 УПК РФ), требующая обязательного ведения видеозаписи. Наконец, следует упомянуть нормы об электронных документах (ст.ст. 474.1, 474.2 УПК РФ), которые формируют нормативную базу для использования электронных документов наряду с бумажными при условии заверения их усиленной электронной подписью.

Перечисленные положения позволяют получать сведения в цифровой форме, которые отличаются от протокола не меньшей содержательностью, а иногда и большей доказательственной ценностью. При этом современное законодательство сохраняет проблему недооценки самостоятельного значения результатов применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий, на что в юридической литературе обращается справедливое внимание [3, с. 57].

Судебная практика демонстрирует многочисленные примеры, когда видео- и аудиозапись фактически становятся решающим доказательством, но формально в приговорах фигурирует лишь протокол следственного действия [9, 10].

Подобное несоответствие говорит о том, что без надлежащего протокола любые результаты применения технологий не приобретают полноценного процессуального статуса, тогда как информация, фиксируемая с помощью цифровых технологий в ходе следственного действия, находит свое отражение в протоколе следственного действия.

Разрешение указанной проблемы видится в придании приоритета указанным данным как первоисточнику, что возможно посредством установления процессуальной формы протоколирования с помощью достижений науки и техники.

Одна из возможных форм представлена аудиопротоколированием, т. е. фиксацией хода следственного действия посредством аудиозаписи с последующим приложением записи к материалам уголовного дела. Оно позволяет обеспечить более полную и достоверную фиксацию содержания происходящего, включая интонационные и смысловые особенности высказываний участников; исключить искажения, возникающие при ручной или машинописной записи показаний; помогает следователю сосредоточиться непосредственно на коммуникативной стороне взаимодействия с участниками следственного действия, не отвлекаясь на процесс набора текста. При этом внедрение такого порядка протоколирования сталкивается с рядом проблем, в числе которых И. А. Узгорская выделяет: отсутствие специальных систем аудиопротоколирования, технической регламентации практического применения положений о допустимости применения аудиопротокола [4, с. 67–68].

Другим, не менее эффективным средством фиксации сведений о ходе и результатах следственного действия представляется видеопротоколирование. Видеозапись, по мнению сторонников данной идеи, фиксирует не только смысловую, но и визуально-эмоциональную составляющую показаний (мимика, жесты, поведенческие реакции) [5, с. 210], что повышает уровень объективности и доказательной значимости полученной информации.

В правовой доктрине высказываются предложения о возможности полной замены традиционного протокола видеозаписью или создании отдельного видеопротокола, обладающего самостоятельной юридической силой [6, с. 87], что актуально также и для аудиопротокола [4, с. 67].

Следует отметить, что ввиду отсутствия самостоятельного доказательственного значения результатов использования аудио- и видеозаписи, наличия неопределенности в вопросе соблюдения прав участников [7, с. 452], верификации технических средств и порядка хранения цифровых материалов, полная замена письменного протокола аудиозаписью или видеозаписью представляется преждевременной.

Спорным остается вопрос и о внедрении аудио- или видеопротоколов наряду с традиционной письменной формой, что способно привести к необоснованному дублированию в протоколе информации, зафиксированной с помощью технологий, а значит – к усложнению процессуальной работы и дополнительной нагрузке на следователя (или дознавателя). Последний будет вынужден вести одновременно как цифровую, так и текстовую фиксацию, соблюдать требования к обеим формам, контролировать соответствие записей и письменных документов, что нивелирует целесообразность внедрения технологий.

Поэтому наиболее рациональным и сбалансированным решением представляется сокращение содержания письменного протокола в тех случаях, когда при производстве следственного действия применялись аудио- или видеозапись.

Его реализация представляется возможной при применении технических средств или технологий фиксации хода и результатов следственного действия, что снизить трудозатраты на оформление процессуальных документов, а также повысить оперативность фиксации доказательственной информации.

Однако для полноценного внедрения формата сокращенного протокола с опорой на цифровую фиксацию хода и результатов следственного действия требуется совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства. В первую очередь это связано с тем, что нормы УПК РФ (в частности, ст.ст. 166, 170, 190 и др.) предполагают обязательность составления подробного письменного протокола независимо от применения технических средств фиксации, в связи с чем, даже при наличии полной видеофиксации следственного действия, следователь обязан отражать весь его ход в тексте протокола, что сводит потенциал цифровых технологий к процессуальной оптимизации.

Разрешение рассмотренной проблемы видится в закреплении положений о возможности использования сокращенной формы протокола следственного действия [3, с. 60; 8, с. 181–183]. Представляется, что сокращению подлежит основная часть протокола, сведения которой дублированы с результатами применения достижений науки и техники, в связи с чем обязательная часть может содержать лишь вводную и заключительную информацию о дате, времени начале и окончании следственного действия, месте его производства; участниках и разъяснении им прав, обязанностей и ответственности; категории, виде, модели, модификации применяемого технического средства и технологии с указанием на их сертификацию; продолжительность применения технического средства и объем полученной записи (в МБ), ее метаданных; способе ознакомления с записью заинтересованных лиц, заявивших соответствующее ходатайство по окончании следственного действия; а также подписи, заявления, возражения, ходатайства участников следственного действия.

Подводя итог, отметим, что, несмотря на значительный потенциал современных технических средств и цифровых технологий для повышения эффективности фиксации хода и результатов следственных действий, их применение в уголовном судопроизводстве сдерживается нормативной консервативностью, выражающейся в обязательности подробного письменного протокола, независимо от наличия возможности использования технологии аудио- или видеозаписи. Сложившаяся ситуация требует правовой корректировки, предусматривающей возможность использования сокращенной формы протокола в случае цифровой фиксации следственного действия, что позволит устранить дублирование информации, снизить нагрузку на следователя и повысить объективность доказательственного материала за счет учета невербальной информации. Реализация предложенного подхода требует комплексного реформирования процессуальных норм УПК РФ с целью гармонизации традиционных и цифровых форм фиксации доказательств, что отвечает вызовам цифровой трансформации уголовного судопроизводства и принципу процессуальной экономии.

Список литературы

1. Россинский С. Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex Russica. 2017. № 10 (131). С. 36–46.

2. Сотников К. И., Парамонова Г. В. О возможности использования современных технологий конвертации показаний в целях составления протокола допроса в уголовном судопроизводстве // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 4. С. 125–131.

3. Рябчиков С. А. Видеопротоколирование как средство уголовно-процессуального доказывания // Вестник ЮУрГУ. 2024. № 2. С. 56–62.

4. Узгорская И. А. К вопросу о применении аудиозаписи в ходе предварительного расследования // Вестник КРУ МВД России. 2021. № 3 (53). С. 67–70.

5. Сапрыкина В. Е. Допрос с применением видеосъемки и звукозаписи: состояние и перспективы развития // Правовые, социально-экономические, психологические аспекты обеспечения национальной безопасности : материалы V Всероссийской с международным участием студенческой научно-практической конференции, Пермь, 8 октября 2020 г. Ч. 1. Пермь : Прикамский социальный институт, 2021. С. 210–215.

6. Рамалданов Х. Х. Видеопротоколирование как основа цифровизации уголовного судопроизводства // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4 (103). С. 86–92.

7. Боков А. А. Современное состояние и перспективы развития криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Baikal Research Journal. 2024. № 2. С. 447–455.

8. Глимейда В. В. Применение технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, Кубанский государственный университет 2024. 241 с.

9. Приговор Торжокского городского суда Тверской области от 24 декабря 2021 г. по делу № 1-335 // НПП «Гарант-сервис».

10. Приговор Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 4 июня 2020 г. по делу № 1-22 // НПП «Гарант-сервис».

Горач Н. Н.[1]*,*
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДИСТАНЦИОННЫМ ХИЩЕНИЕМ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ПОД ПРЕДЛОГОМ ВЛОЖЕНИЙ В ИНВЕСТИЦИОННЫЕ РЫНКИ

В последние несколько лет в сети Интернет агрессивно рекламируются разнообразные финансовые инструменты, позволяющие осуществлять дистанционный заработок посредством инвестиционной деятельности. В размещенных материалах обещается легкий, быстрый и крупный заработок, не требующий каких-либо специальных знаний и усилий, при минимальных вложениях. Как показывает практика, лица, желающие без каких-либо усилий и при минимальных вложениях быстро обогатиться при помощи непонятных финансовых инструментов в сфере инвестиционной деятельности, не осознавая возможные риски, становятся жертвами преступников и теряют сбережения.

Дистанционные хищения являются самыми распространенными преступлениями, характеризуются разнообразием способов их совершения, совершаются в условиях, при которых исключается личный контакт подозреваемого и жертвы. Обман является наиболее типичным способом завладения чужими денежными средствами при дистанционном хищении.

Анализ статистических данных свидетельствует, что количество зарегистрированных преступлений совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в период с 2012 по 2022 г. возросло в 50 раз (2012 г. – 10,2 тыс.; 2022 г. – 522,1 тыс.) и в настоящее время их количество только увеличивается.

Так, с января по август 2024 г. зарегистрировано 500,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 16,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился за аналогичный период времени с 32,9 % до 39,2 %.

С учетом приведенных цифр становится очевидным, что одной из приоритетных задач, стоящей перед органами предварительного расследования, является необходимость повышения качества расследования указанных преступлений, значительная часть которых подпадает под признаки преступлений, предусмотренных чч. 4–7 ст. 159 УК РФ.

Средства похищаются у граждан, желающих легким способом заработать деньги, под предлогом осуществления инвестиций в различные финансовые

[1] © Горач Н. Н., 2025.

инструменты и проекты. В результате реализации преступного умысла и вследствие психологического воздействия потерпевший переводит денежные средства на указанный преступником счет либо предоставляет конфиденциальные данные, и денежные средства списываются со счета без согласия его владельца. В ходе совершения преступления мошенники активно используют средства связи, сеть Интернет. Данные преступления характеризуются высокой степенью анонимности, скрытности, совершаются с использованием зашифрованных каналов связи, сайтов и серверов, находящихся в недружественных юрисдикциях, Telegram-ботов, чужих персональных данных, банковских карт и криптокошельков, оформленных на подставных лиц.

В связи с этим возникает необходимость более тщательного изучения особенностей дистанционных хищений денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки и прежде всего деятельность следователя в порядке ст.ст. 144 и 145 УПК РФ.

В наиболее распространенной проблемной ситуации следователь сталкивается с тем, что в качестве заявителя выступает физическое лицо, которое, преследуя цель улучшения своего материального состояния, столкнулось с неправомерной деятельностью лиц, совершающих различные способы хищений денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки.

При получении показаний от заявителя необходимо установить содержание его действий, связанных с перечислением личных денежных средств для инвестиционной деятельности, в целях формирования персонального портфеля. Необходимо запросить у заявителя выписку по счету, с которого им осуществлялись перечисления денежных средств; поинтересоваться, в какие финансовые инструменты были привлечены денежные средства заявителя на инвестиционном рынке; на странице какого интернет-сайта, на какой торговой платформе, мессенджере, в какой программе можно было видеть результаты инвестиционной деятельности; какой функционал в связи с этим был доступен заявителю. Выяснить, применялись ли при этом какие-либо меры защиты (идентификаторы, пароли, СМС или push-уведомления, персональные электронные ключи либо иные меры защиты); был ли прикреплен финансовый консультант к заявителю, а если да, то кто именно; на каких условиях, посредством чего, в каком формате и как часто происходило общение (номера телефонов, электронной почты) и другие данные.

Полученные сведения о фактах дистанционного мошенничества, в том числе абонентские устройства, телефонные номера звонивших, банковские карты, IP-адреса, заносятся в интегрированный банк данных федерального уровня «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф». Следователь осуществляет поиск информации об аналогичных преступлениях.

Следователь может столкнуться с ситуацией, когда проверка сообщения о преступлении в порядке ст.ст. 144 и 145 УПК РФ может начаться на основании материалов, поступивших из Центрального банка Российской Федерации и иных участников инвестиционных рынков. В ходе проверки следователь сталкивается с необходимостью осуществления качественного взаимодействия с представителями указанных организаций, так как они являются сведущими специалистами в сфере финансовых рынков и могут осуществлять незамени-

мую вспомогательную роль на всех этапах предварительного расследования в связи с тем, что владеют актуальной информацией о добросовестных и недобросовестных участниках инвестиционного рынка, особенностях организации и построения экономических взаимоотношений и пр. На сайте Банка России размещен список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке.

К числу проблем, с которыми сталкивается следователь в ходе предварительного расследования, следует отнести тот факт, что преступные действия производятся посредством использования дистанционных финансовых инструментов и технологий современных международных инвестиционных рынков, в том числе посредством сети Интернет. Так, мошенниками, к примеру, создается собственный скам-проект (от англ. scam – афера, мошенничество), интернет-сайт либо зеркало (двойник) известного сайта организации, предоставляющей законные услуги в сфере вложений в инвестиционные рынки; временно арендуется собственный офис для оказания лицам, привлекаемым к вложениям в инвестиционные рынки под предлогом заработка, услуг по управлению их счетом (доверительное управление); организуются и оказываются услуги по платному обучению (могут предлагаться услуги по формированию модельных инвестиционных портфелей, так называемые обучающие курсы, даваться торговые сигналы, оказываться иные услуги); представляется информация, в том числе не соответствующая действительности (ложная) относительно состояния инвестиционного рынка; используется специализированное программное обеспечение на базе известных торговых платформ, имитирующих их работу, перечень которых без труда можно найти в сети Интернет; под предлогом более высокоприбыльной торговли иностранными инструментами за границей осуществляется вывод денежных средств инвестора в офшоры либо посредством осуществления их конвертации в криптовалюту через третьих лиц, в том числе через даркнет.

Для успешного преодоления ряда выявленных проблем и в качестве рекомендаций можно рассмотреть возможность разработки и внедрения алгоритмов деятельности следователя в конкретных следственных ситуациях.

К примеру, когда известны сведения о преступнике, следователем производится комплекс следственных действий с лицом, совершившим мошенничество, осуществляется задержание и личный обыск подозреваемого, обыск по месту жительства и в иных адресах противоправной деятельности, осмотр изъятых мобильных устройств, компьютерной техники, флеш-накопителей, осмотр информационно-телекоммуникационной среды, где осуществлялась противоправная деятельность (сайты, социальные сети, мессенджеры), назначение судебных экспертиз, допрос подозреваемого, потерпевших, свидетелей, очные ставки, проверка по подсистеме «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф» с целью установления всех эпизодов противоправной деятельности.

В ситуации, когда преступник неизвестен, основные следственные действия направлены на его установление, в том числе определение никнейма в сети, используемых IP-адресов, приобретенных аккаунтов в социальных сетях, реального местонахождения, определение круга общения в социальных сетях и на сайтах и форумах киберпреступников. В данной ситуации производится допрос

потерпевшего, осмотр мошеннических сайтов, страниц в мессенджерах, почтовых сообщений, направление запросов (в том числе международных) хостинг-провайдерам, предоставляющим серверные мощности, финансово-кредитным организациям по движению денежных средств по счетам, а также торговые платформы по осуществлению деятельности с криптовалютой.

Необходимо подчеркнуть, что инвестиционные рынки в Российской Федерации в настоящий момент еще находятся в стадии формирования, в том числе, нормативного регулирования, а с учетом современной сложившейся внутригосударственной и международной экономической ситуации претерпевают сильнейшие потрясения и изменения как экономического, так и нормативного характера.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/.

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-август 2024 г. URL: https://мвд.рф/reports/item/55225633/.

3. Электронный ресурс. URL: https://www.cbr.ru/inside/warning-list/.

4. Горач Н. Н., Ермаков С. В. О Некоторых вопросах деятельности следователя в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ по преступлениям, связанным с дистанционным хищением денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 40–45.

5. Иванов Д. А., Горач Н. Н., Скачко А. В. Особенности производства осмотра при расследовании дистанционных хищений денежных средств под предлогом привлечения в инвестиционные рынки // Вестник экономической безопасности. 2024. № 3. С. 66–70.

6. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере информационных технологий : учебник / [В. В. Гончар и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023.

Гриненко А. В.[1]*,*
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений
(университет) МИД России,
профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРИЗНАНИЕ В ДАЧЕ И ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В соответствии со ст. 291 УК РФ дача взятки представляет собой передачу денежных средств, иного имущества или прав на него должностному лицу, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации. Взятка является уголовно наказуемой вне зависимости от того, как именно – лично или через посредника – она состоялась.

Значительная общественная опасность дачи и получения взятки обусловлена тем, что с помощью подкупа нарушаются многие государственные и общесоциальные механизмы, у людей воспитывается убеждение в возможности и эффективности решения вопросов и проблем с помощью противоправных действий (бездействия).

Поскольку дача взятки и получение взятки – это взаимообусловленные процессы, соответствующие действия происходят согласованно. Активность, как правило, проявляется взяткодателем, однако взяткополучатель может создавать условия, при которых получение им денежных средств или иного имущества является для взяткодателя наиболее эффективным средством достижения определенной цели (как противоправной, так и соответствующей закону).

Передача взятки (т. е. ее дача одним человеком и получение другим) происходит в режиме конспирации для иных лиц. Поэтому признание в деянии должно носить инициативный характер – с тем чтобы были устранены или по крайней мере минимизированы негативные социально-правовые последствия.

В УК РФ установлен ряд составов преступлений, которые предусматривают возможность лица признать определенные факты, связанные с дачей и получением взятки. Это ст. 291 – дача взятки, ст. 291.1 – посредничество во взяточничестве.

В первом случае примечанием к ст. 291 УК РФ установлено, что взяткодатель освобождается от уголовной ответственности, если он активно способствовал раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имелось вымогательство взятки, либо если после фактического совершения

[1] © Гриненко А. В., 2025.

деяния лицо добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о данном факте.

Для освобождения взяткодателя от уголовной ответственности в соответствии с указанным выше примечанием требуется наличие двух групп обстоятельств: во-первых, чтобы он активно поспособствовал раскрытию, а также расследованию преступления (как альтернатива – имело место вымогательство взятки), во-вторых, чтобы после совершения деяния взяткодатель добровольно сообщил об этом в орган, который обладает полномочиями возбудить уголовное дело.

Для того чтобы установить действительное содержание данных обстоятельств, целесообразно не только дать их толкование, но и подтвердить конкретными примерами из судебной практики.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в приложении сама последовательность указанных обстоятельств установлена некорректно. Так, вначале должна идти речь о том, что лицо добровольно сообщило о совершенном им преступлении, и лишь затем – сведения о последующем поведении заявителя.

Освобождение от уголовной ответственности согласно примечанию к ст. 291 УК РФ – это результат деятельного раскаяния, предусмотренного ст. 75 этого же Кодекса. Из этого должно бы следовать, что добровольное сообщение о преступлении в орган, который обладает полномочиями возбудить уголовное дело, – это та же явка с повинной, предусмотренная ч. 1 ст. 75 УК РФ. Но это, на наш взгляд, не так, точнее, не совсем так.

Явка с повинной представляет собой добровольное сообщение о преступлении, свершенном самим заявителем единолично или заявителем в соучастии с иными лицами (ст. 142 УПК РФ). В уголовно-процессуальном законе явка с повинной упоминается исключительно в контексте поводов к возбуждению уголовного дела (ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

В соответствии с п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 18.12.2018) [1] явка с повинной должна быть сделана строго добровольно.

Однако если сравнить законодательную дефиницию явки с повинной с условиями применения положений ст. 75 УК РФ и примечания к ст. 291 УК РФ, то можно сделать вывод об их частичном несовпадении. В указанном примечании содержится более объемное по своему содержанию условие – «лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки».

Поскольку явка с повинной является поводом для возбуждения уголовного дела, именно она должна фигурировать в соответствующем постановлении следователя [2].

В отличие от явки с повинной, которая фиксируется в качестве повода к возбуждению уголовного дела, добровольное сообщение может иметь место как до, так и после совершения преступления. Самое главное – чтобы это было сделано добровольно, причем именно в тот орган, в полномочия которого входило бы возбуждение уголовного дела по признакам соответствующего преступления.

Так, в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 5 ноября 2024 г. по делу № 22-7752/2024 указано: «Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 (с последующими изменениями) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», для освобождения от уголовной ответственности за дачу взятки (ст.ст. 291, 291.2 УК РФ) требуется установить активное способствование раскрытию и (или) расследованию (пресечению) преступления, а также добровольное сообщение о совершенном преступлении либо вымогательстве взятки.

Сообщение (письменное или устное) о преступлении должно признаваться добровольным независимо от мотивов, которыми руководствовался заявитель. При этом не может признаваться добровольным заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления.

Активное способствование раскрытию и расследованию преступления должно состоять в совершении лицом действий, направленных на изобличение причастных к совершенному преступлению лиц (взяткодателя, взяткополучателя, посредника, лиц, принявших или передавших предмет коммерческого подкупа), обнаружение имущества, переданного в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, и др.» [3].

Перечень действий, подтверждающих активное способствование раскрытию и расследованию преступления, исчерпывающим не является.

Примечательным является следующий случай. По уголовному делу по обвинению группы лиц в даче взятки, получении взятки и посредничестве во взяточничестве (несколько деяний) обвиняемый Н. В. не только осуществил явку с повинной по одному из преступлений, о котором не было известно следствию, но и добровольно выдал денежные средства в сумме 6 300 000 руб., которые предназначались для последующей передачи в качестве взятки. В обвинительном заключении следователь верно указал на это как на «иные действия, направленные на заглаживание вреда, выразившиеся в добровольной выдаче денежных средств, предназначенных в качестве взятки» [4].

При этом, как указано в другом судебном решении, «…добровольность сообщения о преступлении имеет место в случаях, когда правоохранительным органам неизвестно об имевшем место преступлении, либо когда известно о совершенном преступлении, но неизвестно лицо, его совершившее, либо известно и о факте преступления, и о лице, его совершившем, но лицу, совершившему преступление, неизвестно о наличии у органов следствия информации о его причастности к преступлению, и оно об этом ставит в известность правоохранительные органы» [5].

Таким образом, во главу угла должен ставиться не только факт наличия осведомленности об этом у правоохранительного органа, но и отношение самого лица к совершенному им деянию, а также его уверенность в неосведомленности об этом органов, осуществляющих предварительное расследование.

Поскольку решение об освобождении от уголовной ответственности принимает суд, все материалы предварительного расследования подлежат направлению в судебное разбирательство.

Вместе с тем, поскольку все обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, излагаются в обвинительном заключении, целесообразно предусмотреть процедуру, чтобы прокурор, утверждающий обвинительное заключение, одновременно направлял в суд свое заключение о целесообразности вынесения судом решения об освобождении от уголовной ответственности. Это впоследствии устранит возможные противоречия между позициями прокурора, утвердившего обвинительное заключение, и государственного обвинителя.

По ныне действующему порядку освобождение от уголовной ответственности по данному основанию может происходить по ходатайству стороны защиты, с которым соглашается (или не соглашается), а также по ходатайству стороны обвинения. Если суд в результате исследования доказательств согласен с позицией, высказанной одной или обеими сторонами, то он оформляет свое решение постановлением, которым подсудимый освобождается от уголовной ответственности. В резолютивной части данного акта содержится такой вывод: «Прекратить уголовное дело и уголовное преследование в отношении К. на основании ч. 2 ст. 28 УПК РФ, освободив его от уголовной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 75 УК РФ и примечания к ст. 291 УК РФ, в связи с деятельным раскаянием» [6].

Следует при этом иметь в виду, что деятельное раскаяние может влечь освобождение от уголовной ответственности лишь в том случае, когда лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным. Разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности.

В одном из судебных решений, в частности, приведены сведения о том, что «…в процессе всего следствия З. давал подробные признательные показания о содеянном, чем способствовал раскрытию и расследованию данного преступления. З. ранее не судим, по месту работы характеризуется положительно, имеет на иждивении двух малолетних детей, по месту жительства также характеризуется положительно» [7].

Но само по себе признание лицом своей вины без совершения активных действий деятельным раскаянием не является [8].

Подобная процедура в соответствии с примечанием к ст. 291.1 УК РФ может быть применена в отношении лица, выступившего в качестве посредника в передаче или получении взятки.

При этом уголовно наказуемое посредничество происходит как путем непосредственной передачи взятки по поручению любой из сторон, так и иным способствованием взяткодателю и (или) взяткополучателю. Посредник оказывает содействие как одной из сторон (взяткодателю, взяткополучателю), так и обеим сторонам одновременно.

Вместе с тем при использовании примечания в тени остается вопрос о том, что вместо использования примечаний к ст. 291 или ст. 291.1 УК РФ имеются

и иные возможности для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Так, взяткодатель или посредник во взяточничестве вправе совершить иные активные действия, являющиеся проявлением деятельного раскаяния, но недостаточные для того, чтобы заполнить ими все проявления, указанные в примечании. Кроме того, возможно заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, вплоть до выдвижения условия об освобождения лица от уголовной ответственности.

И еще один аспект, качающийся деяния, проявляющегося в даче и получении взятки. Если с применением примечания к ст.ст. 291.1 и 291.1 УК РФ все более или менее ясно, то непонятно, почему законодатель не предусмотрел такой же возможности для взяткополучателя? Представляется, что нет сколько-нибудь объективных причин, препятствующих распространению данного правила, если об этом добровольно заявит лицо, получившее взятку (за исключением, может быть, ситуации, когда будет установлено ее вымогательство).

Таким образом, добровольное признание лицом дачи или получения взятки существенно снижает общественную опасность произведенных действий и обеспечивает эффективное урегулирование соответствующих правоотношений.

Список литературы

1. Российская газета. 2015. 28 декабря.

2. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 22 ноября 2024 г. № 22-8600/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Электронный ресурс. СПС «КонсультантПлюс.

4. Уголовное дело № 42402740002000033.

5. Постановление Нерюнгринского городского суда Республики Саха (Якутия) от 7 октября 2024 г. № 1-246/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Димитровградского городского суда Ульяновской области от 15 октября 2024 г. № 1-264/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Останкинского районного суда города Москвы от 11 октября 2024 г. № 1-853/2024 (УИД 77RS0019-02-2024-014403-14) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Железнодорожного городского суда Московской области от 1 ноября 2024 г. по делу № 1-331/2924 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Приговор Железнодорожного районного суда города Читы от 31 октября 2024 г. № 1-331/2024 (УИД 75RS0003-01-2024-002968-56) // СПС «КонсультантПлюс».

Данилкина В. М.[1]*,*
доцент кафедры криминалистики,
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Ивлев К. А.[2]*,*
слушатель
Института-факультета
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Проблемы, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий, подтверждаются официальными данными, предоставленными ГИАЦ МВД России, а также данными, которые свидетельствуют о значительном увеличении преступлений, совершенных с применением информационно-коммуникационных технологий [1]. В частности, в период с января по август 2024 г. было зарегистрировано 1276,2 тыс. преступлений. Этот показатель на 2,4 % ниже, чем в аналогичный период прошлого года. Из всех зарегистрированных преступлений 92 % обнаруживаются органами внутренних дел. Наибольшую долю составляют хищения чужого имущества, к которым относятся кражи, мошенничества, грабежи и разбои.

Сотрудниками ОВД было предварительно расследовано 488,4 тыс. преступлений, что составляет 78 % от общего количества, а сотрудниками Следственного комитета – 100,3 тыс. преступлений. Несмотря на активную работу сотрудников, остается значительное количество нераскрытых дел – 557,8 тыс., что на 3,7 % больше, чем в аналогичном периоде прошлого года. Среди них множество тяжких и особо тяжких преступлений, таких как убийства и умышленное причинение вреда здоровью.

Особое внимание привлекает рост преступлений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий. За указанный период было зарегистрировано 500,4 тыс. таких преступлений, что на 16,4 % больше, чем годом ранее. Их доля в общем числе зарегистрированных преступлений возросла с 32,9 % до 39,2 %. Большинство из них (98,7 %) раскрываются правоохранительными органами. Значительная часть преступлений совершается в сети Интернет, что соответствует современным социальным реалиям, в которых граждане и организации активно используют онлайн-услуги.

---

[1] © Данилкина В. М., 2025.
[2] © Ивлев К. А., 2025.

Исторический анализ развития ИКТ в процессе расследования преступлений демонстрирует значительный прогресс. Начиная с конца XIX в., когда впервые стали применяться фотографии и дактилоскопия для идентификации преступников, и заканчивая современными системами анализа больших данных и методами цифровой криминалистики, правоохранительные органы прошли длинный путь технологического развития.

В настоящее время понятие информационных технологий в контексте расследования преступлений охватывает широкий спектр методов и инструментов, усиливающих возможности правоохранительных органов. Согласно Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации [2], информационные технологии определяются как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

В настоящее время следователи используют различные виды специализированного программного обеспечения (далее – СПО) для анализа данных при производстве следственных действий. Среди востребованных можно выделить:

1. Программное обеспечение «МСР-ТВ», позволяющее получать и обрабатывать фотографии с места происшествия.

2. Фотокамеры с GPS-модулем для геокодирования результатов съемки.

3. Систему анализа и учета уголовного дела (САУД-М), предназначенную для систематизации и анализа материалов уголовного дела.

4. Специальную информационную систему (SIS) для автоматизации следственных действий и анализа деятельности следователей [7].

Особое внимание следует уделить внедрению логических распознавательных моделей событий (далее – ЛРМС) для расследования конкретных видов преступлений. Эти модели, разработанные в рамках сотрудничества информационного отдела Следственного комитета Российской Федерации и ВНИИ МВД России, позволяют следователям эффективно ориентироваться в особенностях конкретного уголовного дела. ЛРМС представляют собой инновационный подход к расследованию преступлений, разработанный в результате совместных усилий информационного отдела Следственного комитета Российской Федерации и Всероссийского научно-исследовательского института МВД России. Эти модели направлены на повышение показателей эффективности работы следователей при расследовании конкретных видов преступлений.

Основная цель ЛРМС – создать структурированную систему, которая позволяет следователям быстро и точно ориентироваться в особенностях конкретного уголовного дела. Модели основаны на анализе большого количества реальных уголовных дел и обобщении опыта успешных расследований. ЛРМС включают в себя несколько ключевых компонентов [4]:

1. Типовые сценарии преступлений: модели содержат детальные описания наиболее распространенных способов совершения преступлений определенного вида.

2. Алгоритмы расследования: для каждого типа преступления разработаны пошаговые инструкции по проведению следственных действий.

3. Базы данных улик и доказательств: ЛРМС включают перечни типичных следов и вещественных доказательств, характерных для конкретных видов преступлений.

4. Профили преступников: модели содержат обобщенные характеристики лиц, склонных к совершению определенных видов преступлений.

5. Аналитические инструменты: ЛРМС предоставляют средства для анализа имеющейся информации и построения версий.

Особое внимание при внедрении ЛРМС уделяется их адаптации к специфике российской правовой системы и постоянному обновлению на основе новых данных и изменений в законодательстве. Модели регулярно дополняются информацией о новых способах совершения преступлений и методах их раскрытия.

Важно отметить, что ЛРМС не заменяют профессиональное мышление следователя, а служат вспомогательным инструментом, позволяющим систематизировать информацию и выбрать наиболее эффективную стратегию расследования. Использование этих моделей требует от следователей навыков аналитического мышления и умения применять теоретические знания на практике. В целом внедрение ЛРМС представляет собой значительный шаг вперед в области криминалистической науки и способствует повышению эффективности работы следственных органов России.

Следует также обратить внимание на особенности применения ИКТ в работе следователя. Использование ИКТ при осмотре места происшествия значительно расширяет возможности следователей. Применение геоинформационных систем (далее – ГИС) позволяет получить детальную карту территории, включая 3D-моделирование сложных участков местности. Использование дронов для аэрофотосъемки труднодоступных участков также существенно облегчает работу следователей [5].

Особую важность приобретает возможность оперативной передачи фотографий и видеоизображений с места происшествия в режиме реального времени. Это особенно актуально для описания внешности разыскиваемых лиц или фиксирования важных деталей.

При осмотре компьютерных систем и электронных носителей информации следователи должны соблюдать особую осторожность, чтобы не допустить уничтожения или изменения данных. Использование специализированных аппаратно-программных средств и профессиональной криминалистической техники имеет критическое значение.

Следующим направлением является внедрение видео-конференц-связи (далее – ВКС) в следственную практику. Данная технология открывает новые возможности для проведения таких следственных действий, как допрос, очная ставка и предъявление для опознания [6]. Согласно ст. 189.1 УПК РФ [3], введенной Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ, следователь теперь может проводить эти действия с использованием ВКС.

Использование ВКС при предъявлении для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего, обеспечивает дополнительные гарантии безопасности участников процесса. Однако применение этой техноло-

гии требует тщательной подготовки и соблюдения ряда технических и процессуальных требований.

Несмотря на очевидные преимущества, использование ИКТ в следственной деятельности сопряжено с рядом проблем:

1) отсутствие унифицированной системы: множество разнообразных программ и платформ затрудняет интеграцию и совместное использование данных;

2) защита данных: высокий риск утечек информации может угрожать не только расследованию, но и правам граждан;

3) необходимость постоянного обновления навыков сотрудников;

4) законодательные ограничения: недостаточность правовой базы, касающейся новых технологий.

Для решения этих проблем и дальнейшего развития ИКТ в следственной деятельности, необходимо предпринять следующие шаги:

1) разработка единой информационной платформы для объединения существующих программных решений;

2) ужесточение мер безопасности при работе с ИКТ;

3) регулярное проведение обучения и повышения квалификации сотрудников;

4) разработка нормативно-правовых актов, регулирующих применение ИКТ в следственной деятельности;

5) создание специализированных программно-аппаратных комплексов для автоматизации следственных действий.

Применение ИКТ в следственной деятельности представляет собой перспективное направление развития криминалистики и уголовного процесса. ИКТ позволяют значительно повысить эффективность работы следователей, ускорить процесс расследования и улучшить качество собираемых доказательств.

Таким образом, исследование эффективности применения ИКТ в следственной деятельности выявило значительный прогресс в этой области. От простых криминалистических средств и методов, правоохранительные органы перешли к использованию сложных систем анализа больших данных и цифровой криминалистики, что существенно повысило эффективность расследований.

Важно отметить, что внедрение ИКТ требует не только технической подготовки, но и соответствующего правового обеспечения. Введение новых норм в УПК РФ, касающихся использования различных носителей информации, создает правовые рамки для применения современных технологий в работе следователей.

Применение ИКТ в следственной деятельности открывает новые возможности для повышения эффективности работы правоохранительных органов. Использование геоинформационных систем и дронов позволяет получать всестороннюю информацию о местности, что критически важно для анализа механизма совершения преступления. 3D-моделирование и аэрофотосъемка упрощают выявление криминалистически значимых вещественных доказательств и процесс планирования следственных действий.

Внедрение ВКС в процесс предъявления для опознания и допроса обеспечивает безопасность участников и защиту их прав. Возможность проводить следственные действия в условиях, исключающих визуальное наблюдение, создает дополни-

тельные гарантии для участников процесса. Видеозапись следственных действий документирует процесс и помогает избежать оспаривания результатов в суде.

Однако использование ИКТ сопряжено с некоторыми проблемами, такими как технические сбои и необходимость тщательной подготовки. Важно обеспечить четкие регулятивные нормы, усовершенствовать стандарты технического обеспечения, а также провести соответствующее обучение сотрудников следственных органов.

Интеграция ИКТ в следственную деятельность позволяет оптимизировать процессы сбора, обработки и анализа информации, что ведет к сокращению времени расследования и повышению качества принимаемых решений. Создание специализированных информационных систем и автоматизированных рабочих мест следователей способствует улучшению взаимодействия между различными подразделениями правоохранительных органов.

Тем не менее, наличие разрозненных программных решений создает проблемы с интеграцией и обеспечением единой информационной среды. Необходима разработка единой платформы и правовой базы, регулирующей использование новых технологий. Создание концепции «Электронного уголовного дела» рассматривается учеными как важный шаг к унификации работы следственных органов.

Внедрение ИКТ требует не только технического обновления, но и качественной подготовки кадров. Постоянное обучение и повышение квалификации сотрудников являются ключевыми элементами успешной интеграции этих технологий в практическую деятельность. Параллельно необходимо разработать рекомендации по защите данных, включая стандарты шифрования и аутентификации, с целью минимизации рисков утечки конфиденциальной информации.

Список литературы

1. Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/55225633/.

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2024, (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448 (ч. I).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

4. Качур В. С. Информационные технологии в следственной деятельности // Инновационная наука. 2021. № 12-2. С. 68–70.

5. Лиманский Д. Д. Осмотр как следственное действие, направленное на установление обстоятельства «использование информационно-телекоммуникационных сетей» // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 275–277.

6. Мартынов А. Н., Кравец Е. Г., Шувалов Н. В. Методика выработки у обучающегося навыка использования видео-конференц-связи при производстве предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 15–21.

7. Соколов Ю. Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2023.

Евтюхина С. В.[1]*,*
адвокат
Карачаево-Черкесской
Республиканской коллегии адвокатов,
медиатор

ЗНАЧЕНИЕ ЯВЛЕНИЯ «ПОРОК ВОЛИ» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТЕЛЕФОННЫХ МОШЕННИЧЕСТВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ КРЕДИТНОГО ДОГОВОРА ПОТЕРПЕВШИМ

Количество случаев кибермошенничеств и увеличение объемов утечек персональных данных россиян непрерывно увеличивается. По данным Центрального Банка России, число мошеннических операций с использованием платежных карт в 2024 г. достигло 821 870 случаев, при этом злоумышленники активно убеждают жертвы передавать им денежные средства [3].

На примере конкретных кейсов адвоката рассмотрим понятие значения «порок воли» при расследовании телефонных мошенничеств и последствия данного значения для признания заключенных договоров недействительными в гражданском судопроизводстве.

Так, неустановленные лица, представившись сотрудниками оператора связи ПАО «Вымпелком», портала «Госуслуги», сотрудником ЦБ РФ и Следственного комитета Российской Федерации, под предлогом блокировки незаконно оформленных потребительских кредитов путем их обезличивания и переноса (зачисления) на резервный счет, убедили гражданку П. оформить потребительские кредиты на ее имя в размере 1 500 000 руб. в ПАО «ВТБ», в размере 1 000 000 руб. в ПАО «Промсвязьбанк», в размере 496 000 рублей в ПАО «Русский Стандарт», 1 288 027,78 руб. в АО «Россельхозбанк», в размере 2 100 000 руб. под залог единственного жилья – квартиры в КПК «Кредит Финанс», в том числе в размере 908 500 руб. в АО «Альфа-Банк», после чего обналичить данные кредиты, затем с помощью терминала самообслуживания ПАО «Сбербанк» и системы Mir Pay осуществить перевод данных наличных средств на указанные неустановленными лицами банковские карты. Похищенными при указанных обстоятельствах денежными средствами неустановленные лица распорядились по своему усмотрению [4].

В ходе расследования уголовного дела гражданку П. признали потерпевшей. На основании постановления следователя, в связи с сомнением в психической полноценности потерпевшей П., последней была назначена и проведена амбулаторная комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, проведение которой поручено экспертам АСПЭ ГБУЗ МО «ПБ №…».

Из заключения указанной экспертизы следует, что П. в настоящее время не обнаруживает клинических признаков хронического психического расстройства и слабоумия, наркомании и алкоголизма, а обнаруживает клинические признаки ситуационно обусловленной острой реакции на стресс в виде нарушений эмоций и поведения (шифр по МКБ-10 – F43.25 (смешанное расстрой-

[1] © Евтюхина С. В., 2025.

ство эмоций и поведения, обусловленное расстройством адаптации). В период совершения в отношении П. противоправных действий она находилась в указанном психическом состоянии. Степень его выраженности была такова, что она могла в указанный период понимать внешнюю сторону совершаемых в отношении нее действий без достаточного критического их осмысления и прогнозирования результатов ее собственных действий.

С учетом выявленных индивидуально-психологических особенностей она может правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания по существу совершения в отношении нее преступления. Но в момент совершения в отношении нее преступления она могла находиться под влиянием психологического давления со стороны мошенников и не могла в полной мере понимать характер и значение совершаемых в отношении нее действий и оказывать сопротивление. Ее эмоциональное состояние могло оказать существенное влияние на смысловое восприятие и оценку существа сделки и привести к формированию у нее заблуждения относительно существа или природы сделки.

В ходе расследования также установлено, что гражданка П. находилась в состоянии ситуационно обусловленной острой реакции на стресс в виде нарушений эмоций и поведения. Шифр по МКБ-10 – F43.25 (смешанное расстройство эмоций и поведения, обусловленное расстройством адаптации). Степень выраженности такого психического состояния была такова, что П. могла в указанный период понимать внешнюю сторону совершаемых в отношении нее действий без достаточного критического их осмысления и прогнозирования результатов ее собственных действий [4].

Противоправные действия неустановленных лиц осуществлялись в отношении П. в период с 27 ноября 2023 г. по 19 декабря 2023 г.. На протяжении этого времени П. находилась под контролем со стороны лиц, называвших себя сотрудниками Следственного Комитета Российской Федерации и Центрального Банка России. Гражданка П. под их влиянием оформила потребительские кредиты на общую сумму более 7 млн. руб. в пяти банках и кредитном потребительском кооперативе, а также в кредитном потребительском кооперативе заложила квартиру – свое единственное жилье. Все денежные средства были обналичены и переведены с использованием системы Mir Pay через банкомат ПАО «Сбербанк» на банковские карты дроперов.

С исками о взыскании задолженности по кредиту и процентов к П. обратились два банка ПАО «Промсвязьбанк» [5] и АО «Россельхозбанк» [6], а также КПК «Плюс» с обращением взыскания на квартиру [7]. Два банка – АО «Альфа банк» и АО «Банк Русский Стандарт» – воспользовались условием в кредитных договорах о взыскании долга по исполнительной надписи нотариуса.

В связи с отсутствием оплаты по кредитным договорам кредитными финансовыми организациями была инициирована процедура взыскания, в том числе обращение взыскания на квартиру.

В последующем гражданка П. обратилась в суд с исковыми требованиями к банкам о признании кредитных договоров недействительными. В настоящее время формируется судебная практика по рассмотрению в гражданском судопроизводстве споров о признании кредитного договора незаключенным или не-

действительным, когда иск мотивирован тем, что гражданин был обманут мошенниками, вынудившими его взять кредит.

Таким образом, имеет место такое явление, как порок воли. Порок воли (или «такое формирование воли стороны сделки, которое происходит под влиянием обстоятельств, порождающих несоответствие истинной воли такой стороны ее волеизъявлению») является основанием недействительности сделки, предусмотренное нормой п. 1 ст. 177 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В соответствии с п. 1 ст. 177 Гражданского кодекса сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения.

Следовательно, основание недействительности сделки, предусмотренное в указанной норме, связано с пороком воли, вследствие чего сделка, совершенная гражданином, находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, не может рассматриваться в качестве сделки, совершенной по его воле.

При этом не имеет правового значения дееспособность лица, поскольку тот факт, что лицо обладает полной дееспособностью, не исключает наличия порока его воли при совершении сделки. Таким образом, юридически значимым обстоятельством является установление психического состояния лица в момент заключения сделки.

В рамках рассмотрения гражданского спора заключение психолого-психиатрической экспертизы, проведенной в рамках уголовного дела, является важнейшим доказательством, поскольку подтверждает факт нестабильного эмоционального состояния на юридически значимый период.

Наличие психолого-психиатрической экспертизы, подтверждающей порок воли у лица, оформившего кредит, под влиянием мошенников, является основополагающим в выводах о том, что финансовая организация, предоставившая такой кредит, должна требовать деньги непосредственно с мошенников. Человек, которого преступники использовали, финансовой организации ничего не должен.

Иное влечет за собой двойное наказание для лица, используемого мошенниками в цепочке действий по завладению деньгами финансовой организации.

На практике зачастую такая экспертиза проводится в отношении одного и того же лица дважды – в рамках расследования уголовного дела и при рассмотрении спора о признании кредитного договора недействительным в рамках гражданского судопроизводства. Причина этого в следующем.

С появлением новой формы преступления, такой как телефонное мошенничество, у правоприменителя возникла необходимость в юридической квалификации действий и психического состояния лица, пострадавшего от мошенников (потерпевший, истец), который под влиянием злоумышленников, снял со счетов большие суммы денег, а затем перевел их на «безопасные» счета, либо оформил под влиянием мошенников кредит, либо продал собственную квартиру, возможно, единственное жилье, совершил другие виктимные действия.

В заключении судебной психолого-психиатрической экспертизы обычно указывается, что жертва обмана находилась в «состоянии заблуждения», в основе которого лежит ошибочное смысловое восприятие и оценка ситуации под влиянием психологического воздействия со стороны мошенников.

Как уже было указано, жертвы мошенничества могут выступать и в качестве потерпевших – лиц, которым причиняется имущественный ущерб, и в качестве истцов, оспаривающих действительность сделки.

Гражданка П. обращалась с исковыми заявлениями к АО «Альфа банк» (Мещанский районный суд г. Москвы, дело № 02-14553/2024), АО «Банк Русский Стандарт» (Измайловский районный суд г. Москвы, дело № 02-7438/2024) о признании кредитных договоров недействительными. В настоящее время гражданские дела, рассматривавшиеся в разных районных судах г. Москвы по месту нахождения кредитных организаций, объединены в одно производство в Дмитровском городском суде Московской области (дело № 02-5614/2024). В этот же суд подан иск о признании недействительным кредитного договора, заключенного гражданкой П. с ПАО «ВТБ», заявлены встречные требования к банкам и кредитному потребительскому кооперативу о признании сделок – кредитных договоров, договора залога квартиры – недействительными. В настоящее время разрешается вопрос о проведении судебной психолого-психиатрической экспертизы в рамках гражданского судопроизводства.

Тем не менее, в основе доказательств по гражданскому делу лежит заключение психолого-психиатрической экспертизы, проведенной в ходе расследования уголовного дела № 12301460004001867, которое в настоящее время приостановлено на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Именно ее материалы затребовал суд для проведения экспертизы по гражданскому делу.

Кроме того, благодаря такой экспертизе, потерпевшими по уголовному делу признаны финансовые организации. Важно, что по результатам указанного исследования, констатировано наличие порока воли потерпевшей П. при совершении юридически значимых действий, т. е. заключении вышеуказанных сделок – договоров займа с кредитными организациями.

Гражданка П. при совершении данных сделок искренне полагала, что сохраняет свои денежные средства и, не понимая особенностей банковских операций, оформила денежные займы (кредиты), фактически не нуждаясь в данных денежных средствах.

Неустановленные следствием лица использовали П. вслепую, с целью завладеть денежными средствами кредитных организаций, которые фактически и являются потерпевшей стороной. Умысел злоумышленников направлен на хищение денежных средств кредитной организации, а не физического лица.

При всей типичности психологического состояния жертв мошенников в зависимости от того, в какой процессуальной роли они выступают в судебном процессе – потерпевшего или истца, – юридическое значение судебно-психологической оценки такого состояния будет различным.

Несмотря на то, что гражданское законодательство не содержит такого определения как «порок воли», не отсылает к критериям определения дееспособности, следует отметить важность таких юридических критериев, как интел-

лектуального и волевого, из которых для признания сделки недействительной достаточно хотя бы одного, что следует из конструкции нормы ст. 177 ГК РФ. Именно для выявления этих критериев значимы выводы предоставленной экспертизы с учетом всей совокупности доказательств по делу.

Особо следует выделять время проведения такой экспертизы. В ходе предварительного следствия по уголовному делу экспертиза назначается на первоначальном этапе расследования, тогда как в рамках рассмотрения гражданского спора на момент проведения экспертизы может пройти более полугода, года с момента совершения мошенничества. В отсутствие первоначального экспертного исследования могут создаваться определенные трудности. На практике есть случаи, когда суд общей юрисдикции при рассмотрении иска прокурора, действующего в интересах жертвы мошенничества, о признании сделки – кредитного договора выносил решение на основе заключения судебной психолого-психиатрической экспертизы, проведенной в ходе расследования уголовного дела.

Такой успешный пример осуществили в прокуратурах г. Санкт-Петербурга [8], Республики Саха (Якутия) [9] и др.

Таким образом, можно сделать вывод. В рамках гражданского судопроизводства по оспариванию сделок, совершенных под влиянием мошенников, преюдициальное значение будут иметь заключения психолого-психиатрических экспертиз, произведенных по уголовным делам, подтверждающих порок воли у потерпевших в момент заключения оспариваемых сделок.

А для успешной реализации комплексных механизмов защиты граждан Российской Федерации от кибермошенничества, надеемся, в полную силу заработает принятый Государственной Думой Российской Федерации в 2025 г. закон, допускающий так называемое охлаждение сделок при заключении кредитных договоров [10].

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Российская газета. 2001. № 249.

3. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций. Подготовлен банком России. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/.

4. Уголовное дело № 12301460004001867, возбужденное 22.12.2023 СУ УМВД по Дмитровскому г. о. // Архив Дмитровского городского суда Московской области.

5. Гражданское дело № 02-11509/2024 // Архив Лефортовского районного суда г. Москвы.

6. Гражданское дело № 02-5614/2024 // Архив Дмитровского городского суда Московской области.

7. Гражданское дело № 02-10301/2024) // Архив Симоновского районного суда г. Москвы.

8. Новости Прокуратуры г. Санкт-Петербурга. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/mass-media/news?item=96543482.

9. По иску прокурора кредитный договор признан недействительным // URL: https://admhmansy.ru/rule/the-federal-bodies-of-vlast/detail.php?IBLOCK_ID=578&ID=195212/.

10. По иску прокурора Ленского района признан недействительным кредитный договор, заключенный в результате мошеннических действий. URL: https://lenskrayon.ru/index.php/prokuratura-informiruet/6105-po-isku-prokurora-lenskogo-rajona-priznan-nedejstvitelnym-kreditnyj-dogovor-zaklyuchennyj-v-rezultate-moshennicheskikh-dejstvij/.

11. Федеральный закон от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2025. № 34. 17 февраля.

Ендольцева А. В.[1]*,*
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ ДОМАШНИЙ АРЕСТ КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ МОЖЕТ ДОСТИГНУТЬ СВОИХ ЦЕЛЕЙ

Любая государственная деятельность обеспечивается принуждением. Особенно это характерно для исполнения полномочий органами, осуществляющими производство по уголовному делу. Следователь и дознаватель обязаны создавать условия для того, чтобы процессуальная деятельность осуществлялась в сроки и порядке, установленными уголовно-процессуальным законом, принимая меры к тому, чтобы подозреваемый в совершении преступления или обвиняемый не препятствовал незаконными способами предварительному расследованию.

В этих целях в уголовном судопроизводстве применяются меры пресечения такого поведения обвиняемого и подозреваемого, чтобы исключить, во-первых, его сокрытие от следствия и суда, во-вторых, продолжение его преступной деятельности, а также исключить препятствия расследованию в виде его угроз в адрес потерпевшего и свидетелей, фальсификации им доказательств или подобных его действий.

Обозначенное можно считать целями избрания и применения к подозреваемому, обвиняемому мер пресечения, поскольку они позволяют обеспечить нормальное функционирование уголовного процесса. Как говорят авторы, «меры пресечения имеют своей целью обеспечить успешное производство предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовным делам» [1, с. 199].

При этом нужно сказать, что такие цели, будучи названными в ст. 97 УПК РФ, становятся одновременно основаниями избрания любой меры пресечения. Причем, когда возникает вопрос о применении принуждения, такое поведение обвиняемого или подозреваемого или его возможность должны быть доказаны, т. е. подтверждены материалами уголовного дела, без этого трудно констатировать законность применения меры пресечения, которая, так или иначе, ограничивает права личности, в том числе и прежде всего гарантированные Конституцией Российской Федерации.

Домашний арест представляет собой одну из наиболее строгих принудительных мер в рамках системы мер пресечения. Решение о применении данной меры находится в исключительной компетенции судебных органов, которые осуществляют проверку законности и обоснованности ходатайства, представленного следователем или дознавателем, относительно выбора домашнего ареста в качестве меры пресечения. Оно рассматривается в судебном заседании в условиях состязательности, где каждая сторона (обвинения или защиты) мо-

[1] © Ендольцева А. В., 2025.

жет довести до суда свою позицию по данному вопросу. При этом следователь заинтересован в обеспечении успешного производства по уголовному делу без создания помех со стороны обвиняемого или подозреваемого, а суд и прокурор, являющийся обязательным участником судебного заседания, заинтересованы прежде всего в обеспечении законности принимаемого судебного решения. Однако общей их задачей при этом является защита как прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, так и прав обвиняемого и подозреваемого от необоснованного их ограничения.

Вопросам законности и обоснованности принятого процессуального решения посвящено немало научных работ, в том числе касательно избрания мер пресечения, но хотелось бы поговорить и о том, при каких условиях мера уголовно-процессуального принуждения в виде домашнего ареста может достигнуть своих целей. Применение этой меры пресечения либо не эффективно в связи с этим, либо, чтобы оно стало таковым, следователю и дознавателю изначально следует уделить ряду вопросов, о которых мы скажем ниже, самое пристальное внимание. Почему мы это заявляем? Потому что домашний арест не так уж часто применяется на практике. Исследователи отмечают: «достигнув максимальных значений в 2020–2023 гг., удельный вес домашних арестов среди мер пресечения, избираемых судом в период досудебного производства, так и не преодолел порог в 13,2–14,4 % и не стал реальной альтернативой заключению под стражу» [2, с. 4]; «домашний арест был введен в уголовное судопроизводство как альтернатива мере пресечения в виде заключения под стражу, однако за девять лет действия закона опыт применения этой меры пресечения настолько минимален, что теоретические исследования, следственная и судебная практика показали низкую практическую значимость домашнего ареста в системе мер пресечения» [3, с. 43].

«Лаконичность первоначальной редакции ст. 107 УПК РФ вызвала к жизни предложения ученых о необходимости разработки специального закона, регламентирующего порядок применения домашнего ареста» [4, с. 147]. Законодатель такого шага не сделал, но в последующем эта статья несколько раз (в 2011 г. (Федеральный закон № 420-ФЗ), 2013 г. (ФЗ № 7-ФЗ), 2016 г. (ФЗ № 325-ФЗ), в 2018 г. (ФЗ № 72-ФЗ) подверглась существенным дополнениям, в том числе и в связи с высказанной в своих решениях позицией Конституционного Суда Российской Федерации [12].

В настоящий период редакцию ст. 107 УПК РФ вряд ли можно назвать лаконичной. Вместе с тем в практике избрания и применения домашнего ареста все же возникают вопросы.

Прежде всего, предметом внимания является такой признак домашнего ареста как изоляция подозреваемого, обвиняемого от общества. В научных работах авторы высказывают разное мнение по данному аспекту. Некоторые считают, что формами домашнего ареста являются как полная, так и частичная изоляция от общества [2; 5; 6; 7; 8]. Другие считают, что только полная изоляция от общества присуща домашнему аресту, именно это соответствует замыслу законодателя [9; 10].

Судебная и следственная практика в данном вопросе тоже противоречива. Приведем выдержки из некоторых процессуальных актов вышестоящих инстанций, вынесенных в противовес позиции судей, принявших решения об избрании домашнего ареста в условиях частичной изоляции.

«…Судом не было принято во внимание то, что согласно положений ст. 107 УПК РФ домашний арест в качестве меры пресечения заключается в нахождении подсудимого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, т. е. в полной изоляции… Разрешение прогулок лицу, находящемуся под домашним арестом, ст. 107 УПК РФ не предусмотрено» [13]; «доводы защиты о необходимости предоставления обвиняемому возможности выхода из жилого помещения не соответствуют самому определению изоляции от общества и режиму домашнего ареста, предусмотренным ст. 107 УПК РФ, в силу чего не подлежат удовлетворению» [14].

Домашний арест в иерархии системы мер пресечения поставлен законодателем на второе место по строгости после заключения под стражу неслучайно. Именно полная изоляция от общества с круглосуточным контролем нахождения подозреваемого, обвиняемого по месту проживания, определенного как место домашнего ареста, способна в большей степени добиться того, чтобы тот не мог скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, не мог продолжать заниматься преступной деятельностью, не мог каким-либо образом препятствовать предварительному расследованию преступления. Достижению этих целей способствует и установление на основании ч. 7 ст. 107 УПК РФ запретов, обозначенных в пп. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ (общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и сеть Интернет).

Контроль над соблюдением подозреваемым, обвиняемым режима домашнего ареста осуществляется уполномоченными на то сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний, которые используют для этого специальные аудиовизуальные, электронные и иные технические средства в порядке, установленном в соответствующем Постановлении Правительства Российской Федерации [15]. В соответствии с предписаниями этого нормативного акта в месте исполнения меры пресечения устанавливаются устройства аудиовизуального контроля. Причем их установка осуществляется при условии получения письменного согласия лиц, проживающих совместно с подозреваемым или обвиняемым в качестве собственника или нанимателя либо на иных законных основаниях (п. 8 названного Постановления).

Однако возникает необходимость предотвращения ситуаций, когда лица, проживающие совместно с подозреваемым или обвиняемым на законных основаниях, выражают свое несогласие на установку технических средств контроля, а на руках сотрудников ФСИН имеется копия постановления суда об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста с возложением контроля за соблюдением его режима на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере исполнения наказаний в отношении осужденных (п. 11 ст. 107 УПК РФ). Поэтому следователь, дознаватель должен разъяснить родственникам, проживающим совместно с подозре-

ваемым или обвиняемым, основания его избрания и установления запретов, их сущность, последствия нарушения последним режима домашнего ареста, а также выяснить у них вопрос о том, согласны ли они на установку в месте их совместного проживания средств аудиовизуального контроля, и отразить их позицию в постановлении о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения.

Согласие указанных лиц необходимо ввиду того, что ограничения, наложенные на подозреваемого или обвиняемого посредством применения домашнего ареста и связанных с обстоятельствами уголовного дела запретов, могут существенно повлиять на жизнь членов семьи, что недопустимо в принудительном порядке.

По этому поводу приведем положения Апелляционного постановления Верховного Суда Республики Дагестан от 15 мая 2020 г. по делу № 22к-808/2020: «вопреки закону при определении помещения, по адресу которого Ф.И.О. надлежит отбывать домашний арест, суд не привлек к участию в судебном заседании собственника жилья. Также суд не выяснил количество лиц, проживающих по адресу избрания Ф.И.О. меры пресечения в виде домашнего ареста, и их отношения к избранной последнему меры пресечения. При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции ввиду допущенных судом первой инстанции нарушений уголовно-процессуального закона не может признать законным и обоснованным решение, принятое судом по результатам рассмотрения вышеуказанного ходатайства следователя, в связи с чем приходит к выводу об отмене состоявшегося в отношении Ф.И.О. постановления суда» [16].

И если родственники подозреваемого или обвиняемого, вместе с ним проживающие, согласны на установку технических средств контроля по месту их проживания, это отнюдь не гарантирует того, что они не окажут содействия подследственному в нарушении возложенных на него запретов на использование средств связи, сети Интернет. Поэтому в этом отношении самой разумной ситуацией будет его проживание отдельно от родственников, если имеется такая возможность. Но тогда становится проблемой удовлетворение потребностей подозреваемого, обвиняемого в бытовых вопросах (продукты питания, медикаменты и пр.). Этот вопрос также должен быть разрешен предварительно при избрании домашнего ареста.

Следующий момент связан с состоянием здоровья подозреваемого, обвиняемого, и если он нуждается в регулярных посещениях медицинских учреждений в связи с имеющимся заболеванием, носящим длительный или хронический характер, чему будет препятствовать нахождение его под домашним арестом, то избирать в качестве меры пресечения домашний арест нельзя. «При посещении обвиняемым, подозреваемым различных учреждений одна из главных целей домашнего ареста – изоляция обвиняемого, подозреваемого на дому и сведение к минимуму его контактов с внешним миром – становится заведомо недостижимой» [11, с. 43]. В таких случаях целесообразен запрет определенных действий, регламентированный ст. 105.1 УПК РФ.

В связи со сказанным не поддерживаем мнение автора, обозначившего, что «домашний арест целесообразно применять по делам о преступлениях небольшой тяжести, средней и в исключительных случаях – тяжких, в отношении

больных, беременных женщин, лиц, преклонного возраста и несовершеннолетних» [6, с. 13].

Во-первых, обозначим, что законодатель в ст. 107 УПК РФ ничего не говорит о том, какое преступление должно быть совершено, чтобы было возможно избрать в качестве меры пресечения домашний арест. Не только тяжесть содеянного определяет строгость принудительной меры. Полагаем, что приоритет в этом вопросе имеют основания для избрания меры пресечения (ст. 97 УПК РФ) и другие обстоятельства (ст. 99 УПК РФ), в том числе возможность обеспечить условия домашнего ареста с тем, чтобы его применение было эффективным, т. е. позволило достичь его цели.

Что касается несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого, то важно руководствоваться тем, получил ли он обязательное среднее образование или еще учится. Возможно, получится при домашнем аресте вывести его на дистанционное обучение, но это целесообразно только тогда, когда на него не будет возложен запрет на использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Скорее всего, это редкие случаи, поэтому если несовершеннолетнему обвиняемому или подозреваемому необходимо посещать школу, то к нему в качестве меры пресечения целесообразно избрать запрет определенных действий, обозначив в решении суда периоды времени, когда он не должен покидать место проживания. Однако УПК РФ таких предписаний не содержит. Поэтому в случаях, когда обстоятельства совершения преступления, постпреступное поведение лица, его совершившего, требуют применения именно домашнего ареста, ограничивающего общение с определенными лицами, использование средств связи и Интернета (что достаточно легко осуществить в образовательных учреждениях), следует применять данную меру пресечения.

Таким образом, следователю, дознавателю и суду при избрании домашнего ареста приходится учитывать многие факторы, среди которых те, которые имеют процессуальный характер, но также и те (а их не мало), которые лежат в непроцессуальной плоскости [4, с. 152]: законность проживания подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения; пригодность жилого помещения для установки сотрудниками ФСИН средств аудиовизуального наблюдения в нем; согласие родственников, проживающих совместно с подозреваемым или обвиняемым, на их установку или согласие таких лиц на решение бытовых вопросов, возникающих при проживании последнего отдельно; не препятствование состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого режиму домашнего ареста и др.

И если эти вопросы невозможно решить таким образом, чтобы обеспечить режим домашнего ареста с нахождением подозреваемого или обвиняемого в полной изоляции от общества и его цели, то следует избирать другую меру пресечения, применение которой будет эффективным. Именно поэтому статистика случаев избрания домашнего ареста свидетельствует о его нераспространенности в судебной и следственной практике, и вряд ли их количество будет значительно увеличено по объективным, в том числе вышеназванным, причинам.

Список литературы

1. Химичева О. В. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : Юнити-Дана, 2019.

2. Горбатых И. М. Домашний арест как мера пресечения в досудебном производстве : дис. …канд. юрид. наук. М., 2024.

3. Цоколова О. И. Современные тенденции развития института мер процессуального принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 42–43.

4. Марковичева Е. В. Трансформация домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе // Правосудие, 2023. № 3. С. 140–153.

5. Капинус Н. Н. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : монография. М. : Буквоед, 2007.

6. Овчинников Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006.

7. Русман Г. С. Судебный контроль за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

8. Мельников В. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

9. Харьковский Е. Л., Пальчикова Н. В. К вопросу о правовом регулировании домашнего ареста // Ius Publicum et Privatum. 2021. № 4 (14). С. 109–112.

10. Ендольцева А. В. Домашний арест: условия эффективности применения // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов международной научно-практической конференции. Орел, Орловский юридический институт имени В. В. Лукьянова. 2024. С. 114–119.

11. Булатов Б. Б., Николюк В. В., Цоколова О. И. Меры пресечения в уголовном процессе : учебно-практическое пособие. М., 2005.

12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 апреля 2022 г. № 77-1168/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Апелляционное постановление Московского городского суда от 15 октября 2020 г. по делу № 10-185338/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде

меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 15 мая 2020 г. по делу № 22к-808/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Есина А. С.[1]*,*
профессор
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ВОПРОСЫ КОМПЛЕКСНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 172.4 УК РФ

Частые изменения и дополнения, вносимые в текст уголовного и/или уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации, заставляют субъектов расследования постоянно отслеживать новеллы закона и быть готовыми применять новые правила, установленные законодателем. Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что при реализации новелл закона должностным лицам правоприменения не всегда очевиден замысел законодателя, а потому новые правила не всегда бывают эффективны и востребованы в той мере, как на то рассчитывал законодатель, когда вводил их в текст закона. Порой приходится проанализировать нормы нескольких правовых актов, прежде чем следователь сможет определиться в смысловом содержании термина, используемого в законе. Продемонстрируем сказанное на следующем примере.

Около двух лет назад Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Уголовный кодекс Российской Федерации дополнился новым видом преступления, а именно ст. 172.4, предусматривающей уголовную ответственность за «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц». Расследование данного преступления было отнесено к органам дознания системы органов внутренних дел (ч. 1 ст. 172.4 УК РФ), в то время как преступление, совершенное с квалифицирующими признаками, должно расследоваться следователями ОВД (ст.ст. 150,151 УПК РФ).

Заметим, что вопросы защиты прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности или совершении действий, направленных на возврат просроченной задолженности, возникшей из денежных обязательств, урегулированы в нашей стране нормами Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (далее – Федеральный закон № 230-ФЗ). Однако поскольку участились случаи, когда при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности допускались действия, не преду-

[1] © Есина А. С., 2025.

смотренные законом, нарушающие права заемщиков, законодатель стал разрабатывать механизмы, направленные на защиту прав граждан, попавших в данную сферу правонарушений. В частности, за нарушение установленных правил, регулирующих деятельность по возврату просроченной задолженности, законодатель сперва установил административную ответственность (ст. 14.57 КоАП РФ), которой оказалось недостаточно для урегулирования правоотношений в рассматриваемой сфере, что и повлекло установление уголовной ответственности.

При расследовании нового вида преступления очень важным для следователя является вопрос правильного определения признаков и состава преступления. В противном случае процесс доказывания будет дезориентирован и не приведет к положительному результату расследования. В рассматриваемом вопросе следует понимать, что сама деятельность, направленная на возврат просроченной задолженности с недобросовестных физических лиц, является правомерной, если она осуществляется в рамках полномочий, предусмотренных уже упомянутым федеральным законом № 230-ФЗ. Однако если эти действия сопряжены с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, а равно с угрозой распространения либо распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких, то в этом случае действия лиц выходят за рамки правового поля и носят характер противозаконной деятельности. Прежде всего следователь должен определить субъекта преступления. Кто те лица, которые, по мнению законодателя, должны подлежать уголовной ответственности за совершение незаконных действий, перечисленных в диспозиции ст. 172.4 УК РФ.

На первый взгляд представляется, что субъект преступления определен законодателем довольно конкретно, поскольку имеется перечисление лиц, подлежащих ответственности. Однако изучение практики показывает, что именно установление субъекта рассматриваемого преступления порождает проблемы в ходе расследования, поскольку для его определения следует обратиться к разным правовым актам с целью оптимального установления признаков, характерных для данного субъекта.

Рассмотрим эти признаки более внимательно. Например, установлено, что уголовной ответственности должно подлежать лицо, действующее от имени организации-кредитора или в ее интересах. Прежде всего у правоприменителя возникает вопрос относительно того, что значит «организация-кредитор». Поскольку ответа в УПК нет, следователю надлежит обратиться к Федеральному закону от 2 декабря 1995 г. №395-1 «О банках и банковской деятельности», где в ст. 1 записано: «Кредитная организация – юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные настоящим Федеральным законом». На основании другого федерального закона (уже упомянутого нами № 230-ФЗ) для возврата долга организации-кредиторы не вправе применять к должнику какие-либо меры принуждения. Подобные полномочия есть только у органов Федеральной службы судебных приставов (ФССП России) на основании Указа Президента Российской Феде-

рации от 13 октября 2004 г. №1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» (в редакции от 22.01.2024).

Вместе с тем на основании ст. 388 ГК РФ организация-кредитор вправе передать право требования денежных средств другому лицу на основании договора уступки. Как правило, представителем организации-кредитора выступает юридическое лицо. В соответствии со ст. 2 Федерального закона № 230-ФЗ «представитель кредитора» – это профессиональная коллекторская организация, кредитная организация, включенная в перечень кредитных и микрофинансовых организаций и действующая в качестве представителя кредитора, входящего в одну группу лиц с данной кредитной организацией.

С данным юридическим лицом (представителем кредитора) у организации-кредитора должен быть заключен *агентский договор,* а сама коллекторская организация должна быть обязательно *включена в специальный перечень юридических лиц в соответствии с вышеуказанным Федеральным законом* (государственный реестр коллекторских агентств, размещенный на официальном сайте ФССП), а деятельность по возврату задолженности должна быть указана как основной вид деятельности данной организации[1]. Все эти требования к коллекторской организации должны быть учтены при расследовании. В связи с этим целесообразно рекомендовать, чтобы в материалах уголовного дела была выписка из реестра с указанием конкретной коллекторской организации. При этом представитель коллекторской организации, которому поручено осуществлять деятельность по возврату долга и который соответственно будет взаимодействовать с должником, наделяется *индивидуальным идентификационным кодом* физического лица, присвоенным кредитором или представителем кредитора, либо при отсутствии индивидуального идентификационного кода фамилия, имя и отчество этого работника сообщается должнику. Согласно положениям ч. 4 ст. 7 Федерального закона № 230-ФЗ:

«4. В начале каждого случая непосредственного взаимодействия по инициативе кредитора или представителя кредитора посредством личных встреч или телефонных переговоров должнику должны быть сообщены:

1) имя и индивидуальный идентификационный код физического лица, осуществляющего такое взаимодействие, присвоенный кредитором или представителем кредитора, либо при отсутствии индивидуального идентификационного кода фамилия, имя и отчество (при наличии) физического лица, осуществляющего такое взаимодействие;

2) фамилия, имя и отчество (при наличии) либо наименование кредитора, а также наименование представителя кредитора;

3) сведения о наличии просроченной задолженности, в том числе ее размер и структура».

---

[1] Если юридическое лицо не включено в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, которые в соответствии с ФЗ-230 могут осуществляться только включенным в указанный реестр юридическим лицом, то этим организациям грозит штраф в соответствии с ч. 4 ст. 14.57 КоАП РФ.

Таким образом, установить субъекта преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, в целом возможно, учитывая, что потерпевший должен обладать информацией о лице, которое с ним взаимодействовало по поводу долга. Однако если потерпевший такой информацией не обладает, то имеются основания сомневаться в соблюдении порядка, установленного законодателем для передачи полномочий по получению возврата долга, который был допущен либо организацией-кредитором либо коллекторской организацией. Во избежание подобных ситуаций следователь должен, учитывая положения разных правовых актов, собрать и приобщить к материалам уголовного дела документы, подтверждающие статус субъекта преступления – такие как:

1) копия разрешения Центробанка России выданное конкретной кредитной организации на право совершения банковских организаций;
2) копия договора займа;
3) копия договора уступки;
4) индивидуальный идентификационный код физического лица, который действует от имени кредитора.

Если незаконные действия по возврату долга совершил работник, которому не поручалось взаимодействовать с должником, то такое лицо не является субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 172.4 УК РФ, а его действия следует квалифицировать в зависимости от последствий, наступивших от его действий.

Далее. Среди субъектов рассматриваемого преступления указано физическое лицо, являющееся работником организации-кредитора на основании трудового договора, который действует в интересах своей организации. Для установления данного лица в ходе расследования следует получить копию трудового договора, заключенного с конкретным работником и банком, в котором в обязательном порядке должен быть прописан пункт, закрепляющий его полномочия по деятельности в части возврата долга в интересах или от имени данной организации. В противном случае поручать подобному работнику полномочия по возврату денежных средств нельзя, поскольку он будет ненадлежащим представителем организации-кредитора, даже в ситуации, если его действия будут совершаться в пределах полномочий, предусмотренных ФЗ-230.

Наконец, законодатель указал в качестве субъекта преступления физическое лицо, которому переданы права кредитора по договору уступки права (требования), либо лицо, действующее от имени или в интересах лица, которому переданы права по возврату денежных средств.

В соответствии со ст.ст. 382, 388 Гражданского Кодекса Российской Федерации, уступкой права требования (цессией) является соглашение о замене прежнего кредитора, который выбывает из обязательства (цедента), на другого субъекта, к которому переходят все права прежнего кредитора (цессионария).

Основанием уступки права требования является договор между первоначальным и новым кредитором, который может основываться на дарении, возмездном отчуждении права. В порядке цессии может переуступаться и часть требования к должнику. Копия подобного договора также должна быть приобщена к уголовному делу, поскольку коллекторская организация именно по договору уступки получает право от первоначального кредитора (например, бан-

ка) требовать возврат долга. Работник коллекторской организации действует от имени или в интересах этой организации, а не в интересах организации-кредитора. Правоотношения между работником коллекторской организации и должником регулируются ст. 7 Федерального закона № 230, что позволяет точно установить данные работника, допустившего при осуществлении своей деятельности действия, предусмотренные ч. 1 ст. 172.4 УК РФ.

Право требования возврата денежных средств всегда имеет юридическое основание – договор. Если речь идет о действиях работников коллекторской организации, то данная организация обязательно должна быть в списке государственного реестра. Следовательно, для подтверждения статуса субъекта преступления в уголовном деле должны быть такие документы как выписка из государственного реестра с указанием конкретной коллекторской организации и копия договора уступки.

Таким образом, при определении субъекта рассматриваемого преступления следует комплексно применять нормы разных отраслевых законов, определяющих требования к статусу лица, привлекаемого для соответствующего вида деятельности. Можно констатировать, что субъект преступления, предусмотренный ст. 172.4УК РФ, является специальным.

Кроме того, следователь должен исключить из потенциальных субъектов рассматриваемого преступления следующих лиц:

1) физическое лицо, самостоятельно осуществляющее действия, направленные на возврат задолженности другого физического лица в размере, не превышающем 50 тыс. руб., за исключением случаев возникновения указанной задолженности в результате перехода к нему прав кредитора (цессии);

2) индивидуальный предприниматель, осуществляющий деятельность по возврату просроченной задолженности, осуществляемую в отношении физических лиц, по денежным обязательствам, которые возникли в результате осуществления ими предпринимательской деятельности;

3) лицо, у которого возникли правоотношения с должником, связанные с взысканием просроченной задолженности физического лица и возникшие из жилищного законодательства, законодательства Российской Федерации о водоснабжении, водоотведении, теплоснабжении, газоснабжении, об электроэнергетике, а также законодательства Российской Федерации, регулирующего отношения в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами;

4) лицо, у которого возникли правоотношения с должником, возникающие в соответствии с законодательством о гражданском судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, арбитраже (третейском разбирательстве), производстве по делам об административных правонарушениях, исполнительном производстве, адвокатуре и адвокатской деятельности, нотариате, банкротстве, бюро кредитных историй и уголовно-процессуальным законодательством, а также в связи с исполнением полномочий федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления и осуществлением функций организациями, участвующими в предоставлении государственных и муниципальных услуг.

Жамкова О. Е.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ, КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Проверка сообщения о преступлении является одним из этапов стадии возбуждения уголовного дела. Именно на рассматриваемой стадии начинается процесс оценки собранных материалов на их достаточность для использования в уголовном судопроизводстве. Сам факт сообщения о преступлении указывает на обязанность уполномоченных должностных лиц по его принятию, рассмотрению и разрешению. Особенностью этого этапа является ограниченный круг процессуальных действий, что связано с необходимостью минимизации вмешательства в права и свободы граждан. Результаты доследственной проверки документируются и служат основой для принятия решения о дальнейшем движении уголовного дела. Доследственная проверка служит фундаментальной базой для последующего предварительного расследования, так как именно на этом этапе выявляются первичные признаки преступления и собирается информация, необходимая для принятия решения о возбуждении уголовного дела, результаты формируют основу для планирования дальнейших следственных действий и определяют направление расследования, а документы, составленные в ходе проверки, используются как источник доказательств.

Одна из целей деятельности в ходе проверки сообщения о преступлении может состоять в том, чтобы установить, содержатся ли признаки преступления в действиях конкретного лица. До 2013 г. УПК РФ не называл данного участника, не определял объем принадлежащих ему прав. Отсутствие законодательной регламентации соответствующей нормы в гл. II Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации было компенсировано введением ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, где были изложены отдельные права лиц, участвующих в проверке сообщений о преступлениях. Так в УПК РФ появилось лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Сегодня положения закона не определяют конкретный момент возникновения соответствующего статуса у лица, не раскрывают его содержания и не указывают на процессуальный акт, удостоверяющий факт разъяснения лицу предоставленных ему прав.

Отсутствие нормативного определения момента, когда лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, приобретает соответствующий правовой статус и определенные права, влечет за собой практические проблемы, которые в последующем могут приводить к отмене или изменению приговора. Так, в судебной практике нередко признаются недействительными

[1] © Жамкова О. Е., 2025.

протоколы явки с повинной, поскольку лицу не были должным образом разъяснены предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ права, включая право на помощь адвоката [1].

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации своим решением отменила обвинительный приговор, по пп. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство двух лиц [2], в том числе по причине того, что подсудимой не были разъяснены процессуальные права – пользоваться услугами адвоката (т. 5 л. д. 70). Подобные ситуации возникают, по мнению автора, в связи с тем, что законом не определен момент разъяснения прав, предусмотренных в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, отсюда и суды признают недопустимыми полученные доказательства.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении № 55 от 29 ноября 2016 г. [3] подчеркивает, что если в процессе проверки сообщения о преступлении, осуществляемой в соответствии со ст. 144 УПК РФ, подсудимый подавал заявление о явке с повинной в письменной или устной форме и сторона обвинения ссылается на содержащиеся в этом заявлении сведения как на доказательство вины, то суд обязан проверить факт того, были ли этому лицу разъяснены его права в соответствии с требованиями ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ при приеме указанного заявления.

Вместе с тем Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 [4] определяет начало уголовного преследования (в отличие от понятия, сформулированного законодателем в п. 55 ст. 5 УПК РФ) как момент, с которого в отношении конкретного лица осуществляются процессуальные действия, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, либо проводятся мероприятия, направленные на установление его причастности к совершению преступления. Анализ данных судебных решений не позволяет точно определить тот момент, когда должностное лицо должно принять решение о необходимости разъяснить лицу, участвующему при проверке сообщения о преступлении, его права.

Наиболее приемлемым решением в данной ситуации видится юридическое оформление приобретения лицом соответствующего процессуального статуса через внесение сведений в официальные документы, фиксирующих поводы для возбуждения уголовного дела, в которых отражается информация о совершении определенным лицом противоправного деяния. При этом неважно, пришло ли само лицо заявить о совершенном преступлении или это будет сообщение заявителя или очевидца, а может, рапорт об обнаружении признаков преступления, совершенного конкретным лицом.

Кроме того, важно нормативно установить момент разъяснения лицу его прав, которые он имеет на этапе доследственной проверки, а также предусмотреть обязательное отражение факта ознакомления с этими правами в соответствующем протоколе.

Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции своим решением от 5 августа 2021 г. № 77-2736/2021 отменил приговор и направил дело на новое судебное разбирательство по причине нарушения дознавателем требований ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ при проведении следственных действий для проверки со-

держащихся в рапорте оперативного сотрудника сведений о совершенном преступлении, что повлекло признание протоколов осмотров места происшествия недопустимыми доказательствами [5]. Данный пример подтверждает необходимость законодательного закрепления факта разъяснения лицу, в отношении которого ведется проверка, его прав с обязательной фиксацией этого момента в процессуальном документе.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предусматривает специальных прав для лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, хотя именно данное лицо оказывается в наиболее уязвимой позиции среди всех иных участников процесса. Такая ситуация создает значительные риски нарушения прав данного лица, поскольку его правовой статус остается недостаточно определенным. Без четкого законодательного урегулирования обозначенного момента, процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении могут служить основанием для произвола, что противоречит основным принципам справедливости и законности. Для устранения этих недостатков необходимо разработать и внедрить механизмы, гарантирующие полноценную защиту прав и интересов лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении. Как представляется, такой участник должен обладать:

1) правами, аналогичными тем правам и обязанностям, которыми обладают другие участники первого этапа уголовного судопроизводства. В данную группу могут быть включены такие права, как, например, дача объяснений, в том числе и на родном языке; отказ от дачи объяснений; использование переводчика; внесение жалоб на действия и бездействия и решения и т. д. Объяснения, полученные на этапе возбуждения уголовного дела, являются важным элементом доследственной проверки, позволяющим выяснить обстоятельства произошедшего события, они могут быть даны как очевидцами, так и лицами, в отношении которых ведется проверка, и представляют собой один из источников информации для оценки наличия признаков преступления. При получении объяснений особое внимание уделяется соблюдению процессуальных норм, чтобы исключить возможность давления или искажения информации;

2) правами участника следственного действия, которые разрешено проводить до возбуждения уголовного дела. Сюда могут быть включены и те права, которые отнесены первой из указанных групп, и иные, например: заявление ходатайств и отводов; право пользования помощью адвоката. Следует отметить, что уголовно-процессуальным законом закреплено одновременное право лица пользоваться услугами и адвоката, и защитника. Часть 1.1 ст. 144 УПК РФ устанавливает право всех участников проверки сообщения о преступлении пользоваться услугами адвоката. Однако наравне с правом на адвоката, лицо, в отношении которого проводится проверка, имеет право и на защитника. Данная норма закреплена в п. 6 ч. 2 ст. 49 УПК РФ, в соответствии с которой защитник участвует в деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права такого лица. Часть 1 ст. 49 УПК РФ устанавливает, что защитник выступает в качестве лица, оказывающего помощь подозреваемым и обвиняемым. Получив ордер на выполнение соответствующего поручения, адвокат приступает к участию в уголовном процессе в качестве защитника кон-

кретного подозреваемого, обвиняемого. Остается неясным, в каком качестве – адвоката или защитника – следует оказывать помощь лицу, в отношении которого ведется проверка. Может ли быть защитник у лица, который еще не имеет статус подозреваемого, обвиняемого? Может ли адвокат реализовывать в полном объеме полномочия защитника в отношении такого лица, в том числе полномочия по собиранию доказательств, регламентированные ч. 3 ст. 86 УПК РФ? Несомненно, в правоприменении обеспечивается право на адвоката, что более всего соответствует положению закона;

3) правами лица, в отношении которого проводится проверка. Сюда, к примеру, можно включить право знать, по поводу чего проводится проверка; право знакомиться с заявлением (сообщением) о преступлении; право предоставлять доказательства; право участвовать в производстве следственных действий, производимых по его ходатайству.

Обеспечение защиты прав и свобод лиц, в отношении которых проводится проверка, является важной задачей для соблюдения принципов уголовного судопроизводства. Существование неопределенности в статусе данного лица создает сложности в реализации его законных интересов на начальном этапе уголовного производства. Важно, чтобы такому лицу были своевременно разъяснены его права и обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, поскольку оно занимает важное место в системе уголовно-процессуальных правоотношений. Его правовой статус должен быть четко определен законом, чтобы исключить любые нарушения его прав. Существенным моментом является своевременное уведомление данного лица о его правах и обязанностях, что обеспечивает прозрачность и законность процедуры, а одной из основных гарантий является право на получение квалифицированной юридической помощи, которое должно реализовываться с самого начала проверки. При этом все процессуальные документы, касающиеся проверки, должны быть составлены в строгом соответствии с требованиями закона, чтобы избежать ошибок и злоупотреблений, а взаимодействие между лицом и правоохранительными органами должно строиться на принципах открытости и взаимного уважения, способствуя успешному проведению проверки.

Список литературы

1. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 27.02.2020 № 55-56/2020.

2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2020 г. № 5-УД20-53 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 53-АПУ19-23сп // СПС «Консультант Плюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. № 277. 7 декабря.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 2016. № 72. 6 апреля.

6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 августа 2021 г. № 77-2736/2021// СПС «КонсультантПлюс».

Заливин А. Н.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Рыжаков А. П.[2],
кандидат юридических наук,
профессор

К ВОПРОСУ О ПРОДОЛЖЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО ВВИДУ ОТСУТСТВИЯ СОГЛАСИЯ НА ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩЕМУ ОСНОВАНИЮ ПОСЛЕ ИСТЕЧЕНИЯ СРОКА ДАВНОСТИ

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) от 18 июля 2022 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова» принято решение: продолжение расследования уголовного дела по истечении срока давности уголовного преследования, когда подозреваемый или обвиняемый возражал в момент истечения срока давности против прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию, допускать лишь в срок, не превышающий двенадцати месяцев со дня истечения срока давности уголовного преследования. Здесь же КС РФ установил, что по истечении указанного срока, если уголовное дело в установленном порядке не передано в суд, оно подлежит незамедлительному прекращению и без согласия на то подозреваемого или обвиняемого, который вправе оспорить такое решение в суд, а суд обязан разрешить его жалобу по правилам, предусмотренным ст. 125.1 УПК РФ.

Рассматривая жалобу гражданина В. А. Рудникова, КС РФ высказывал не вполне безупречное утверждение, согласно которому возражение против прекращения уголовного преследования по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, о котором идет речь в ч. 2 ст. 27 УПК РФ, – это «по сути, согласие» обвиняемого (подозреваемого) на прекращение уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Выскажем по этому поводу собственные суждения.

Согласно ч. 2 ст. 27 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в пп. 3 и 6 ч. 1 первой ст. 2… настоящего Кодекса, …не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает».

---

[1] © Заливин А. Н., 2025.
[2] © Рыжаков А. П., 2025.

«Возражать» означает «не соглашаться с кем-, чем-нибудь, выражать иное мнение» [4, с. 29]. «Возразить – заявить о своем несогласии» [8, с. 151].

Если буквально, то следователь (дознаватель и др.) вправе принять решение о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока его давности и когда ни устного, ни письменного возражения на то от подозреваемого или обвиняемого ему не поступило. Именно поэтому толкование ч. 2 ст. 27 УПК РФ КС РФ нам представляется неоправданно зауженным. Ведь помимо ситуации, когда следователю (дознавателю и др.) от подозреваемого или обвиняемого поступило возражение против прекращения уголовного преследования и получением согласия на принятие названного процессуального решения по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, имеются еще и случаи, когда подозреваемый или обвиняемый отказывается подписывать согласие не только на прекращение в связи с истечением срока давности осуществляемого в отношении него уголовного преследования, но и возражает против принятия названного решения. Толкуя положения ч. 2 ст. 27 УПК РФ, правоприменитель в этом случае вправе вынести постановление о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока его давности. Ведь в предложенной ситуации подозреваемый или обвиняемый не возражает против прекращения уголовного преследования по основанию, указанному в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

В связи с тем, что такие случаи на практике встречаются довольно редко, можно было бы не обращать на это особого внимания. Однако, полагаем, что данное зауженное толкование возражения, как согласия, с одной стороны, неправомерно делает «молчаливое согласие» искусственным препятствием на пути рассматриваемого прекращения уголовного преследования, с другой, по сути, сводит рассматриваемый правовой институт к признанию подозреваемым или обвиняемым своей вины в совершении преступления, давность привлечения к уголовной ответственности за совершение которого истекла.

По нашему мнению, и согласие подозреваемого или обвиняемого на прекращение уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, и признание своей вины молчанием – это «акт распоряжения правом на судебную защиту». А для нерадивого следователя (дознавателя и др.) зачастую к тому же «способ доказывания».

Что названный институт представляет в различных правовых системах? «Для классического англосаксонского подхода признание вины – это не разновидность показаний обвиняемого, а совершенно иное: отношение одной стороны к требованиям другой стороны, т. е. что-то вроде признания ответчиком иска в гражданском процессе. Если вина признается, то спора нет, соответственно, нет необходимости ни в присяжных, ни в судебном следствии, ни в исследовании доказательств. Классический континентальный подход исходит из того, что молчание является разновидностью показаний обвиняемого: в своих показаниях обвиняемый признает вину. В такой ситуации после отмены теории формальных доказательств континентальные правопорядки принципиально настаивали на том, что признававшееся ранее «царицей доказательств» признание вины более таковой не является и должно рассматриваться в качестве рядового доказательства» [5, с. 1030].

В связи с этим процессуалистами сделан «вывод, что в англосаксонской системе к признанию вины путем молчания относятся с осторожностью, однако не исключается, что оно может рассматриваться в качестве допустимого способа решения спора. В континентальной системе прямое признание вины (как доказательство) не внушает доверия, оно не считается единственным доказательством, подтверждающим вину. Естественно, в данной правовой системе недоверие к признанию вины еще больше усугубляется, когда речь идет о признании вины путем молчания. Следовательно, молчание в общем смысле не рассматривается как способ признания вины [2, с. 98]. В мусульманской правовой системе молчание не приравнивается к признанию вины, наоборот, оно отождествляется с непризнанием вины, в случае которого судья обязан во всем объеме изучить доказательства» [1, с. 754–765].

Как же обстоят дела в российском уголовном процессе? Общее правило понятно – признание вины обвиняемым не является «царицей» доказательств. Но как тогда с ним соотносится провозглашенное КС РФ право следователя (дознавателя и др.) с согласия обвиняемого (подозреваемого) прекратить уголовное дело в связи с истечением сроков давности уголовного преследования и, главное, без судебного разбирательства уголовного дела, когда обвиняемый (подозреваемый) считает, что его вина не доказана, прекратить уголовное дело по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ на стадии предварительного расследования по истечению двенадцати месяцев после истечения срока давности уголовного преследования?

«Издавна признание вины считалось «царицей доказательств» и не требовало дальнейшего исследования по делу» [9, с. 56–61]. Между тем возведение признания вины в апогей процесса уголовно-процессуального доказывания давно уже осуждается большинством теоретиков российского уголовно-процессуального права [3, с. 70–75; 6, с. 34–39]. Именуется порочной формулой инквизиционного процесса [7, с. 24–29]. Однако давая свое согласие на прекращение уголовного преследования по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, подозреваемый или обвиняемый тем самым подписывает свое признание вины в совершении инкриминируемого ему преступления. Именно это обстоятельство выводится законодателем на первое место, как главный обязательный формальный элемент законного принятия искомого процессуального решения. Поэтому мы и пытаемся задать вопрос законодателю: а не становится ли такое признание «царицей» доказательств в рассматриваемой ситуации?

Итак, дача согласия на прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока его давности есть признание подозреваемым или обвиняемым своей вины в совершении соответствующего преступления. Не сложно предположить, что следователь (дознаватель и др.), со своей стороны, вполне может быть заинтересован в получении такого согласия, так как не видит возможности доказать вину лица в совершении инкриминируемого преступления с такой степенью достаточности, которая позволила бы ему направить уголовное дело в суд.

Возможно заметить, что КС РФ в своих разъяснениях сделал оговорку, согласно которой решением о прекращении уголовного дела права и законные интересы подозреваемого или обвиняемого не могут быть нарушены «при условии достаточной обоснованности этого решения». У нас возникает вопрос:

обоснованность должна быть достаточна для кого? Если подозреваемый или обвиняемый возражает против прекращения уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то в большинстве своем именно из-за того, что обоснованность обвинения, по его мнению, недостаточна!

Не получается ли замкнутый круг, когда достаточность обоснованности определяет тот, кто не желает обосновывать вину лица в совершении преступления? Еще хуже, если имеет место не имеющая под собой объективной основы игра словами со стороны лиц, включивших данную формулировку в Постановление КС РФ.

Изложенные рассуждения приводят нас к следующим выводам.

Первое. По меньшей мере применительно к доказыванию на стадии предварительного расследования вины в совершении преступления, давность привлечения к уголовной ответственности за которое истекла, и следователь (дознаватель и др.) по тем или иным причинам считает необходимым прекратить уголовное преследование по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, «царицей доказательств» остается признание подозреваемым или обвиняемым своей вины в форме дачи согласия на принятие искомого процессуального решения.

Второе. Законодателю следует подумать над формулировками, которые не только исправили бы первую ситуацию, но и воспрепятствовали принятию следователем (дознавателем и др.) решения о прекращении уголовного преследования по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ без получения на то согласия от подозреваемого или обвиняемого. Сейчас же у недобросовестного следователя (дознавателя и др.) имеется законное право признания подозреваемого и (или) обвиняемого виновным в совершении преступления и без сбора достаточной с позиции последнего, а значит, вполне возможно, и суда, доказательств его вины в совершении инкриминируемого преступления.

КС РФ позволил через двенадцать месяцев после истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности на стадии предварительного расследования прекращать уголовное преследование по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ без согласия на то подозреваемого или обвиняемого. Это право он предоставил следователю (дознавателю и др.), который не смог или не желал собрать достаточную совокупность доказательств, безусловно подтверждающую вину лица в совершении преступления.

Третье. Полагаем, что рассматриваемым правом прекращения уголовного преследования, а тем более уголовного дела, последовательно и должно наделить только суд. Рассматривать и разрешать суд должен не жалобу в порядке ст. 125.1 УПК РФ, а уголовное дело по обвинению лица, не давшего согласие на прекращение уголовного дела. Иное приведет к нарушению прав лица, незаконно подвергнутого уголовному преследованию, лишению его права на реабилитацию, предъявлению к нему исков в гражданском порядке, несправедливому возмещению ущерба (компенсации) за совершение преступления, которое лицо не совершало.

Список литературы

1. Гамбарян А. С., Айрапетян Ю. В. Признание вины и иска молчанием в уголовном и гражданском процессах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 4. С. 754–765. // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гусенова П. А. Исламский уголовный процесс: религиозно-правовая природа и характерные черты (на примере Исламской Республики Иран и Королевства Саудовская Аравия) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016.

3. Краснов А. В., Шарифуллин Р. А. Правовые идеи А.Ф. Кони через призму диалогической теории права // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 70–75.

4. Краткий толковый словарь русского языка / под ред. В. В. Розановой. 4-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1985.

5. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2016.

6. Латыпов В. С., Свяженина А. А. Принцип средневекового процессуального права, или Роль «царицы доказательств» в современном уголовном процессе России // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 34–39.

7. Малина М. А. Презумпция невиновности – одна из ключевых гарантий воплощения нравственных начал в российском уголовном процессе // Российский судья. 2024. № 4. С. 24–29.

8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2023.

9. Смирнов В. Н. Суд присяжных в царской России и Российской Федерации в оценках современников // Российский судья. 2025. № 1. С. 56–61.

Захарова В. О.[1]*,*
заведующий кафедрой
предварительного расследования
факультета повышения квалификации
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
кандидат юридических наук, доцент

О КАЧЕСТВЕ НАСТАВНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Среди множества способов повысить качество расследования наиболее дешевым, но при этом эффективным является осуществление наставнической деятельности – неотъемлемого элемента кадровой политики Следственного комитета Российской Федерации (далее – Следственного комитета), важного средства воспитания и обучения [1, с. 131–135].

Наставничество представляет собой целенаправленную деятельность руководящего состава и наиболее опытных следователей по оказанию молодым сотрудникам помощи в профессиональном становлении и приобретении навыков, необходимых для выполнения служебных обязанностей.

В следственные органы приходят обученные специалисты, имеющие профессиональную теоретическую подготовку, но, как правило, без практического опыта. И задача руководителя – организовать их адаптацию и профессиональное становление; дать возможность приобрести профессиональные навыки и развить способность качественно и ответственно выполнять служебные обязанности в соответствии с занимаемой должностью.

В обязанности наставника входит:

1) поддержание внутренней мотивации молодого сотрудника к профессии;

2) формирование стремления повышать свой уровень знаний и профессиональной компетенции;

3) использование методов морального стимулирования;

4) создание условий для восприятия нового, увеличение информационных потоков;

5) ориентирование молодого сотрудника на достижение высоких результатов в служебной деятельности;

6) вникание в проблемы профессионального и личного характера молодых специалистов и содействие их своевременному решению.

При выстраивании межличностных отношений необходимо ориентироваться на гибкий стиль поведения, а также учитывать индивидуально-психологические особенности молодого специалиста.

Процесс наставнической деятельности организует руководитель, в зависимости от уровня руководства, можно выделить следующие функции. Так, руководитель следственного органа Следственного комитета:

---

[1] © Захарова В. О., 2025.

1) осуществляет общее руководство и контроль над организацией наставничества;

2) возлагает обязанности по контролю и организации наставнической работы на заместителя руководителя следственного органа Следственного комитета;

3) организует обучение наставников различным формам и методам индивидуальной работы, основам педагогики и психологии;

4) обеспечивает систематическое рассмотрение вопросов организации наставничества на оперативных совещаниях при руководителе следственного органа Следственного комитета, аттестационных комиссиях;

5) при необходимости проводит собрания наставников для решения вопросов, связанных с их деятельностью;

6) анализирует результаты работы, определяет меры поощрения наставников;

7) изучает, обобщает и распространяет опыт наставничества, а также разрабатывает единую систему оценки работы наставников;

8) ежегодно до 1 апреля направляет руководителям образовательных организаций высшего образования Следственного комитета информацию о деятельности выпускников предыдущего года (на основе отчетов их наставников).

Руководитель подразделения следственного органа Следственного комитета:

1) создает необходимые условия для совместной работы наставников и сотрудников, в отношении которых осуществляется наставническая работа;

2) осуществляет систематический контроль над ходом обучения сотрудника и работой наставника, при необходимости вносит изменения или дополнения в процесс наставнической работы;

3) заслушивает отчеты наставника и сотрудника о результатах их работы;

4) обеспечивает своевременное представление надлежаще оформленных документов по итогам наставничества [2, с. 7–10].

Институт наставничества должен стать обоюдовыгодным: молодой сотрудник получает знания, умения, навыки, а наставник получает управленческий опыт, становится руководителем, специалистом, педагогом.

Наставник должен уметь обучать других и хотеть этим заниматься, проявляя терпение и настойчивость. Хороших руководителей не так и много, а тех из них, которые умеют обучать, еще меньше.

Встречаются случаи, когда наставники не желают качественно обучать и воспитывать, чтобы не вырастить конкурента, некоторые неохотно делятся опытом, полученным, что называется, потом и кровью. Частично эти проблемы решает назначение наставником руководителей, которые заинтересованы в здоровой конкуренции своих сотрудников и в том, чтобы у них работали высококвалифицированные кадры.

Один из опытных руководителей следственного органа Следственного комитета на вопрос, не опасается ли он того, что обучит новых сотрудников и они потом быстро пойдут вверх по карьерной лестнице, ответил, что он боится не этого, а того, что он не обучит молодых сотрудников, и ему с ними в таком качестве придется работать.

Опыт бесполезно прятать от других. Да и сам наставник профессионально растет быстрее, когда взаимодействует с коллегами во время обучения. В ка-

кой-то момент наступает эффект синергии, когда команда добивается большего, чем сумма отдельных ее членов.

Наставник должен быть позитивным авторитетом для молодого специалиста, должен быть честен и с самим собой, и с наставляемым. Положительный настрой жизненно необходим, чтобы ориентировать молодого сотрудника на активное обучение и работу. Важно оказывать на новых сотрудников благоприятное воздействие и вырабатывать у них правильное отношение к работе. Надо знать, где, что и кому говорить: молодому сотруднику не стоит быть свидетелем профессиональных терзаний наставника, поэтому последнему следует обсуждать восприятие службы и работать с молодым специалистом в позитивном ключе.

Наставник может и не знать ответы на все вопросы, но категорически недопустимо давать заведомо неверный ответ или делать вид, что занят, а потом как будто забыть, о чем спрашивали.

Но самый главный инструмент формирования, поддержания и развития авторитета – это поведение наставника. Надо быть примером во всем: в дисциплине, работе, отношениях с коллегами и гражданами.

Обучение молодых кадров – занятие трудоемкое, но, несомненно, нужное. Ведь чем быстрее сотрудник разберется в сути работы и адаптируется, тем скорее принесет пользу.

Наставник ограничивает молодого сотрудника в сроках обучения и, при необходимости, применяет меры воздействия в отношении него. То есть речь идет не об обучении ради обучения, а обучении для выхода к определенному сроку на желаемые показатели в следственной деятельности.

Но чтобы требовать, надо самому уметь. Поэтому наставник должен быть специалистом с достаточным багажом знаний и опыта, со склонностью к осуществлению наставнической деятельности (чтобы доступно объяснить, почему нужно делать именно так, а не иначе).

Больше всего молодые следователи нуждаются в помощи и поддержке первые три месяца работы. Восприятие ими этого сложного периода отразится на всей дальнейшей работе. Именно в это время закладываются основы их дисциплинированности и профессионализма.

Руководитель регионального следственного органа Следственного комитета утверждает наставника организационно-распорядительным документом, как правило, в день назначения на должность сотрудника, в отношении которого будет осуществляться наставническая работа, но не позднее пяти рабочих дней со дня назначения на должность.

Для руководителя следственного органа правильно выбрать наставника – задача не из легких. К работе в качестве наставников надлежит рассматривать и привлекать сотрудников подразделений следственных органов Следственного комитета, обладающих высокими профессиональными качествами, значительным профессиональным и жизненным опытом, имеющих стабильные показатели в служебной деятельности, проявивших способность к воспитательной работе и пользующихся авторитетом в коллективе. В качестве наставников не могут быть привлечены руководители подразделений следственных органов при наличии в штате данных подразделений иных кандидатов.

В связи с отсутствием в отдельных случаях в территориальных следственных отделах кандидатов в наставники в ряде субъектов Российской Федерации реализована практика назначения наставниками сотрудников аппарата управления. Анализ показал, что данная мера недостаточно эффективна, так как не обеспечивает непрерывного обучения и воспитания наставником молодого специалиста, а подготовка последнего фактически осуществляется руководителем и следователями межрайонного следственного отдела.

Положительно зарекомендовала себя практика назначения наставников из числа следователей-криминалистов со значительным профессиональным и жизненным опытом, стабильными показателями в службе, высокими моральными качествами и авторитетом в коллективе, способных к воспитательной работе. Но опять же с организационными решениями о переводе следователей-криминалистов в состав аппаратов управления целесообразно использовать имеющийся опыт только при условии личного контакта наставника с молодым специалистом.

У кандидата в наставники не должно быть неснятых дисциплинарных взысканий, в отношении него не должна проводиться служебная проверка.

В целях качественного осуществления своей деятельности за наставником надлежит закреплять не более двух молодых специалистов.

Руководитель регионального следственного органа Следственного комитета организационно-распорядительным документом может произвести замену наставника в случае:

1) прекращения наставником трудовых отношений со Следственным комитетом;

2) перевода (назначения) наставника или сотрудника, в отношении которого осуществляется наставническая работа, в другое подразделение следственного органа Следственного комитета или на иную должность;

3) психологической несовместимости наставника и сотрудника, в отношении которого осуществляется наставническая работа;

4) наличия обстоятельств, препятствующих осуществлению процесса профессионального становления сотрудника, в отношении которого осуществляется наставническая работа.

Конечно, замена наставника производится только в исключительном случае, когда всем становится очевидно, что иначе без этого сложного решения уже невозможно обойтись.

Продолжительность периода осуществления наставнической работы в отношении сотрудника в каждом случае необходимо определять индивидуально в пределах от трех до шести месяцев с его продлением в случае необходимости, но не более одного года.

В указанный срок не включаются периоды временной нетрудоспособности и другие периоды фактического неисполнения сотрудником должностных обязанностей.

Должно быть уделено внимание:

1) развитию у сотрудников Следственного комитета профессиональных качеств и навыков, воспитанию дисциплинированности и культуры в работе, соблюдению законности при исполнении служебных обязанностей;

2) изучению морально-деловых качеств сотрудников, социально-бытовых условий их жизни, степени готовности к выполнению служебных обязанностей;

3) изучению правовой основы и методики выполнения служебных обязанностей, выявлению и своевременному устранению недостатков, закреплению профессиональных навыков, оказанию помощи в рациональной организации рабочего времени;

4) мероприятиям по процессуальным проверкам, планированию и производству конкретных следственных и иных процессуальных действий при расследовании уголовных дел, использованию передовых приемов тактики следственных действий, организации работы одновременно по нескольким уголовным делам, навыкам коллективной работы, например, в составе следственной, следственно-оперативной группы;

5) воспитанию у сотрудников потребности в постоянном пополнении знаний, расширении кругозора, формированию у них стремления к повышению результативности работы, выработке своих собственных тактических приемов в конкретных складывающихся ситуациях, творческого отношения к выполнению служебных обязанностей, обучению и закреплению на практике умения правильно действовать при работе в сложных условиях;

6) изучению актуальных методик расследования отдельных видов преступлений;

7) изучению возможностей и отработке навыков самостоятельного применения криминалистической техники, состоящей на вооружении следственного органа;

8) изучению особенностей функционирования и технических возможностей различных экспертных учреждений;

9) разъяснению основных направлений работы и компетенций подразделений аппарата следственного органа;

10) подготовке сотрудника к самостоятельной работе.

Как правило, при условии надлежащей организации наставничества уже через полгода молодой сотрудник успешно справляется со служебными задачами, обретает уверенность в себе и своих силах, имеет достойную деловую репутацию.

При оценке результатов наставничества необходимо учитывать следующие критерии:

1) результаты выполнения сотрудником служебных обязанностей;

2) уровень профессиональных знаний, развития навыков и умений сотрудника;

3) способность сотрудника самостоятельно выполнять служебные задания;

4) характер мотивации сотрудника к службе;

5) качество подготовки сотрудником служебных документов [3, с. 188–192].

Руководитель регионального следственного органа Следственного комитета в случае ненадлежащего исполнения сотрудником обязанностей по наставничеству может не только отстранить наставника от этой работы, но и привлечь его

в установленном порядке к дисциплинарной или иной ответственности (в зависимости от тяжести должностного проступка).

Так, например, приказом руководителя СУ СК России по Воронежской области руководителю Б. межрайонного следственного отдела объявлен выговор за ненадлежащую работу по наставничеству. Установлено, что в ходе заседания комиссии по рассмотрению аттестации следователя Б. межрайоного следственного отдела, заслушав и обсудив аттестацию следователя, аттестационная комиссия приняла решение о переносе сроков ее рассмотрения в связи с отсутствием оснований для принятия одного из основных выводов по результатам рассмотрения аттестации следователя. Работа руководителя межрайонного следственного отдела и одновременно наставника указанного следователя по подготовке подчиненного сотрудника к заседанию аттестационной комиссии вызвала нарекания со стороны членов комиссии. Молодой сотрудник не смог дать ответы на вопросы членов аттестационной комиссии о наличии и выполнении индивидуального плана обучения и воспитания следователя. В уголовных делах, находящихся в производстве у следователя, отсутствуют планы расследования, а при рассмотрении материалов допускаются нарушения сроков доследственных проверок. В нарушение Кодекса этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации (утвержденного Председателем Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкиным 11.04.2011) внешний вид аттестуемого Г. не соответствовал общепринятому деловому стилю.

Поощрение руководителем следственного органа лучших наставников будет мотивировать их к передаче своих знаний и опыта.

На основании приказа руководителя СУ СК России по Кемеровской области – Кузбассу за добросовестную работу по осуществлению наставничества следователям по особо важным делам С. и М. увеличена надбавка за сложность и напряженность до 30 %. Указанные наставники оказали помощь молодым специалистам в овладении профессией, личным примером помогли воспитать положительные качества, внесли существенный вклад в профессиональное становление следователей.

На основании приказа руководителя СУ СК России по Челябинской области поощрены следователь следственного отдела по Ленинскому району города Челябинск З. и его наставник – старший следователь того же следственного отдела Ш. Им объявлена благодарность с выплатой денежной премии. Отмечено, что следователь З. за период испытательного срока рассмотрел 91 заявление и сообщение о преступлениях; окончил производством и направлено прокурору для утверждения обвинительного заключения 17 уголовных дел; исполнил 10 поручений о производстве отдельных следственных действий; в порядке ст. 122 УПК РФ разрешил 12 ходатайств. Изучил всю необходимые нормативные правовые акты; прошел обучение в Школе молодого следователя. Ш., являясь наставником З., надлежащим образом организовал свою работу и помог прийти следователю З. к такому высокому результату. О поощрении следователя З. и наставника Ш. ходатайствовала аттестационная комиссия.

Руководитель регионального следственного органа Следственного комитета может ходатайствовать перед Председателем Следственного комитета о поощрении за образцовое выполнение служебного долга, значительный вклад в профессиональное становление и воспитание наиболее отличившихся следователей.

Хорошие результаты в наставнической деятельности должны учитываться и при формировании кадрового резерва.

В ряде территориальных следственных управлений отсутствует практика поощрения сотрудников только за наставническую работу. Анализ эффективности наставнической деятельности в отношении молодых специалистов показал, что не все руководители подразделений понимают необходимость и значимость этой работы, не поощряют лучших наставников.

В тех следственных подразделениях, руководители которых ответственно подходят к вопросам подготовки молодых сотрудников, осуществляют наставничество не формально, а действительно помогают молодым специалистам в их профессиональном становлении, положительны не только результаты работы, но и морально-психологический климат в коллективе. Там, где руководители не уделяют должного внимания работе с молодыми специалистами, вопросам их профессионального становления, подготовке к работе в условиях повышенной психологической нагрузки происходит постоянная текучесть кадров вследствие увольнения сотрудников в первый год их работы.

Грамотный, хорошо подготовленный и адаптированный сотрудник не только качественно выполняет профессиональные задачи, но и своей работой способствует позитивному отношению общества к Следственному комитету.

Список литературы

1. Захарова В. О. О качестве расследования преступлений // Пробелы в российском законодательства. 2023. № 7. С. 131–135.

2. Захарова В. О. Влияние наставника на качество работы следователя // Российский следователь. 2023. № 8. С. 7–10.

3. Организация работы следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по району (городу). М. : Юнити-Дана, 2019.

Золочевская Л. С.[1]*,*
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСЧИСЛЕНИЕ СРОКА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Задержание лица по подозрению в совершении преступления занимает особое место среди различных предоставляемых уголовным законом правовых средств для решения определенных задач уголовного судопроизводства. На протяжении длительного времени основания, механизм указанной меры процессуального принуждения становятся предметом дискуссий среди процессуалистов и практиков, затрагивая наиболее актуальные спорные моменты. Одним из актуальных вопросов является начало исчисления срока задержания подозреваемого.

Статья 15 п. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает момент начала задержания с момента фактического лишения свободы передвижения лица, которое подозревается в совершении преступления [1]. Однако официальное закрепление в тексте закона пояснения о моменте фактического задержания лица не привело к исчезновению споров и оставило открытым для дискуссий вопрос о том, когда же наступает момент фактического лишения свободы лица. В результате чего позволило многим ученым-процессуалистам прийти к мнению о разделении задержания на фактическое и процессуальное. Так, С. С. Чернова отмечает разделение задержание на два этапа [2].

Анализируя деятельность следственной практики, мы пришли к выводу, что практические работники по-разному понимают начало срока исчисления задержания. Результаты проведенного исследования о начале момента, с которого должен исчисляться срок задержания, показывают следующее: 52,57 % респондентов указали, что срок должен исчисляться с момента фактического задержания; 16,8 % считают, что с момента доставления в уполномоченный орган; 28,8 % – с момента процессуального задержания [3].

Анализ норм Конституции Российской Федерации также не дает понимания того, с какого момента исчисляется срок задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

Обращаясь к мнению ученых-процессуалистов и проведя анализ, можно сделать вывод о существовании нескольких точек зрения о наступлении момента фактического задержания лица и исчислении срока. Так, В. Ю. Стельмах указывает что понятие «фактическое задержание» неоднозначно и допускает различные интерпретации [4].

Согласно первой точке зрения, этот момент наступает тогда, когда подозреваемый доставлен к следователю. По мнению О. И. Цоколовой, фактическое задержание подозреваемого наступает с момента доставления лица к следова-

[1] © Золочевская Л. С., 2025.

телю [5]. М. Е. Токарева не рассматривает в качестве составной части уголовно-процессуального задержания действия по захвату и доставлению лица в органы дознания [6].

Согласно второй точке зрения, моментом фактического задержания и сроком исчисления этого момента следует считать составление протокола задержания следователем. Б. Б. Булатов полагает, что «принятие решения о задержании, объявление его подозреваемому, составление протокола задержания является моментом фактического задержания» [7]. Схожей позиции придерживается Р. С. Абдрахманов и указывает, что составление документа, в частности протокола задержания порождает правовые последствия, в связи с чем момент исчисления срока задержания начинается именно с указанного момента [8].

Однако с высказанными предложениями нельзя согласиться. Если попытаться уяснить смысл законодательного определения, то мы неизбежно придем к выводу, что законодатель не разделяет задержание, не образует никаких этапов задержания, а явно указывает на то, что фактическое задержание не предшествует процессуальному, а является его частью. И такое понимание фактического задержания следует считать верным с точки зрения толкования требований УПК РФ. В данном случае стоит обратиться к мнению О. В. Химичевой, Д. В. Шарова, которые полагают, что задержание представляет собой единый уголовно-процессуальный институт, который начинается именно с момента физического ограничения лица, которое впоследствии получает свое процессуальное закрепление путем составления протокола задержания [9]. Трудно поспорить с указанной точкой зрения, ведь законодатель специально дает разъяснения в ст. 5 п. 15 УПК РФ о моменте наступления фактического задержания. Справедливости ради можно отметить, что если полагаться на первую и вторую точки зрения ученых, ранее отмеченные в нашем исследовании, то в норме закона достаточно было указать, что фактическое задержание наступает с момента оформления протокола задержания лица подозреваемого в совершении преступления в кабинете у следователя или доставления лица в орган дознания (к следователю). Законодатель прямо не указал об этом в норме закона, но в тексте закона упоминается, что этот момент наступает с момента фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Фактически же лицо лишается свободы передвижения в момент его физического захвата в месте совершения преступления, на улице, дома и т. д., именно с этого момента человек лишается возможности передвигаться по своему желанию, именно в этот момент ему необходимо проследовать совместно с сотрудниками правоохранительных органов в орган дознания или к следователю.

Нам наиболее импонирует третья точка зрения, согласно которой задержание лица наступает с момента физического захвата лица, именно с этого момента следует исчислять срок задержания. Так, по мнению В. И. Рохлина, момент фактического задержания следует трактовать как момент, с которого «задержанный был реально ограничен в своей свободе» [10]. В. И. Радченко полагает, что с момента, когда лицо лишается права свободы, возможности распоряжаться собой и удерживается с применением насилия или без его при-

менения, – лицо считается фактически задержанным [11]. Такое понимание фактического задержания нам представляется наиболее верным.

Ученые, не поддерживающие указанную точку зрения, пытаются пояснить, что физический захват лица на месте не входит в процессуальное задержание, не осуществляется в соответствии с нормами УПК РФ и предполагает собой административную деятельность. Так, А. П. Гуляев отмечает, что «любые действия, которые предшествуют составлению протокола задержания подозреваемого и связаны с захватом и доставлением лица, осуществляются либо в административном порядке, либо в порядке выполнения гражданского и общественного долга. Определять момент захвата лица на месте преступления началом процессуального задержания недопустимо» [12].

Однако в противовес данному мнению укажем, что административная деятельность регулируется и осуществляется в порядке и в соответствии с нормами Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ). И осуществлять задержание лица, совершившего уголовное преступление в соответствии с нормами, предназначенными для регулирования административных правонарушений, недопустимо. Однако некоторые ученые полагают, что такое задержание имеет место. В качестве примера можно привести задержание, осуществляемое в рамках ст. 290 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Получение взятки в особо крупном размере». На момент получения взятки уголовное дело может быть и не возбуждено, но лицо совершило преступление, наказание за которое предусмотрено уголовным законом, однако исходя из ранее указанного мнения ученых, которые полагают возможность задержания лиц в административном порядке и соответствии с КоАП РФ, физический захват и доставление этого лица в орган дознания к следователю будет осуществляться именно так. Мы полагаем, что здесь налицо недопустимость таких действий, которые связаны с нарушением законодательных норм, а также прав и свобод лица, задерживаемого по подозрению в совершении преступления.

В настоящее время законодательством не оговорены сроки и порядок задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. В результате чего мы полагаем признать несовершенство законодательства в этой части и возможности осуществления работы в этом направлении. Доставление фактически задержанного лица является бесконтрольным и может занимать длительное время, к тому же отсутствуют документы, подтверждающие этот факт. Как справедливо указывает В. Ю. Мельников, между фактическим и юридическим задержанием, остается временной интервал, который представляет собой «правовую пустоту» и никаких норм, определяющих статус личности в этот момент, в уголовно-процессуальном законе нет [13].

В Уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации не закреплено положение о фиксации момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, ни в рапорте сотрудника правоохранительных органов, ни в ином документе, в котором содержались бы сведения о времени, месте и обстоятельствах фактического лишения свободы лица [14]. Соответственно достаточно сложно определить срок исчисления задержания. В связи с этим нет необходимости противопоставлять фактическое (физиче-

ское) и процессуальное (юридическое) задержание, а следует рассмотреть вопросы о возможности их реального обеспечения при осуществлении задержания в деятельности следователя и иных участников уголовного судопроизводства и критическом осмыслении с этой позиции самого института (или процедуры) задержания в целом.

В соответствии с изложенным можно сделать вывод, о несовершенстве законодательной регламентации [14], которая на практике приводит к проблемам понимания и правоприменения, в результате чего среди практических сотрудников отсутствует единообразный подход к процедуре задержания и осуществления ее должностными лицами.

Вышеизложенное позволяет высказать предложение о необходимости закрепления процессуальных действий и порядка фактического задержания лица и его доставления. Эти действия помогут урегулировать правовой статус фактически задержанного лица до возбуждения уголовного дела и в момент лишения его свободы.

Предложения автора по совершенствованию законодательства в указанной части помогут исключить случаи неправильного толкования законодательства и будут способствовать его правильному применению в рамках закона [15].

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Российская газета. 2001. № 249.

2. Чернова С. С. Меры уголовно-процессуального принуждения. 2-е изд. М. : Юрлитинформ, 2015.

3. Золочевская Л. С. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления: обеспечения права на неприкосновенность личности // Современное общество и право. 2019. № 3 (40). С. 107–113.

4. Стельмах В. Ю. Правовая сущность физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1. С. 207–212.

5. Цоколова О. Фактическое задержание // Законность. 2012. № 3. С. 25–28.

6. Токарева М. Е. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам. М. : Юрлитинформ, 2013.

7. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.

8. Абдрахманов Р. Проблемы уголовно-процессуального задержания // Законность. 2003. № 3. С. 21–22.

9. Химичева О. В., Шаров Д. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 56–61.

10. Уголовно-процессуальное право : учебник / под общ. ред. В. И. Рохлина. М. : Юридический центр Пресс, 2011.

11. Комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. И. Радченко. М. : Юстицинформ, 2015. С. 220.

12. Гуляев А. П. Комментарии к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2002.

13. Мельников В. Ю. Задержание как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому// Правоведение. 2005. № 2. С. 94–95.

14. Золочевская Л. С. Становление и развитие правового института задержания в уголовно-процессуальном законодательстве России // Современное общество и право.2024. № 5 (72). С. 107–113.

15. Семенов Е. А., Золочевская Л. С. Задержание: как исчислять срок и что писать в протоколе // Уголовный процесс. 2019. № 2 (170). С. 117–123.

Иванов Д. А.[1]*,*
профессор департамента
уголовного права, процесса и криминалистики
НИУ «Высшая школа экономки»,
доктор юридических наук, профессор

Григорян Т. А.[2]*,*
соискатель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ВЕЩЕСТВЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НЕДОПУСТИМЫМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК РФ под доказательствами понимаются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает фактические обстоятельства, имеющие значение для дела.

Допустимость – важный критерий, который означает соответствие вещественных доказательств требованиям закона [4, с. 121]. В юридической литературе предложены следующие четыре правила допустимости доказательств, с которыми следует согласиться:

1) «о надлежащих субъектах получения доказательств;
2) о надлежащих источниках и процессуальной форме доказательств;
3) о надлежащих способах получения доказательств;
4) о надлежащем порядке осуществления способов получения доказательств» [1, с. 9].

По уголовному делу при проведении оперативно-разыскного мероприятия или следственного действия должны быть соблюдены требования Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», уголовно-процессуального законодательства. Только в этом случае суд принимает во внимание представленное государственным обвинением доказательство, в противном случае оно признается недопустимым и не имеющим юридической силы. Это влечет невозможность ссылки на него в приговоре.

На практике возникают случаи, когда возможно признать доказательства недопустимыми в уголовном процессе, для этого необходимо заявить ходатайство о признании доказательства недопустимым.

Стоит отметить, что заявить ходатайство о признании недопустимым одного или нескольких доказательств могут обвиняемый (подсудимый) и/или его защитник, потерпевший и его представитель, государственный обвинитель.

---

[1] © Иванов Д. А., 2025.
[2] © Григорян Т. А., 2025.

Свидетели не наделены правом высказывать суждения касательно оценки материалов дела – следовательно, они не могут заявлять ходатайства об исключении доказательств.

Заявляя о недопустимости таких доказательств, защита тем самым придерживается выбранной позиции – «отсутствие прямых доказательств равно оправдание подзащитного» [2, с. 54].

При этом, исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что государственным обвинителем или потерпевшим ходатайства о признании недопустимыми тех или иных документов, экспертиз, показаний заявляются реже.

К примеру, в судебном заседании адвокатом представлены дополнительные свидетели, характеризующие подсудимого крайне положительно. Зная о том, что на самом деле подсудимый много раз привлекался к ответственности, является нарушителем не только уголовного, но и административного закона, потерпевший может занять принципиальную позицию и просить исключить из числа доказательств защиты показания данных лиц.

В соответствии с законодательством стоит отметить, что можно заявить о недопустимости и последующем исключении доказательств как на стадии предварительного следствия, так и в суде. Следователю или прокурору подается ходатайство, в котором перечисляются доводы, по которым заявитель не согласен с тем, что доказательства добыты законным путем. Указываются конкретные протоколы допросов, осмотров и т. д. с просьбой признать их недопустимыми и исключить из дела.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает, что подобное заявление, как и любое другое ходатайство, следователь обязан рассмотреть в течение трех суток, после чего вынести постановление об удовлетворении или об отказе [3, с. 38]. Следователь должен мотивировать свое решение и указать конкретные обстоятельства, по причине которых он сделал соответствующий вывод. Постановление следователя может быть обжаловано в суд или прокуратуру.

Исходя из судебной практики, а также проведенного автором интервьюирования следователей, можно сделать вывод, что чаще всего о недопустимости заявляют на стадии ознакомления с материалами дела – более 75,5 % опрошенных следователей указали на данный факт.

Так, в соответствии со ст. 217 УПК РФ по окончании расследования следователь, дознаватель обязаны ознакомить обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела, о чем заполняется специальный протокол, где ставятся подписи. Здесь же, в этом протоколе, можно заявить любое ходатайство (даже если аналогичное уже было заявлено ранее), в том числе и об исключении доказательств из предъявленного обвинения. Если текст ходатайства слишком большой и не умещается в протоколе, допускается составление на отдельных листах, которые приобщаются к материалам.

В соответствии со ст. 229 УПК РФ суд проводит предварительное слушание, если на стадии ознакомления и выполнения требований в порядке ст. 217 УПК РФ заявлялось ходатайство об исключении доказательств. Предварительное слушание предполагает закрытое судебное заседание, на котором не рассматривается уголовное дело по существу, а решается конкретный вопрос по заявленным ходатайствам. По итогам проведения слушания суд выносит

постановление об удовлетворении ходатайства, или об отказе в удовлетворении, назначает судебное заседание. Наличие ранее заявленных на стадии следствия ходатайств о недопустимости доказательств не лишает права участника дела заявлять подобные ходатайства в любое время в период судебного разбирательства. Ходатайство подается в письменном виде непосредственно судье во время процесса или сдается в канцелярию суда.

Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми установлен ст. 235 УПК РФ. Жестких требований к содержанию ходатайства об исключении доказательств закон не содержит [5, с. 121].

Вместе с тем, как и в любом ходатайстве, должно быть указано: адрес суда, в который оно подается; процессуальный статус автора ходатайства (адвокат, обвиняемый, потерпевший, законный представитель и т. д.); обстоятельства дела, с которыми связаны доводы о недопустимости доказательств; конкретные доказательства, которые заявитель просит исключить из числа допустимых, желательно с указанием листа и тома уголовного дела; нормы уголовно-процессуального и уголовного закона, требованиям которых, по мнению заявителя, не соответствуют названные материалы; просьба о признании указанных доказательств недопустимыми и об исключении их из дела; число, подпись автора заявления.

В судебном заседании ходатайство может быть заявлено как на стадии, когда суд предоставляет право заявлений (до оглашения обвинительного заключения), так и в любой момент в ходе разбирательства до прений сторон, с разрешения председательствующего. Для этого необходимо обратиться к суду и сообщить, что имеется ходатайство, тогда судья предложит его огласить и поставит на обсуждение сторонами.

Приведем пример ходатайства о признании доказательств недопустимыми и исключении их из дела. В производстве Ефремовского районного суда г. Костромы находится уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 162 УК РФ, – разбоя, т. е. нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предметов, используемых в качестве оружия.

В материалах дела находится протокол осмотра места происшествия на л. д. 23, т. 3, согласно которому осматривается домовладение по адресу д. 10 по ул. Речной г. Костромы, где, по мнению следствия, гражданин К. совершил нападение на потерпевшую. Кроме того, стороной обвинения в качестве доказательства представлен протокол допроса подозреваемого К. на л. д. 10 т. 2. В соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований законодательства, являются недопустимыми и подлежат исключению из числа предъявленных.

Полагаем, что вышеприведенные доказательства – протокол осмотра места происшествия и протокол допроса подозреваемого – являются недопустимыми по следующим основаниям. Так, по смыслу ч. 5 ст. 177 УПК РФ, осмотр жилого помещения может быть произведен только с согласия проживающих в нем лиц, а также на основании судебного решения. Как следует из протокола осмотра дома 10 по ул. Речной г. Кострома, следственное действие проводилось в присутствии гражданина Р., который не является проживающим в доме или его владельцем. Письменного или устного согласия от собственника дома П., яв-

ляющейся свидетелем обвинения и указавшей, что в ночь с 12.01.2020 на 13.01.2020 она видела из окна своего дома момент нападения на потерпевшую, правоохранительными органами получено не было. Не было получено и судебного решения, которым бы разрешалось осматривать дом в отсутствие собственника. В соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, подозреваемый имеет право на защитника, в том числе давать показания с его участием.

В протоколе допроса К. в качестве подозреваемого отсутствуют подписи защитника, что свидетельствует о нарушении требований уголовно-процессуального законодательства и влечет невозможность использования такого доказательства.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 235 УПК РФ, необходимо признать недопустимыми доказательствами и исключить их из обвинения: протокол осмотра места происшествия (л. д. 23, т. 3); протокол допроса подозреваемого К. (л. д. 10 т. 2).

В данном примере демонстрируются протоколы, имеющие явные существенные нарушения процессуального закона. Именно такие грубые ошибки следствия встречаются на практике нечасто. Это подтверждается и данными проведенного интервьюирования: 85,8 % опрошенных следователей согласились, что данные нарушения встречаются крайне редко. Если выявлены подобные нарушения, это безусловное основание к признанию протоколов недопустимыми.

Таким образом, любой предмет или вещь могут быть вещественными доказательствами только после процедуры признания ими таковыми. Только после того, как предмету будет присвоен статус вещественного доказательства, стороны вправе ссылаться на него в своих выступлениях, пояснениях, в апелляционных жалобах и т. д.

Значение вещественных доказательств по уголовным делам колоссально: порой они являются основным подтверждением вины или наоборот, опровергают причастность лица к деянию. С изъятых объектов считывается информация, берутся и исследуются отпечатки пальцев, по похищенным предметам проводят оценочную экспертизу, по остаткам крови делают выводы о расположении участников преступления и т. д.

Список литературы

1. Джелали Т. И. Проблемы допустимости отдельных видов доказательств // Уголовный процесс постсоветских государств: традиции, современное состояние, перспективы развития : сборник материалов Международной научно-теоретической конференции. 2017. С. 76–81.

2. Кочкина М. А. Оценка достаточности доказательств на этапе окончания предварительного расследования по уголовному делу : дис. … канд. юрид. наук. М., 2014.

3. Кравченко М. Е. Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2017.

4. Мохова П. С. К вопросу о доказательствах в уголовном процессе // Студенческий. 2020. № 18–4 (104). С. 62–63.

5. Терехин В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе: методологический, правовой, этический аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

Ильяшевич Т. А.[1],
преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Емельянова Н. Ю.[2],
преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В современном обществе все больше и больше задач, которые ранее решались вручную, переносятся на автоматизированные компьютерные системы. Отчетность и документация не стали исключением, и сегодня большинство процессов по заполнению бумажных формализованных документов заменено электронной версией. Использование компьютерных технологий в данном случае несет в себе определенную угрозу для конфиденциальности персональных данных участников. Перенос данных с бумажного документа в электронную форму может нести под собой риск нарушения защиты данных о личности участников процесса.

Здесь проанализируем не только проблемы, но и возможные пути решения проблем, связанных с обеспечением защиты персональных данных в уголовном судопроизводстве.

С каждым днем мы сталкиваемся все с новыми и новыми проблемами, связанными с нарушением личных данных и утечками информации. Несомненно, это связанно и с персональными данными каждого гражданина. Прежде чем говорить о защите данных, необходимо пояснить, чем являются персональные данные (далее – ПнД). Исходя из ст. 3 ФЗ РФ от 27 июля 2006 г. № 152 «О персональных данных», «ПнД – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [1].

Обеспечение безопасности ПнД участвующих в рамках уголовного судопроизводства представляет собой насущную проблему для следователя/дознавателя ввиду возможной угрозы жизни и здоровью участников процесса.

В силу характера и особенностей рассматриваемого процесса, конфиденциальность ПнД становится важным элементом защиты участников и поддержки законности в равной мере. Защита конфиденциальности ПнД участвующих в уголовном судопроизводстве является неотъемлемой составляющей осуществления правосудия.

---

[1] © Ильяшевич Т. А., 2025.
[2] © Емельянова Н. Ю., 2025.

В условиях нынешней информационной эпохи становится все труднее контролировать все аспекты защиты ПнД. Для того чтобы обеспечить конфиденциальность ПнД, необходимо уделять внимание хранению и передаче данных. Служебный носитель информации должен использоваться ею только в случае необходимости и только с письменного разрешения посвященных в данный процесс лиц. В соответствии с законом № 152-ФЗ сведения, относящиеся к персональной жизни гражданина, являются конфиденциальными и тайными.

Указанные сведения можно передавать третьим лицам только с согласия владельца персональных данных, если только это не предусмотрено законом или необходимо для защиты жизни и здоровья человека

Важно понимать, что защита ПнД в уголовном судопроизводстве должна осуществляться не только в соответствии с законами, но и при соблюдении основных принципов защиты прав и свобод граждан. Это включает в себя, в частности:

1) право граждан на конфиденциальность и защиту своих персональных данных;

2) принцип законности и правопорядка;

3) прозрачность и т. д.

Информационные технологии и средства связи позволяют собирать, хранить и обрабатывать большое количество информации. Тем самым государство должно уделять повышенное внимание обеспечению конфиденциальности ПнД в уголовном судопроизводстве.

С технической же точки зрения следует регулярно обновлять программное обеспечение охранных систем и используемых программных платформ [2, с. 23–25].

Также важным мероприятием, направленным на обеспечение безопасности персональных данных в уголовном судопроизводстве, является обеспечение контроля над доступом к данным. В рамках этого мероприятия рекомендуется использование таких методов, как установка паролей на персональных компьютерах и начальных страницах, подписанная служебная запись о выдаче личных данных и других персональных отчетов, контроль данных, а также установка защитных межсетевых экранов.

Регулятором обеспечения конфиденциальности ПнД может выступать Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных», где прописаны технические требования [3].

В условиях развития Интернета и технологий, связанных с использованием электронных средств передачи информации, возникает множество новых проблем в области защиты ПнД. Одной из этих проблем является недостаток механизмов защиты ПнД от кибератак и киберпреступлений. Поэтому крайне важно уделить внимание развитию правовой базы в данной области. Для этого необходимо проводить научные исследования, содействовать созданию новых проектов механизмов защиты, а также обучать специалистов правильному и безопасному использованию ПнД в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Липкин С. И., Коробов А. А. Право на защиту персональных данных в Российской Федерации : учебное пособие. М. : Юрайт, 2016.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

Клементьева Е. С.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В числе основных угроз безопасности подрастающего поколения по-прежнему остается вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, а также совершение криминальных посягательств в отношении них.

Согласно официальным данным о состоянии преступности в России, количество несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, составило в 2019 г.: 41 548 (–4,5 %), в 2020 г.: 37 771 (–9,1 %); в 2021 г.: 31 865 (–15,6 %); в 2022 г.: 30 469 (–4,4 %), в 2023 г. – 27 325 (–10,3 %).

В то же время число несовершеннолетних, потерпевших от противоправных посягательств, в 2019 г. составило 99 382 (+3,4 %); в 2020 г.: 90 374 (–9,1 %); в 2021 г.: 103 335 (+14,3 %); в 2022 г.: 103 185 (–0,1 %), в 2023 г. – 98 833 (–4,2 %).

При наметившейся в последнее время позитивной динамике повышения уровня защищенности детей по-прежнему значительным является число совершенных в отношении них общественно опасных посягательств, как следствие, несовершеннолетние могут быть самостоятельными субъектами при проверке сообщения о преступлении.

Вместе с тем на стадии возбуждения уголовного дела несовершеннолетний, как правило, еще не имеет определенного процессуального статуса. В связи с этим он фактически лишен возможности реализации того широкого спектра прав для отстаивания своих интересов, которые ему присущи в случае последующего признания потерпевшим либо подозреваемым (обвиняемым). И проблема не столько в специфике первоначальной стадии уголовного судопроизводства, сколько в недостатках ее нормативной регламентации.

Еще более неопределенно положение несовершеннолетних, выступающих в качестве заявителей, а также очевидцев в силу минимального внимания законодателя к урегулированию правового статуса этих как бы вскользь упоминаемых им в законе участников уголовного процесса.

В нормах УПК РФ не предусмотрен порядок проведения таких действий по проверке сообщения о преступлении в отношении несовершеннолетних, как получение объяснений, направление запросов, дача поручений. На наш взгляд, следует применять правила аналогии со схожими процессуальными действиями, регламентируемыми УПК РФ, с соблюдением ряда особенностей. Например, при получении объяснений у несовершеннолетнего целесообразно ориентироваться на нормы УПК РФ, регламентирующие порядок проведения допроса – ч. 1 ст. 191 УПК РФ.

---

[1] © Клементьева Е. С., 2025.

В частности, необходимо соблюдать предусмотренные чч. 2 и 3 ст. 187 УПК РФ требования: для совершеннолетних лиц получение объяснений не может длиться непрерывно более четырех часов, продолжительность получения объяснений в течение дня не должна превышать восьми часов. Получение объяснений с участием несовершеннолетних в возрасте до семи лет не может продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа, в возрасте от семи до 14 лет – более одного часа, а в общей сложности – более двух часов, в возрасте старше 14 лет – более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

В науке неоднозначно решается вопрос как об участии законного представителя на этом этапе, так и о самостоятельном отстаивании интересов несовершеннолетним. А. А. Андрейкин [1, с. 52], Г. Н. Кучеров [4, с. 61], Н. В. Солонникова [5, с. 224] и ряд других исследователей указывают на важность присутствия законного представителя несовершеннолетнего.

Значительные споры в юридической литературе и отсутствие единой правоприменительной практики вызывают ситуации, когда заявителем выступает сам несовершеннолетний без представительства со стороны своих законных представителей. Н. А. Кирянин [2, с. 11] допускает как самостоятельное участие несовершеннолетнего, так и вместе с законным представителем, Н. В. Солонникова [5, с. 224] в то же время допускает производство неотложного процессуального действия в отсутствии законного представителя с последующим его уведомлением. Наряду с этим А. Л. Корякин высказывает мнение об ограничении прав несовершеннолетнего, не достигшего 16-летнего возраста при подаче заявления по делам частного обвинения в суд, предлагая направление этого заявления в орган предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в публичном порядке [3, с. 16]. Разные подходы и взгляды ученых свидетельствуют об актуальности и неурегулированности этих вопросов.

Полагаем, что законный представитель несовершеннолетнего вправе присутствовать при получении объяснений у несовершеннолетнего, за исключением случаев, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего (например, в случае совершения им преступления в отношении несовершеннолетнего или совместно с несовершеннолетним и др.). В такой ситуации целесообразно пригласить другого законного представителя из числа лиц, указанных в п. 12 ст. 5 УПК РФ (в т. ч. представителя органа опеки и попечительства).

Участие педагога или психолога обязательно, если ребенок не достиг 16-летнего возраста, в остальных случаях – по усмотрению должностного лица, проводящего доследственную проверку.

При этом, проводя процессуальные действия в ходе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, важно учитывать действие норм семейного законодательства, в частности, ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации, закрепляющей, что родители, являясь законными представителями своих детей, «выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий».

В целом вопрос о представительстве интересов несовершеннолетних на стадии возбуждения уголовного дела, безусловно, требует дальнейшей законодательной конкретизации и развития.

Вместе с тем в уголовно-процессуальном законодательстве не решен вопрос о том, что делать в ситуации, если преступление совершено родителем в отношении несовершеннолетнего или если родитель находится в состоянии, не позволяющем осуществлять представительство интересов.

В связи с этим предлагаем внести дополнения в ст. 144 УПК РФ: при производстве любых процессуальных действий с участием несовершеннолетних необходимо незамедлительно или не позднее одного часа обеспечить присутствие законного представителя либо близкого родственника, а при невозможности их присутствия – представителя органа опеки и попечительства.

По преступлениям, относящимся к частному и частно-публичному порядку обвинения, заявление о преступлении может быть подано как самим заявителем (в нашем случае – несовершеннолетним), так и его законным представителем (в чч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ участники называются«потерпевший», «законный представитель», а правовые основания появления лиц с таким статусом не называются). Вопрос инициирования уголовного преследования лица в таких случаях требует определенной правовой грамотности и осознания юридически значимых последствий, что крайне сложно для несовершеннолетнего в силу его возрастных и психологических особенностей. В связи с чем инициирование как уголовного преследования, так и отказа от него самостоятельно и единолично несовершеннолетним требует осмысления и предложений по усилению гарантий защиты их прав. Решение вопроса об отказе от уголовного преследования единолично законным представителем не вполне обоснованно, так как несовершеннолетний потерпевший может об этом не знать или не осознавать последствия такого действия. В связи с этим полагаем, что важным является психологическое сопровождение несовершеннолетних участников на стадии возбуждения уголовного дела.

Таким образом, участие законных представителей, других субъектов, порядок производства процессуальных действий с участием несовершеннолетних и ряд других моментов вызывают дискуссии и проблемы в правоприменении, в связи с чем для надлежащей защиты прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства необходима подробная законодательная регламентация особенностей участия этой категории лиц на стадии возбуждения уголовного дела.

Список литературы

1. Андрейкин А. А. Правовой статус несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Законность. 2013. № 6 С. 50–53.

2. Кирянина Н. А. Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010.

2. Корякин А. Л. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016.

3. Кучеров Г. Н. Обеспечение прав несовершеннолетних на стадии проверки сообщения о преступлении // Социально-политические науки. 2017. № 3. С. 60–62.

4. Солонникова Н. В. Несовершеннолетний участник проверки сообщения о преступлении: его права и обязанности // Общество и право. 2008. № 2. С. 223–225.

Клещина Е. Н.[1]*,*
профессор кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Московского государственного
юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор

Крылова Д. С.[2]*,*
научный сотрудник
научно-исследовательской группы
Тверского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Преступность несовершеннолетних остается одной из острых социальных проблем во многих странах мира, включая Россию. Рассматриваемый вид преступности не только угрожает общественной безопасности, но и отражает системные проблемы в воспитании, образовании и социальной поддержки подростков.

Согласно статистическим данным, опубликованным МВД России за период с января по декабрь 2024 г., каждое тридцать четвертое (2,9 %) расследованное преступление в Российской Федерации совершено несовершеннолетними или при их соучастии. Среди лиц, совершивших преступления, 3,2 % (21 069 чел.) являются несовершеннолетними [1].

Приведенные данные свидетельствуют о высоком уровне преступности среди несовершеннолетних, о необходимости борьбы с которой неоднократно высказывался Президент Российской Федерации В. Путин. В частности, выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2025 г., глава государства отметил о необходимости «активнее внедрять систему дополнительных мер по профилактике преступности, в том числе и в молодежной среде» [2].

Представляется, что выполнение поставленной задачи требует глубокого изучения множества аспектов, детерминирующих преступность несовершеннолетних.

Выделим следующие причины преступности несовершеннолетних.

Социально-экономические факторы. Нередко такие негативные ситуации, как финансовые трудности, безработица родителей, отсутствие доступа к каче-

---

[1] © Клещина Е. Н., 2025.

[2] © Крылова Д. С., 2025.

ственному образованию и досугу из-за недостаточного материального обеспечения в семье детерминируют преступность несовершеннолетних.

Семейное неблагополучие, которое охватывает различные негативные характеристики семьи, внутрисемейные отношения, отношения членов семьи с внешними социальными институтами – школой, образовательными организациями, производством, досуговыми и другими учреждениями [3, с. 67].

Значимость проблематики семейного неблагополучия остается актуальной на современном этапе. Представляется, что ключевым критерием и формой неблагополучия является алкоголизм и пьянство в семье.

Влияние окружения и субкультур, которое заключается в оказании давления сверстников и участие в уличных группировках, рост киберпреступности, троллинг как форма самореализации.

Психологические аспекты, такие как подростковый кризис, стремление к самоутверждению, низкая стрессоустойчивость. Также к ним можно отнести увлечение опасным контентом в соцсетях.

Здесь важно отметить, что причиной преступного поведения является взаимодействие среды и личности, т. е. невозможно объяснить преступное поведение несовершеннолетнего без учета психологических знаний о его мотивах, потребностях, ценностных ориентациях, характерологических особенностях.

В качестве примера приведем уголовное дело по обвинению группы несовершеннолетних в совершении нескольких преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 158 УК РФ (кражи с проникновением из киосков для уличной торговли). Преступная группа состояла из пяти несовершеннолетних возрастом от 14 до 17 лет. Обвиняемый А. 17 лет, самый старший из сообщников, из неполной семьи, в школе учится в основном на отрицательные оценки, вину признает. Из показаний свидетеля – педагога, принимающего участие в следственных действиях, следует, что обвиняемый А. во время предварительного следствия ведет себя вызывающе, называет себя организатором преступлений. На вопрос следователя, что стало причиной совершения преступлений, отвечает, что нужны деньги, поскольку мама не дает средств на карманные расходы. То есть в данном случае мотивом совершения преступлений является желание улучшить материальное положение.

Обвиняемые И., С., М. 15 лет, ученики 9 класса, из благополучных, полных семей. Согласно материалам уголовного дела обвиняемые одеты опрятно, современно, имеют дорогостоящие гаджеты. На следственных действиях не воспринимают серьезность своего положения, поскольку преступления совершали, что называется, за компанию. Очевидно, что в денежных средствах они не нуждаются и на поставленный вопрос о мотивах совершения преступления, отвечают: «Просто так, в шутку». Анализ условий проживания несовершеннолетних показал, что, несмотря на благополучие их семей, со стороны родителей уделялось недостаточно внимания досугу детей, их личности, т. е. они были предоставлены сами себе. Соответственно ввиду наличия пустоты в отношениях с родителями дети попали под влияние наиболее взрослого среди них и авторитетного юноши, попирающего моральные устои и нормы общества.

Обвиняемый Н. 14 лет, ученик 8 класса, самый младший в преступной группе, который находится на попечении бабушки в связи со смертью матери, шко-

лу посещает крайне редко, нуждается в денежных средствах. На следственных действиях замкнут, ему стыдно перед бабушкой за совершение преступлений.

Всем пятерым несовершеннолетним суд назначил принудительные меры воспитательного воздействия в соответствии со ст. 90 УК РФ [4].

Приведенный пример не выявил «плохих» или «хороших» детей, а продемонстрировал, что среди несовершеннолетних, так или иначе вовлеченных в совершение преступлений, оказываются абсолютно разные категории личностей. Очевидно, что у обвиняемого А. уже сформировалась устойчивая антиобщественная позиция, т. е. он совершал преступления осознанно, с целью получения прибыли, в то время как в свои 17 лет он мог иметь законный заработок. Обвиняемые И., С., М., несмотря на видимое семейное благополучие, ввиду отсутствия взаимопонимания с родителями, попали под влияние более старшего товарища, в результате чего были вовлечены в целую серию корыстных преступлений. Обвиняемый М. в силу своего возраста, низкой финансовой обеспеченности, не до конца сформированной психики и отсутствия подобающего примера правого поведения также попал под влияние более старших сообщников.

На современном этапе молодежная среда сталкивается с новыми вызовами, такими как рост кибербуллинга, распространение зацепинга на железных дорогах, привлечение несовершеннолетних к участию в несанкционированных митингах и др.

Представляется, что довольно высокий уровень преступности среди несовершеннолетних имеет крайне серьезные последствия для нашего государства. Для общества – это рост насилия, экономические потери, а для самих несовершеннолетних – судимость, которая ограничивает доступ к образованию и работе, усиливает социальную изоляцию.

В качестве мер предупреждения преступности несовершеннолетних можно выделить:

1. Укрепление института семьи, в том числе путем поддержки многодетных и малообеспеченных семей, организации бесплатных консультаций психологов для родителей.

2. Развитие кружков, спортивных секций, волонтерских проектов, введение уроков правовой грамотности в школах.

3. Реформа системы ювенальной юстиции путем введения акцента на восстановительное правосудие вместо карательных мер и программы ресоциализации через обучение и трудоустройство.

4. Борьба с киберпреступностью посредством обучения несовершеннолетних цифровой безопасности и совершенствование взаимодействия образовательных организаций с правоохранительными органами.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что преступность несовершеннолетних – это особый вид преступности, которому свойствен ряд специфических признаков. При решении данной проблемы необходим комплексный подход, включающий в себя профилактику, поддержку семей и гуманные методы перевоспитания. Положительным моментом можно отметить проработку Государственной Думой Российской Федерации мер против подростковой преступности. К примеру, внедрение в России системы наставничества, подготовка

законопроектов по борьбе с травлей детей в школах и в сети Интернет и др. [5]. Важным также представляется развитие возможностей для самореализации подростков.

Список литературы

1. Сборник о состоянии преступности в России за период с января по декабрь 2024 года. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/ NIKOLAENKOVS/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf/.

2. Стенограмма расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19.03.2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/76484/.

3. Зайдуллина Г. Г. Девиантное поведение подростков и условия его социально-педагогической профилактики и коррекции : учебное пособие. М., 2011.

4. Архив Центрального районного суда г. Твери (дело № 1-120/2022).

5. В Госдуме проработают меры против подростковой преступности. URL: https://rg.ru/2024/03/28/v-gosdume-prorabotaiut-mery-protiv-podrostkovoj-prestupnosti.html/.

Лифанова Л. Г.[1]*,*
профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ, ОБЯЗАННЫХ ХРАНИТЬ ТАЙНУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Нормативный запрет на придание огласке сведений, входящих в содержание следственной тайны, обозначен в ч. 1 ст. 161 УПК РФ и ст. 310 УК РФ. Дефиниция «данные предварительного расследования» встречается еще в целом ряде статей уголовно-процессуального законодательства, в том числе посвященных процессуальным статусам участников уголовного судопроизводства, в разделе их обязанностей. Сохранение в тайне до определенного момента сведений, которые стали известны субъектам уголовно-процессуальной деятельности, имеет важное значение, так как при этом обеспечиваются права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, создаются препятствия утраты доказательственной информации и, в конечном итоге, достигаются цели правосудия.

Согласно нормативным положениям, передача информации о содержании материалов уголовного дела третьим лицам допускается лишь в случае отсутствия прямого запрета со стороны следователя (дознавателя). Такие запреты могут ограничивать объем передаваемой информации и адресованы конкретным участникам уголовного процесса. Основанием для введения запрета служит потенциальная угроза интересам расследования или правам и свободам участников уголовного судопроизводства.

Законодательную регламентацию ст. 161 УПК РФ нельзя признать удачной. Диспозиция нормы не позволяет категорично ответить на вопросы, касающиеся перечня лиц, от которых возможно отобрание письменного обязательства о нераспространении данных расследования, а также относится ли это к правам или обязанностям следователя (дознавателя).

Кроме того, остается неясность относительно содержания понятия «тайна предварительного расследования». Нет четких указаний ни на конкретные сведения, составляющие эту тайну, ни на возможные сроки получения подписки о неразглашении и продолжительность ее действия.

На основании анализа норм уголовно-процессуального законодательства можно выделить следующие категории субъектов, которым может быть запрещено разглашение данных предварительного расследования:

1) потерпевший (п. 3 ч. 5 ст. 42 УПК РФ, ч. 7 ст. 42 УПК РФ);

2) гражданский истец (ч. 6 ст. 44 УПК РФ);

3) законные представители и представители потерпевшего и гражданского истца (ч. 3 ст. 45 УПК РФ);

4) защитник (ч. 3. ст. 53 УПК РФ);

---

[1] © Лифанова Л. Г., 2025.

5) гражданский ответчик (п. 2 ч. 3 ст. 54 УПК РФ);
6) представитель гражданского ответчика (ч. 2 ст. 55 УПК РФ);
7) свидетель (п. 3 ч. 6 ст. 56 УПК РФ, ч. 9 ст. 56 УПК РФ);
8) эксперт (п. 5 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, ч. 6 ст. 57 УПК РФ);
9) специалист (ч. 4 ст. 58 УПК РФ);
10) переводчик (п. 2 ч. 4, ч. 5 ст. 59 УПК РФ);
11) понятой (ч. 4 ст. 60 УПК РФ).

Кроме того, необходимо включить в него участников доследственной проверки, поскольку законодатель в ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ предусматривает право должностного лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, предупреждать о неразглашении сведений, полученных в процессе участия в проверочных действиях, лиц – участников этой проверки.

Подписка о неразглашении тайны может потребоваться, когда возникает угроза распространения не только сведений, отражающих ход расследования по уголовному делу, но и в случае обнародования информации для участников процесса, если такая информация содержит элементы государственной тайны. При этом лицу, производящему расследование, необходимо помнить, что в его обязанности входит пресечение возможности придания огласке данных о частной жизни субъектов уголовно-процессуальной деятельности, следовательно, предупреждение об этом и отобрание подписки является обязательным (например, у понятых, присутствующих при обыске, в ходе которого были обнаружены какие-либо фотографии, видеозаписи, личные дневники лица, в отношении которого данное следственное мероприятие проводилось. Следователь (дознаватель) обязан предупредить лиц, приглашенных в качестве понятых, что сведения, которые стали им известны в связи с участием в обыске, не должны распространяться (ч. 5 ст. 161 УПК РФ).

Подписка о неразглашении данных предварительного расследования представляет собой процессуальное средство защиты права на неприкосновенность частной жизни или иной законной тайны [1, с. 100]. Однако сведения, составляющие личную тайну, могут не относиться к сведениям, образующим тайну предварительного следствия и, соответственно, не влечь ответственность по ст. 310 УК РФ.

Так, согласно позиции судебной коллегии Московского городского суда, данные о состоянии здоровья участника уголовного судопроизводства не являются информацией, за распространение которой возможно наступление уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. Обоснованием служит ссылка на объект обозначенного преступления – интересы правосудия и предварительного расследования [2].

Юридическая наука не свободна от разности суждений относительно круга субъектов – носителей тайны следствия, на которых может быть обращен следственный запрет на ее разглашение.

Так, важной для правоприменительной деятельности является ясность по вопросу о том, может ли явиться подозреваемый или обвиняемый субъектом ответственности за распространение данных предварительного следствия.

Данная проблема является предметом дискуссии в юридической литературе, что свидетельствует об отсутствии единой позиции по данному вопросу.

Аргументы как сторонников, так и противников возможности привлечения к ответственности по ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации подозреваемых (обвиняемых), являются обоснованными и заслуживают внимания.

Согласно позиции М. Ю. Терехова, отсутствие нормативного указания о том, что подозреваемый (обвиняемый) исключается из числа субъектов, на которых может быть возложено бремя ответственности по ст. 310 УК РФ, означает, что отобрание у него подписки в соответствии со ст. 161 УПК РФ не противоречит закону [3, с. 132].

Однако, принимая во внимание процессуальный статус подозреваемых (обвиняемых), их конституционные права и специфику их процессуальной роли в правоотношениях, связанных с расследованием уголовных дел, возникает необходимость более глубокого анализа законности введения запрета на разглашение данных предварительного расследования в отношении указанных лиц.

Убедительное суждение высказывает А. Е. Маслов, согласно которому подозреваемый и обвиняемый не могут относиться к кругу субъектов, у которых отбирается подписка о неразглашении следственной тайны, так как данные представители стороны защиты имеют свой интерес в плане результатов расследования, зачастую оказывают противодействие следствию.

Следует учитывать, что подозреваемый (обвиняемый) вправе реализовывать свои права всеми доступными способами, если это не связано с нарушением закона. Их поступки, направленные на распространение информации, полученной в ходе предварительного расследования, следует воспринимать как реализацию права на защиту. Ограничительные меры, накладываемые на подозреваемого (обвиняемого), касающиеся разглашения материалов уголовного дела, могут воспрепятствовать полному осуществлению прав, предусмотренных ст.ст. 46 и 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4, с. 78]. Более того, подобные ограничения нарушают принцип состязательности и равенства сторон.

Аналогичную позицию занимают А. Б. Соловьев, М. Е. Токарев и Н. А. Власова, утверждая, что наложение запрета на разглашение данных предварительного расследования на подозреваемого или обвиняемого противоречит законодательным нормам [5, с. 117–118].

Отсутствие унифицированного понимания норм УПК РФ и УК РФ относительно признания подозреваемого (обвиняемого) субъектом преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ, привело к обращениям граждан в Конституционный суд Российской Федерации, который поддержал позицию, согласно которой подозреваемые (обвиняемые) не могут быть отнесены к лицам, от которых следователь (дознаватель) вправе требовать подписку о неразглашении сведений, составляющих следственную тайну [5].

Полагаем, что недопустимость возложения на подозреваемого (обвиняемого) обязанности по сохранению в тайне данных предварительного расследования должна быть прямо закреплена в законодательстве.

Обсуждаемым является вопрос об отнесении к субъектам ответственности за разглашение данных предварительного расследования защитника подозреваемого (обвиняемого). Очевидно, что запрет на использование информации, имеющейся в материалах уголовного дела в целях оказания квалифицированной юридической

помощи, может отразиться на качестве защиты представляемого лица. Тем не менее, позиции законодателя и высших судебных инстанций сводятся к тому, что защитник – безусловный потенциальный субъект преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ, если в его действиях будет усмотрено разглашение данных предварительного расследования. Кроме того, в ч. 5 ст. 49 УПК РФ в целях сохранения сведений, составляющих государственную тайну, акцентировано внимание на том, что защитник обязан дать подписку об их неразглашении, а также принимать меры по недопущению ознакомления с ними иных лиц.

В то же время юридически у защитника есть право собирать и представлять доказательства (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). При этом обязанности сообщать органу предварительного расследования об имеющихся в его распоряжении доказательствах не предусмотрено. Одновременно соблюдение требований ст. 161 УПК РФ подразумевает, что если защитник предупрежден в установленной законом форме о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, то, например, фактически обратиться за помощью к специалисту, не поставив об этом в известность следователя (дознавателя), невозможно.

Кроме этого, отобрание у защитника подписки о неразглашении следственной тайны создает препятствия для проведения им опросов граждан, которые могут владеть информацией, имеющей значение для осуществляемой им защиты[1]. Обозначенные противоречия, возникающие при реализации норм УПК и ФЗ-63 от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» содержат в себе нарушение принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

По сути, защитник, будучи предупрежден о недопустимости разглашения данных предварительного следствия, лишается возможности сбора доказательств без уведомления об этом следователя (дознавателя). Обращению за помощью к специалисту, проведению опросов в обязательном случае должна предшествовать беседа со следователем, в ходе которой защитник обозначает свои намерения и разглашает линию защиты.

Одновременно защитник ходатайствует перед следователем о взятии подписки о запрете придания гласности сведений, которые могут получить специалист и опрашиваемые лица. А следователь, в свою очередь, вправе такое ходатайство не удовлетворить. Полученную информацию о планируемых защитником мероприятиях следователь может использовать в своих целях.

Представляется правильным предусмотреть на законодательном уровне невозможность отказа со стороны следователя (дознавателя) в удовлетворении ходатайств защитника в отобрании подписки о неразглашении данных предварительного расследования, если такие ходатайства поступают при реализации им процессуальных полномочий по сбору и представлению доказательств.

В заключение заметим, что недопустимо отдавать предпочтение правам и свободам отдельных участников уголовного судопроизводства перед правами и свободами других субъектов уголовно-процессуальных отношений. Защита

---

[1] Такое полномочие регламентировано ч. 3 ст. 6 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

следственной тайны не должна служить средством ограничения прав и свобод лица, привлекаемого к ответственности, и его представителя (защитника). Требования о соблюдении конфиденциальности информации, полученной в процессе рассмотрения уголовного дела, должны основываться на объективной необходимости предотвращения нарушений прав иных участников процесса и обеспечения нормального хода предварительного расследования.

Список литературы

1. Евсеенко В. Е. Тайна в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.

2. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 20 октября 2010 г. по делу № 22-13679/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Терехов М. Ю. Получение дознавателями и следователями органов внутренних дел сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну: особенности уголовно-процессуальной формы : дис. …канд. юрид. наук. М., 2010.

3. Маслов А. Е. Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследования : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2001.

4. Соловьев А. Б., Токарев М. Е., Власова Н. А. Общие условия предварительного расследования : монография. М. : Юрлитинформ, 2005.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. № 2065-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гарина Олега Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 2144-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брянцева Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Макаренко М. М.[1]*,*
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического
института (г. Москва),
кандидат юридических наук, доцент

Денцель А. С.[2]*,*
курсант
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Применение полиграфа в рамках расследования уголовных дел представляет собой одну из актуальных и дискуссионных областей современной науки и практики. С одной стороны, использование полиграфа может способствовать ускорению расследования, повышению объективности следственных действий и выявлению новых доказательств. С другой стороны, применение результатов полиграфа в качестве доказательств вызывает споры в научном сообществе и юридической практике, что связано с недостаточной нормативной правовой базой и ограничениями, связанными с допустимостью использования таких данных на предварительном расследовании и в рамках судебного разбирательства.

Полиграф представляет собой устройство для регистрации физиологических реакций человека на задаваемые вопросы. Его использование основано на предположении, что ложь вызывает эмоциональное напряжение, которое отражается в изменении ряда показателей, таких как частота сердечных сокращений, дыхание, потоотделение и артериальное давление.

Эффективность полиграфа зависит от ряда факторов:

1) компетентности оператора (специалист должен иметь как навыки в интерпретации физиологических данных, так и познания в психологии человека);

2) качества оборудования (современные полиграфы с компьютерным управлением обеспечивают более точную регистрацию данных);

3) соблюдения методики (отклонения от протокола проведения тестирования могут снизить достоверность). Однако даже при строгом соблюдении протокола точность полиграфа варьируется от 70 % до 90 %.

Помимо факторов, негативно влияющих на результат тестирования со стороны испытуемого, также имеются факторы и со стороны специалиста, проводящего данное исследование. В основном это относится к этическим нарушениям. То есть специалист должен соблюдать такие этические начала как:

---

[1] © Макаренко М. М., 2025.
[2] © Денцель А. С., 2025.

1) добровольность прохождения тестирования. В соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации никто не может быть принужден свидетельствовать против самого себя. Это правило распространяется и на прохождение тестирования на полиграфе. Однако на практике возникают ситуации, когда испытуемого могут склонять к прохождению теста под давлением, например, угрожая негативными последствиями в случае отказа;

2) соблюдение конфиденциальности. Во время тестирования на полиграфе может быть получена информация, не имеющая отношения к расследуемому делу, но касающаяся частной жизни испытуемого. Этический принцип предполагает, что такую информацию следует использовать только в целях, направленных на расследование преступления;

3) недопустимость унижения человеческого достоинства. Данный аспект регламентирует уважительное отношение к испытуемому, независимо от его процессуального статуса или степени виновности в совершенном преступлении;

4) психологическое воздействие на испытуемого. Оператор должен учитывать стрессовое состояние испытуемого и избегать дополнительных стрессовых воздействий, которые могут исказить результаты тестирования.

Полиграф используется на этапах оперативно-разыскной и следственной деятельности для решения следующих задач:

1) проверки достоверности показаний;

2) исключения лиц из круга подозреваемых;

3) выявления скрытой от следствия информации;

4) психологического воздействия на подозреваемых.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует четкое указание на возможность использования результатов полиграфа в качестве доказательства. Результаты тестирования могут использоваться для формирования следственной версии, но редко учитываются при вынесении судебных решений.

При этом отсутствие единых стандартов и методик применения полиграфических исследований формирует и разную региональную практику. В некоторых субъектах они используются активно, в других полностью игнорируются. Но в любом случае суды рассматривают их результаты лишь как вспомогательный источник информации, не обладающий самостоятельной доказательной силой.

Считаем, что для повышения эффективности использования полиграфа в уголовном процессе требуются следующие меры:

1) расширение перечня доказательств, предусмотренных УПК РФ, путем включения туда результатов полиграфического исследования;

2) реализация дополнительных мероприятий по защите прав испытуемых, включая соблюдение принципа добровольности и конфиденциальности;

3) принятие специализированного нормативного правового акта с правовой детализацией применения данного исследования, включая стандарты проведения, требования к операторам полиграфа и правила интерпретации данных;

4) повышение квалификации специалистов, работающих с полиграфом;

5) разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации о допустимости использования результатов полиграфа и условиях их включения в доказательственную базу;

6) разработка соответствующих методических рекомендаций для представителей органов предварительного расследования, определяющих: порядок назначения проверки на полиграфе; формулировку вопросов и подходы к интерпретации результатов; применение данных, которые были получены в ходе расследования;

7) технологическое совершенствование.

В заключение отметим, что совершенствование нормативно-правового регулирования и внедрение новых технологий позволят значительно расширить возможности применения полиграфа в уголовных расследованиях.

Макеева Н. В.[1]*,*
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Макеев А. В.[2]*,*
доцент кафедры организации судебной
и правоохранительной деятельности
Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ. 172.4 УК РФ

Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст.ст. 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Уголовный кодекс Российской Федерации [5] дополнен ст. 172.4 «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц».

Указанная статья установила уголовную ответственность за совершение действий, направленных на возврат просроченной задолженности физических лиц и сопряженных с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, а равно с угрозой распространения либо распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких, лицом, действующим от имени организации-кредитора или в ее интересах, в том числе работником организации-кредитора, либо лицом, которому переданы права кредитора по договору уступки права (требования), либо лицом, действующим от имени или в интересах лица, которому переданы указанные права.

Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [6] регулирует сферу деятельности по возврату просроченной финансовой задолженности физических лиц. В данном правовом акте законодатель закрепил положение о том, что не допускается осуществлять возврат просроченной задолженности путем применения физической силы в отношении должника либо иного лица, угрозы убийством или причинением вреда здоровью, использования высказываний и совершения других действий, которые унижают честь и достоинство человека, уничтожения или повреждения имущества или угрозы совершения таких дей-

[1] © Макеева Н. В., 2025.
[2] © Макеев А. В., 2025.

ствий, применения методов, которые опасны для жизни и здоровья человека; оказания психологического давления на должника или иных лиц [7].

Анализ поступающих заявлений в органы принудительного исполнения показывает рост обращений, фиксирующих факты злоупотреблений и нарушений требований, регламентированных ФЗ-230 по возврату просроченных задолженностей [8]. При этом прослеживается рост как обращений в отношении юридических лиц, так и в отношении микрофинансовых, кредитных организаций и иных лиц, часто действующих в интересах такого рода организаций, но не трудоустроенных у них [8].

Статья 172.4 УК РФ направлена и должна позволить правоохранительным структурам противодействовать лицам, использующим незаконные способы возврата просроченной задолженности, обеспечив тем самым превентивную защиту интересов граждан [1, с. 123]. До принятия данной нормы лица, осуществлявшие противоправные действия подобного рода, привлекались к ответственности по другим составам, но только при условии наступления последствий, установленных в них. Такими составами чаще всего являлись составы, предусмотренные ст.ст. 119, 128.1, 137, 139, 163, 167, 330 УК РФ (например, угроза жизни, причинение вреда здоровью и т. д.) [2, с. 19].

Следует обратить внимание, что ответственность по ч. 1 ст. 172.4 УК РФ наступает за действия, направленные на возврат просроченной задолженности физических лиц и сопряженных с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, а равно с угрозой распространения либо распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких. Квалифицированные составы по чч. 2 и 3 данной статьи предусматривают ответственность соответственно за те же действия, совершенные группой лиц или с применением насилия не опасного для жизни и здоровья или с уничтожением или повреждением имущества или в крупном размере, т. е. ущерб более 2 250 000 руб. (ч. 2), за деяния, предусмотренные чч. 1 и 2, совершенные организованной группой или с применением насилия, опасного для жизни или здоровья или в особо крупном размере, т. е. ущерб – более 9 000 000 руб. (ч. 3).

Потерпевшим по данному составу преступления признается физическое лицо, имеющее просроченную задолженность, либо его близкие (противоправные действия могут быть также направлены на одного из близких).

Объективную сторону ст. 172.4 УК РФ образует совокупность действий, направленных на возврат просроченной задолженности и способа**,** выражающемся в угрозе (в психическом насилии над потерпевшим).

Угроза, рассматриваемая в данном составе, может характеризоваться следующей направленностью:

1) угроза применения насилия;

2) угроза уничтожения или повреждения имущества;

3) угроза распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких.

Под угрозой распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких, следует понимать угрозу их пуб-

ликации в печати, трансляции их по радио и телевидению, демонстрации в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространения в сети Интернет либо с использованием иных средств телекоммуникационной связи, а также угрозу изложения таких сведений в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщения в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу.

Состав данного преступления также образуют действия по непосредственному распространению заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких.

Оконченным состав будет, когда лицо в ходе личной встречи, телефонных переговоров, автоматизированного интеллектуального агента (непосредственное взаимодействие), телеграфного сообщения, текстового, голосового и иного сообщения, передаваемого по сети связи общего пользования или с использованием сайтов и (или) страниц сайтов в сети Интернет, а также через передачу письменной корреспонденции, доставляемой по месту жительства или месту пребывания должника операторами почтовой связи, курьером или специальными (курьерскими) службами доставки без непосредственного взаимодействия, довело до потерпевшего требования о возврате просроченной задолженности, сопряженное с указанной в ч. 1 ст. 172.4 УК РФ угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, а равно с угрозой распространения либо распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких. При этом не имеет значения, вернуло потерпевшее лицо просроченную задолженность или нет.

Помимо уголовной ответственности за нарушение порядка осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц предусмотрена административная ответственности. Согласно ч. 1 ст. 14.57 КоАП РФ «Нарушение требований законодательства о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности» привлечению к административной ответственности подлежит кредитор или лицо, действующее от его имени и (или) в его интересах в случае совершения действий, направленных на возврат просроченной задолженности и нарушающих Федеральный закон № 230 «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности», за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 14.57 КоАП РФ и если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния [3, с. 60].

В ст.ст. 4, 6 и 7 Федерального закона № 230 установлены следующие правила, которые должен соблюдать кредитор или лицо, действующее от его имени и (или) в его интересах:

1) способы взаимодействия с должником (только используя: личные встречи, телефонные переговоры, автоматизированного интеллектуального агента (непосредственное взаимодействие); телеграфные сообщения, текстовые, голосовые и иные сообщения, передаваемые по сети связи общего пользования или с использованием сайтов и (или) страниц сайтов в сети Интернет, а также с использованием федеральной государственной информационной системы

«Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», либо информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети Интернет; письменную корреспонденцию, доставляемую по месту жительства или месту пребывания должника операторами почтовой связи, курьером или специальными (курьерскими) службами доставки без непосредственного взаимодействия) (ст. 4 ФЗ № 230);

2) условия осуществления отдельных способов взаимодействия с должником (так, не допускается взаимодействие в случае признания лица банкротом, лишенным дееспособности или ограниченным в дееспособности, нахождении в стационаре, если является инвалидом I группы, несовершеннолетним, также не допускается взаимодействие в рабочие дни с 22:00 до 08:00 и в выходные и нерабочие праздничные дни с 20:00 до 09:00, посредством личных встреч более одного раза в течение календарной недели, посредством телефонных переговоров или с использованием автоматизированного интеллектуального агента: более одного раза в сутки, более двух раз в течение календарной недели, более восьми раз в течение календарного месяца и другие условия, содержащиеся в законе) (ст. 7 ФЗ № 230).

Именно нарушение вышеуказанных правил взаимодействия с должником ведет к административной ответственности. В том случае если взаимодействие с должником сопряжено с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, а равно с угрозой распространения либо распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких, – действия содержат уголовно наказуемые деяния, влекущие наступление ответственности по чч. 1, 2, 3 ст. 172.4 УК РФ. При этом действия не должны содержать признаков, указанных в чч. 2 и 3 ст. 172.4 УК РФ [4, с. 290].

В том случае если действия, предусмотренные ч. 1 ст. 172.4 УК РФ. совершены группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, с уничтожением или повреждением имущества либо в крупном размере, – они подлежат квалификации по соответствующим пунктам ч. 2 ст. 172.4 УК РФ. Совершение указанных действий организованной группой, с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо в особо крупном размере квалифицируется по соответствующим пунктам ч. 3 ст. 172.4 УК РФ.

Когда осуществляются действия по возврату просроченной задолженности, сопряженные с угрозой убийства и причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего или его близких, – противоправные действия не подлежат квалификации дополнительно по ст. 119 УК РФ, так как попадают под санкцию ст.ст. 172.4 УК РФ. Также не требует дополнительной квалификации по ст. 128.1 УК РФ распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего и его близких.

При принятии решения о привлечении к ответственности по рассматриваемому составу следует отграничивать от привлечения к ответственности по ст. 163 УК РФ «Вымогательство». Отличие данного состава от ст. 172.4 УК РФ заключается в том, что вымогательство имеет направленности на завла-

дение чужим имуществом, тогда как незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности направлено на возврат имущества принадлежащего субъекту преступления либо организации кредитору, в чьих интересах действует субъект преступления.

Введение ст. 172.4 в УК РФ, устанавливающую ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности, в том числе устанавливающую повышенную ответственность за совершение этих действий, сопряженных с применением насилия или угрозой его применения, отвечает требованиям времени и направлено на повышение гарантий правовой защищенности граждан от посягательств на их жизнь, здоровье и имущество.

Список литературы

1. Макеев А. В. Особенности расследования преступлений против здоровья // Эпоха науки. 2018. № 15. С. 18–23.

2. Скрипченко Н. Ю. Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц: комментарий законодательных новелл // Уголовное право. 2023. № 11 (159). С. 59–65.

3. Ступина С. А. Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц: отдельные вопросы квалификации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181). С. 288–290.

4. Судебные и правоохранительные органы : учебник / [Е. В. Бурдина и др.]. Ч. 2. М., 2024.

5. Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 29. Ст. 5341.

6. Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4163.

7. Федеральный закон Российской Федерации от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200497/.

8. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8.

Маслов Н. В.[1]*,*
преподаватель
кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Нераскрытыми преступлениями прошлых лет считаются уголовные правонарушения, совершенные в прошлом и оставшиеся нераскрытыми на момент обращения к ним. Критерием «прошлых лет» может служить временной промежуток, установленный законодательством или правоохранительными органами (например, более пяти, десяти и более лет). Ключевым аспектом является отсутствие полного и достаточного объема доказательств, позволяющих установить личность виновного и привлечь его к ответственности. Это не означает автоматического прекращения дела, а лишь указывает на необходимость проведения дополнительных следственных мероприятий, возможно, с применением новых технологий и методик. Важно различать нераскрытые преступления и приостановленные дела. Приостановление производства по уголовному делу происходит в связи с временной невозможностью проведения следственных действий (например, неизвестность местонахождения подозреваемого) [1, с. 159; 2, с. 109; 3, с. 218]. В отличие от приостановленного дела, нераскрытое преступление характеризуется исчерпанием всех доступных на момент окончания следствия возможностей по установлению виновного лица.

Криминалистическая характеристика преступлений отражает типовую структуру соответствующей категории преступлений и является ее обобщенной моделью.

Так, И. А. Возгрин включает в структуру криминалистической характеристики преступлений «сведения о предмете преступного посягательства, о типичных личностных особенностях преступников и о потерпевших, о способах приготовления, совершения и сокрытия преступлений и типичных последствиях преступных действий, обобщенные данные о наиболее распространенных мотивах преступления».

По мнению И. Ф. Пантелеева, «в структуру криминалистической характеристики входят типичные ситуации данного вида преступлений, наиболее распространенные способы их совершения, применяемые преступниками технические средства и т. д.».

Анализ приведенных суждений позволяет сделать вывод о том, что криминалистическую характеристику нераскрытых преступлений прошлых лет следует рассматривать в двух аспектах: первый аспект представляет собой общую характеристику преступлений, независимо от категории преступления и его

[1] © Маслов Н. В., 2025.

уголовно-правовой квалификации, второй аспект представляет собой криминалистическую характеристику отдельного вида преступлений [4, с. 198; 5, с. 318]. Расследование таких преступлений требует специального подхода, отличающегося от расследования текущих дел. Необходим тщательный анализ имеющихся материалов, применение современных криминалистических технологий (например, генетической экспертизы, цифровой обработки изображений), поиск новых свидетелей, использование архивных данных. Важное значение приобретают междисциплинарные подходы, включающие сотрудничество специалистов различных областей: криминалистов, генетиков, историков и др.

Постоянное совершенствование методов расследования, а также создание и развитие единых баз данных, позволят значительно повысить эффективность работы правоохранительных органов в этом направлении. Кроме того, необходимо уделять особое внимание профилактике преступлений, чтобы предотвратить возникновение новых нераскрытых дел в будущем [6, с. 183; 7, с. 215]. Нераскрытые дела прошлых лет остаются открытой раной для общества и требуют постоянного внимания и профессионализма со стороны правоохранительных органов.

Технико-криминалистические средства являются незаменимым инструментом в раскрытии насильственных преступлений прошлых лет. История криминалистики свидетельствует о том, как с течением времени совершенствовались методы и технологии, помогающие следователям выявить и проанализировать улики. Современная наука о криминалистике опирается на богатый опыт предшественников и активно использует передовые технологии, такие как дактилоскопия, биометрия, судебная генетика и др. Благодаря этим средствам удается эффективно расследовать даже давние преступления и привести преступников к справедливости, что позволяет обществу чувствовать себя защищенным и укрепляет веру в правосудие.

Криминалистические средства в прошлом представляют собой набор методов и инструментов, которые использовались для расследования преступлений и сбора улик [8, с. 498; 9; 10, с. 212]. На протяжении веков эти средства эволюционировали, адаптируясь к новым вызовам и технологиям.

1. Первые методы расследования. В древние времена для расследования преступлений использовались довольно примитивные методы. Например, в Древнем Египте и Месопотамии следователи полагались на показания свидетелей и признания обвиняемых, часто полученные под пытками. Важно отметить, что в этих обществах существовали свои системы правосудия, которые основывались на обычаях и традициях.

2. Средневековье. В Средние века методы расследования оставались простыми. Инквизиции и суды часто использовали допросы и пытки для получения информации. Однако в это время также начали развиваться более систематические подходы, такие как использование улик на месте преступления. Появление первых полицейских организаций в Европе, например, в Лондоне в 1829 г., стало важным шагом к более организованному расследованию преступлений.

2. С XIX в. криминалистика начала принимать научный характер. Появились такие методы, как:

– фотографирование мест преступления. Введение фотографии позволило фиксировать улики и места преступлений с высокой точностью;

– анализ почерка. Начали использоваться методы графологии для определения авторства документов;

– сравнительная криминалистика. Исследование следов, оставленных на месте преступления, таких как отпечатки обуви или орудий преступления.

Современные методы анализа данных позволяют эффективно проводить криминалистическую экспертизу материальных и цифровых улик, в том числе ДНК-анализ, баллистическую экспертизу, ксерографию и др. [11, с. 189; 12, с. 266]. Разработка новых технологий и программного обеспечения способствует повышению точности и скорости раскрытия преступлений с насильственным характером, создавая возможность вывода на свет информации и идентификации преступников даже после многих лет с момента совершения преступления. Важность использования технических средств в расследовании насильственных преступлений прошлых лет неоспорима, поскольку они помогают устанавливать объективные факты и обеспечивать справедливость в судебных решениях.

При проведении анализа криминальных доказательств прошлых лет в рамках расследования насильственных преступлений технико-криминалистические средства играют ключевую роль. Экспертные исследования материальных улик, таких как кровь, волосы, отпечатки пальцев, а также анализ следов скрытия улик на аудио- и видеоматериалах, позволяют значительно увеличить шансы на раскрытие преступлений [13, с. 394; 14, с. 128]. Благодаря современным технологиям и методам технической экспертизы возможно детальное изучение совершенных насильственных деяний прошлых лет, что дает возможность обнаружить, идентифицировать преступников и привлечь их к ответственности. Важное значение имеет также исследование цифровых следов, таких как мобильные записи, личные сообщения и другие улики, доступные благодаря современным техническим средствам.

Современные технологии играют ключевую роль в раскрытии насильственных преступлений прошлых лет, облегчая работу криминалистов. Одним из наиболее эффективных технических средств являются датчики, позволяющие выявить следы ДНК на месте преступления даже спустя долгие годы. Также необходимо отметить использование специализированного программного обеспечения, позволяющего анализировать данные о жертвах и подозреваемых, а также проводить компьютерное моделирование событий. Благодаря современным технологиям криминалисты могут значительно улучшить качество расследования и повысить шансы на успешное раскрытие насильственных преступлений прошлого.

Технико-криминалистические методы играют важную роль при раскрытии насильственных преступлений прошлых лет, особенно убийств. Современные технологии позволяют проводить анализ следов с учетом временного фактора, что помогает выявить улики и определить подозреваемых [15, с. 84; 16, с. 106]. Использование сравнительного генетического анализа, улучшенных методов отпечатков пальцев, цифровых реконструкций сцен преступления значительно ускоряют процесс разгадывания давно совершенных убийств. Благодаря этим методам могут быть установлены новые свидетельства и связи, а также значи-

тельно увеличивается вероятность выявления преступников, даже спустя долгие годы после совершения преступления. Раскрытие насильственных преступлений, совершенных в прошлом, представляет собой одну из наиболее сложных задач для правоохранительных органов. Проблема усугубляется с течением времени: ухудшается качество вещественных доказательств, теряются свидетели, а память очевидцев становится менее надежной. Однако развитие технико-криминалистических средств открывает новые возможности для переосмысления «холодных дел» и достижения справедливости [17; 18]. В данной работе рассмотрены как существующие проблемы, так и перспективные направления развития технологий, способные значительно повысить эффективность расследования старых насильственных преступлений.

Проблемы в раскрытии преступлений прошлых лет:

1. Деградация вещественных доказательств. С течением времени ДНК-материал деградирует, следы крови и других биологических жидкостей становятся менее различимы, а отпечатки пальцев могут быть повреждены или вовсе исчезнуть. Хранение вещественных доказательств часто оставляет желать лучшего, что приводит к их порче и утрате ценной информации. Недостаток современных методов фиксации и хранения доказательств на начальном этапе расследования также играет существенную роль.

2. Ограниченные возможности традиционных методов. Традиционные методы криминалистического исследования, такие как дактилоскопия и баллистика, могут оказаться недостаточными для раскрытия преступлений, совершенных много лет назад. Информация, полученная с их помощью, часто бывает фрагментарной и не позволяет однозначно идентифицировать преступника.

3. Отсутствие или потеря свидетельских показаний. С течением времени свидетели могут умереть, забыть детали происшествия или изменить свои показания под воздействием различных факторов. Даже если свидетели еще живы, их показания могут быть неполными или противоречивыми, что затрудняет расследование. Не всегда на начальных этапах расследования проводилась качественная работа по сбору и фиксации свидетельских показаний.

4. Недостаток технологических ресурсов. Не во всех правоохранительных органах доступны современные технико-криминалистические средства и высококвалифицированные специалисты для работы с ними. Это особенно актуально для небольших городов и регионов с ограниченным бюджетом.

5. Несоответствие законодательства и технологий. Законодательство в некоторых странах может не предусматривать использование новейших технологий в процессе расследования старых дел, что создает дополнительные сложности.

Тенденции эволюции средств криминалистической техники:

1. Прогресс в области генетического анализа. Внедрение передовых техник анализа ДНК, отличающихся высокой чувствительностью, обеспечивает возможность работы с незначительными, а также значительно ухудшенными пробами биологических материалов. Инновации в методах восстановления и усиления сигналов ДНК расширяют возможности в определении личности преступников по давно не разгаданным случаям.

2. Внедрение инновационных техник визуализации. Прогрессивные алгоритмы для обработки визуальных данных способствуют повышению качества устаревших фото- и видеоматериалов, акцентируя внимание на деталях, минимизируя помехи и дефекты изображений. Это значительно облегчает процесс выявления лиц, подозреваемых в преступлениях, или раскрытия ранее не заметных свидетельств.

3. Применение генетических генеалогических исследований. Изучение генетической генеалогии дает возможность выявить семейные связи между злоумышленником и его потомками или современными родственниками, что может предоставить ключевые данные для проведения расследований. Этот метод находит особое применение в ситуациях, когда ДНК-материал злоумышленника отсутствует в существующих генетических реестрах.

4. Прогресс в области информационных технологий. Аналитика цифровых артефактов, включая устаревшие файлы, электронную корреспонденцию и общение в соцсетях, может раскрыть важные аспекты о личности злоумышленника и его действиях. Современные подходы к реконструкции информации с испорченных или зашифрованных данных непрерывно улучшаются.

2. Роль искусственного интеллекта. Искусственный интеллект способен автоматизировать обработку огромных массивов данных, выявлять закономерности и предугадывать действия преступников. Это способствует ускорению процесса расследования и увеличению его результативности.

3. Оптимизация баз данных. Разработка и усовершенствование всесторонних баз данных, включающих генетические маркеры, дактилоскопические данные и другие криминалистические элементы, с их интеграцией на национальной и международной арене, существенно повысит вероятность разгадки давних преступлений.

Список литературы

1. Маслов Н. В. Фундаментальные и прикладные направления развития естественнонаучных знаний в цифровой трансформации правоохранительных органов, в том числе при подготовке к производству судебно-биологических экспертиз и исследований. // Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. М., 2024. С. 158–161.

2. Маслов Н. В. Судебно-биологическая экспертиза как составляющая противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции / сост. А. В. Константинов. М., 2023. С. 108–112.

2. Маслов Н. В. Современные проблемы судебных компьютерно-технических экспертиз в условиях цифровой трансформации // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. Материалы IX Международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 217–219.

3. Маслов Н. В. Электронная криминалистика в сфере современных информационных технологий в юридической деятельности как подход к научно-техническому обеспечению раскрытия и расследования преступлений // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт : сборник научных трудов. М., 2020. С. 197–199.

4. Маслов Н. В., Кукало Е. В. Электронная криминалистика и искусственный интеллект как подход к научно-техническому обеспечению расследования и раскрытия киберпреступлений // Криминалистика: наука, практика, опыт. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2022. С. 317–319.

5. Маслов Н. В. Отдельные вопросы методики расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и применения специальных знаний при противодействии киберугрозам // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2022. С. 182–187.

6. Маслов Н. В. Экспертно-криминалистическая деятельность в условиях цифровой трансформации: информационные технологии применения специальных знаний при производстве судебных экспертиз и противодействия киберугрозам // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) : Сборник научных трудов Международного форума / сост. В. В. Бушуев. М., 2022. С. 214–219.

7. Маслов Н. В. Судебная экспертиза как элемент защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц: современные информационные технологии применения специальных знаний при производстве судебных экспертиз, в том числе при производстве судебно-медицинских экспертиз // Роль права в обеспечении благополучия человека : сборник докладов XI Московской юридической недели. XXII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова: в 5 ч. М., 2022. С. 498-499.

8. Маслов Н. В. Цифровая криминалистика в сфере искусственного интеллекта: противодействие киберугрозам в информационно-телекоммуникационных системах // Ломоносов-2021. Материалы Международного молодежного научного форума. М., 2021.

9. Маслов Н. В. Криминалистика и судебная экспертиза: современные информационные технологии применения специальных знаний при производстве судебных экспертиз // Сборник научных статей по итогам Недели Российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. М., 2021. С. 212.

10. Маслов Н. В. Электронная криминалистика в сфере информационных технологий в юридической деятельности // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сборник статей. М., 2021.С. 189–191.

11. Маслов Н. В. Современный подход в применении специальных знаний в уголовном процессе при производстве судебных экспертиз // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов IX ежегодной Всероссийской конференции / под ред. О. В. Химичевой. М., 2020. С. 265–267.

12. Маслов Н. В. Некоторые вопросы использования специальных знаний в практике правоприменения // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А. М. Багмета. М., 2019. С. 393–395.

13. Маслов Н. В., Савина Л. А., Мозговая Д. А. Современный подход в применении специальных знаний в уголовном процессе // Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства : сборник материалов научно-методологического семинара в рамках Проекта «Пропаганда научных знаний» / под ред. О. В. Химичевой. М., 2019. С. 127–130.

14. Маслов Н. В. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования криминалистического обеспечения безопасности бизнеса от киберугроз в России // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. Материалы конференции. М., 2019. С.83–86.

15. Маслов Н. В. Применение специальных знаний в процессуальной деятельности субъектов юрисдикции // Российский и международный опыт производства судебных экспертиз. Материалы Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 105–112.

Мичурин В. С.[1]*,*
доцент кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

МЕСТО И РОЛЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Информатизация всех сфер общественной жизни, обусловившая появление различных видов материальных носителей информации, привела к тому, что с их помощью можно сохранить любую исходную информацию в ее первозданном виде, а также воспроизвести ее. В уголовном судопроизводстве данные, которые хранятся, обрабатываются или передаются в электронном формате принято рассматривать в качестве электронной информации, используемой в доказывании. При этом правоприменитель в процедуре доказывания не имеет легальной возможности оперировать термином «электронные доказательства». Этот термин больше принят для употребления в обиходной жизни. В УПК РФ нет упоминания об электронных доказательствах, хотя содержащиеся в них сведения в виде электронной информации, имеющие значение для уголовного дела, дают основание считать их самостоятельным видом доказательств. При этом там полноправно фигурируют электронные документы и даже устанавливаются правила правового регулирования порядка их использования (ст.ст. 474.1 и 474.2 УПК РФ).

В качестве электронных доказательств выступает весьма широкий спектр источников электронной информации. В практике правоприменения ими могут быть материальные носители электронной информации (компьютер, планшет, смартфон и др.), содержащие, к примеру, информацию об оплате покупок или услуг чужой банковской картой без согласия на то собственника денежных средств. По делам о преступлениях, совершаемых в сфере компьютерной информации, таковой может выступать информация, хранящаяся на электронной почте лица либо в аккаунтах его социальных сетей. Кроме того, источниками электронной информации, которые впоследствии признаются доказательствами по уголовному делу, являются внешние накопители данных, к которым относятся CD-диски, DVD-диски, USB-флеш-накопители, внешние жесткие диски и др.

В уголовно-процессуальной науке не выработано однозначных позиций по многим спорным вопросам, связанным с идентификацией электронной информации. Так, П. С. Пастухов считает, что в качестве электронных вещественных доказательств выступают не только материальные носители, но и сама электронная информация [1, с. 560]. В. Н. Григорьевым и О. А. Максимовым высказано несогласие с отрицанием роли электронного носителя информации в структуре рассматриваемого явления [2, с. 38, 40]. С. В. Зуевым представлена

[1] © Мичурин В. С., 2025.

точка зрения, что, исходя из правовой природы электронной информации, электронное доказательство по некоторым свойствам отличается от электронного документа и вещественного доказательства. Им же предложено применительно к электронным доказательствам использовать категорию «информация» взамен общепринятой «сведения», отказавшись от единого законодательного подхода к определению всех видов доказательств через последнюю категорию [3, с. 48].

Если обратиться к толкованию п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, можно сделать вывод, что электронные носители информации признаются законодателем в качестве вещественных доказательств. В свою очередь на страницах юридической печати справедливо обращено внимание на то обстоятельство, что интерес для доказывания представляет не сам электронный носитель информации, а именно электронная информация, которую он содержит [4, с. 46]. В связи с этим такая информация не может являться вещественным доказательством, так как она не имеет материальной формы. Сами по себе сведения из электронной информации непознаваемы без носителя. Представить их в разрыве невозможно.

Использование в рамках уголовного судопроизводства любых сведений, которые впоследствии признаются доказательствами, не может осуществляться без надлежащего их обличения в процессуальную форму, что находит реализацию на первоначальном этапе доказывания. Этим этапом является собирание доказательств, включающее действия по обнаружению, изъятию и фиксации доказательств с целью дальнейшего сохранения. Следует признать справедливым суждение, что электронная информация сложна в доказывании. Она не имеет формы, не воспринимается органами чувств человека, поэтому нереальна для познания без электронного носителя, который может придать ей необходимую форму для доказательственной идентификации [5, с. 200].

Дополнительные трудности в доказывании возникают в связи с необходимостью определения процессуального порядка доступа к электронной информации, поскольку в ряде случаев следователем и дознавателем не всегда можно получить к ней доступ принудительно и требуется согласие самого лица на производство следственного и иного процессуального действия, а в отдельных ситуациях такой доступ требует получения судебного решения с целью обеспечения гарантированных конституционных прав граждан.

Начнем с обнаружения и изъятия электронной информации. Практика показывает, что своевременные обнаружение и изъятие электронных носителей информации позволяет установить фактические обстоятельства уголовного дела и самое главное – обеспечить собирание доказательств, поскольку лица, противодействующие расследованию, могут быть хорошо знакомы с принципами работы тех или иных электронных носителей информации и иметь реальную возможность безвозвратно уничтожить следы преступления на них, что серьезно затруднит или даже сделает невозможным дальнейшее доказывание по уголовному делу.

Далее необходимо обозначить, что обнаружение и изъятие электронной информации осуществляются не только при производстве процессуальных действий (например, обыск в жилище, в результате которого обнаружен электронный носитель информации, содержащий информацию, имеющую доказательственное значение), но и при осуществлении непроцессуальных дей-

ствий (в ходе оперативно-разыскных мероприятий). При этом на этапе обнаружения доказательств, содержащих электронную информацию, в любом случае нельзя говорить о том, что следователь или дознаватель уже имеют дело с доказательствами, поскольку данная деятельность строится на личном, внутреннем предположении субъекта доказывания о том, что разыскиваемые им сведения впоследствии могут стать доказательствами по уголовному делу [6, с. 620]. Отсюда следует заключить, что обнаруженная электронная информация при производстве как процессуальных, так и непроцессуальных действий не может еще в полной мере отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам. Кроме того, при ее дальнейшем использовании в качестве доказательств всегда присутствует потребность дать предварительную оценку выявляемым сведениям с точки зрения их относимости, достоверности и, конечно же, допустимости, а в совокупности – достаточности.

Относимость доказательств, содержащих электронную информацию, как их свойство, имеет привязку к определенным обстоятельствам совершенного преступления в ходе доказывания по уголовному делу (к примеру, причастность лица к совершению инкриминируемого ему деяния, основания для производства обыска или выемки).

Относительно достоверности доказательств, содержащих электронную информацию, хотелось бы заметить, что они в большей степени уязвимы к возможной фальсификации. Если учитывать тот факт, что электронная информация подлежит изменению, модификации практически в любой момент времени, вопрос о достоверности такой информации не должен оставаться без внимания в уголовном судопроизводстве. Представляется, что оценка достоверности доказательств, содержащих электронную информацию, должна осуществляться в приоритетном порядке по отношению к оценке иных свойств доказательств, так как своевременное выявление факта недостоверности доказательства, содержащего электронную информацию, позволяет автоматически признавать его недопустимым, и как следствие, это ведет к исключению такого доказательства из материалов уголовного дела.

Ключевым условием допустимости является тот факт, что деятельность должностных лиц по выявлению значимой для доказывания информации должна осуществляться в соответствии с законом. Иными словами, исходя из смысла УПК РФ, допустимыми могут считаться только те доказательства, которые получены в установленном законом порядке. Частью 2 ст. 75 УПК РФ приводится неисчерпывающий перечень доказательств, которые могут являться недопустимыми. Применительно к доказательствам, содержащим электронную информацию, значение имеют иные доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ.

Что же касается свойства достаточности электронных доказательств, то каких-либо отличительных особенностей от всех других собранных доказательств по уголовному делу они не имеют.

Следует поддержать заложенную в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ необходимость привлечения специалиста на этапе обнаружения доказательств, содержащих электронную информацию при производстве следственных действий, с чем

также в основном согласны и опрошенные нами респонденты (59 %) из числа следователей, дознавателей, а также сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел. Те из респондентов (41 %), кто высказал сомнения на этот счет, обосновали их традиционной для практики проблемой чрезмерной загруженности или нехваткой специалистов, обладающих необходимыми знаниями, а также отсутствием каких-либо препятствий для самостоятельного изъятия информации с электронных носителей без участия специалиста. Они подтвердили уверенность в том, что все необходимые знания, умения и навыки у современного правоприменителя для этого имеются. Кроме того, опрос практиков выявил также, что по определенным категориям уголовных дел (к примеру, по преступлениям, совершаемым с использованием интернет-ресурсов, особенно сайтов в скрытом сегменте интернета типа даркнет) у органов предварительного следствия и дознания может возникнуть объективная необходимость в получении информации с удаленных серверов, но самостоятельно осуществить им это уже весьма затруднительно. И вот тут обязательное участие специалиста при ее обнаружении и изъятии было бы вполне оправданным.

Как правило, с изъятых электронных носителей информации всегда снимается копия. Только в случаях, когда копирование может нанести ущерб информации, оно не осуществляется. В протоколе указывается техническое средство, применяемое при копировании, способ копирования и результат. Следует заметить, что обязательное условие для копирования электронной информации в виде указания в протоколе всех технических устройств, применяемых при копировании, а также указание точного порядка производства следственного действия вытекает из традиций документирования в уголовном судопроизводстве. К протоколу, кроме того, в обязательном порядке прилагается техническое устройство, на которое было совершено копирование электронной информации.

Оформление значимой для доказывания информации принято считать неотъемлемой частью уголовно-процессуальной деятельности. Все действия и решения в уголовном судопроизводстве должны быть задокументированы в установленной форме, что обусловлено его письменным характером. Тем самым внешнее выражение уголовно-процессуальной деятельности представляет собой последовательность задокументированных процессуальных действий и решений.

По общему правилу результаты любого следственного или иного процессуального действия, в том числе связанного с получением доказательств, содержащих электронную информацию, оформляются протоколом (ч. 8 ст. 166 УПК РФ). Возможны и другие формы фиксации информации (фото-, видеосъемка и пр.), но во всех без исключения случаях материалы такой фиксации лишь приобщаются к протоколу и используются не вместо него, а вместе с ним. Например, для фиксации конкретной информации с интернет-сайта, сделанный снимок его страницы (скриншот) или распечатанное содержимое страницы приобщаются в качестве доказательства через протокол их осмотра. Когда доказательство, содержащее электронную информацию, признается таковым на основании судебной экспертизы, способом его фиксации будет являться заключение эксперта, к которому могут быть приложены и иные документы. Таким образом, при помощи фиксации электронной информации, имеющей значение

для уголовно-процессуального доказывания, и происходит ее преобразование в электронные доказательства.

Отдельное внимание хотелось бы заострить на некоторых ведомственных организационных проблемах, имеющих место на практике, которые непосредственно отражаются на эффективности собирания электронной информации по уголовному делу. Многие из них упираются пока еще в недостаточный уровень технического оснащения отдельных подразделений органов внутренних дел, хотя следует признать, что для этого в системе МВД России уже очень много сделано. Помимо этого, разрешения требуют вопросы кадрового дефицита и обеспечения подразделений органов внутренних дел высококвалифицированными сотрудниками в области информационных технологий, а также дополнительного обучения для имеющихся сотрудников по соответствующему направлению. Невозможность или сложность получения электронной информации, хранящейся на серверах иностранных государств, тоже усложняет процесс собирания доказательств по уголовному делу. В этих целях в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства целесообразно налаживать связи с компетентными правоохранительными органами других государств по вопросам поставщиков услуг, разработчиков и обработки данных о пользователях, в том числе о совершаемых ими действиях, и пр.

В заключении хотелось бы отметить, что доказывание по уголовным делам, содержащим электронную информацию, еще находится на этапе своего осмысления и научного обоснования. Особые процессуальные требования, установленные законодателем в ходе собирания информации с электронных носителей, в науке и практике подвергаются критике, поскольку действующий процессуальный порядок в исследуемой области не позволяет оптимизировать процесс доказывания с использованием электронных доказательств. Отсутствие в УПК РФ упоминания об электронных доказательствах можно расценивать на сегодняшний день как существенный пробел в сфере правового регулирования института доказательств в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов : сборник научных статей. М. : Статут, 2017. С. 558–559.

2. Григорьев В. Н., Максимов О. А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 33–44.

2. Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3 (26). С. 46–51.

3. Федосеева Е. Л., Шевырталов Е. П. Процессуальные вопросы собирания цифровых доказательств при расследовании отдельных видов преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1 (29). С. 44–48.

4. Мичурина О. В. Информатизация предварительного расследования в контексте обеспечения прав его участников: риски и возможности // Развитие современных информационных технологий и их влияние на состояние преступности (проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений) : сборник материалов Всероссийского круглого стола, Москва, 16 марта 2023 г. / под общ. ред. А. В. Мироновой, О. Н. Лавровой. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, 2023. С. 161–165.

5. Черданцев А. Ю. О некоторых проблемах получения «цифровых доказательств» // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 17 октября 2019 г. / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 619–622.

Мичурина О. В.[1]*,*
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Функциональное содержание любой деятельности представляет собой сложное и многоаспектное понятие, включающее не только выполняемые функции, но и реализуемые полномочия, а также компетенцию. Это имеет непосредственное отношение к уголовно-процессуальной деятельности, где традиционно принято считать, что каждая процессуальная функция отражает задачи деятельности субъекта ее реализации, которые посредством функций и достигаются [1, с. 23]. Осуществлению процессуальных функций способствует деятельность любого участника уголовного судопроизводства. Не умаляя роли всех субъектов, заметим, что именно функции тех, кто непосредственно осуществляет уголовно-процессуальную деятельность, составляют основу уголовного судопроизводства, определяют его структуру и принципы построения. Обусловлено это также особенностями уголовно-процессуальных отношений, которые не могут возникать без следователя, дознавателя, прокурора и других государственно-властных субъектов.

Руководствуясь вышеизложенным, выясним функциональное содержание деятельности органа предварительного расследования в совокупности всех, кто его формирует. Совершенно очевидно, что орган предварительного расследования представляет собой собирательное понятие, содержащее не только следователя, дознавателя, но и весь остальной субъектный состав, принимающий участие в осуществлении предварительного следствия и дознания. Тем самым смысловое наполнение органа предварительного расследования охватывается государственными органами и должностными лицами – такими как следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, дознаватель, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания. Место и роль органа предварительного расследования в концепции процессуальных функций могут быть установлены только через функциональную структуру деятельности всех его составных элементов в отдельности, а также в органической взаимосвязи между собой.

В современной уголовно-процессуальной доктрине накопились разные представления о системе процессуальных функций. Законодатель продолжает придерживаться классической идеи о существовании только трех функций (обвинение, защита и разрешение уголовного дела), предложив соответствующую классификацию участников уголовного судопроизводства и закрепив за каждым из участников только одну единственную функцию. Это исходит из клас-

[1] © Мичурина О. В., 2025.

сификационных групп, к которой они отнесены. Так, есть участники со стороны обвинения (прокурор, следователь, дознаватель, потерпевший и др.) и участники со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, защитник и пр.). Есть суд, который не относится ни к одной из сторон, так как разрешает уголовное дело. И, наконец, имеются иные участники, которые тоже не являются сторонами, а вовлекаются для вспомогательного участия в уголовном судопроизводстве. Конечно, такой взгляд на процессуальные функции давно устарел, их значительно больше, а самое важное то, что субъект уголовно-процессуальной деятельности выступает носителем не одной единственной функции, а целого комплекса. При этом его процессуальные функции различаются по специфичным целям, содержанию и формам реализации. Кроме того, они могут быть как основными, так и дополнительными. Причем у каждого из участников эта дифференциация различается.

Учитывая, что следователь и дознаватель осуществляют предварительное расследование (соответственно предварительное следствие или дознание), можно заключить, что система выполняемых ими процессуальных функций совершенно идентична. Следователь является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные законом (п. 41 ст. 5 УПК РФ). Дознаватель – должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные законом (п. 7 ст. 5 УПК РФ). Свой статус должностное лицо органа дознания либо уже имеет по закону и тогда оно правомочно, поскольку состоит в штатной должности дознавателя (как и следователь), либо приобретает процессуальный статус дознавателя при наличии возложения на него осуществления предварительного расследования в форме дознания начальником органа дознания. Такая двойственная правовая природа процессуального статуса дознавателя никак не отражается на выполняемых им процессуальных функциях. Единственное, пожалуй, что хотелось бы тут заметить, так это требование ч. 2 ст. 41 УПК РФ о недопущении возложения полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-разыскные мероприятия.

Одним из полномочий следователя и дознавателя является осуществление предварительного расследования. Оно и все другие их полномочия, предусмотренные в УПК РФ, реализуются в рамках конкретных направлений деятельности, иначе процессуальных функций. Стоит заметить, что функции и полномочия нередко рассматриваются как тождественные. Между тем полномочия – это права и обязанности, которые реализуются при возникновении конкретных уголовно-процессуальных правоотношений. Наличие же функций является одним из системообразующих факторов для системы полномочий [3, с. 243].

Функция обвинения определена в п. 55 ст. 5 УПК РФ через уголовное преследование стороны обвинения. При этом следует учитывать, что в силу ст. 6 УПК РФ стороной обвинения в лице следователя и дознавателя реализуется еще и функция защиты в интерпретации ограждения от неосновательного обвинения (подозрения) в совершении преступления. Данная процессуальная

функция включает также обеспечение ими подозреваемого (обвиняемого) правами, необходимыми для реализации самого основного их права – права на защиту. Оно включает не только право иметь защитника, но и весь комплекс других прав, обладая которыми, подозреваемый (обвиняемый) может полноценно защищаться от уголовного преследования. Но без соответствующих действий со стороны следователя и дознавателя, направленных на обеспечение этих прав, эти права остаются лишь фикцией. Кроме того, в обстоятельства, подлежащие доказыванию, входят не только обвиняющие, но и оправдывающие (например, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния), что также свидетельствует о реализации следователем и дознавателем функции защиты.

Процессуальная функция исследования обстоятельств уголовного дела решает задачу собирания, проверки и оценки доказательств в целях принятия процессуальных решений по нему (например, итоговое процессуальное решение – обвинительное заключение).

Следует напомнить, что нет строгой привязки конкретного участника уголовного судопроизводства к конкретной процессуальной функции. К примеру, функция разрешения уголовного дела выполняется судом в судебном заседании на основе гласного, непосредственного, устного и непрерывного судебного разбирательства. Ее задача – установление виновности или невиновности подсудимого и вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора. Но точно такую же функцию выполняют следователь и дознаватель при прекращении уголовного дела или уголовного преследования, тем самым тоже разрешая уголовное дело. К примеру, прекращение следователем или дознавателем уголовного преследования в связи с непричастностью подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления является легальным аналогом оправдательного приговора суда. В обоих случаях лицо признается реабилитированным и имеет право на возмещение вреда, причиненного ему уголовным преследованием.

Стоит также заметить, что функция обеспечения потерпевшему возмещения вреда, причиненного преступлением, реализуются следователем и дознавателем не только в силу необходимости установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, но и иных других его положений, связанных с необходимостью не только установления данного вреда, но и принятия конкретных действий по его возмещению со стороны подозреваемого (обвиняемого). Причем касается это не только уголовных дел, направляемых в суд, но и тех, по которым принимаются иные рубежные решения. Так, применительно к большинству оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования в качестве необходимого условия принятия такого решения прописано в законе возмещение подозреваемым (обвиняемым) ущерба или иным образом заглаживание им вреда, причиненного преступлением. Соответственно, реализуя такие действия, следователь и дознаватель выполняют функцию обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением.

В систему «орган предварительного расследования» входят также руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания. Осуществляя свою основную функцию процессуального контроля, они вряд ли освобождаются от выполнения других процессуальных

функций. Руководитель следственного органа, исходя из положений ч. 2 ст. 38 УПК, вправе возбудить уголовное дело, принять его к своему производству и произвести предварительное следствие в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя. Для руководителей в сфере дознания действует аналогичное правило. Согласно ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ начальник подразделения дознания вправе возбудить уголовное дело, принять его к своему производству и произвести дознание в полном объеме, обладая при этом полномочиями дознавателя. Что же касается начальника органа дознания, то он в силу требований ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ по отношению к дознавателям, уполномоченным им осуществлять предварительное расследование в форме дознания, обладает полномочиями и начальника подразделения дознания, предусмотренными ст. 40.1 УПК РФ, что свидетельствует о реализации им одновременно нескольких процессуальных статусов, а соответственно и всех полномочий данных статусов. Что же касается компетенции начальника подразделения дознания, то в силу требований ст. 41.1 УПК РФ она ограничена лишь находящимися в его подчинении штатными дознавателями и не распространяется на дознавателей внештатных, которых уполномочил начальник органа дознания. Можно сделать вывод, что по своему объему и содержанию полномочия руководителей в сфере предварительного следствия и дознания носят достаточно сложный характер. Во-первых, это полномочия непосредственно самого руководителя в рамках основной функции процессуального контроля, во-вторых – полномочия следователя или дознавателя.

Относительно органа дознания, под которым принято понимать систему должностных лиц в него входящих (начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель, а также иные должностные лица органа дознания), то им могут реализовываться не только все перечисленные выше процессуальные функции органа предварительного расследования, но и полномочия, напрямую вытекающие из оперативно-разыскной функции, о чем свидетельствует п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ. Это главный признак, объединяющий упомянутые там органы исполнительной власти в качестве органов дознания. Именно они выполняют процессуальные и оперативно-разыскные функции. Остальные органы дознания ограничиваются лишь выполнением процессуальных функций. Кроме того, на органе дознания, а точнее должностных лицах органа дознания, лежит обязанность содействовать следователю и дознавателю в выполнении поручений о задержании, приводе, отдельных следственных и иных процессуальных действий. Согласно ст. 157 УПК РФ орган дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, производит неотложные следственные действия, а потом передает материалы уголовного дела следователю, после чего опять обязан действовать по его поручению. Представляется, что в данном случае можно было бы вести речь о реализации органом дознания функции содействия по уголовным делам по аналогии с процессуальной функцией содействия правосудию, о которой заявляли исследователи [2, с. 786–796].

Отдельные поручения, а значит и содействие по уголовным делам, в том числе в рамках международного сотрудничества, выполняют также следователь и дознаватель по тем уголовным делам, которые не находятся у них в производстве. В современных условиях эта функция значительно расширилась за

счет выполнения содействия со стороны органа предварительного расследования, находящегося вне места производства предварительного расследования, и выполняющего поручение при использовании систем видео-конференц-связи в порядке ст. 189.1 УПК РФ. Кроме того, применение этих систем позволяет сократить делегирование полномочий на производство отдельных следственных действий, так как допрос, очную ставку и предъявление для опознания можно теперь осуществить дистанционно вне места производства предварительного расследования самому следователю и дознавателю, в чьем производстве находится уголовное дело. Для этого не только не надо отправлять отдельное поручение в другой регион, но и даже ехать туда самому. Достаточно лишь отправить поручение следователю (дознавателю) по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, об оказании содействия в применении видео-конференц-связи.

Если же вести речь о компетенции структурных элементов органа предварительного расследования при реализации функции содействия, касающегося не только применения видео-конференц-связи, но и всех других действий по поручению, то у следователя и дознавателя она значительно уже, чем у должностных лиц органа дознания, которым наряду с выполнением следственных действий, как правило, поручаются иные процессуальные действия, а также выполнение оперативно-разыскных мероприятий. Относительно последнего компетенция следователя и дознавателя существенно ограничена и касается лишь ограниченных аспектов (требований о производстве, а также дальнейшего приобщения представленных результатов в качестве доказательств, обличения в процессуальную форму).

Для успешного осуществления возложенных на орган предварительного расследования задач закон наделяет его властными полномочиями, использование которых оказывает принудительное воздействие на участников уголовного судопроизводства, способствует достижению его назначения. Формами правомерного воздействия являются принуждение и убеждение, которые позволяют следователю и дознавателю влиять, к примеру, на допрашиваемых лиц путем разоблачения ложности или установления ошибочности их показаний, а также путем активизации их положительных качеств и свойств, оставляя при этом за ними свободу выбора своего дальнейшего поведения. Принуждение и убеждение как формы воздействия, как и вся деятельность органа предварительного расследования, в целом неразрывно связаны с осуществлением воспитательной функции. Эта сторона функционального содержания его деятельности имеет чрезвычайно важное значение для коррекции посткриминального поведения лица, совершившего преступление, которое могло бы ускорить и упростить уголовное судопроизводство, к примеру, признать вину, а с другой – деятельность органа предварительного расследования связана с воспитанием участников уголовного судопроизводства в духе неуклонного соблюдения закона. Для выполнения воспитательной функции, как и для всех остальных процессуальных функций, важное значение имеют нравственные начала, этические взгляды и уровень профессиональной подготовки должностных лиц, формирующих органа предварительного расследования.

Таким образом, процессуальные функции органа предварительного расследования – это направления деятельности, обусловленные правовым положением (процессуальным статусом) государственных органов и должностных лиц его формирующих. При этом они могут быть основными (для реализации которых предусмотрен данный участник уголовного судопроизводства), а также дополнительными (выполняемыми при возникновении определенных процессуальных оснований и условий). Что же касается функционального содержания деятельности конкретного участника уголовного судопроизводства, то оно еще недостаточно сбалансировано, так как перечень процессуальных функций в науке уголовного процесса относится к дискуссионным вопросам. В перспективах его развитие видится в более развернутой системе функций, в которой помимо основных и дополнительных можно будет выделить подфункции, а также сквозные и побочные функции. В любом случае для каждой процессуальной функции характерны свои собственные цели и задачи, которые напрямую или опосредованно отражены в законе, что не исключает необходимость их более точной нормативной конкретизации.

В заключение необходимо резюмировать, что органу предварительного расследования отводится ведущее место в системе участников уголовного судопроизводства. Раскрытие функционального содержания его деятельности включает не только установление реализуемых функций, но также полномочия и компетенцию. И если в процессуальных функциях и полномочиях структурные элементы органа предварительного расследования более-менее совпадают, показывая их общность и единство, то компетенция представляет собой важный аспект для обособления. Ведь внутри одних и тех же процессуальных функций и полномочий у органа предварительного расследования может быть совершенно разная компетенция.

Список литературы

1. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе : монография. М. : Юридическая литература, 1981.

2. Латыпов В. С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 6. С. 786–796.

3. Мичурина О. В. Размышления о правовом положении следователя в современной модели уголовного судопроизводства // Следственный комитет Российской Федерации: второе десятилетие на службе Отечеству : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 7 февраля 2019 г. / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 242–245.

Московцева К. А.[1],
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

На расширенной коллегии МВД РФ 5 марта 2025 г. президент Российской Федерации выступил с речью, в ходе которой заострил внимание на снижении раскрываемости преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. В. В. Путин заметил, что необходимо обратить дополнительное внимание на данный вектор развития преступности, а для «более эффективного противодействия совместно с другими профильными ведомствами требуется искать новые методы борьбы в рамках единой системы противодействия подобным преступлениям», что в свою очередь отражает современные «национальные цели развития России» [3].

В 2024 г. на расширенной коллегии МВД России президент уже обозначил, что как практические структурные подразделения, так и ученые должны быть одинаково нацелены на достижение безопасности граждан в области информационно-телекоммуникационных технологий. Положительно, что по состоянию на 2024 г. «активно вскрывались преступные схемы в информационном пространстве». В. В. Путин также подчеркивал важность своевременного и доступного информирования граждан о новых разновидностях киберпреступлений с целью повышения их цифровой грамотности [4].

За прошедший год раскрываемость преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, значительно снизилась и составила лишь 23 %. Очевидно, такой регресс преступлений связан с тем, что, во-первых, злоумышленники постоянно находят и используют новые возможности, успешно совершенствуя свои преступные схемы, а во-вторых, существующая и используемая линия профилактики киберпреступлений неэффективна.

В первую очередь, это касается самых незащищенных слоев населения, против которых наиболее активно работают преступники – пенсионеры и несовершеннолетние.

Так, общеизвестно, что несовершеннолетние лица активно пользуются различными социальными сетями. Кроме этого, многие подростки, познающие просторы Интернета, начинают использовать бесплатные сети Wi-Fi, переходят на площадки, зараженные вирусами, а также и разрабатывают сами вирусные программы,

[1] © Московцева К. А., 2025.

что само по себе небезопасно. Согласно судебной практике, граждане этого возраста становятся потерпевшими от преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в 28,9 % случаев [5].

Сейчас в школах начинают внедряться программы по обучению детей начальных классов пользованию ПК, но, к сожалению, в большинстве своем такое обучение начинается с 3-4 класса. При этом ноутбуков, закупленных школами для занятий с детьми, не хватает, один такой ПК рассчитан на двух-трех учеников. Соответственно в полной мере изучить и опробовать пользование ПК детям не представляется возможным. Таким образом, как направление профилактической деятельности данные занятия рассматривать не приходится. Хотя сама идея хороша, она требует доработки и, безусловно, финансовой поддержки со стороны государства. Считаем более рациональным, если бы подобный ознакомительный курс был введен уже с первого класса, кроме непосредственной работы с компьютером, детям необходимо рассказывать о всевозможных угрозах интернет-пространства, научить не переходить по подозрительным ссылкам и не пользоваться незнакомыми сайтами, не открывать окна со всплывающей рекламой, а также особенно важно уделить внимание безопасному пользованию различными социальными ресурсами, поскольку уже с дошкольного возраста дети регистрируются в различных социальных сетях, создают личные аккаунты, следуя современным тенденциям, ведут многочисленные блоги, влоги, записывают короткие видео, привлекая, таким образом, для просмотра посторонних людей, в числе которых немало и мошенников. Кроме этого, среди детей младшего школьного и дошкольного возраста также распространены различные онлайн-игры с возможностью общения между участниками. Так, участились случаи, когда под видом зарегистрированного пользователя-ребенка начинает общаться мошенник, предлагая дешево приобрести валюту для игры или оплатить ниже заданного курса всевозможные услуги, предоставляемые за отдельную плату. Ребенок, ничего не подозревая, как правило, предоставляет данные карт или счетов родителей, передает приходящие СМС-коды злоумышленнику, тем самым открывая доступ к банковским операциям.

А поэтому очень важно выстраивать систему профилактики киберпреступности уже с детьми младшего школьного и дошкольного возраста.

Представляется, что в этом могут быть задействованы старшие школьники или студенты, наделенные специальными знаниям в IT-пространстве. Они могут разрабатывать адаптированные видеоролики для детского возраста, предупреждающие о потенциальных угрозах в сети, для самых маленьких это могут быть обучающие мультфильмы. Для подростков и молодежи – посты в социальных сетях популярных блогеров, стримы, рассказывающие о преступлениях в IT-пространстве и поясняющие как не стать жертвой таких преступных посягательств. Студенты могут проводить соответствующие лекции среди школьников, участвовать в еженедельных уроках в школах (к примеру, «разговор о важном»), привлекать аудиторию в обучающие кружки, семинары и форумы, тем самым показывая, что быть грамотным в данной области – значит обезопасить себя и своих близких от преступных посягательств [2].

Также интересным представляется новшество, внедряемое в Казахстане. Государственными органами республики разработан проект, согласно которому мобильными операторами будут выпускаться специальные детские SIM-карты, приобретение которых будет обязательно для родителей. Такие безопасные SIM-карты будут содержать специальные фильтры, ограничивающие доступ к определенным сайтам и соцсетям. Кроме того, родители смогут отслеживать местоположение ребенка и то, как он использует смартфон [1].

Считаем, что такая инициатива будет иметь положительный результат, а с учетом некоторых доработок может быть внедрена и в России.

Подводя итог, отметим, что приоритетное направление профилактической деятельности среди наиболее виктимных слоев населения должно обязательно выстраиваться вокруг повышения цифровой грамотности. Мы убеждены, что только при разработке единой комплексной программы правоохранительные органы совместно с органами образования и другими структурами смогут достичь положительного результата.

Список литературы

1. Казахстанских родителей обяжут покупать детские SIM-карты. URL: https://www.zakon.kz/obshestvo/6470033-kazakhstanskikh-roditeley-obyazhut-pokupat-detskie-SIMkarty.html?utm_source=Securitylabru/.

2. Московцева К. А. Основные проблемы и тенденции развития предупреждения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2024 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. С. 46–48.

3. Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408/.

4. Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Президент России: официальный сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/.

5. Унукович А. С. Меры предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в отношении граждан // Вестник Омской академии МВД России. 2023. № 2 (89). С. 98–102.

Муратова Н. Г.[1]*,*
профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Казанского (Приволжского)
федерального университета,
доктор юридических наук, профессор

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ: НОВАЯ МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Актуальность института уголовно-процессуального права – системе норм права о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, который в современном юридическом процессе формируется как межотраслевой и многофункциональный концепт с целью оптимальной реализации назначения уголовного процесса, не вызывает сомнений (ст. 6 УПК РФ). Совершенствование этого института последовательно реализует гуманистические цели правоприменения, а также способствует достижению задач охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, конституционного строя от преступных посягательств и предупреждения преступлений (ст. 2 УК РФ). Исторический аспект, правоприменительный аспект и формирующаяся межотраслевая законодательная модель правового регулирования применения данного института позволяют расширить научно-практический формат существующей дискуссии. Дифференциация условий применения меры пресечения в виде заключения под стражу позволило сделать вывод о том, что данная меры пресечения имеет историческое, общественно-социальное, межотраслевое, процессуальное и превентивно-воспитательное значение.

Исторические аспекты проблематики заключаются в следующих позициях. Законодательные традиции и правила применения современного института заключения под стражу формировались веками и имели свои особенности применения. Классическая литература об истории права в России обозначила вехи становления и развития отечественного законодательства, в том числе и процессуального. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов отмечал значение договоров с Византией и рецепции «чужих законов» в X в.: это нарушило спокойное состояние обычного права (обычаи), а в «уставе Ярослава содержится ряд уголовных постановлений, имеющих связь с семейным правом и нравственностью». Княжеские уставные «судебные приговоры появлялись по частным поводам» [1, с. 111–116]. В Московском государстве уже четко обозначается разыскной процесс: в розыске практикуются «записи», «зазывные грамоты», «погонные грамоты», «повальный обыск», «обыскные люди» – приказ арестовать и привести обвиняемого, продолжить начатый (уголовный) иск. Но показания «обыскных людей» могут привести к «нерешительному приговору» [2, с. 608–609]. Из воспоминаний И. П. Белоконского: «…в ночь с 17 на 18 августа 1879 г.: спит семья, жандармы и городовые предъявляют и читают постановление-

[1] © Муратова Н. Г., 2025.

распоряжение III-го отделения об обыске, аресте и помещении в тюрьму» [3, с. 17–18].

Об особенностях применения мер принуждения можно говорить после анализа ряда нормативных актов: военная уголовная юстиция начала XX в. – с августа 1905 по апрель 1906г. [4, с. 214–215], декреты о Суде № 1 и № 2 – 1917–1918гг., УПК 1922 г. [5, с. 78–79], создание чрезвычайных судов в 30-е гг. XX в. [6, с. 48–50], политические репрессии 40-50 гг. [7, с. 50–53]. Приведем цитату из воспоминаний заместителя прокурора ТАССР А. Х. Валеева: «1938 год... мне предъявили ордер на арест, но я потребовал санкцию вышестоящего прокурора, так как был старшим помощником прокурора республики» [8, с. 16–18].

Общественно-социальные аспекты заключения под стражу начали отчетливо проявляться в начале 90-х гг. XX в., когда произошли глобальные изменения в правовой системе государства и социуме – принятие Конституции Российской Федерации 1993 г. и предоставление возможности подозреваемому предстать передом судом при заключении под стражу [10, с. 132–135].

Межотраслевая законодательная модель заключения под стражу проявилась в современный период развития уголовно-процессуального законодательства. Федеральный закон Российской Федерации от 28 февраля 2025 г. № 13 (далее – ФЗ № 13) существенно изменил систему норм о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и изменил статус применения термина «место жительства», заменив его «местом пребывания». Этот закон изменил и правовой статус механизма применения меры пресечения в виде заключения под стражу и отношение к предшествующей деятельности обвиняемого или обвиняемого, о чем свидетельствует более четкая терминология, предполагающая знание и применение норм конституционного права, гражданского, семейного, трудового, экологического права с целью применения межотраслевых связей в системе действующего законодательства.

Анализ новой редакции ст. 108 УПК РФ и ряда других норм в соответствии с ФЗ № 13 вскрыл ряд теоретических и практических проблем. В литературе отмечалось, что недостаточная осведомленность следствия и суда в вопросах гражданского права вполне может стать причиной безнаказанности виновных, а в процессе расследования могут быть востребованы знания юристов разных специальностей: в области проблем гражданского, арбитражного судопроизводства. [11, с. 12–14]

Первый аспект. Применение ч. 1 ст. 27 Конституции Российской Федерации: каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Процедурный механизм сформирован в Законе Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-I, где дан ряд понятий: «место пребывания», «место жительства», «фиктивная регистрация», «предоставление заведомо недостоверных сведений» и др. [12] ФЗ № 13 разграничивает понятия «место жительства» и «место пребывания». В УПК РФ терминология изменена, появляется понятие «место пребывания». Таким образом, при реализации новой ч. 1 ст. 108 УПК РФ при применении меры пресечения необходимо сопоставить и привести в систему аргументы о применении данной меры пресечения, а не более мягкой. «Место

пребывания» как содержательное понятие из указанного Закона Российской Федерации о свободе передвижения должно указываться и в других процессуальных ситуациях, например, при составлении справки к обвинительному заключению, или акту, или постановлению. Проблемы, бесспорно, возникают: например, как обосновывать объявление лица в федеральный, межрегиональный или международный розыск, или как обеспечивать право на свободу передвижения, или является ли рабочее место лица при осуществлении трудовых функций местом пребывания и можно ли там задерживать? Вопросы явно риторические, ответы необходимо искать в системе норм права.

Второй аспект. ФЗ № 13 расширил перечень уголовно-правовых норм, позволяющих компетентному субъекту права дифференцированно подходить при аргументации применения меры пресечения в виде заключения под стражу или более мягкой меры пресечения. В новой редакции ст. 108 УПК РФ перечислена система норм УК РФ из гл. 21 «Преступление против собственности, гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», гл. 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», гл. 24 «Преступления против общественной безопасности», гл. 26 «Экологические преступления», гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», гл. 29 «Преступления против основ государственного строя и безопасности государства», гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», гл. 31 «Преступления против правосудия», гл. 33 «Преступления против военной службы». Эти главы вводят терминологию гражданского и иного законодательства: «собственность», «кредитование», «предпринимательская деятельность», «межевой план», «потребительский заем», «реорганизация юридического лица», «ценные бумаги», «общее собрание акционеров», «решение совета директоров», «культурные ценности», «таможенные платежи», «банкротство», «уплата налогов», «имущество организации», «сфера закупок товаров», «государственный оборонный заказ», «несовершеннолетний», «усыновитель», «усыновитель или опекун» и др. Кроме того, ст. 108 УПК РФ дополняет ч. 2.1 (значение медицинского законодательства) и изменяет ч. 2 (знание законодательства о несовершеннолетних, семейного законодательства).

Таким образом, при реализации новой ч. 1 ст. 108 УПК РФ при применении меры пресечения в виде заключения под стражу необходимо сопоставить и привести в систему аргументы о применении данной меры пресечения, а не более мягкой, связанной с нахождением в следственном изоляторе. Возникает проблема применения системы норм права для обоснования меры пресечения заключения под стражу, так как совершенствование уголовно-процессуальных норм во многом формирует межотраслевой и многофункциональный подход при применении меры государственного принуждения в виде данной меры пресечения**.** В литературе отмечается роль уголовно-правовых санкций в оптимизации уголовной политики и в сфере экономической безопасности [13, с. 46–48]. Интересные исследования ряда ученых о формировании комплекса уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер противодействия в сфере предпринимательской деятельности [14, с. 47–49].

При анализе механизма судебного контроля в более ранних исследованиях по данной тематике, в решениях об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу встречались такие фразы: «достаточно доказательств о причастности», «достаточно данных о причастности», «достаточно документов о причастности», «представлены материалы о причастности», «применение иной меры нецелесообразно», «невозможно применить иную меру», «оснований для применения более мягкой меры не имеется» и др. [15, с. 199–211]. О возмещении вреда потерпевшим – физическим и юридическим лицам – практически ничего не говорится. Если проанализировать указанные выше уголовно-правовые нормы, перечисленные в ст. 108 УПК РФ, то и там не найдется чего-либо о судьбе потерпевших – ни физических, ни юридических лиц. Возмещен ли ущерб? Заглажен ли вред? Существует ли заявление потерпевшего о прекращении уголовного дела за примирением сторон? Ответы на эти вопросы уже на начальных этапах расследования, при применении меры пресечения в виде заключения под стражу в условиях доступа к правосудию помогает сформулировать аргумент: назначение уголовного судопроизводства выполняется или не выполняется (ст. 6 УПК РФ)? Кроме того, необходимо помнить о том, что любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по делу, имеет право на возмещение вреда в порядке гл. 18 УПК РФ (ч. 3 ст. 133 УПК РФ). В связи с этим компетентному субъекту права при внесении в суд постановления о возбуждении ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу необходимо помнить, что позже могут наступить основания для реабилитации и государство будет выплачивать за необоснованное заключение под стражу, если применение данной меры принуждения будет признано незаконной (ст.ст.1069, 1070 ГК РФ).

Таким образом, в настоящее время, как представляется, формируется концепция межотраслевой законодательной модели применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Это предполагает комплексное изучение системы норм права, сопровождающих законодательную модель применения такой меры пресечения, как заключение под стражу. Предлагаю создать рабочую группу для разработки и обоснования концепции межотраслевой законодательной модели применения меры пресечения – заключения под стражу.

Список литературы

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д. : Феникс, 1995. С. 111–116.

2. Белоконский И. П. Дань времени: воспоминания. М., 1928. С. 17-18.

3. Немытина М. В. Суд в России: Вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов: СЮИ МВД России, 1999. С. 214-215.

4. Сырых В. М. Крыленко – идеолог советского правосудия. М. : Российская правовая академия, 2003. С. 78-79.

5. Новиков С. А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе. СПб., 2004. С. 48–50.

6. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953. М. : Росспэн, 2001. С. 50–52.

7. Валиев А. Х. Тридцатые голы глазами прокурора и узника (повествование о жертвах политических репрессий в Республике Татарстан). Казань : Книга памяти, 2003. С. 16–18.

8. Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань : Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина, 2004. С.132–135.

9. Эксархопуло А. А. Интеграция юридических знаний как средство противодействия экономическим преступлениям // Экономическая преступность: проблемы правосудия : материалы Межвузовской научной конференции 28–29 ноября 2014 г., СПб., 2015. С. 12–14.

10. Закон Российской Федерации 25 июня 1993 г. № 5242-I «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред.13.12.2024. 3462-ФЗ). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102024464.

11. Гаврилов Б. Я. Роль уголовно-правовых санкций в оптимизации уголовной политики и в сфере экономической безопасности // Уголовная политика в области экономической безопасности: вызовы и угрозы : сборник материалов Международного круглого стола (Москва, 30 ноября 2021 г.). М. : Юриспруденция, 2021. С. 46–48.

12. Зайцев О. А., Нудель С. Л. Модернизация современных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных средств в области обеспечения безопасности предпринимательства // Уголовно-правовое воздействие на бизнес : монография. М. : Проспект, 2021. С. 47–49.

13. Муратова Н. Г. Обоснованность судебных решений об избрании меры пресечения // Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста : материалы Всероссийской межведомственной конференции. Н. Новгород, 2010. С. 199–211.

Нуйкин С. Ю.[1],
доцент кафедры
международного и публичного права,
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат исторических наук

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Одной из глобальных угроз экономической безопасности является теневая экономика. Обеспечение защиты прав и законных интересов добросовестных участников рыночных отношений является одним из важнейших аспектов экономической безопасности Российского государства, где основные тенденции роста количества преступлений представляют серьезную угрозу безопасности личности, общества и государства. Они прежде всего связаны с ограничением свободной конкуренции или же трансформированы из преступлений, ранее мало характерных для потребительского рынка [1]. Основными чертами данного вида деятельности является преобладание частной собственности, возрастание конкуренции как по отдельным сегментам, так и в целом. По подсчетам аналитических служб Российской Федерации, доходы теневого сектора составляют 30 % всего внутреннего валового продукта Российской Федерации.

Предпринимательская деятельность в экономически развитых странах всегда поощряется государством, это касается не только представителей крупного бизнеса, но также мелкого и среднего, субъекты которого нуждаются в помощи и первоначальной материальной поддержке со стороны государства.

Важное значение в сфере предпринимательской деятельности занимают положения Налогового кодекса Российской Федерации. Следует отметить, что налоговым законодательством в отношении данных субъектов установлены различные специальные положения, направленные на регулирование порядка уплаты ими налога. Следует отметить также подзаконные нормативные правовые акты, которыми регулируется деятельность хозяйствующих субъектов [3, с. 40].

На сегодняшний день приоритетное значение при разработке налоговой политики на государственном уровне уделяется вопросам, связанным с контрольно-надзорной деятельностью. При этом особый интерес занимают хозяйствующие субъекты. Соответственно достаточно значимое влияние для выявления факта незаконного предпринимательства занимают налоговые органы, а также финансово-кредитные учреждения, которые усиливают контроль за банковскими операциями, с помощью которых можно также выявить осуществление лицом незаконной предпринимательской деятельности.

Согласно данным ГИАЦ МВД России, в 2023 г. зарегистрировано 417 преступлений о незаконном предпринимательстве. Стоит отметить, что, несмотря

[1] © Нуйкин С. Ю., 2025.

на снижение зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 171 УК РФ, их количество по сей день остается достаточно стабильным.

Стоить отметить, что объективная сторона незаконного предпринимательства включает в себя, как отмечалось ранее, осуществление деятельности без лицензии, т. е. специального разрешения, когда такое необходимо в установленном законом порядке. Так, например, в нашей стране обязательному лицензированию подлежит медицинская деятельность, деятельность по производству лекарственных средств и др. Также важно отметить, что лицензируема деятельность не только юридических, но и физических лиц, которые оказывают платные услуги [4, с. 211].

В то же время еще одной особенностью ст. 171 УК РФ является то, что правоохранительным органам при квалификации таких деяний необходимо руководствоваться не только положениями УК РФ, но и специальными актами, которые регулируют предпринимательскую деятельность [2].

Изложенное выше свидетельствует об актуальности рассматриваемой темы и обусловливает ее практическую значимость, поскольку отсутствие у практических сотрудников правоохранительных органов конкретных знаний в области выявления, раскрытия и расследования данных преступлений приводит к тому, что преступная деятельность отдельных лиц может продолжаться в течение длительного периода времени, оставаясь неизобличенной.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.

3. Попенков А. В. Принцип законности в системе принципов уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. Т. 1. № S1-1. С. 40–42.

4. Попенков А. В. Актуальные вопросы обеспечения принципа состязательности сторон в досудебном производстве // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Всероссийская научно-практическая конференция : сборник научных трудов / сост. Д. А. Иванов. М., 2023. С. 210–213.

Победкин А. В.[1]*,*
начальник кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

«ПРИНЦИП» ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ: ЧУЖОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Хаотичные и малопредсказуемые изменения уголовно-процессуального законодательства, наблюдаемые с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) – следствие ряда причин. В основе их, однако, противоречия, заложенные в УПК при его разработке в период увлечения либеральными теориями. Мощное влияние либеральных идей на содержание УПК признают даже авторы, которые отрицают влияние западных структур на разработчиков кодекса и лоббирование ими нетрадиционных для отечественного уголовного процесса идей [1, с. 87].

Между тем активное кураторство Американской ассоциации юристов работы над окончательным вариантом отечественного уголовно-процессуального закона не является секретом и признается в том числе членами рабочей группы по подготовке проекта УПК [2, с. 38].

В то же время авторы законопроекта не отказались и от ряда важных положений, присущих отечественному судопроизводству, истоки которых заложены еще авторами Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Идейный компромисс сказался на фундаментальной основе судопроизводства, которая вместо монолитной концепции с момента рождения УПК, по сути, представляла собой плохо стыкующиеся представления сторонников различных взглядов на путь развития процесса. Заметим, что, даже соглашаясь с западными идеями, многие члены рабочей группы, работавшие над проектом кодекса, крупные ученые не могли не отразить в нем свои представления о способах решения процессуальных проблем, которым они посвятили серьезные научные работы, вышедшие в свет в советский период. Напрочь отказаться от сформированных убеждений, конечно, оказалось невозможным. Здесь – личная причина эклектики закона, которая, наряду с идейными противоречиями, также оказалась значимой. Кроме идейных и профессиональных противоречий на качестве уголовно-процессуального закона сказались и ведомственные противоречия [3, с. 56–58].

Вместо эффекта «кристаллизации», которого следовало ожидать после новой кодификации, как отмечает Л. В. Головко, Россия столкнулась с эффектом «размывания» уголовно-процессуального закона [4, с. 3–6].

Мощным фактором, сдерживающим бессистемные изменения УПК, могли бы стать его основные положения, носящие ключевой концептуальный характер. Однако законодатель отказался от определения и целей и задач процесса, а его назначение (ст. 6 УПК) не только явно неполно (будто бы публичное

[1] © Победкин А. В., 2025.

назначение уголовного судопроизводства исключает защиту прав и законных интересов его участников), но и аморфно.

Надежда на принципы уголовного процесса также не оправдалась. Отдавая должное законодателю, не просто сохранившего категорию принципов в системе уголовно-процессуального законодательства, но и выделившего их в самостоятельную главу УПК, следует признать, что в том виде, в котором они представлены в законе, сыграть свою роль им оказалось не суждено. Призванные определять содержание всего уголовно-процессуального закона, магистральный путь его совершенствования, использоваться в качестве основы при применении процессуальной аналогии, принципы стали рядовыми процессуальными нормами, на которые в ожидаемой мере не ориентируется ни законодатель, ни правоприменитель.

В литературе высказано мнение, что система принципов сегодня «чужда той сфере, в которой она призвана упорядочивать отношения, и разрешать возможные противоречия» [5, с. 29], поскольку не опирается на отечественные духовно-нравственные ценности. В этом есть резон.

Однако дело не только в этом. Западный генезис норм-принципов, кстати, не сразу и разглядишь. Он не столько в содержании этих норм, сколько в самом подходе к формулировкам принципов, которые в западном уголовно-процессуальном законодательстве вообще не существуют. В УПК нормы, названные законодателем принципами уголовного процесса, на самом деле также ими не являются. Они, по сути – обычные регулятивные нормы, в которых (за некоторыми исключениями) нет ничего принципиального.

Принципы должны представлять собой идеи. В России важно, чтобы они выражали традиционные отечественные духовно-нравственные ценности. Какие именно, следует думать. Вряд ли стоит бояться называть их своими именами прямо в тексте закона. Не стоит сомневаться, что родные россиянам понятия – правды, честности, истины, справедливости, милосердия, совести, долга и другие из того же ряда – понимаются в России единообразно. Каждый участник уголовного судопроизводства (и не только) сможет безошибочно, до тончайших сфер определить, реализуются ли эти идеи в уголовном судопроизводстве или только формально закреплены. Важен же не сам голый факт закрепления в законе концептуальной идеи [6, с. 111], а признание ее руководящей, ее реальная работа в уголовно-процессуальном законодательстве, которая, если она есть, всегда видна.

Принципы уголовного судопроизводства – это идеи. Даже если они не закреплены прямо, их суть можно усмотреть из содержания уголовно-процессуальных институтов и норм, из особенностей предусмотренных законом процедур. Сегодня при действующем процессуальном регулировании, нет никаких оснований механически включать в число принципов истину, справедливость, участие народа в судопроизводстве и другие ценности, которыми традиционно живет России, поскольку эти идеи прямо противоречат порядку уголовного судопроизводства, который из года в год все явственнее ориентирован на приоритет материального над духовным, на решение задач, не свойственных уголовному процессу (включая экономические), на экономию сил и средств как самоцель.

Один из реально действующих принципов уголовного процесса в условиях существующей процессуальной регламентации – принцип процессуальной экономии. Он набирает обороты и во многом предопределяет уголовно-процессуальную политику.

Существование такого принципа получило даже достаточно широкое теоретическое обоснование [7].

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) также относит экономию в использовании средств судебной защиты к ключевым процессуальным категориям. Высший судебный орган конституционного контроля связывает конкретные «институциональные и процессуальные» механизмы, обеспечивающие право на защиту, с соответствием «критериям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты». Конституционный Суд полагает, что тем самым, гарантируется действенное восстановление в правах посредством правосудия [8].

Несколько странно, что экономия в использовании средств судебной защиты гарантирует действенное восстановление в правах. О. Л. Васильев верно называет и принцип процессуальной экономии, и принцип целесообразности (напомним, что к примирению законности с целесообразностью призывали еще авторы Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г.) «откуда-то взявшимися квазипринципами» [6, с. 117]. Но откуда они взялись, как раз совершенно понятно – они рождены капиталистическими ценностями, где можно экономить на справедливости, если она не целесообразна. Однако «грандиозные вещи делаются грандиозными средствами. Одна природа делает великое даром» [9, с. 188]. Что может быть грандиознее справедливости, и почему экономия на ней должна считаться ключевой руководящей идеей?

Приходится признать, что «квазипринцип» процессуальной экономии и в самом деле существует. Сегодня он – принцип принципов. Вот только признавать его принципом полезным для отечественного уголовного процесса, увы, не приходится.

Во-первых, это идея технического характера. Она определяет объем задействуемых процессуальных средств, но никак не характеризует их содержание, т. е. не позволяет понять, как именно должны действовать органы уголовного судопроизводства и на чем им следует экономить. Гипотетически можно предположить, что в случае полезности идеи о процессуальной экономии (вновь подчеркнем, что для отечественного уголовного судопроизводства – это идея деструктивна), она могла бы считаться принципом уголовно-процессуального права, ориентирующим законодателя при создании и совершенствовании процессуальных процедур, но никак не принципом самого уголовного процесса.

Во-вторых, процессуальная экономия не может рассматриваться как средство обеспечения быстрого расследования, скорейшего доступа к правосудию. Судопроизводство должно быть не только скорым, но также правым и милостивым. Будучи господствующей, идея о процессуальной экономии априори ориентирует законодателя на урезание процессуальных гарантий, обязывает стремиться к их минимуму. Законодателю надлежит действовать прямо наоборот: стремиться создать максимально возможные процессуальные гарантии ре-

шения задач уголовного процесса (к их числу автор относит раскрытие преступления и быстрое и полное его расследование, максимальное сближение момента назначения наказания и момента совершения преступления, обеспечение правильного применения уголовно-процессуального закона). Ясно, что нарушение баланса процессуальных гарантий, например, явно излишние гарантии обеспечения права на защиту, повлечет невозможность решения задачи быстрого расследования преступлений, максимального приближения момента назначения наказания к моменту совершения преступления. Именно чем больше *сбалансированных* гарантий, тем лучше. Ограничение их объема до минимально допустимого определяется объективной невозможностью использования более широкого спектра процессуальных средств решения задач уголовного процесса. Процессуальная экономия – не господствующая процессуальная идея, не принцип уголовно-процессуального права и тем более не принцип уголовного процесса, а объективно вынужденная законотворческая мера.

В-третьих, идея процессуальной экономии противоречит ряду принципов уголовного судопроизводства. А. Д. Пронякин в связи с этим, выступая с критикой идей о рационализации [10], состоящей в упрощении, обращает внимание, что такие идеи умаляют принципы, а например, упрощенный порядок постановления приговора «не является правосудием в правовом его понимании и фактически граничит с отказом от правосудия» [11, с. 29].

Идея о принципе процессуальной экономии противоречит смыслу положений, закрепленных в ст. 6^1 УПК (законодатель называет положения о разумном сроке уголовного судопроизводства принципом уголовного судопроизводства, что более чем спорно). По какой, собственно, причине при определении разумного срока уголовного судопроизводства обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда не могут приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков, тогда как упрощение судопроизводства обусловлено именно непроцессуальными факторами (стремление упростить работу должностных лиц)?

Могут ли бесконфликтно существовать потребность общества в справедливости, в безопасности, в защите своей судьбы и судеб своих близких с предлагаемым принципом процессуальной экономии как основной идеей? Ответ на поверхности.

Варианты нормативного закрепления духовно-нравственных начал в качестве принципов уголовного судопроизводства могут быть разными. Скорее всего, достаточно ограничиться общей формулировкой идеи, понятной даже для неподготовленного к восприятию сложных юридических текстов человека. Суть принципа должна быть изложена простыми и доступными для каждого россиянина словами, которые дадут представление о ценностях, на которых построен уголовный процесс: о его справедливости, направленности на установление истины, значимости милосердия, раскаяния; обязанности властных участников быть честными, преданными долгу, нести ответственность за человека. Эти великие для россиян идеи не сочетаются с идеей процессуальной экономии как ключевой идеей уголовного процесса.

Попытки исчерпывающе изложить в одной статье содержание принципа и все следствия из него неизбежно превратят идею в обычную регулятивную норму и снизят общее одухотворяющее воздействие и системообразующую роль принципа-идеи. При формально-конкретном отношении к сути принципа, на котором основана сегодня гл. 2 УПК, порядок уголовного судопроизводства устанавливается без оглядки на систему принципов. Представляется, что в случае включения в систему принципов концептуальных, дорогих для народа России идей принципу процессуальной экономии места в уголовном процессе не найдется. Ни формально, ни по существу.

Список литературы

1. Масленникова Л. Н. К вопросу об укреплении верховенства государственной власти в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 1. С. 84–93.

2. Крашенинников П. В., Мизулина Е. Б. Как создавался УПК РФ // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) // Сборник статей и материалов / под ред. Е. Б. Мизулиной и В. Н. Плигина. М. : Юристъ, 2006.

2. Гаврилов Б. Я. Роль российского уголовно-процессуального законодательства в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. В 2 т. М., 2020. Т. 1. № 1 (3).

3. Головко Л. В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания» // Законы России: опыт, анализ, практика // 2001. № 6. С. 3–7.

4. Агутин А. В., Агутина Н. В. Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве. М. : Московский гуманитарный университет, 2009.

5. Васильев О. Л. Нравственные начала уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 110–117.

6. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве : монография. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России. 2011.

7. По делу о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Савченко // СПС «КонсультантПлюс».

8. Васильев О. Л. Нравственные начала уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 117.

9. Герцен А. Былое и думы. СПб. Азбука, Азбука-Аттиус, 2021. С. 188.

10. Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2016.

11. Пронякин А. Д. Упрощенное судопроизводство как путь к отказу от правосудия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4 (60). С. 27–30.

Поляков С. А.[1],
доцент кафедры уголовного права,
криминологии и уголовного процесса
Луганской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Вопросы уголовного правосудия, возмездия, ответственности и наказания за преступления против личности, общества и человечества на международном пространстве являются актуальной сферой правового исследования 2025 г. с учетом фактического отсутствия механизма международного уголовного суда и предварительного следствия, способного расследовать, проводить судебное следствие без внешнего давления.

В период, когда в мире происходят военные конфликты, участники которых безжалостно убивают гражданское население [6] в угоду своим личным интересам и в целях обладания властью над территорией, природными ресурсами и над народом, мы должны предпринять все возможные действия для того, чтобы остановить смерть людей.

В части обеспечения международного правосудия по делам о геноциде и международном терроризме в мире существует лишь Международный уголовный суд [7] (далее – МСУ), зарекомендовавший себя как орган уголовного международного давления стран коллективного Запада с коррупциогенной политизированной составляющей [8].

Неспособность и неэффективность международного уголовного правосудия связаны напрямую с коварством и беззаконием в Европе и Азии, вызванными гегемонией стран коллективного Запада, которые спустя 80 лет не сделали должных выводов и уроков по итогам мировых войн XX в., возможно, по причине отсутствия боевых действий на территории Соединенных Штатов Америки.

Разработанная после II Мировой войны Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [9] четко дала понять, что считается геноцидом и кто подлежит ответственности за столь нечеловеческие преступления. В частности, к ответственности могут привлечь как должностных, так и частных лиц в ходе проведения военных действий.

В целом военные действия могут быть:

1) межконтинентальными или континентальными, в которых осуществляются глобальные военные действия на территории многочисленных государств. В такие войны ввязаны многие государства одного континента либо всего мира. Целями указанных войн, как правило, являются территориальные, экономиче-

[1] © Поляков С. А., 2025.

ские либо политические интересы стран агрессоров. Примерами таких войн можно считать I и II Мировые войны

2) региональными – по примеру запланированных военных действий стран Германии и СССР в соответствии с секретным дополнительным протоколом к Пакту Молотова-Риббентропа;

3) локальными;

4) вооруженным конфликтом.

В настоящее время даже возникла необходимость для введения уголовной ответственности за действия должностных лиц международных организаций, членами которых Россия не является, которые незаконно проводят предварительное и судебное следствие в отношении российских граждан и выносят неправосудные решения, в настоящее время данный вопрос рассматривается также на законодательном уровне [10].

За период с 2022 г. по настоящее время в отношении объектов атомной энергетики Российской Федерации и гражданского населения многократно совершаются террористические акты путем артиллерийских обстрелов из снарядов, производящихся в странах НАТО, и с помощью беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА), что угрожает безопасности любого гражданина.

Более того, систематически производятся смертоносные атаки, исполняемые вооруженными бандами Украины по гражданским объектам и местам массового пребывания граждан России, что, естественно, следует квалифицировать в соответствии со ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации как террористические акты. Однако с организацией исполнения правосудия, возмездия, наступления ответственности и наказания за преступления против личности, общества и человечества имеются серьезные проблемы. Иностранное государство не признает законы атакуемой страны и игнорирует нормы международного права.

Свидетельством того служат вопиющие примеры террористических действий иностранного государства на территории России, которые можно назвать очередными атаками боевиков Украины по гражданской инфраструктуре Российской Федерации.

10 марта 2025 г. Украина с целью массового убийства гражданского населения направила более 330 БПЛА, начиненных взрывчаткой. Несмотря на активную ликвидацию этих БПЛА по ходу их следования, Вооруженными силами страны не удалось по объективным причинам полностью отразить данную атаку. В итоге в результате атаки ранено более девяти гражданских лиц один человек погиб, разрушены жилые помещения и частные автомобили [11].

Проблема обеспечения безопасности личности является одной из главных задач любого государства [1, с. 18]. Одновременно ответственность за нарушение этой безопасности, связанной с военными преступлениями, геноцидом, экоцидом и в целом с преступлениями против человечества, также должна нести определенная, конкретная личность.

Гуманитарное право фактически представляет собой комплекс международных и национальных правовых норм, связанных с обеспечением защиты прав индивида – личности. Уничтожение индивидов в ходе военного конфликта раз-

рушает социальную основу, следовательно, разрушается материальная база государства [2, с. 196].

Можно констатировать, что на территории новых и приграничных субъектов Российской Федерации вражеской Украиной с определенной периодичностью совершаются террористические акты, убийства и применение незаконных методов войны.

Боевики Украины взрывают машины мирных жителей, подкладывая бомбы с детонаторами, сбрасывают с БПЛА на гражданские машины взрывчатки, расстреливают мирных жителей [12], что должно быть квалифицированно по ст.ст. 105 (убийство), 205 (террористический акт), 356 (применение запрещенных средств и методов ведения войны) Уголовного кодекса Российской Федерации.

Указанные факты создают угрозы национальной безопасности России, следовательно, последствия от данных угроз влекут подрыв обеспечения международной безопасности в целом, именно такую опасность для мирового сообщества представляла в 30–40-х гг. XX в. нацистская Германия.

Между тем без надлежащего создания условий для реализации уголовно-процессуальных норм на международном уровне вершить правосудие бессмысленно. Проведение предварительного следствия без фактического логического заключения – приговора и его исполнения – невозможно. В данных целях требуется прочная нормативная, прежде всего уголовно-процессуальная база с наделением специальных международных должностных лиц полномочиями по осуществлению международного уголовного правосудия, так сказать общей «среды их обитания» [3, с. 36].

На уровне одного государства, да и в целом, на уровне меньшинства государств, создать указанный правовой механизм не представляется возможным. Для реализации проекта требуется согласие большей части стран мира, ратифицирующих новый статут во имя поддержания мира, обеспечения как национальной, так и международной безопасности, так как нередко, по примеру с обстрелами атомных электростанций, из угроз национальных они перерастают в международные.

При изучении международного и национального законодательства о геноциде, фактических действий по спонсированию и разжиганию войны в Украине, пролоббированностью судебных международных органов стран коллективного Запада следует сделать выводы о грубом нарушении национального законодательства и международных обязательств на всех уровнях юрисдикции государств коллективного Запада.

Механизмов привлечения к уголовной ответственности за современный геноцид и угрозы международной безопасности на международном уровне на сегодняшний момент не создано. Однако существуют международные объединения, активно развивающие межгосударственное взаимодействие в сфере обеспечения правосудия и занимающие по своей географии участников значительную часть суши и населения планеты.

Некоторые исследователи считают, что вопросы разрешения судебных споров по уголовным делам о преступлениях против человечеств на международ-

ном (межгосударственном) уровне не разрешаются, и единственной надеждой оставался Римский статут и созданный на его основании МУС, с чем согласиться невозможно.

Существует мнение, что указанные судебные споры по уголовным делам в приемлемом виде реализуется только в рамках действия Римского статута МУС. Однако, как показывают результаты работы МУС за последние 20 лет, он не оправдал своего назначения [4, с. 43].

С учетом того, что НАТО во главе с США было развязано более 200 войн [5, с. 1], будущего у МУС, Интерпола в миссии по обеспечению уголовного правосудия и розыска, а также с учетом многочисленных неправосудных решений указанного суда, не имеется.

Ликвидация МУС будет логически верным и законным решением, а также полезным для всего мирового сообщества, в том числе для стран коллективного Запада, так как он неспособен достойно и честно рассмотреть уголовные дела и провести судебное следствие в отношении банд Украины, совершающих теракты на территории Российской Федерации с 2022 г. Таким образом, вопросы совершенствования международного уголовного правосудия, предварительного следствия и розыска остаются открытыми.

Список литературы

1. Мингазов Л. Х. Проблема обеспечения безопасности личности в международном праве // Международные отношения и общество. 2019. Т. 1. № 3. С. 14–25.

2. Кудашкин В. В. Гуманитарные и суверенные интересы в области военных конфликтов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19. № 4. С. 183–203.

2. Россинский С. Б. Обвинительное заключение: процессуальное предназначение // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2023. № 3 (54). С. 35–41.

3. Коробеев А. И. Современное международное уголовное право сквозь призму института международной уголовной ответственности // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 40–44.

4. Поляков С. А. Международно-правовые обязательства государства по обеспечению международной безопасности и их имплементация в российской правовой системе : монография. М. : Проспект, 2022.

5. Хуже, чем на Украине: западные эксперты ошеломлены масштабами гибели жителей Газы // Московский комсомолец. URL: https://www.mk.ru/politics/2023/11/26/khuzhe-chem-na-ukraine-zapadnye-eksperty-oshelomleny-masshtabami-gibeli-zhiteley-gazy.html?ysclid=m8bl9e4fn9124366627.

6. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) // НПП «Гарант-сервис».

7. Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда (заключение Международно-правового совета при МИД России) // Офици-

альный сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_ policy/legal_problems_of-international_cooperation/1949021/.

8. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml.

9. В Думе предложили запретить «противоречащее интересам России следствие» // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/07/2023/64ba3b129a7947efab98267.

10. СКР квалифицировал украинскую беспилотную атаку как теракт // Коммерсант. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7564637.

11. Житель Суджи: боевики ВСУ расстреливали горожан и машины // Сайт Четвертого канала. URL: https://ren.tv/news/v-rossii/1316609-zhitel-sudzhi-boeviki-vsu-rasstrelivali-zhitelei-goroda-i-mashiny.

Попенков А. В.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОЙ КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОЗВРАТУ ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Весьма важным с социально-экономической и уголовно-правовой точек зрения стало принятие поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации. Так, Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст.ст. 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» была установлена уголовная ответственность за незаконную деятельность, осуществляемую в целях возврата просроченной задолженности. [1] Таким образом, появился новый правовой механизм привлечения коллекторов к уголовной ответственности за совершение ими действий, содержащих в себе признаки состава преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ.

Важность этих нововведений отмечалась всем юридическим сообществом, Государственной Думой, Советом Федерации, Генеральной Прокуратурой России и даже самими финансовыми организациями, ведущими добросовестную деятельность в рамках правового поля Российской Федерации. Стоит отметить, что, несмотря на все положительные аспекты законодательной новеллы, следственно-судебная практика применения вышеуказанной статьи остается на низком уровне, количество жалоб со стороны граждан на незаконные действия коллекторов в их отношении существенно не снижется, хотя общее количество задолженностей физических лиц перед финансовыми организациями растет и уже составило свыше 1,4 трлн руб. [2], а количество возбужденных и направленных в суд дел, по ст. 172.4 УК РФ остается мизерным [3]. Безусловно, часть правонарушений остается в плоскости административного законодательства, предусмотренного ст. 14.57 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, однако, как показывает практика, действия, содержащие в себе признаки состава уголовного преступления, также имеют место.

Одним из краеугольных вопросов, возникающих при расследовании преступлений указанной категории, является оценка следователем или дознавателем деятельности лица, подозреваемого в совершении преступления.

Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [4] (далее – Федеральный закон № 230-ФЗ) структурировал и алгоритмизировал как

---

[1] © Попенков А. В., 2025.

принципы, так и способы взаимодействия коллекторов с должником, следовательно, все, что выходит за рамки Федерального закона № 230-ФЗ, может образовывать признаки состава преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ.

Для определения алгоритма доказывания следователем или дознавателем противоправности действий коллекторов следует понимать, что именно разрешено осуществлять коллекторам, для возврата задолженности физических лиц. Так, согласно Федерального закона № 230-ФЗ коллекторы могут:

1) лично встречаться с должником;

2) звонить должнику;

3) отправлять сообщения (письменные, электронные, голосовые).

Притом, частота встреч, звонков и сообщений установлена законом. Так, например, коллекторы могут встречаться с должником не чаще одного раза в неделю, сообщения могут направляться должнику не более двух раз в день, четырех раз в неделю и не более 16 раз в месяц. Звонки коллекторов также ограничены по времени – с 22:00 до 08:00 в будние дни и с 20:00 до 09:00 в выходные дни. Закон прямо запрещает использование всякого психологического давления на должника, угроз физической расправы или применения насилия, порчи или уничтожение имущества, шантаж и прочие незаконные методы воздействия. Таким образом, законодатель четко определил границы допустимого поведения в отношении должника.

Сложным видится автору процесс доказывания взаимосвязи, между причинением ущерба гражданину и действиями коллекторов. Только в случае документирования самим потерпевшим действий, которым он подвергается со стороны коллекторов, у органов предварительного расследования появляются основания для подозрения конкретных лиц. Не все потерпевшие имеют возможность аудио- и видеофиксации тех или иных событий, поступающих им звонков, визитов неизвестных и пр. Более того, коллекторы, зная о возможной уголовной ответственности и осознавая незаконность своих методов, стараются максимально обезопасить себя в этом вопросе, сохраняя режим конспирации, используя виртуальные СИМ-карты, анонимайзеры, ВПН-сервисы, стараясь действовать дистанционно, анонимно и не оставляя следов, в т. ч. и в цифровом пространстве [5, с. 42–45].

Поскольку основной целью коллекторов является все же возврат долга, а не ликвидация должника или причинение ему значительного ущерба, действия коллекторов более сконцентрированы на процедуре запугивания потерпевшего, создания ему дискомфортных условий, нарушение привычных для него условий жизни. Также воздействие коллекторов может оказываться и на родственников должника, причем как официально указанных самим должником в виде поручителей и пр., так и установленных самими коллекторами из доступных им источников. Законность этих источников порой тоже остается под вопросом. Так, к примеру, в феврале 2023 г. в г. Балашиха, 27-летняя женщина, совершила суицид, выпрыгнув из окна 23 этажа, указав в предсмертной записке на психологическое давление со стороны коллекторов, требовавших возврата долга в размере 300 тыс. руб. за взятый ранее потребительский кредит. Со слов род-

ственников женщины, им также поступали звонки с угрозами, от неизвестных лиц, представлявшихся сотрудниками коллекторских агентств [6].

Стоит отметить, что любые манипуляции с имуществом граждан в рамках взыскания задолженности могут производиться только Федеральной службой судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации, действия коллекторов по лишению или порче имущества граждан являются незаконными.

Одной из задач следователя или дознавателя на первоначальном этапе расследования является построение следственных версий по делу. Анализ уголовных дел показал, что версии с долговыми обязательствами потерпевшего, как правило, не фигурируют, либо охватываются общей формулировкой «преступление совершено из корыстных побуждений», что в свою очередь может негативно влиять на ход расследования. Потерпевшие зачастую и сами скрывают конфликтные ситуации на почве долговых обязательств, объясняя это тем, что испытывают стыд, страх или иные низменные чувства, не сообщая органам предварительного расследования истинных поводов для уничтожения их имущества, нанесения физических повреждений и т. д. Исправить это следователь может и самостоятельно, изучив личность потерпевшего, что на практике делается крайне редко.

Вторым сложным аспектом является то обстоятельство, что преступление порождается договорно-правовыми отношениями между должником (потерпевшим) и кредитором (подозреваемым), предшествующими совершенному преступлению, что в свою очередь требует от следователя или дознавателя получения судебного разрешения для доступа к сведениям, составляющим банковскую и иную охраняемую законом тайну [7, с. 180–185]. А для того, чтобы проследить всю схему до выгодополучателя, следователю требуется изучить всю финансовую документацию и хронологию взаимоотношений потерпевшего с кредитором.

Решение этих проблем видится автору в глубокой научной проработке вопросов, связанных с расследованием незаконного осуществления деятельности по возврату задолженности физических лиц и внедрению результатов исследования в практическую деятельность органов внутренних дел, к подследственности которых относится ст. 172.4 УК РФ. Также, необходима разработка соответствующих методик расследования дел указанной категории с учетом уже имеющейся практических примеров уголовных дел в различных регионах России.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 317-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1634637/.

2. Объем долгов россиян на взыскании у приставов вырос на треть. Почему кредиторы активизировались в этом году? // РБК. URL: https://www.rbc.ru/finances/05/11/2024/672628469a79471655e083dd/.

3. Судебная статистика в Российской Федерации // Агентство правовой информации. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17/.

4. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201607030002/.

5. Нуйкин С. Ю. Особенности расследования дознавателем преступлений, совершенных с использованием интернет-ресурсов // Противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2024 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. С. 42–45.

6. В Балашихе 27-летняя девушка выпрыгнула из окна 23 этажа из-за звонков коллекторов // Лига банков. URL: https://ligabankov.ru/lo/v-balashihe-27-letnyaya-devushka-vyprygnula-iz-okna-23-etazha-iz-za-zvonkov-kollektorov.

7. Расторопов С. В., Пушкарев В. В. Замораживание, наложение ареста и конфискация криптовалют и других цифровых активов: пути решения правовых и процессуальных проблем // Вестник Воронежского государственного университета. 2024. № 1 (56). С. 180–185.

Прохорова Е. А.[1]*,*
докторант
факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОРЯДКА ИСЧИСЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Правильное исчисление процессуальных сроков выступает одним из «индикаторов» соблюдения процессуальной формы, являющейся важнейшей гарантией прав личности в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем регламентация этого вопроса в уголовно-процессуальном законе далека от совершенства, что препятствует единообразию правоприменительной практики и порождает многочисленные научные споры.

Закрепленные в ст. 128 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) нормативные предписания, определяющие порядок исчисления процессуальных сроков, отличаются неполнотой и противоречивостью, препятствующими уяснению их смысла, а также несогласованностью с другими предписаниями УПК РФ, затрудняющей их реализацию в конкретных правоотношениях. При этом многие из обозначенных проблем являются следствием неудачного выбора способов выражения и изложения соответствующих положений, т. е. недостатков формы уголовно-процессуального права.

Существовавшее в период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (УПК РСФСР) правило о том, что при исчислении сроков не принимаются в расчет первые неполные час или сутки (ч. 1 ст. 103 УПК РСФСР), воспроизведено в ч. 1 ст. 128 УПК РФ практически дословно, за исключением одного нюанса, кардинального изменившего его суть. Буквальное толкование соответствующего предписания с учетом появления в его формулировке слова «месяцами» означает, что теперь оно распространяется только на сроки, исчисляемые месяцами, и неприменимо к срокам, исчисляемым сутками и часами.

Указанное обстоятельство не только выглядит нелогичным в отношении сроков, исчисляемых месяцами, но и существенно обедняет правила исчисления сроков сутками и часами.

Например, возникла неопределенность относительно момента начала исчисления сроков сутками, приводящая к возможности двух вариантов решения этого вопроса (если принимать во внимание сутки, которыми начинается течение срока, то именно они будут считаться первыми сутками, а если их не учитывать, то следующие за ними сутки) и фактической разнице в значении одного и того же срока в 24 часа.

---

[1] © Прохорова Е. А., 2025.

Правила исчисления сроков часами в итоге в уголовно-процессуальном законе вообще отсутствуют. Изложенного в ч. 3 ст. 128 УПК РФ предписания, определяющего момент начала исчисления срока задержания, явно недостаточно, чтобы претендовать на роль правила исчисления сроков часами, поскольку, во-первых, сфера его действия распространяется только на срок задержания, который является не единственным сроком, исчисляемым часами, во-вторых, оно частично дублирует положение, закрепленное в п. 11 ст. 5 УПК РФ, и не содержит указаний, позволяющих определить момент истечения срока задержания.

С точки зрения учета интересов личности обоснованным представляется подход, при котором рассматриваемый процессуальный срок сводится к фактическому (астрономическому) сроку, т. е. не допускается округление его значения, а время задержания учитывается с точностью до минуты [1, с. 154–155].

Однако в таком случае непонятно, почему мерой точности рассматриваемого срока выступает минута, а не, допустим, секунда, и зачем исчислять срок часами, если существенное значение имеют более мелкие единицы времени? Тем более что для выполнения некоторых действий законом предусмотрены сроки в минутах (ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 280 УПК РФ).

Вызывает определенные вопросы и факт изложения правила, предписывающего при исчислении сроков месяцами не принимать во внимание и те сутки, которыми начинается течение срока, в ч. 1 ст. 128 УПК РФ, наряду с правилами общего характера, а не в ч. 2 ст. 128 УПК РФ, где сформулировано специальное правило, определяющее порядок исчисления сроков месяцами. Является ли обозначенное обстоятельство следствием отсутствия логики в изложении соответствующих правовых предписаний либо, наоборот, подобная конструкция помогает понять волю законодателя, намеревавшегося распространить рассматриваемое правило на все сроки, а не только на исчисляемые месяцами, но по каким-то причинам упустившего это из виду?

Не случайно, слово «месяцами» во втором предложении ч. 1 ст. 128 УПК РФ воспринимается иногда в качестве технической ошибки, в связи с чем соответствующее правило на практике распространяется и на другие сроки, в частности, исчисляемые сутками.

Например, в апелляционном определении Омского областного суда от 19 сентября 2024 г. по делу №22-2840/2024 указано, что «срок для подачи апелляционного представления, составляющий в соответствии со ст. 389.4 УПК РФ 15 суток, согласно положениям ч. 1 ст. 128 УПК РФ начал свое течение в 00.00…» [2].

Неудачным представляется способ изложения закрепленного в ч. 2 ст. 128 УПК РФ правила об автоматическом продлении сроков.

На первый взгляд, оно является логическим продолжением правила об исчислении сроков месяцами, сформулированного непосредственно перед анализируемым предписанием.

В то же время, данное правило расположено в той же части ст. 128 УПК РФ, в которой изложено и правило об исчислении сроков сутками, что позволяет считать его применимым не только к срокам, исчисляемым месяцами, но и к срокам, исчисляемым сутками.

А содержащийся в ч. 2 ст. 128 УПК РФ запрет на применение правила об автоматическом продлении срока в отношении не только конкретных сроков, исчисляемых месяцами и сутками, но и срока задержания, исчисляемого часами, позволяет предположить, что правило об автоматическом продлении срока распространяется и на сроки, исчисляемые часами, за исключением срока задержания.

На практике оценка возможности автоматического продления сроков, исчисляемых сутками и часами, неоднозначна.

Так, анализ Определения Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 7 марта 2012 г. № 81-О12-14 [3] позволил заметить различия в подходах судов к исчислению 10-суточного срока кассационного обжалования.

Кемеровский областной суд 13 января 2012 г. возвратил осужденному поданную 11 января 2012 г. (первый рабочий день после новогодних праздников) кассационную жалобу на приговор от 28 декабря 2011 г. в связи с пропуском срока, установленного для обжалования судебного решения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации 7 марта 2012 г. отменила постановление Кемеровского областного суда от 13 января 2012 г., как противоречащее требованиям УПК РФ, с указанием на то, что последним днем срока следует считать первый следующий за ним рабочий день, т. е. 11 января 2012 г., поскольку окончание срока для подачи осужденным кассационной жалобы пришлось на нерабочий день.

Различное понимание участниками уголовного судопроизводства возможности автоматического продления сроков, исчисляемых часами, можно обнаружить в результате анализа апелляционного постановления Приморского краевого суда от 14 августа 2024 г. № 22К-4094/2024 [4].

По мнению адвоката, правило переноса окончания срока, выпавшего на выходной день, на первый рабочий день относится к исчислению срока, измеряемого сутками, а не часами, и потому неприменимо к сроку принятия решения по ходатайству, составляющему 24 часа.

Суд апелляционной инстанции, как и суд первой инстанции, не согласился с доводами защитника, указав, что закрепленное в ч. 2 ст. 128 УПК РФ правило, предусматривающее перенос сроков принятия решения, если окончание процессуального срока приходится на нерабочий день, является общим, а исключения из него прямо определены законом.

Не соответствует правилам о соотношении общих и специальных норм и является примером несогласованности предписаний уголовно-процессуального закона в части регламентации процессуальных сроков упоминание в отдельных статьях уголовно-процессуального закона сроков в годах, днях и даже минутах, вопреки общему правилу об исчислении сроков часами, сутками и месяцами (ч. 1 ст. 128 УПК РФ).

Логичным объяснением подобной ситуации может быть понимание временных промежутков «год» и «день» в качестве синонимов понятий «двенадцать месяцев» и «сутки». В таком случае при исчислении сроков, обозначенных годами, следует руководствоваться правилами, установленными для исчисления сроков месяцами, а при исчислении сроков днями – правилами, установленными для исчисления сроков сутками [1, с. 156].

Вместе с тем такое объяснение не подходит для сроков, обозначенных минутами, наличие которых в УПК РФ, при отсутствии правил их исчисления, следует признать пробелом в регулировании, т. е. в большей степени недостатком содержания, нежели формы.

В целом же, полагаем, что синонимия, демонстрирующая богатство русского языка в произведениях художественной литературы, в уголовно-процессуальной терминологии недопустима.

Сроки, обозначенные в ч. 1.1. ст. 214, ч. 3 ст. 326, ч. 5 ст. 400, ст. 401.6, ч. 3 ст. 414 УПК РФ в годах, а также обозначенные в ч. 4 ст. 317.5, ч. 2 ст. 401.5, ч. 2 ст. 412.4 УПК РФ в днях, вполне могут быть сформулированы с использованием терминов «месяцы» и «сутки». Такое изменение формы выражения соответствующих предписаний не отразится на их содержании, а используемые формулировки, с учетом того, что в годах в основном обозначается интервал времени, равный одному году, не будут излишне сложными для восприятия и подсчета.

В противном случае у правоприменителей и представителей юридической науки возникает вполне обоснованное стремление наделить каждый из рассматриваемых терминов самостоятельным смыслом.

Если Европейский Суд по правам человека довольно свободно заменял одни термины российского уголовно-процессуального закона другими, отмечая, например, что сроки, установленные УПК РФ, исчисляются в часах, днях и месяцах [5], что в значительной степени связано с особенностями перевода (слова «день» и «сутки» переводятся на английский язык как *day*), то отечественные суды обращают особое внимание на необходимость разграничения данных дефиниций.

Так, Верховный суд Республики Дагестан в апелляционном постановлении от 24 августа 2020 г. по делу № 22к-1474/2020 обратил внимание суда первой инстанции на то, что в резолютивной части обжалуемого решения суд исчислил срок содержания под стражей днями, тогда как в соответствии с ч. 1 ст. 128 УПК РФ сроки, предусмотренные УПК РФ, исчисляются часами, сутками, месяцами [6].

Брянский областной суд в апелляционном постановлении от 16 января 2025 года по делу № 22К-121/2025 также подчеркнул, что согласно ч. 1 ст. 128 УПК РФ сроки содержания под стражей исчисляются не днями и месяцами, а сутками и месяцами [7].

В доктринальных источниках для разграничения сроков, исчисляемых сутками и днями, предлагается в случае указания в законе срока «день» понимать под ним период с 06:00 до 22:00 в соответствии с п. 21 ст. 5 УПК РФ [8, с. 140].

Такое решение представляется разумным, если предписывается выполнение процессуального действия в определенный день – день фактической явки обвиняемого, день привода (ч. 6 ст. 172 УПК РФ), день представления ходатайства (ч. 1 ст. 235 УПК РФ).

В то же время, такой подход не рассчитан на ситуацию, когда фактическая явка обвиняемого или привод (в случаях, не терпящих отлагательства – ч. 5 ст. 113 УПК РФ) произойдет ночью. Необоснованной, чрезмерно усложняющей реализацию соответствующих предписаний, представляется и попытка сформулировать особые правила исчисления сроков днями, когда выполнение определенного действия предписывается выполнить не позднее трех дней (ч. 4

ст. 317.5 УПК РФ), в течение 20 дней (ч. 2 ст. 401.5 УПК РФ) или в течение 10 дней (ч. 2 ст. 412.4 УПК РФ).

С учетом изложенного полагаем, что совершенствование уголовно-процессуального закона в части регламентации порядка исчисления процессуальных сроков предполагает, в первую очередь, оптимизацию способов выражения и изложения соответствующих правовых предписаний.

Список литературы

1. Яшин В. Н. О некоторых проблемах исчисления сроков в уголовном процессе // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2021. №1. С. 152–158.

2. Апелляционное определение Омского областного суда от 19 сентября 2024 г. по делу № 22-2840/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации «Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2012 года» (Утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 октября 2012) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 14 августа 2024 г. № 22К-4094/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление ЕСПЧ от 28 ноября 2013 г. «Дело «Тараканов (Tarakanov) против Российской Федерации» (жалоба № 20403/05) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 24 августа 2020 г. по делу № 22к-1474/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Апелляционное постановление Брянского областного суда от 16 января 2025 г. по делу № 22К-121/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Калиновский К. Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2. С. 139–145.

Соколова М. В.[1]*,*
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ У СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПО ПРИОСТАНОВЛЕННЫМ УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СООТВЕТСТВИИ С П. 3^1 Ч. 1 СТ. 208 УПК РФ

Возмещение вреда, причиненного преступлением, является важной составляющей защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Существующие нормы законодательства в рассматриваемой области не всегда эффективно применяются на практике и содержат пробелы. В настоящее время актуальной проблемой, возникающей у следователя по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлениями, является приостановление уголовных дел в соответствии с п. 3^1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Так, Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ в ст. 208 УПК РФ внесены изменения (п. 3^1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) в части, касающейся приостановления уголовного дела при наличии основания свидетельствующего о том, что подозреваемый или обвиняемый призван на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключил в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также проходит военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время [5].

Обобщая информацию о практике возмещения причиненного преступлениями вреда по уголовным делам, предварительное расследование по которым приостановлено по основанию, предусмотренному п. 3^1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, следует отметить, что по итогам работы за 9 месяцев 2024 г. предварительное следствие по п. 3^1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ приостановлено по 6 035 уголовным делам, 4 243 (70 %) из них – по имущественным составам преступлений.

Сумма причиненного материального ущерба по приостановленным уголовным делам составляет 4 452 597,5 тыс. руб., возмещен ущерб на сумму 328 006 тыс. руб. (7,4 % от общей суммы причиненного).

По уголовным делам, планируемым к приостановлению, сумма причиненного ущерба составляет 620 827 тыс. руб., возмещенного – 111 799 (11 %) [1].

Способами возмещения причиненного преступлениями вреда до приостановления предварительного следствия является добровольное его погашение обвиняемым (подозреваемым) или изъятие похищенного имущества [3, с. 18].

---

[1] © Соколова М. В., 2025.

Например, в СУ УМВД России по Астраханской области по уголовному делу № 12401120017000789, возбужденному 23.07.2024 по признакам преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в отношении Протасова В. А., причинен материальный ущерб на общую сумму 23 700 руб. (стоимость похищенного мобильного телефона 17 600 руб., иных бытовых предметов - 6 100 руб.). Похищенное имущество изъято и возвращено владельцу.

Например, в Республике Мордовия по уголовному делу № 12301890036000028, возбужденному 24.07.2023 по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ по факту хищения имущества из надворных построек, сумма ущерба 50 тыс. руб. После установления подозреваемого (Сидорова А. А.) с ним проведена разъяснительная работа, им добровольно возмещено 20 тыс. руб., после чего он заключил контракт с Министерством обороны Российской Федерации [1].

Несмотря на то, что есть положительные примеры возмещения вреда до приостановления уголовного дела, следует отметить, что сумма возмещенного вреда составляет всего лишь 7,4 % от общей суммы причиненного, что не в полной мере решает поставленные перед следствием задачи по возмещению вреда, причиненного преступлением, тем самым нарушаются гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений.

Причинами низкой эффективности возмещения вреда являются в первую очередь отсутствие у обвиняемых (подозреваемых) на момент принятия решения о приостановлении предварительного следствия имущества, счетов и источников дохода. Несмотря на то, что соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2024 г. № 644 [2] при заключении контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации для выполнения задач СВО предусматривается единовременная денежная выплата в размере 400 тыс. руб., которая поступает на расчетный счет военнослужащего в момент заключения контракта, следует отметить, что наложения ареста на денежные средства, выплачиваемые обвиняемому (подозреваемому) при заключении контракта с Министерством Обороны Российской Федерации невозможно, так как на момент его заключения предварительное следствие должно быть приостановлено.

Еще одной причиной низкой эффективности возмещения вреда является невозможность обратить в пользу потерпевшего ранее арестованное имущество обвиняемого (подозреваемого), поскольку исполнительное производство подлежит приостановлению полностью или частично в случае участия должника в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Российской Федерации (п. 3 ч. 1 ст. 40 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве») [4].

Согласно информационно-справочным материалам, подготовленным Следственным департаментом МВД России низкая эффективность работы по обеспечению возмещения вреда указана по преступлениям, совершенным в соучастии (в отношении соучастников, которые не заключили контракт с Министерством Обороны Российской Федерации) [1].

Вышеизложенные причины низкой эффективности возмещения вреда в 2024 г. спровоцировали поступление в территориальные органы предвари-

тельного следствия в системе МВД России на региональном и районном уровнях жалоб от участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения на ненадлежащую организацию работы по возмещению материального ущерба по уголовным делам, приостановленным по п. 3^1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Так, в ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю поступило два аналогичных обращения Митволя О. Л. (потерпевшего по уголовному делу № 12301940001000727) о непринятии мер к возмещению причиненного ему вреда в сумме 112 114 590 руб. По данному уголовному делу к уголовной ответственности привлечено пять лиц, которым 24.07.2024 предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б», ч. 4 ст. 158, ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ. В ходе расследования на банковские счета двух обвиняемых наложен арест на общую сумму 13 261 265 руб. и 1200 долларов США, после чего они заключили контракт с Министерством Обороны Российской Федерации. Обращение рассмотрено, признано «разъясненным», заявителю разъяснен порядок обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства. С целью установления местонахождения четырех обвиняемых (в отношении одного уголовное дело направлено в суд) Военному комиссару Красноярского края направлен запрос, информации об их местонахождении до настоящего времени не поступило [1].

Таким образом, анализ представленных материалов выявил причины организационного и правового характера, негативно влияющие на результаты работы по возмещению вреда потерпевшим по уголовным делам, приостановленным по п. 3^1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Для разрешения вышеуказанных проблем следователям ОВД необходимо:

1) обеспечить в ходе предварительного расследования разъяснение обвиняемым (подозреваемым), их близким родственникам преимущества и правовые последствия добровольного возмещения вреда (п.п. «и», «к» ч. 1 ст. 61, ст.ст. 62, 67, 75 и 76 УК РФ), в том числе во время нахождения подозреваемого (обвиняемого) в зоне проведения специальной военной операции;

2) по преступлениям, совершенным в соучастии, организовать возмещение материального ущерба за счет средств других соучастников преступления, с разъяснением им положений ст. 61 УК РФ;

3) принимать меры к установлению имущества третьих лиц, полученного в результате преступных действий обвиняемого (подозреваемого) и на которое в соответствии со ст. 115 УПК РФ может быть наложен арест;

4) обеспечить наложение ареста на имущество обвиняемых (подозреваемых) до заключения ими контракта с Министерством обороны Российской Федерации и приостановления предварительного следствия по п. 3^1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ;

5) в соответствии со ст. 115.1 УПК РФ организовать контроль над продлением срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество обвиняемых (подозреваемых) не позднее чем за семь суток до приостановления производства предварительного следствия;

6) разъяснять потерпевшим порядок обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства, оказывать им необходимую помощь в подготовке исковых заявлений.

Список литературы

1. Информационно-справочные материалы Следственного департамента МВД России «О принятых управлением ведомственного и процессуального контроля Следственного департамента МВД России мерах по обеспечению возмещения ущерба, причиненного преступлениями» // Распоряжение Следственного департамента МВД России «О предоставлении сведений» № 1714 от 15.02.2024.

2. Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2024 г. № 644 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

3. Соколова М. В. Добровольное возмещение вреда как основание, способствующее отмене наложения ареста на имущество // Российский следователь. 2017. № 11. С. 18–20.

4. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

5. Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

Степырева А. М.[1]*,*
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОЗНАВАТЕЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ТРАНСПОРТЕ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время такое социальное явление как преступность невозможно исключить из жизни общества, она находится в состоянии постоянной трансформации, меняется механизм совершения преступлений, появляются новые возможности и угрозы цифрового мира. Поэтому проблема предупреждения преступности является актуальной.

Для изучения такого специфичного явления, прежде всего, необходимо обратится к понятийному аппарату. Так, по мнению М. А. Коржева, предупреждение преступлений в широком понимании есть криминологическая категория, обозначающая исторически сложившуюся систему преодоления объективных и субъективных предпосылок этих негативных явлений, реализуемого путем целенаправленной деятельности всех институтов общества по устранению, уменьшению и нейтрализации факторов, детерминирующих существование преступности и совершение преступлений [1]. Предупреждение преступлений в более узком значении, по мнению Д. П. Шкаева, представляет собой деятельность, направленную на недопущение их совершения путем выявления и устранения причин преступлений, условий, способствующих их совершению, оказания предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением [2].

В положениях Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», указано, что одна из задач достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности, осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на снижение уровня криминализации общественных отношений, развитие единой государственной системы профилактики правонарушений [3]. Органы внутренних дел – особый субъект профилактики преступлений и административных правонарушений, на который возложены задачи и функции, направленные на защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств.

На расширенном заседании коллегии МВД России в 2025 г. В. А. Колокольцев отметил, что деятельность всех субъектов профилактики оказала влияние на снижение криминальной активности, за последние 10 лет раскрываемость грабежей, разбойных нападений, краж транспортных средств возросла в среднем на четверть.

Правовой и организационной основой системы профилактики правонарушений, общие правила функционирования, основные принципы, направления, виды профилактики правонарушений и формы профилактического воздей-

[1] © Степырева А. М., 2025.

ствия, полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений, регламентированы Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [4].

Сотрудники органов внутренних дел в своей профилактической деятельности руководствуются различными федеральными законами и внутриведомственными приказами. Так, в приказе от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» [5] определены основные задачи для достижения целей профилактики правонарушений:

1) выявление и анализ причин, порождающих правонарушения, и условия, способствующие совершению правонарушений;

2) выявление лиц, подготавливающих правонарушения;

3) обеспечение контроля над лицами, противоправные и антиобщественные деяния которых дают основания проводить в отношении них различные мероприятия и принимать меры правового воздействия для предупреждения совершения ими правонарушений;

4) осуществление мер по обеспечению безопасности граждан от противоправных посягательств на улицах и в иных общественных местах, объектах транспорта и транспортной инфраструктуры, а также имущественной безопасности всех форм собственности от преступных посягательств;

5) обеспечение привлечения граждан, общественных объединений и иных организаций для оказания помощи в сфере профилактики правонарушений;

6) информирование граждан о способах защиты от противоправных посягательств.

В данной статье мы рассмотрим специфику предупреждения преступлений, совершаемых на транспорте. Самые распространенные преступления, которые совершаются на транспорте – кражи. Они составляют примерно 33 %, т. е. треть преступлений.

Также к распространенным преступлениям на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта относятся:

1) хищения грузов;

2) мошенничество;

3) взяточничество и другие должностные преступления;

4) наезды подвижного состава на лиц, не занятых работой на транспорте;

5) повреждения путей сообщения и преступные нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшие крушения и аварии.

По данным за 2024 г., из всех правонарушений на транспортных объектах в России 8 тыс. – это кражи, около 5 тыс. – преступления экономического характера [6].

Статья 73 УПК РФ возлагает на дознавателя обязанности по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Деятельность дознавателя по предупреждению преступлений на транспорте является важной составляющей обеспечения безопасности граждан и функционирования транспортной системы. Она включает в себя комплекс мер, направленных на выяв-

ление, устранение и нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению преступлений на транспорте.

Осуществление дознавателем сбора и анализа информации о состоянии преступности на транспорте на закрепленной территории: на участке железной дороги, в аэропорту, в порту. Именно анализ статистических данных, оперативной информации, результатов рассмотрения сообщений о преступлениях, материалов уголовных дел позволит выявить причины и условия, способствующие совершению преступлений на транспорте. В пример можно привести: недостаточную освещенность на станциях и остановочных пунктах, отсутствие или неисправность систем видеонаблюдения, недостаточный контроль над доступом к охраняемым объектам, низкую бдительность работников транспортных предприятий, алкогольное или наркотическое опьянение пассажиров и работников транспорта, несоблюдение правил перевозки грузов.

Также основным направлением является прогнозирование, которое, как правило, осуществляется на основе анализа криминогенной обстановки. Дознаватель прогнозирует возможные изменения в структуре и динамике преступности на транспорте, определяет наиболее уязвимые объекты и направления деятельности.

Разработка и реализация профилактических мероприятий, а также разработка планов профилактических мероприятий как самостоятельно, так и совместно с другими подразделениями органов внутренних дел, администрациями транспортных предприятий, органами местного самоуправления и общественными организациями позволяют грамотно выстроить работу по предупреждению преступлений на транспорте.

Проведение профилактических мероприятий, направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений на транспорте: направление представлений в организации, ответственные за обеспечение безопасности на транспорте, об устранении выявленных недостатков (например, об установке дополнительного освещения, ремонте ограждений, усилении охраны объектов). Проведение профилактических бесед с работниками транспортных предприятий о необходимости соблюдения правил безопасности и бдительности, проведение разъяснительной работы среди населения о мерах личной безопасности на транспорте (например, о недопустимости оставления багажа без присмотра, о необходимости сообщать в полицию о подозрительных лицах и предметах). Участие в проведении рейдов и проверок на транспорте с целью выявления и пресечения правонарушений (например, выявление лиц, находящихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, проверка соблюдения правил перевозки грузов).

Взаимодействие дознавателя с подразделениями информации и общественных связей с целью информирования населения о состоянии преступности на транспорте.

Необходимость оперативного реагирования дознавателя на сообщения о преступлениях и происшествиях на транспорте, так как промедление может привести к негативным последствиям (например, к срыву графика движения, к увеличению количества пострадавших).

Также важной особенностью является обладание органами предварительного расследования знаниями о специфике транспортной системы: о правилах эксплуатации транспортных средств, о порядке перевозки грузов и пассажиров и др.

С учетом вышеизложенного приходим к выводу, что деятельность дознавателя по предупреждению преступлений на транспорте представляет собой комплексную работу, направленную на обеспечение безопасности граждан и стабильного функционирования транспортной системы. Эффективное выполнение этой деятельности требует от дознавателя глубоких знаний и умений анализировать причины и условия совершения преступлений, разрабатывать и реализовывать профилактические мероприятия, а также оперативно взаимодействовать с различными службами и организациями.

Успешное предупреждение преступлений на транспорте является важным фактором обеспечения общественной безопасности и экономического развития страны.

Список литературы

1. Коржев М. А. Понятие и система предупреждения преступности // Инновационная наука. 2015. № 7-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-sistema-preduprezhdeniya-prestupnosti.

2. Шкаев Д. П. Предупреждение как юридическая категория: дефиниция и место в понятийно-категориальном ряду // Образование и право. 2022. № 7.

3. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/.

4. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 26 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений». URL: https://ейск.23.мвд.рф/document/56750806.

6. МВД России ФКУ «ГИАЦ МВД России» Общие сведения о состоянии преступности на транспорте // Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года. М. : ГИАЦ МВД России, 2025. С. 50–52.

Уханова Н. В.[1]*,*
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ ИЛИ ПРЕСТУПНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ

За 2024 г. по сравнению с годом предыдущим с 11,6 % до 13,8 % возрос удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, годовой прирост составил 17,1 % [1, с. 5].

Согласно проведенному анкетированию следователей (в 2024 г. был опрошен 21 следователь г. Москвы и Московской области), а также исходя из результатов изучения приговоров на официальном портале районных судов общей юрисдикции г. Москвы [2] и на сайте «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» [3], в структуру организованной преступности входят следующие преступления:

1) различные виды мошенничества и кражи;
2) незаконное производство, пересылка и сбыт наркотических средств;
3) разбои и вымогательства (в том числе в составе банд);
4) незаконная банковская деятельность;
5) организация незаконной миграции.

Эти преступления совершаются организованными группами, а также преступными сообществами (часто с дополнительной квалификацией по ст. 210 УК РФ).

В большинстве случаев установление и доказывание квалифицирующего признака преступления «совершенное организованной группой», а также совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией) возможно только при условии сотрудничества со следствием хотя бы одного из членов организованной группы или сообщества.

В целом досудебное соглашение о сотрудничестве показало высокую эффективность в деле борьбы с различными формами организованной преступности.

Так, согласно результатам исследования А. М. Наумова, проведенного во Владимирской области, каждый второй участник организованной группы (или преступного сообщества) заключал со стороной обвинения досудебное соглашение, в рамках которого оказывал помощь следствию в изобличении других соучастников преступлений [4, с. 73].

---

[1] © Уханова Н. В., 2025.

При этом институт досудебного соглашения не лишен недостатков, одним из которых многие следователи и ученые считают необходимость выделения уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение [5].

Действительно, лицо, заключившее соглашение, обязано участвовать в судебных заседаниях по другим уголовным делам в целях изобличения соучастников преступной деятельности – согласно ч. 2.1 ст. 317.3 УПК РФ. Данное лицо имеет при этом особый процессуальный статус, предусмотренный ст. 56.1 УПК РФ, – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Очевидно, что выделение уголовного дела способствует усложнению уголовного судопроизводства, искусственному увеличению количества уголовных дел. Возникает необходимость допроса одних и тех же лиц по нескольку раз. Последнее влияет на загруженность органов уголовно-исполнительной системы, которые обязаны доставлять лицо в судебное заседание. Искусственное увеличение количества уголовных дел, рассматриваемых в суде, приводит к увеличению сроков ожидания других подсудимых, уголовные дела которых направлены в тот же суд, а значит, приводит к вынужденному нарушению разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

Следует обратить внимание на конструкцию нормы, предусмотренной пунктом 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ: в ней предусмотрено право, а не обязанность следователя выделять уголовное дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Кроме выделения уголовного дела, «в случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого материалы уголовного дела, идентифицирующие его личность», могут изыматься из возбужденного уголовного дела. Следовательно, возможны ситуации, когда уголовное дело выделяется, но при этом материалы, которые идентифицируют личность лица, заключившего досудебное соглашение, остаются в возбужденном уголовном деле. В таком случае возникает вопрос: для чего нужно выделять уголовное дело, если это не обусловлено угрозой безопасности лица, заключающего досудебное соглашение о сотрудничестве?

Позиция Верховного Суда Российской Федерации в этом вопросе оказалась решающей: из смысла п. 5 постановления Пленума от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» вытекает, что в целях применения судами особого порядка проведения судебного заседания уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение, должно быть выделено в отдельное производство на стадии предварительного следствия. В противном случае судом должен быть решен вопрос о возвращении уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ). Та же позиция продублирована в абз. 9 п. 2 постановления Пленума от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору».

По сути, Верховный Суд Российской Федерации превратил право следователей выделять уголовные дела по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, в его обязанность.

Из этого также следует, что единственной причиной выделения уголовного дела может являться то, что при выделении уголовного дела обвиняемый впоследствии может воспользоваться правом на особый порядок судебного заседания. Но, несмотря на это, ему все же придется впоследствии участвовать в другом судебном заседании – уже в качестве лица, процессуальный статус которого предусмотрен ст. 56.1 УПК РФ.

М. М. Меджидов и Х. Г. Дациева отмечают, что на практике заключение досудебного соглашения о сотрудничестве не всегда влечет за собой выделение уголовного дела, так как это «доставляет серьезные неудобства» самому лицу, в отношении которого выделяется уголовное дело. Поэтому принятие решения о выделении уголовного дела зависит от позиции лица, заключающего досудебное соглашение, а также диктуется интересами следствия [6, с. 168].

Т. А. Бутенко приводит развернутую и подробную аргументацию нецелесообразности выделения уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение. Во-первых, на основании изучения судебно-следственной практики данный автор утверждает, что в большинстве случаев уголовные дела выделяются непосредственно перед выполнением требований, предусмотренных ст.ст. 215–217 УПК РФ. То есть следователям, безусловно, удобнее (и экономичнее) собирать доказательства по единому уголовному делу. Во-вторых, она отмечает такую проблему, как разница в квалификации судом деяний осужденных по выделенному и основному уголовным делам. Так, выделенные уголовные дела рассматриваются зачастую раньше основных дел, и квалификация, данная на предварительном следствии, сохраняется. Не так обстоит дело в основных уголовных делах: здесь нередки случаи, когда суд на основании результатов ординарного судебного разбирательства оправдывает подсудимых по ст. 210 УК РФ. В таких случаях выделенные уголовные дела, как правило, пересматриваются, и, исходя из того, что решение суда по основному уголовному делу имеет преюдициальное значение (в отличие от выделенного дела), из обвинения по выделенному уголовному делу данная статья также исключается [7].

Таким образом, сводится на нет вся работа, связанная с заключением досудебного соглашения (которое, собственно, для того и заключается, чтобы была возможность доказать совершение преступлений в составе преступного сообщества).

Кроме того, как отмечает Т. А. Бутенко, сами суды нередко принимают решения о соединении выделенных уголовных дел с основными – для того, чтобы было удобнее исследовать доказательства [7].

Судебная статистика свидетельствует о снижении количества осужденных, уголовные дела о преступлениях которых были рассмотрены судом в особом порядке в связи с заключением досудебного соглашения. Так, согласно статистическим данным ежегодного отчета о работе российских судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции [8], количество осужденных лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, дела которых были рассмотрены судом в особом порядке, предусмотренном гл. 40.1

УПК РФ, несколько сократилось в 2023 г. Также и за 6 месяцев 2024 г. не был достигнут уровень половины количества указанных лиц в 2023 г. (*рис. 1*).

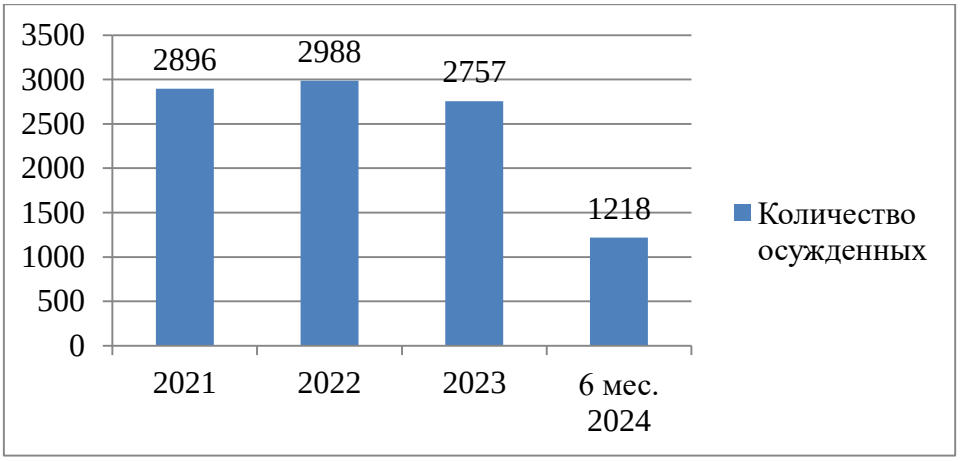

Рис. 1. Количество осужденных, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, дела которых были рассмотрены судом в особом порядке

Исходя из изложенного, следует признать не соответствующим закону (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ) разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данное в п. 5 постановления от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Указанное разъяснение должно быть изменено либо исключено из постановления. Судам необходимо признать право следователя самостоятельно решать вопрос о целесообразности выделения уголовного дела в отдельное производство в связи с заключением подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве.

Досудебное соглашение о сотрудничестве заключается в соответствии с положениями гл. 40.1 УПК РФ, а также приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам».

Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должно содержать указание на действия, которые подозреваемый (обвиняемый) обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления. При оценке обязательств, указанных в заявленном ходатайстве, следователь должен обращать внимание на возможность их реального исполнения. При необходимости как следователь, так и прокурор могут истребовать дополнительные сведения у подозреваемого (обвиняемого) и его защитника.

Например, если из обстоятельств дела видно, что преступление совершено с использованием средств конспирации, ставших доступными при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, а подозреваемый предполагает в ходе досудебного сотрудничества изобличить виновных, то следователь может потребовать уточнить, каким способом подозреваемый планирует это сделать (при условии, если последнему не было известно, какой человек скрывается под тем или иным никнеймом в сети Интернет).

Максимальная детализация в досудебном соглашении обязательств, которые принимает на себя подозреваемый (обвиняемый), будет являться определенной

гарантией того, что он не сможет уклониться от их исполнения, предоставив минимальную информацию о совершении преступлений другими лицами.

Иными словами, вклад лица, заключившего досудебное соглашение, должен быть весомым, и задача следователя – максимально этому способствовать. Следует обратить внимание на то, что для уточнения и возможного расширения обязательств лица, заключающего досудебное соглашение, следователь должен хорошо знать криминалистическую характеристику преступления, которое он расследует (возможности использования конкретных средств, способов и наиболее распространенных схем совершения мошенничества, сбыта наркотических средств и т. д.).

Анализ судебных приговоров по уголовным делам о преступлениях, совершенных организованными группами и преступными сообществами, показывает, что в целом по делам данной категории ведется малоэффективная работа: выявляется очень небольшой процент членов преступной группировки (особенно в преступных сообществах), в основном привлекаются к ответственности второстепенные члены сообществ. Так, по ч. 2 ст. 210 УК РФ (участие в преступном сообществе) в 2021 г. было осуждено 85 % от общего количества лиц, осужденных по ст. 210 УК РФ; в 2022 г. – 88 % [9].

Лица, заключающие досудебные соглашения, зачастую вносят не очень большой вклад в раскрытие преступлений, совершенных организованной группой или сообществом.

Пример. При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемый З. взял на себя обязательства сообщить о двух новых преступлениях, полные анкетные данные и адрес проживания неизвестной следствию соучастницы по имени К., не возражать против обвинения и не отказываться от своих показаний. Результатом сотрудничества З. явилось то, что он сообщил о неизвестных следствию преступлениях, по фактам которых были возбуждены уголовные дела (на самом деле это были просто дополнительные эпизоды мошенничества, совершенного теми же лицами). Кроме того, З. дал показания о роли и действиях неизвестной следствию соучастницы преступления – К.

З. и К. являлись членами этнического преступного сообщества, совершавшего мошенничества в отношении банков. Деятельность преступного сообщества заключалась в хищении денежных средств путем получения кредитов на подставных лиц, по подложным документам. В состав преступного сообщества входило три структурных подразделения: «группа поиска заемщиков», «группа обеспечения получения кредитов» и «группа сбыта похищенных автомобилей». Преступное сообщество имело связи за рубежом (в Республике Казахстан). З. входил в группу поиска заемщиков, которая состояла не менее чем из пяти членов, общался с подставными лицами, на которых оформлялись кредиты. И хотя не все члены преступного сообщества были знакомы между собой, но все же они общались, и не только по телефону, но и при личных встречах [10].

Исходя из анализа информации, представленной в приговоре, можно предположить, что З. было известно гораздо больше сведений, чем те, о которых он согласился сообщить следствию. Так, в показаниях З., данных на предварительном следствии и отраженных в приговоре суда, нет информации относи-

тельно того, кто вовлек З. в преступное сообщество, также не указан источник осведомленности его о других соучастниках. Например, З. сообщил, что в его структурное подразделение входило еще несколько мужчин и женщин, которых он не знает, однако на основании чего З. полагает, что были мужчины и женщины, он не сообщил. Из этого следует заключить, прежде всего, то, что следователь допрашивал З. недостаточно подробно, не использовал такие тактические приемы допроса, как детализация показаний, дополняющие и восполняющие вопросы и т. д.

Таким образом, для повышения эффективности результатов заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях, совершенных организованными группами и преступными сообществами, необходимо:

1. «Вернуть» органам предварительного расследования их законодательно установленное право (а не обязанность) на выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего соглашение о сотрудничестве. Для этого необходимо внести соответствующие изменения в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

а) от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»;

б) 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору».

2. Повысить качество допросов подозреваемых (обвиняемых), планирующих заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, с целью выявления действительного объема их осведомленности о деятельности организованных групп или преступных сообществ, в составе которых они совершали преступления. При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве следователь должен способствовать тому, чтобы обязательства подозреваемого (обвиняемого) были максимально возможными, исходя из криминалистической характеристики преступления. Детализация этих обязательств в досудебном соглашении дисциплинирует подозреваемого (обвиняемого) и помогает наиболее полно выяснить обстоятельства, имеющие значение для дела.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 г. МВД России, ФКУ «ГИАЦ». 2025. 63 с. // Сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/.

2. Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/.

3. Сайт «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru/.

4. Наумов А. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве как эффективное средство борьбы с организованной преступностью // Ученые записки. 2021. № 3 (39). С. 71–75.

2. Токарева Е. В., Хоршева В. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве: практическое значение и проблемы правоприменения. // VIII Балтийский юридический форму «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. С. 130–132.

3. Меджидов М. М., Дациева Х. Г. Порядок выделения уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Закон и право. 2022. № 2. С. 167–169.

4. Бутенко Т. А. Целесообразность выделения уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 1 (100). С. 58–63.

5. Данные судебной статистики. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=6120.

6. Аналитический обзор «Судебная практика рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации): проблемы квалификации и доказывания». Подготовлен ВНИИ МВД России. М., 2023. С. 4.

7. Приговор Минераловодского городского суда от 15 февраля 2024 г. Уголовное дело № 1-38/2024 г. // Сайт «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru/.

Фадеев П. В.[1]**,**
профессор кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХРАНЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Доказывание по уголовному делу в досудебном производстве осуществляется посредством собирания, проверки и оценки доказательств, в том числе вещественных. На их основе лицо, в производстве которого находится уголовное дело, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ч. 1 ст. 74 УПК РФ).

Учитывая важность вещественных доказательств в доказывании при производстве по уголовному делу [1], нормы уголовно-процессуального закона предусматривают их хранение при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела.

Вместе с тем лица, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, испытывают серьезные трудности в работе с вещественными доказательствами при определении процедуры их хранения, уничтожения, реализации или возвращения законным владельцам [2, с. 6; 3, с. 58], несмотря на то, что систематически принимаются меры по обеспечению сохранности вещественных доказательств, устранению причин и условий, которые могут повлечь их подмену, повреждение, порчу, ухудшение или утрату индивидуальных признаков и свойств [4; 5].

Например, анализ правоприменительной деятельности показывает, что нередко остаются без внимания длительные сроки и ненадлежащее хранение вещественных доказательств, в том числе крупногабаритных, находящихся вне камер хранения, автотранспортных средств, ценностей и денежных средств, древесины, этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции [5].

По нашему мнению, одной из причин такого положения является несовершенство правового регулирования этой деятельности. В первую очередь это относится к нормам уголовно-процессуального закона.

Так, анализ ст. 82 УПК РФ, а также чч. 3 и 4 ст. 81 УПК РФ, чч. 3 и 4 ст. 81^1 УПК РФ, показывает, *во-первых*, отсутствие системного подхода при формировании норм уголовно-процессуального закона, регулирующих порядок и условия хранения различных видов вещественных доказательств [2, с. 56]; *во-вторых*, признание следственными действиями, требующими судебного решения, отдельных действий организационного характера в виде реализации, утилизации или уничтожения вещественных доказательств, в том числе, произво-

[1] © Фадеев П. В., 2025.

димых в досудебном производстве (ч. 1, ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ) [6, с. 34–38]; *в-третьих*, наличие множественности не только способов хранения вещественных доказательств, в том числе в исключительных случаях, но и бланкетных нормативных правовых актов, регулирующих порядок и условия их хранения (подп. «а» и «в» п. 1, п. 1.1, подп. «а», «б» и «в» п. 2, п. 3 подп. «а» и «б» п. 3.1, подп. «а» и «б» п. 4.1, подп. «б» и «в» пп. 5, 6, 7, 7.1, 8, 9, 10 чч. 2, 2.1, 3 ст. 82 УПК РФ).

Следует отметить, что ч. 1 ст. 81 УПК РФ определяет различные виды вещественных доказательств (орудия, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления, на которые были направлены преступные действия; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела).

Как показывает анализ, этот перечень, имеет крайне обобщенный, но не функциональный характер, так как признавая вещественными доказательствами любые материальные объекты [7, с. 510], фактически не находит применения в нормах уголовно-процессуального закона при определении непосредственных способов и условий хранения вещественных доказательств.

Указанное предположение может быть отнесено к вещественным доказательствам по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики (ст. 81^1 УПК РФ), а также к не признанным таковыми предметов и документов, изъятым как в досудебном производстве по уголовному делу, так и при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий, а также к арестованному в порядке ст. 115 УПК РФ имуществу (ч. 4 ст. 81, ч. 4 ст. 81^1, п. 3.1 ч. 2 ст. 22 УПК РФ).

Некорректное изложение норм уголовно-процессуального закона в первую очередь связано с определением мест и способов хранения вещественных доказательств.

Так, согласно ч. 1 ст. 82 УПК РФ основным местом хранения вещественных доказательств является их нахождение при уголовном деле. С точки зрения русского языка это словосочетание может быть разъяснено как «нахождение вещественных доказательств в безопасности и целостности около, возле уголовного дела» [8, с. 475]. На наш взгляд, под это разъяснение подпадает нахождение вещественных доказательств в камере хранения или специализированных хранилищах соответствующих органов, осуществляющих производство по уголовному делу.

В то же время законодатель предусматривает возможность хранения вещественных доказательств в материалах уголовного дела (например, документы на бумажных носителях, чеки, квитанции, паспорта, военные билеты, свидетельства о рождении и др.) [9, с. 67], а также ситуации, когда предметы «не могут храниться при уголовном деле» (п. 1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ). Представляется, что в первом случае, вещественные доказательства становятся неразрывной частью уголовного дела и хранятся вместе с ним, вплоть до его уничтожения в установленном порядке; во втором – вещественные доказательства перестают быть «возле» уголовного дела, так как могут быть уничтожены или переданы третьим лицам.

В частности, при производстве по уголовному делу в досудебном производстве предусмотрен особый порядок сохранения предметов, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле. В их числе:

1) большие партии товаров, хранение которых затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью (пп. 1 и 1.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ);

2) скоропортящиеся товары и продукция, а также подвергающееся быстрому моральному старению имущество, хранение которых затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью (п. 2 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

В этом случае законодатель предлагает различные способы сохранения таких вещественных доказательств: а) передать на ответственное хранение владельцу; б) реализовывать с последующим зачислением денежных средств на депозитный счет; в) уничтожить с согласия владельца. В целях сохранения доказательственных свойств и признаков вещественных доказательств к материалам уголовного дела приобщаются их фотографии, видео- или кинопленка, документ о месте их нахождения, образец вещественного доказательства, достаточный для сравнительного исследования (подп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

Обращает на себя внимание наличие большого количества исключительных случаев, когда вещественные доказательства передаются для хранения третьим лицам, иногда фактически теряя связь с уголовным делом.

Так, анализ ст. 82 УПК РФ показывает, что законодатель предусматривает следующие случаи хранения вещественных доказательств, имеющие исключительный характер:

1) разрешение спора о праве на имущество, являющее вещественным доказательством (ч. 1 ст. 82 УПК РФ);

2) возвращение их законному владельцу, если это возможно без ущерба для доказывания (подп. «б» п. 1, подп. «а» п. 2, подп. «б» п. 9 ч. 2 ст. 82 УПК РФ);

3) реализация вещественных доказательств с зачислением полученных денежных средств на депозитный счет соответствующего органа (подп. «в» п. 1, п. 7 , подп. «г» п. 9, п. 10 ч. 2 ст. 82 УПК РФ);

4) передача на ответственное хранение владельцу (п. 1.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ);

5) передача для технологической переработки, уничтожения, утилизации (подп. «в» п. 2, п. 3, п. 6, п. 7, п. 7.1, п. 8, п. 10 ч. 2 ст. 82 УПК РФ);

6) передача безвозмездно для содержания и разведения животных, физическое состояние которых не позволяет возвратить их в среду обитания (подп. «в» п. 9 ч. 2 ст. 82 УПК РФ);

7) иные случаи, предусмотренные Правительством Российской Федерации (ч. 3 ст. 82 УПК РФ).

Как показывает анализ правоприменительной практики, сохранность вещественных доказательств обеспечивается не только помещением их в камеру хранения или специализированные хранилища соответствующих органов предварительного расследования, но и передачей их на хранение в финансовые подразделения территориальных органов МВД России, Гохран России [10], терри-

ториальные подразделения Росалкогольтабакконтроля [11] и Росимущества [12], а также иным физическим и юридическим лицам, деятельность которых регулируется соответствующими нормативными правовыми актами.

По нашему мнению, такой подход законодателя, в большей мере носящий бланкетный и отсылочный характер, не способствует объективному пониманию и эффективному применению норм уголовно-процессуального закона. В большинстве случаев порядок, условия, а также места хранения вещественных доказательств, а также их передачи, реализации, переработки или уничтожения при производстве по уголовному делу регулируется нормативными правовыми актами общего характера [13; 14]. Вместе с тем их анализ также показывает неконкретность отдельных положений, требующих дополнительного разъяснения.

Например, положения №№ 7 и 9 постановления Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 1589 предусматривают передачу на хранение изъятых предметов, вещественных доказательств, арестованное имущество в государственные органы, имеющие условия для их хранения и наделенные правом в соответствии с законодательством Российской Федерации на их хранение, а также юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, имеющие условия для их хранения и наделенные правом в соответствии с законодательством Российской Федерации на их хранение. Чтобы понять, кому передаются эти материальные объекты, приходится обращаться к иным многочисленным нормативным правовым актам не только общего, но и ведомственного характера [15–21], а также учитывать сложившие традиции в правоприменительной практике.

Таким образом, целесообразность совершенствования нормативных правовых актов, регулирующих вопросы хранения вещественных доказательств по уголовному делу, не вызывает сомнений. В этих целях необходимо систематизировать нормы уголовно-процессуального закона так, чтобы были определены основания классификации порядка хранения различных видов вещественных доказательств. Данное обстоятельство позволит разграничить основные виды и порядок хранения вещественных доказательств при уголовном деле в соответствующих камерах или специализированных хранилищах органов предварительного расследования, осуществляющих производство по уголовному делу, а также подлежащих передачи физическим и юридическим лицам в установленных законом случаях, в том числе для реализации, утилизации, уничтожения или сохранения с учетом их особенностей.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28. Ст. 3881.

2. Муратов К. Д. Вещественные доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2023.

3. Гончаров М. А. Незаконный возврат вещественных доказательств // Законность. 2012. № 3. С. 58–60.

4. Распоряжение Следственного департамента МВД России от 13 августа 2021 г. № 17/2–32018 «О проведении дополнительной инвентаризации уголовных дел и вещественных доказательств» // Архив Следственного департамента МВД России.

5. Распоряжение Следственного департамента МВД России от 28 октября 2021 г. № 17/2–42879 «О хранении вещественных доказательств» // Архив Следственного департамента МВД России.

6. Прохорова Е. А. Модернизация правового регулирования в результате смены ценностной парадигмы уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2023. № 7. С. 34–38.

7. Курс уголовного процесса / [А. А. Арутюнян и др.] ; под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2016.

8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 20-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1988.

9. Павлов В. Ю. Особенности хранения вещественных доказательств при уголовном деле // Вестник. Государство и право. 2024. № 3 (42). С. 67–72.

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 ноября 1996 г. № 1378 «О создании при Министерстве финансов Российской Федерации Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации, хранению, отпуску и использованию драгоценных металлов и драгоценных камней» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 49. Ст. 5555.

11. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 февраля 2009 г. № 154 «О Федеральной службе по контролю за алкогольным и табачным рынками» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 9. Ст. 1119.

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом» (ред. от 07.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 23. Ст. 2721.

13. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 1589 «Об утверждении правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 41. Ст. 7316.

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 августа 2012 г. № 848 «О порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения» (вместе с «Положением о порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 36. Ст. 4900.

15. Инструкция о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами: Письмо Генпрокуратуры СССР от 12.02.1990 № 34/15, Верховного Суда СССР от 12.02.1990 № 01-16/7-90, МВД СССР от 15.03.1990 № 1/1002, Минюста СССР от 14.02.1990 № К-8-106, КГБ СССР от 14.03.1990 № 441/Б (с изм. от 13.07.2017). Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

16. Приказ МВД России от 9 января 2018 г. № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» (ред. от 21.06.2022). В данном виде документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

17. Приказ МВД России от 17 декабря 2012 г. № 1107 «Об утверждении Порядка осуществления приема изъятого, добровольно сданного, найденного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ» // Российская газета. 2013. 1 марта.

18. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 30 сентября 2011 г. № 142 «Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации». Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

19. Приказ МВД России от 30 декабря 2016 г. № 946 «Об организации деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации по обеспечению сохранности и учета вещественных доказательств и иных изъятых предметов и документов». Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

20. Приказ МВД России от 31 декабря 2009 г. № 1025 «Об утверждении Инструкции о порядке хранения вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, и документов, имеющих значение доказательств по делу об административном правонарушении». Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

21. Приказ ФТС России от 30 декабря 2015 г. № 2692 «Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, хранения, учета, передачи и уничтожения предметов и документов по уголовным делам и материалам проверок сообщений о преступлениях в таможенных органах Российской Федерации» // Таможенные ведомости. 2016. № 3.

Федулова И. И.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Преступность всегда представляла и будет представлять серьезную угрозу национальной безопасности нашей страны, оказывая дестабилизирующее воздействие на все сферы жизнедеятельности Российского государства и общества, на уровень жизни населения, порождая недоверие к власти. В такой ситуации требуется принятие решительных мер по обеспечению безопасности жизни человека, а также реализации его прав и законных интересов. В связи с этим профилактика преступлений является приоритетным направлением государственной политики в сфере борьбы с преступностью. Не зря данная тема является и предметом обсуждения в научных кругах, среди ученых-процессуалистов [1, с. 106].

Следует отметить, что на эту проблему обращает пристальное внимание и министр МВД России В. Колокольцев. Так, 1 июля 2024 г. он провел заседание Правительственной комиссии по профилактике правонарушений. Несомненно, вопросы профилактической деятельности следователей являются актуальными и подлежат рассмотрению.

В системе профилактики преступлений важное место занимают меры предупреждения, осуществляемые органами предварительного следствия в процессе расследования. Качество профилактической работы неукоснительно зависит от профессионализма следователя, который осуществляет данную функцию. Правовое регулирование данного вопроса осуществляется УПК РФ, которым в соответствии со ст. 73 на следователя возложена обязанность выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений. Основным процессуальным документом, содержащим выводы о данных обстоятельствах и мерах по их устранению, является представление, выносимое в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Помимо положений УПК РФ, органы предварительного следствия при осуществлении профилактической работы руководствуются также федеральными законами от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». На ведомственном уровне данная деятельность регламентирована приказом МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений».

К сожалению, в настоящее время качество работы следователей по профилактике преступлений находится не на высоте. Следователи далеко не всегда выносят представления по уголовным делам. Об этом свидетельствует прове-

[1] © Федулова И. И., 2025.

денный анализ сведений о результатах такой работы. Так, например, по данным следственного департамента МВД России, за 9 месяцев 2024 г. в целом по стране следователями вынесено всего 289 919 представлений об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. По сравнению с аналогичным периодом 2023 г. общее количество таких представлений сократилось на 8,1 %[1]. Кроме того, представления, которые выносят следователи, часто оказываются далеко не надлежащего качества, а порой просто формальными. В них не излагаются обстоятельства совершения преступлений либо, наоборот, текст такого документа содержит лишнюю и не нужную информацию, представляющую из себя просто копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Также не указываются конкретные положения нормативных правовых актов, которые были нарушены, предлагаемые меры по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, носят общий характер, не учитываются причины и условия их совершения. В некоторых случаях отмечается направление представлений субъектам, не имеющим отношения к возникновению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, либо не полномочным повлиять на изменение криминогенной обстановки.

Также необходимо отметить, что имеются случаи обжалования представлений, в которых поручалось проведение мероприятий, не входящих в компетенцию организации, в адрес которой оно направлялось. Так, например, в 2024 г. в Республике Мордовия по уголовному делу, возбужденному по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ по факту хищения денежных средств с банковского счета путем оплаты с банковской карты в различных точках г. Саранска, следователем в адрес руководителя одной из управляющих компаний было внесено представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления. В нем было указано, что поскольку обвиняемый проживает по определенному адресу в Краснодарском крае, то сотрудникам управляющей компании необходимо в целях профилактики мошенничества на постоянной основе проводить среди жителей дома, где проживает обвиняемый, разъяснительные мероприятия о видах мошенничества, часто встречающихся на территории республики Мордовия. На данное представление было подано административное исковое заявление, после чего руководителем следственного органа в адрес этой управляющей компании было направлено письмо об отзыве представления. Как установлено, меры к выявлению в ходе предварительного расследования обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и их устранению фактически не принимались.[2] Полагаем, что такие случаи недопустимы.

Учитывая изложенные факты, считаем необходимым организовывать строгий ведомственный и процессуальный контроль со стороны руководителей следственных подразделений территориальных органов МВД России за полнотой исполнения следователями требований ч. 2 ст. 73 УПК РФ по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и выработать меры, направленные на повышение качества данной работы. Например, вести

[1] Данные предоставлены следственным департаментом МВД России.
[2] Данные предоставлены следственным департаментом МВД России.

журналы учета выносимых представлений следователей и иной информации по профилактике преступлений, контрольно-наблюдательного дела по внесенным представлениям и мерам реагирования на них, осуществлять контроль за поступлением ответов на представления, направлением напоминаний, контролировать прохождение материалов в суде, проводить аналитическую работу по данному направлению, подготавливать обобщенные представления, разработать меры, направленные на устранение недостатков, в том числе подмены представлений информационными письмами в адрес начальника подразделения МВД на районном уровне или иного должностного лица территориального органа, также целесообразно разработать типовые планы следственных действий, направленных на профилактику преступлений.

Рассматривая вопросы профилактической деятельности, важно сказать, что следователь в соответствии со ст. 17.7 КоАП РФ обязан принять законное и обоснованное решение в отношении лица, не исполнившего его законное требование. То есть, по сути, принять меры по осуществлению административного производства в отношении должностного лица, которое не среагировало своевременно на его представление. И здесь следует констатировать, что необходимо выполнить некоторые действия. Это разъяснение прав лицу, в отношении которого составляется протокол, взятие от этого лица соответствующего объяснения и т. д. Таким образом, можно сказать, что в этой ситуации на лицо прослеживается смешение административных полномочий с процессуальной деятельностью. Необходимо учитывать, что следователь все-таки является, прежде всего, лицом, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность, и его основная задача заключается в том, чтобы осуществлять расследование, в связи с чем считаем, что нецелесообразно привлекать указанного субъекта к осуществлению административной деятельности. Сегодня на следователей возложен очень большой объем работы и в силу своей постоянной загруженности времени для административной деятельности у них нет. Административное производство требует также определенного времени, на наш взгляд, это отвлекает следователя от его основной функции, что может отразиться на качестве следственной работы в целом. Тем более что сейчас в нашей стране уже не первый год наблюдается серьезный некомплект в органах предварительного следствия. Полагаем, что административную работу в данном случае должен выполнять только инспектор, который занимается в ОМВД административной деятельностью, либо участковый уполномоченный полиции.

Следует сказать, что есть авторы, которые не согласны с нашей точкой зрения и придерживаются других взглядов по данному вопросу. Так, С. И. Курилов считает, что следователям и дознавателям необходимо повысить качество подготовки административных материалов [2, с. 103]. Мы не солидарны с таким мнением и полагаем, что следователя и дознавателя целесообразно исключить из перечня лиц, которые уполномочены выполнять данную административную функцию.

В завершении рассмотрения вопросов профилактической деятельности следователя отметим, что все наши предложения носят только рекомендательный характер и в целом могут способствовать более продуктивной работе в этом направлении.

Список литературы

1. Каширина О. Н. О некоторых аспектах проведения субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации // Инновационная экономика и право. 2018. № 1 (10). С. 106.

2. Курилов С. И. Об организации профилактической работы следователей и дознавателей органов внутренних дел на современном этапе // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 103.

Федюкина А. Ю.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В современном уголовном процессе большую роль играют своевременность и быстрота собирания доказательств, особенно на первоначальном этапе расследования уголовных дел. Напомним, что неотложные следственные действия призваны обеспечить незамедлительное обнаружение и фиксацию следов преступления, а также оперативный сбор доказательств по уголовным делам, подследственным следователям (п. 19 ст. 5 УПК РФ). Они производятся, в десятисуточный срок с момента возбуждения уголовного дела, органами дознания, с последующей передачей материалов неотложного расследования соответствующему руководителю следственного органа (ч. 3 ст. 157 УПК РФ).

Приоритетность неотложных следственных действий заключается в том, что полномочия на их осуществление принадлежат достаточно обширному кругу должностных лиц органов дознания, указанных в ст. 40 УПК РФ. Понятно, что в таких крупных городах, как Москва и в другие города федерального или областного значения, в основном, отсутствует потребность в производстве неотложных следственных действий. Однако небольшие населенные пункты, поселки, деревни, отдаленные от районных центров, лишены возможности экстренного выезда следователей на место происшествия, поэтому первыми обнаруживают признаки преступления рядовые сотрудники полиции в лице участковых уполномоченных, сотрудников оперативных подразделений и иных служб органов внутренних дел.

Основной особенностью неотложных следственных действий является то, что они могут производиться на ограниченной территории либо на территории, значительно удаленной от мест расположения органов предварительного следствия. Так, согласно ч. 3 ст. 40 УПК РФ капитаны судов дальнего плавания, руководители геолого-разведывательных партий и зимовок вправе, на подконтрольной им территории, производить неотложное расследование. Командир воинской части, как представитель органа дознания, уполномочен осуществлять неотложные следственные действия самостоятельно либо уполномочивать своим приказом подчиненных ему военнослужащих, прошедших соответствующую юридическую подготовку [1]. Это не полный перечень лиц, на которых возложена функция помощи следствию в раскрытии и расследовании преступлений. Помимо ст. 40 УПК РФ, они перечислены в ч. 2 ст. 157 УПК РФ. Но важно подчеркнуть, что, исходя из буквального трактования ч. 1 ст. 40

---

[1] © Федюкина А. Ю., 2025.

УПК РФ, все сотрудники органов внутренних дел, включая полицию, а также оперативные подразделения органов дознания, обладают полномочиями на производство неотложных следственных действий.

Но как можно облегчить работу перечисленных должностных лиц и с помощью чего можно повысить эффективность производства ими неотложных следственных действий? На наш взгляд, помимо правовой подготовки, такие субъекты должны обладать навыками и умениями в применении современного оборудования, технических и электронных ресурсов, а не только ограничиваться записями в судовой журнал, как это сказано в приказе Минтранса относительно, например, действий капитана корабля [2]. Развитие информационных технологий и внедрение на судах различных приборов регистрации, камер видеонаблюдения позволяет говорить, что эти устройства при расследовании происшествия на судне могут предоставить в будущее распоряжение следователя значительный объем объективной информации о совершенном преступлении. Поэтому в процессе подготовки к проведению неотложного следственного действия орган дознания должен определить необходимые технические средства для максимального извлечения искомой информации.

В местах, связанных с опасностью для участников следственных действий, в зоне военных действий, горной местности и пр., целесообразно использовать ресурсы беспилотных летательных аппаратов, в том числе дронов, в целях фотофиксации и видеофиксации следов преступления. Возможности квадрокоптера позволяют лицу, проводящему осмотр места дорожно-транспортного происшествия, видеть обстановку на месте в реальном времени, ориентироваться с учетом обстоятельств на проведение того или иного дополнительного действия, регулировать дорожное движение на месте, оценивать масштабы произошедшего.

Одним из ключевых аспектов успешного применения ресурсов современных технологий в ходе производства неотложных следственных действий является своевременная подготовка сотрудников органов дознания, особенно тех, которые выполняют служебные задачи в особых условиях. В настоящее время грамотно реализовать возможности электронных средств и оборудования может только специально обученное лицо. Однако не все субъекты органов дознания обладают соответствующими знаниями. Кроме того, зачастую у них отсутствует опыт расследования преступлений, так как в силу занимаемой должности они могут быть далеки от уголовного процесса и связанных с ним процедур.

Аналогичная проблема ставит под вопрос возможность производства органами дознания допроса либо очной ставки с помощью систем видеоконференц-связи. Несмотря на то, что согласно ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ принятие такого решения возлагается на следователя или дознавателя, сотрудник органа дознания в этом алгоритме играет роль исполнителя соответствующего поручения об организации следственного действия по месту нахождения допрашиваемого участника (ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ), что также требует от него определенных процессуальных навыков и технических умений.

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон достаточно скуп на конкретизацию информационных ресурсов, используемых при производстве по уголовным делам. Как показывает практика, технологии, которые применяются в ходе досу-

дебного расследования, более многообразны, а эффективность их использования в разы повышается на первоначальном этапе расследования преступлений.

В настоящее время правоохранительными органами активно используется государственная информационная система «Единый центр хранения и обработки данных», в рамках концепции «Умный город», включающая в себя систему видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, которая оказывает неоценимую помощь при поиске преступника по горячим следам и способствует дальнейшему производству неотложных следственных действий.

В Тюменской области в 2023 г. автоматизированные системы видеонаблюдения способствовали сокращению количества преступлений, совершенных в общественных местах (разбоев более чем на 7 %, побоев почти на 77 % и угонов автотранспортных средств почти на 8,5 %). В декабре 2024 г. в Архангельской области с помощью системы «Безопасный город» сотрудниками полиции были задержаны подозреваемые в грабеже, совершенном в отношении пожилой женщины. В сентябре 2024 г. в Краснодарском крае с помощью аналогичной системы сотрудники уголовного розыска задержали вора-рецидивиста [3]. Эти примеры можно продолжать.

Выходом из сложившейся ситуации является совершенствование информационного обеспечения органов дознания, оснащения их современными программно-техническими комплексами и системами, внедрение в практическую деятельность новых и перспективных информационных и телекоммуникационных технологий и систем для эффективности производства ими неотложных следственных действий.

Список литературы

1. Инструкция органам дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба (утв. Генпрокуратурой Российской Федерации 05.06.2002; ред. от 01.10.2003) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Приказ Минтранса Российской Федерации от 23 ноября 2012 г. № 407 «Об утверждении Порядка и особенностей выполнения капитаном судна действий, не относящихся к процессуальным, в случае возбуждения уголовного дела публичного обвинения» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: https://мвд.рф/news/item.

Хакимова Т. М.[1]*,*
помощник прокурора
Центрального района
г. Санкт-Петербурга,
юрист 1 класса

ПОНЯТИЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Суть правового института начала уголовного судопроизводства можно определить, исходя из его толкования в контексте современного нормативного правового регулирования.

Если обратиться к значению слова «начало», то можно увидеть его многогранное определение: первый момент или первые моменты какого-нибудь действия, явления; исходный пункт, исходная точка; первоисточник, основа, основная причина; основные, первые положения, принципы; способы, методы осуществления чего-нибудь [10, с. 399].

Определение начала уголовного судопроизводства является одним из самых дискуссионных вопросов в науке уголовного процесса. Причем оно часто рассматривается с философской точки зрения как соотношение понятий частного начала – затрагивающего конкретного человека, и публичного начала – затрагивающего все общество. Краеугольным камнем здесь выступает интерес, побуждающий к действиям в сфере уголовного судопроизводства [3, с. 46].

А. С. Барабаш указывает на суть начала уголовного процесса через призму квинтэссенции общественных отношений, сложившихся в рамках социума под влиянием объективных факторов, которые в одних случаях привели к преобладанию общих интересов (публичное начало), а в других – частных (состязательное начало) [2, с. 48].

Таким же образом, как преобладание одних обозначенных интересов над другими, определяет начало уголовного судопроизводства А. А. Брестер, при этом данное соотношение он связывает с отправной точкой для выстраивания уголовно-процессуальной деятельности [3, с. 49].

Л. Н. Масленникова определяет началом уголовного судопроизводства теоретическую модель его основы, системообразующими элементами которой являются интересы, их характер, носители, средства защиты [8, с. 34]. Здесь видится примечательным, что автор определения настаивает на теоретическом первоисточнике уголовного процесса, опосредуя его практическими потребностями.

Высказывались точки зрения, что начало уголовного судопроизводства – это есть его принципы, фундаментальные основы, на которых строится уголовный процесс [11, с. 23–24].

Настаивает на определении начала уголовного процесса через призму принципов уголовного судопроизводства А. Я. Сухарев, указывая, что они специально для этого выделены в качестве самостоятельной главы уголовно-процессуального закона, что позволяет предметно оценить их значимость, осознать, как целостную систему фундаментальных начал уголовного процесса [6, с. 32].

---

[1] © Хакимова Т. М., 2025.

Е. А. Доля считает, что в начале уголовного судопроизводства кроется доказательство, являющееся первичным звеном в уголовно-процессуальной деятельности [5, с. 54]. С данной точкой зрения трудно согласиться, так как, на наш взгляд, доказательство выступает скорее результатом уголовно-процессуальной деятельности, нежели ее первичным отношением.

Из всех указанных определений следует, что их авторы исходили из понимания начала уголовного судопроизводства как первоисточника, основы, первопричины любого вида деятельности.

Вместе с тем речь об определении начала уголовного судопроизводства в контексте отправной точки велась М. С. Строговичем, который в качестве начального момента уголовного процесса указал решение о возбуждении уголовного дела, чья сущность заключается в решении органа расследования о необходимости реагировать на тот или иной факт, как на преступление [12, с. 118].

В поддержку данной точки зрения высказался В. А. Лазарев, указав, что именно решение о возбуждении уголовного дела приводит в действие механизм уголовного судопроизводства и является точкой отсчета возникновения правоотношений между человеком и государством [7, с. 29].

Другие ученые вовсе утверждали, что категория начала уголовного судопроизводства является абстрактной, так как не выработан соответствующий понятийный аппарат, в том числе в части определения признаков данного правового явления [1, с. 86].

По нашему мнению, необходимо придерживаться позиции относительно определения начала уголовного судопроизводства, исходя из действующих уголовно-процессуальных норм с учетом того, что уголовный процесс – это деятельность, которая логичным образом имеет начало и конец.

При этом нельзя оставлять без внимания очевидный факт: отсутствие надлежащей теоретической базы, определяющей начало уголовного судопроизводства, не позволяет должным образом придать этому институту законодательное выражение.

Определение момента начала уголовного судопроизводства во многом зависит от законодательной системы конкретного государства в целом. При этом не имеет большого значения, к какой правовой семье относится государство: романо-германской или англо-саксонской. В части уголовно-процессуального законодательства, в данном случае большое значение имеет обособление стадии возбуждения уголовного дела с описанием процедур поступления сообщения о преступлении, его рассмотрения и принятия по нему процессуального решения.

Л. В. Головко отмечает, что в настоящее время парадигмы организации уголовного процесса подразделяются на французскую, германскую и американскую. Все страны мира при определении собственной модели неизменно выбирают в качестве основы одну из указанных [4, с. 10–11].

Проверка сообщения о преступлении традиционно присуща французскому уголовному процессу, в то время как в германском и американском начало уголовного судопроизводства следует уже после его проверки, как правило, в порядке полицейского дознания, регулируемого как отдельный правовой институт.

Государства – участники СНГ, определяясь с формой уголовного судопроизводства, в большинстве своем исходили из необходимости установления стадии возбуждения уголовного дела для проверки сообщения о преступлении. Например, Республики Беларусь, Армения, Узбекистан, Кыргызская Республика, как и Российская Федерация, переняли традиции советского уголовного процесса и сохранили институт проверки сообщения о преступлении, что также объясняется целью более эффективного межгосударственного сотрудничества при производстве по уголовным делам при единообразном правопонимании и правоприменении на постсоветском пространстве [9, с. 230–232].

Однако свой путь развития выбрали такие страны бывшего соцлагеря, как Грузия, Молдова, Эстония, Казахстан и Украина, отказавшись от стадии возбуждения уголовного дела.

Здесь примечательно выделить концептуальные особенности российского уголовно-процессуального закона. В первую очередь в нем закреплена исключительная конституционная компетенция Российской Федерации в определении основ уголовного судопроизводства. Они едины на всей территории страны, и субъекты Федерации не вправе принимать свои уголовно-процессуальные законы.

Вместе с тем практически сразу после принятия УПК РФ в него начали вносить изменения, и уголовный процесс современной России обрел в высокой степени динамичный характер.

С этой поры можно делать отсчет новых витков споров вокруг определения момента начала уголовного судопроизводства с учетом ранее имевшихся дебатов, связанным с необходимостью стадии возбуждения уголовного дела и ее правового регулирования. При этом о том, чтобы на законодательном уровне закрепить понятие «начало уголовного судопроизводства», речи вообще не ведется.

Определяя момент начала уголовного судопроизводства с позиции действующего нормативно-правового регулирования, необходимо отметить, что в УПК РФ обозначены границы досудебного производства – с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5).

Учитывая, что досудебное производство является первой частью уголовного процесса, из его определения можно сделать вывод, что отправной точкой для исследования вопроса о начале уголовного судопроизводства, является получение сообщения о преступлении – составная часть стадии возбуждения уголовного дела.

Из сказанного можно сформулировать понятие «начало уголовного судопроизводства» как возникновение уголовно-процессуальных отношений в результате принятия сообщения о преступлении дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа, мировым судьей.

Проведенное исследование современного нормативно-правового регулирования начала уголовного судопроизводства приводит к выводу о необходимости смены научной задачи. Ученые-процессуалисты в предмет изучения начала уголовного процесса традиционно включают проблемные вопросы стадии возбуждения уголовного дела: ее необходимость, достаточность средств проверки сообщения о преступлении, их допустимость и т. д. Вместе с тем в науке также

отмечают потребность в исследовании системы сдержек и противовесов, определяющей допустимый барьер для начала уголовного судопроизводства, баланс прав и обязанностей участников процедуры проверки сообщения о преступлении.

Список литературы

1. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009.

2. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006.

3. Брестер А. А. Начало, форма и метод российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2013.

4. Головко Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. М. : Юрист. 2014. № 2. С. 9–16.

5. Доля Е. А. Проблема начала в теории уголовного процесса (постановка вопроса) // Государство и право. 1996. № 10. С. 54–63.

6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Я. Сухарева. М. : Норма, 2004.

7. Лазарев В. А. Возбуждение уголовного дела как акт правового реагирования на преступные посягательства : дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

8. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2000.

9. Махов В. Н., Бахромов И. А. Обеспечение обвиняемому права на защиту в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2. С. 229–235.

10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : ИТИ Технологии, 2005.

11. Реуф В. М. От принципов права к государственной правовой идеологии (теоретические аспекты формирования правового сознания общества) : монография / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2009.

12. Строгович М. С. Уголовный процесс : учебник для юридических высших учебных заведений. М. : Юридическое издательство Минюста СССР, 1990.

Химичева О. В.[1]***,***
начальник кафедры
уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

Шаров Д. В.[2]***,***
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Уже не нужно никому доказывать, что процесс цифровизации охватил все сферы государственной и общественной жизни. Разного рода информационные технологии проникли в повседневную жизнь граждан, в деятельность государственных органов, в том числе в уголовное судопроизводство.

При этом надо признать, что из всех видов судопроизводств, именно уголовное судопроизводство остается наиболее консервативным как с точки зрения правового регулирования, так и с точки зрения правоприменения, а по сравнению с гражданским, арбитражным судопроизводством информационные технологии по уголовным делам используются в ограниченных пределах. Объяснение этому можно найти в особой процессуальной форме, которая применяется для доказывания обстоятельств совершенного преступления, более высоких стандартах доказывания виновности лица, а также необходимости надежного обеспечения прав участников уголовного процесса.

Вместе с тем процесс цифровизации судопроизводства не остановить, о чем свидетельствует, например, Федеральный закон от 7 апреля 2025 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», в соответствии с которым расширены возможности использования информационных технологий при производстве об административных правонарушениях. Это коснулось подачи документов в электронном виде, систем электронного документооборота, в том числе межведомственного, извещений и уведомлений участников производства по делу об административном правонарушении, участия в рассмотрении дела об административном правонарушении судьей путем использования систем видео-конференц-связи и др. Изменения настолько масштабны, что можно утверждать о начале постепенного перевода данного вида судопроизводства в электронную форму.

---

[1] © Химичева О. В., 2025.
[2] © Шаров Д. В., 2025.

Конечно, и в уголовное судопроизводство проникают IT-технологии. Понятно, что они весьма разнородны, поэтому дифференцируются и способы их применения в досудебном и судебном уголовном производстве.

Считаем, что можно выделить, по крайней мере, четыре формы использования в уголовном процессе IT-технологий:

1) электронный документооборот;

2) дистанционный порядок производства процессуальных действий;

3) электронная информация в доказывании;

4) технологии искусственного интеллекта.

Каждая из этих форм находится в активной фазе развития, поэтому не обходится без правовых и правоприменительных проблем.

Наиболее перспективным и объективно необходимым направлением цифровизации в уголовном судопроизводстве представляется первое направление – постепенный переход уголовно-процессуального документооборота в электронный формат.

В этой части одним из первых шагов стало введение в июне 2016 г. в уголовно-процессуальный закон ст. 474^1, установившей порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве.

Семь лет спустя, в декабре 2023 г., этот порядок получил конкретизацию: для судебного производства (ст. 474^1 УПК РФ) и досудебного производства (ст. 474^2 УПК РФ). Помимо уже практикуемых процедур подачи в электронном виде ходатайств, заявлений, жалоб, представлений, для досудебного уголовного производства установлены ранее неизвестные формы вручения участникам процесса копий процессуальных документов (в том числе итоговых, завершающих предварительное расследование), изготовленных в форме электронного документа, что позволяет существенно осовременить уголовно-процессуальную деятельность.

Понятно, что нововведения потребуют и от участников уголовного процесса соответствия новым требованиям в части использования цифровых технологий (например, наличия усиленной квалифицированной электронной подписи, умения пользоваться цифровыми сервисами и др.). Задачей же государства остается обеспечение прав лиц, которые по объективным причинам не в состоянии освоить новые технологии.

Второй формой применения IT-технологий в уголовном судопроизводстве можно считать производство следственных и судебных действий, иных процессуальных действий с использованием видео-конференц-связи (далее – ВКС).

Дистанционный порядок уголовного производства появился в уголовно-процессуальном законе в 2001 г. с права осужденного, содержащегося под стражей, участвовать в заседании суда кассационной инстанции путем использования систем видео-конферец-связи. Более 20 лет ВКС использовалась только в суде, постепенно и точечно расширяясь. Только в 2022 г. участие в судебном заседании путем использования систем ВКС получило новый статус: было закреплено в ст. 241^1 УПК РФ в качестве общего условия судебного разбирательства.

Что же касается досудебного производства, то долгое время законодатель не решался разрешить использование дистанционных технологий при производстве

следственных действий. В декабре 2021 г. новая статья УПК РФ (ст. 189[1]) сделала возможным производство трех следственных действий с помощью систем ВКС.

Процесс внедрения в уголовное судопроизводство дистанционных технологий продолжается.

В августе 2024 г. в УПК РФ включена норма о свиданиях защитника с подозреваемым или обвиняемым, содержащимся под стражей в следственном изоляторе, с использованием ВКС, которая вступила в силу в феврале 2025 г. Специалистам в области уголовного процесса еще предстоит осмыслить условия, установленные в п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ для такого дистанционного формата свиданий:

1) наличие заявления подозреваемого, обвиняемого;

2) согласие защитника;

3) обязательное наличие технической возможности и соответствующих помещений;

4) соблюдение конфиденциальности таких свиданий и сохранение адвокатской тайны.

Представляется, каждая из форм использования ВКС далеко не безупречна: проблемы возникают как на уровне правовой регламентации (например, в части круга разрешенных для дистанционного производства следственных действий – допроса, очной ставки, предъявления для опознания), так и на уровне правоприменения (как определить необходимость производства следственного действия путем использования ВКС, как проверить добровольность заявления подозреваемого о дистанционном свидании с защитником).

Возникают и вопросы бытового характера: разный уровень цифровой зрелости участников уголовного судопроизводства может не только ущемлять права отдельных граждан, но и создавать сомнения в достоверности полученных с помощью информационных технологий сведений [8, с. 74–84].

Кроме того, есть фундаментальная проблема, которую необходимо решить применительно к дистанционному участию в уголовном судопроизводстве (причем и на досудебном производстве, и в суде). Участник процесса не должен быть лишен возможности личного (физического) участия в производстве и изложения своей позиции [5, с. 52–54]. Но всегда ли это обеспечено в законе, не говоря уже о правоприменительной практике?

Часть 1 ст. 241[1] УПК РФ предусматривает непосредственное участие подсудимого в судебном заседании. В то же время подсудимый, если заявит ходатайство, может участвовать в судебном заседании путем использования систем ВКС. Но есть и другой вариант: если имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно, суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе (т. е. без ходатайства подсудимого) принимает решение об участии в судебном заседании подсудимого путем использования систем ВКС. Судебная практика относит к обстоятельствам, исключающим возможность непосредственного участия подсудимого в судебном заседании, к примеру, состояние здоровья, исключающее этапирование [10]; невозможность доставления в зал судебного заседания ввиду конвоирования по особому графику [11], содержание в СИЗО на территории другого

региона, отдаленного от места судебного разбирательства [12; 13]. Возникают сомнения в обеспеченности в данных случаях права подсудимого на непосредственное участие в рассмотрении его дела.

В части следственных действий, проводимых с помощью систем ВКС, ст. 189[1] УПК РФ волеизъявления участников процесса вообще не учитывает, а выбор такого формата производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания определяется «необходимостью» по усмотрению следователя или дознавателя.

Полагаем, что указанное свидетельствует о недостаточности гарантий прав участников дистанционной процедуры уголовного процесса.

Еще один тренд развития IT-технологий, наряду с дистанционной формой производства процессуальных действий, прямо вытекает из понятия цифровой трансформации деятельности государственных органов, определенной постановлением Правительства Российской Федерации [3]. Речь идет о внедрении в доказывание так называемых электронных документов.

Предложения о дополнении системы доказательств самостоятельным видом – «электронным или цифровым доказательством» [4, с. 46–50; 6, с. 33–44] – уже нельзя признать новыми, однако законодатель вполне обоснованно не торопится их реализовывать.

По нашему мнению, существующая система уголовно-процессуальных доказательств оптимальна и позволяет включить в себя и электронные документы, которые в зависимости от признаков могут выступать в качестве и вещественных доказательств, и иных документов [7].

Мнение об отсутствии необходимости в новых видах уголовно-процессуальных доказательств не исключает продолжения научных изысканий в этой области с целью поиска наиболее оптимальных способов собирания доказательств, содержащих сведения в электронном виде.

Самостоятельной формой применения IT-технологий в уголовном процессе можно рассматривать использование технологий искусственного интеллекта. Законодатель в общеправовом смысле уже сформулировал это понятие [1], однако до его воплощения в уголовном судопроизводстве еще далеко.

Начать внедрение этих технологий, как представляется, следует с определения общих условий их использования в уголовном процессе, оттолкнувших от основных принципов развития и использования технологий искусственного интеллекта [2]: к числу таких основных положений отнесены:

1) защита прав и свобод человека;
2) безопасность;
3) прозрачность;
4) технологический суверенитет;
5) целостность инновационного цикла;
6) наиболее эффективное использование технологий искусственного интеллекта;
7) поддержка конкуренции;
8) открытость и доступность;
9) преемственность;
10) защищенность;
11) достоверность исходных данных.

Но, несмотря на то, что в Российской Федерации, как и в других государствах [9], технологии искусственного интеллекта постепенно и неизбежно проникают в уголовное судопроизводство, они все же должны оставаться лишь способом поддержки принятия решения конкретным правоприменителем.

Таким образом, несмотря на недостаточность доктринальной разработки, пробелы правового регулирования, отсутствие единообразной правоприменительной практики использования IT-технологий в уголовно-процессуальной деятельности, вряд ли есть потребность убеждать кого-либо в их пользе и неизбежности расширения. Это – и устранение рутинных операций и дублирующих процессов, и сокращение сроков на производство процессуальных действий, и удобство коммуникации между участниками уголовного процесса, упрощение использования целого ряда прав, например, на обжалование, и др.

Вместе с тем представляется, все информационные новинки вряд ли стоит записывать в уголовно-процессуальный закон, оставив эту сферу подзаконному регулированию. Есть необходимость и в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, направленных на формирование судебной, а значит, и следственной практики. При этом, как уже было сказано выше, следует отдавать отчет, что процесс цифровой трансформации уголовного судопроизводства, несмотря на все его плюсы и минусы, неизбежен.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. № 490 (утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г., ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» (ред. от 17.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблем теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 46–50.

5. Головко Л. В. Изменение подходов к применению видеоконференцсвязи в уголовном процессе Франции: от санитарно-технологического к ценностно-процессуальному дискурсу // Законность. 2022. № 6. С. 52–54.

6. Григорьев В. Н., Максимов О. А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского института МВД России. 2019. № 4. С. 33–44.

7. Использование информации, содержащейся на электронных носителях, в уголовно-процессуальном доказывании : учебное пособие / под ред. Ю. В. Гаврилина и А. В. Победкина. М. : Академия управления МВД России, 2021.

8. Малышева О. А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 6. С. 74–84.

9. Химичева О. В., Сумин А. А. Использование технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве (опыт зарубежных государств). М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022.

10. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 мая 2024 г. по делу № 77-1566/2024.

11. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 6 июня 2024 г. № 77-1559/2024.

12. Апелляционное определение Курского областного суда от 18 марта 2025 г. № 22-250/2025.

13. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Марий Эл от 17 марта 2025 г. по делу № 22-183/2025.

Хмелев С. А.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Хмелева З. А.[2]*,*
старший преподаватель
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ И СПЕЦИАЛИСТОМ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Развитие информационных технологий практически сразу оказало колоссальное влияние на состояние преступности, динамику ее протекания, а также общую структуру. Так, одними из первых прикоснулись к информационным технологиям наркокартели. Начиная с 2010 г. сбыт наркотиков в России стал перетекать на интернет-платформы. Согласно показателям официальной статистики, предоставляемой МВД России, динамика преступлений в области незаконного оборота наркотиков выглядит так: в 2020 г. было совершено 189905 таких преступлений, в 2021 г. – 179732 преступлений. При этом следует отметить, что в 2023 г. был зафиксирован рост данных преступлений, их было совершено 190988, а уже в следующем году – 198043 [9].

Раскрываемость преступлений сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационных технологий, составила 58,6 %, прирост преступлений составил 31 %. Таким образом, динамика развития незаконного оборота запрещенных предметов и веществ свидетельствует о переходе преступной сферы деятельности на информационное пространство. Кроме того, отмечается рост на 20,8 % фактов распространения порнографических материалов посредством сети Интернет [5].

Между тем, неверно было бы концентрировать внимание исключительно на незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, хотя, безусловно, именно наркотики являются лидером продаж даркнета. Посредством сети Интернет сегодня возможно приобрести практически любой товар, запрещенный к свободному обороту на территории Российской Федерации. К числу таковых относятся: оружие, боеприпасы, вредоносное программное обеспечение, экстремистские материалы, автоматизированные базы данных с охраняемой законом информацией, детская порнография.

---

[1] © Хмелев С. А., 2025.
[2] © Хмелева З. А., 2025.

Состояние преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий вызывает обеспокоенность – как среди ученых, так и среди практических работников. Только за 2024 г. таких преступлений было совершено 765365, а их общий прирост составил 13 % [5]. В связи с этим правоохранительным органам необходимо активизироваться в направлении борьбы с данными преступлениями, в особенности с незаконным оборотом предметов и веществ, запрещенных к обороту на территории России.

Вопросы взаимодействия при расследовании преступлений, традиционно относят к ведению науки уголовного процесса. Однако отметим, что данная категория неоднократно рассматривалась и учеными криминалистами. В частности, отмечалось, что криминалистическое обеспечение расследования преступлений практически невозможно без учета особенностей взаимодействия между различными службами и подразделениями [10, с. 120].

Следует отметить, что расследование преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, предусматривает совместную деятельность подразделений, в числе которых могут быть как правоохранительные органы, так и гражданские организации.

В органах МВД России в последнее время активно создаются подразделения, направленные на противодействие информационной преступности. Если говорить об оперативных подразделениях полиции, то в первую очередь стоит упомянуть Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. Это подразделение является головным оперативным органом, который осуществляет раскрытие и выявление преступлений информационной направленности, в том числе и неправомерный доступ к компьютерной информации.

На уровне территориальных подразделений субъектов Российской Федерации также созданы управления вышеуказанного подразделения. Именно они оказывают преимущественное оперативное сопровождение следствию по делам о неправомерном доступе к компьютерной информации [8, с. 79].

Данные подразделения наделены правом осуществления оперативно-разыскной деятельности. При этом следует отметить, что на основании материалов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) возбуждается значительное количество уголовных дел, в том числе и связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Оперативно-разыскные мероприятия (далее – ОРМ) проводятся, когда существует необходимость оперативного сопровождения [6, с. 199].

Взаимодействуя с оперативными подразделениями полиции, следователь может разрабатывать целые тактические комбинации, направленные на изобличение виновного лица.

Получение информации о прослушивании телефонных переговоров возможно оперативными сотрудниками на основании постановления следователя, с разрешения суда. Саму прослушку осуществляет другое подразделение – Бюро специальных технических мероприятий, которое также входит в структуру МВД России. Запись телефонных разговоров осуществляется негласно, однако

для этого необходимо, чтобы телефонные устройства преступников, а также их предполагаемых подельников были установлены [5, с. 26].

Следователь при составлении поручений о производстве отдельных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий должен руководствоваться тем, что у сотрудников оперативного подразделения есть своя компетенция, поэтому поручение не должно выходить за его рамки.

Так, в частности, по делам о неправомерном доступе к компьютерной информации, следователь может вынести поручение со следующими указаниями в подразделение, осуществляющее ОРД:

1) установление принадлежности доменного имени интернет-ресурса с предоставлением полных анкетных данных его владельца;

2) установление принадлежности абонентских номеров;

3) обеспечение явки подозреваемого/свидетеля/потерпевшего к следователю для производства следственных действий или иных процессуальных мероприятий;

4) проведение ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров»;

5) проведение ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи»;

6) проверка лиц ранее причастных к совершению аналогичных преступлений;

7) в случае если установленный преступник скрывается от органов предварительного следствия, оперативные подразделения осуществляют его розыск, попутно заводя оперативно-разыскное дело.

Стоит отметить, что взаимодействие с оперативными сотрудниками может происходить как в момент производства предварительного следствия, так и на стадии рассмотрения сообщения о преступлении. В частности, согласно исследованиям А. И. Гайдина, возбуждение уголовных дел о неправомерном доступе к компьютерной информации возможно на основании материалов оперативной проверки, которые подытоживаются рапортом оперуполномоченного с последующим их направлением следователю [3, с. 59]. Данные материалы могут содержать следующий типовой набор документов:

1) постановление о рассекречивании материалов ОРД за подписью начальника органа, осуществляющего ОРМ;

2) сопроводительное письмо в адрес органа предварительного расследования с указанием перечня документов, которые предоставляются;

3) акт наблюдения за гражданином;

4) протокол личного досмотра гражданина;

5) объяснения понятых, участвовавших при производстве процессуальных действий;

6) протокол явки с повинной (при наличии);

7) акт снятия информации с каналов технической связи;

8) объекты и предметы, изъятые в ходе ОРМ;

9) рапорт об обнаружении признаков состава преступления [7, с. 95].

Помимо взаимодействия с оперативными подразделениями, при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации, следователь взаимодействует с различного рода специалистами.

В первую очередь речь идет о специалистах в области безопасности информационных систем, а также экспертов в области компьютерно-технических исследований.

На сегодняшний день в системе ОВД созданы специализированные экспертные подразделения, которые занимаются исключительно экспертными исследованиями в области компьютерной информации. Задача данных подразделений заключается в следующем:

1) проведение компьютерно-технических экспертиз;

2) содействие органам предварительного расследования в выборе хода и направления расследования информационных преступлений;

3) участие в отдельных следственных действиях, направленных на получение материально значимой информации по делу (осмотры предметов, обыска, осмотр места происшествия);

4) консультации относительно сложной терминологии сферы IT-оборудования.

Взаимодействие со специалистами в рамках расследования уголовного дела данной категории может быть осуществлено как в рамках процессуального оформления, так и без такового.

Внепроцессуальное взаимодействие следователя со специалистами во многом происходит при согласовании вопросов, поставляемых в рамках судебной экспертизы. Участие специалиста возможно при производстве многих процессуальных действий, в особенности это касается следственных осмотров в ходе осмотра места происшествия.

Изъятие электронных носителей информации может быть осуществлено в рамках осмотра места происшествия, обыска или выемки [10, с. 120]. Для начала рассмотрим процессуальный аспект данного вопроса. Так, согласно ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] изъятие электронных носителей информации не допускается, за исключением случаев, когда:

1) вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации;

2) изъятие электронных носителей информации производится на основании судебного решения;

3) на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение.

Несмотря на то, что УПК РФ содержит четкий перечень оснований для изъятия электронных носителей информации, само это понятие в данном нормативном акте не раскрывается. Согласно ГОСТ 2.0512013 под материальными носителями информации понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники.

Таким образом, следует прийти к выводу о том, что для совершенствования методики расследования киберпреступлений в первую очередь необходимо решить правовые пробелы, касающиеся порядка производства следственных действий по данной категории преступлений.

Согласно ст. 80 УПК РФ следователь в рамках предварительного следствия может получать заключение специалиста, которое представляет собой предоставленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. В рамках расследования кибепреступлений следователь может получать заключения от специалистов следующих профилей:

1) пентестеры – так называемые белые, или этичные хакеры. Они не взламывают ресурсы бизнеса незаконно. Вместо этого они работают на компании и ищут уязвимости, которые потом исправляют разработчики;

2) специалисты по разработке – такие специалисты участвуют в создании приложений и программ. Проще говоря, изучают архитектуру и готовый код и подсказывают, что здесь может быть ошибка или форточка для взлома;

3) специалисты по сетям – они ищут возможные потенциальные и известные уязвимости в аппаратных и сетевых комплексах, могут найти возможность взлома и создать систему, в которую будет сложно попасть [2, с. 180].

Подводя итог, следует отметить следующие особенности взаимодействия следователя с органом дознания и специалистами при расследовании преступлений, совершенных в сети Интернет:

1) успешное расследование по уголовному делу невозможно без совместной, согласованной деятельности, основанной на равном сотрудничестве заинтересованных субъектов, осуществляющих работу, направленную на раскрытие преступления;

2) оперативное сопровождение по уголовным делам, связанным с расследованием преступлений, совершенных в сети Интернет, оказывает Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий, а также его соподчиненные подразделения на уровне субъектов Российской Федерации;

3) взаимодействие со специалистами в рассматриваемой категории преступлений происходит в рамках консультаций, при осуществлении которых, специалист может информировать следователя относительно сложной терминологии, вопросов, решаемых в ходе судебной экспертизы, а также особенностей функционирования информационных сетей.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Российская газета. 2001. 22 декабря (№ 249).

2. Белякова О. С., Сухомлин В. А. Исследование навыков кибербезопасности стандарта SFIA8 // International Journal of Open Information Technologies. 2022. №7. С. 180–183.

3. Гайдин А. И. Особенности взаимодействия следователя с должностными лицами правоохранительных органов при расследовании преступлений в сфере

информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник ВИ МВД России. 2020. № 3. С. 58– 64.

4. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»: содержание и проблемы проведения // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 2-2. С. 26–34.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-–декабрь 2024 года. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/27024130/.

6. Максимова В. П. Формы, методы и направления использования специальных знаний в целях выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3 (41). С. 199–206.

7. Рудов Д. Н. Взаимодействие следователя (дознавателя) и оперативных подразделений ОВД // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 5. С. 95–100.

8. Салиев А. А. К понятию о роли специальных знаний, используемых в ходе расследования преступлений // European journal of law and political sciences. 2016. № 4. С. 74–79.

9. Стурова Н. А. Некоторые особенности тактики производства следственных действий, направленных на получение доказательств в электронной форме // ЮП. 2019. № 2 (89). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-taktiki-proizvodstva-sledstvennyh-deystviy-napravlennyh-na-poluchenie-dokazatelstv-v-elektronnoy-forme.

10. Терехов А. М. Моделирования и прогнозирования преступности: теоретический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2. С. 120–127.

Чиковани М. А.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В ВОПРОСЕ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Среди участников уголовного судопроизводства традиционным считается мнение о том, что исследование и заключение эксперта является более объективным доказательством по сравнению с другими. Это справедливое мнение автор вполне разделяет. Однако при расследовании преступлений следователь регулярно сталкивается с несовершенством правового регулирования назначения и производства экспертиз. Отметим некоторые проблемные ситуации.

Во-первых, выбор экспертного учреждения и наименования судебной экспертизы. В отдельных случаях возникает проблема с наименованием вида экспертизы, а также с формулировкой перечня вопросов. Возникают ситуации, когда следователю необходимо определиться с видом экспертизы, с возможностями и пределами тех исследований, которые могут быть проведены разными экспертными организациями, а также возникает проблема с корректной формулировкой вопросов эксперту. Безусловно, автор имеет в виду те ситуации, когда возникает необходимость в назначении и производстве так называемых редких экспертиз. Под редкими экспертизами имеем в виду не уникальные исследования, а те, которые для конкретного следователя могут быть не часто назначаемыми. Зависит это обстоятельство от категории преступления, которое расследуется, от опыта следователя, ведомства, в котором он работает, его территориального уровня, специализации. В любом случае, в практической деятельности следователя довольно часто ощущается нехватка единого нормативного акта, в котором была бы сосредоточена вся информация относительно судебных экспертиз и учреждений, которые их проводят. Следует констатировать, что на законодательном уровне в России подобного обобщенного нормативного акта нет. В Российской Федерации действуют отдельные правовые акты, которые либо определяют порядок производства отдельного вида экспертизы [2], либо носят ведомственный характер [3]. Автор разделяет мнение председателя коллегии Верховного суда Республики Бурятия по рассмотрению споров, возникающих из гражданских и иных правоотношений, Е. Г. Муравьевой, которая указала на необходимость упорядочения названий экспертных исследований и нормативного закрепления вопросов, разрешаемых при конкретной экспертизе [4]. Вынесенное квалифицированным экспертом заключение, содержащее ответы на все вопросы, имеющие значение для доказывания, имеет меньше шансов на обжалование любой из сторон в ходе всего судопроизводства: и гражданского, и уголовного, и арбитражного. В связи с этим

[1] © Чиковани М. А., 2025.

считаем целесообразным разработать Кодекс судебно-экспертной деятельности Российской Федерации, основой которого мог бы стать Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который следует расширить положениями: о перечне экспертных организаций вне зависимости от ведомства (государственных и негосударственных), видов экспертиз, примерного вида вопросов к исследованию, сроками исследований и другими положениями.

Во-вторых, актуальным остается вопрос относительно квалификации и компетентности эксперта в зависимости от учреждения, в котором он работает. Следователь и суд в подавляющем большинстве случаев назначают судебные экспертизы в государственном учреждении. Это экономически сообразно и, как принято считать, более объективно. Компетентность конкретного эксперта очень важна, поскольку именно от его заключения порой зависит принятие решения о виновности лица (почерковедческие, трасологические, биологические экспертизы), о сумме ущерба (экономические, бухгалтерские, товарные, строительные экспертизы), возможность нести уголовную ответственность за содеянное (судебно-психиатрические экспертизы), о размере причиненного физического вреда (судебные – медицинские экспертизы). Здесь и возникает соблазн для манипуляций. Участники процесса как со стороны защиты (защитники, подозреваемые, обвиняемые), так и со стороны обвинения (потерпевшие), нередко преследуя свои интересы, используют различные противоречия, ошибки и технические оплошности, допущенные при назначении и производстве экспертиз, активно настаивая на процедурах обжалования экспертного заключения. Не секрет, что всегда можно найти специалиста, который проведет исследование и даст такое заключение, которое требуется конкретному участнику, для подтверждения его позиции в уголовном деле. Тем более что законодатель предусмотрел право участника на ходатайство о производстве экспертизы в выбранном им учреждении (п. 2 ч. 1 ст. 198 УПК РФ). Отметим, что в данном случае автор не ведет речь о даче ложного заключения, за которое предусмотрена уголовная ответственность в законе. Только о некотором лукавстве, которое можно использовать во время исследования, бравируя своими знаниями и компетентностью, которые и позволяют недобросовестным специалистам приходить к нужным выводам в своих заключениях. Права государственного и частного эксперта законодатель уравнял, что означает равную юридическую силу полученного заключения. Однако инструментов для проверки компетенции частного эксперта у суда и органа расследования нет. Квалификация негосударственного эксперта ничем не должна подтверждаться, а добровольную сертификацию эксперт проходит при наличии собственного усмотрения. Из сказанного следует, что единого подхода к оценке доказательств, полученных у ведомственного и частного эксперта, у суда и органов расследования нет. Как правило, все возникающие споры и сомнения устраняются производством еще одной экспертизы, которая назначается и проводится в учреждении по согласованию сторон. Но сколько уходит на это времени! Нам представляется, что и эти вопросы могли бы найти отражение в Кодексе «О судебно-экспертной де-

ятельности», где могли бы быть сформулированы единые требования, определяющие компетентность к частным экспертам и государственным.

В-третьих, на уровне закона не определены и сроки производства экспертиз [5]. Полагаем, что для некоторых видов исследований (особенно для криминалистических) следует установить на законодательном уровне и период подготовки исследования. Это один из больных моментов в деятельности следователя, который напрямую влияет на увеличенные сроки расследования и сроки заключения под стражу, что отмечается в специальной литературе и учеными в области криминалистики [1, с. 167]. Признаем, что в правоприменительной практике на сроки производства экспертизы влияют многие факторы: от наличия эксперта, обладающего необходимыми знаниями и его загруженности, до количества объектов/материалов и вопросов, представленных эксперту. Предполагаем, что противники строгой регламентации сроков производства экспертиз обнаружат много объективных причин, по которым установить строгие временные рамки исследования будет проблематично. И скорее всего они будут правы в своей позиции. Автор предлагает установить хотя бы критерии, определяющие минимальные и максимальные сроки для производства различного вида экспертиз, указать их периоды, что должно найти отражение в положениях Кодекса.

Список литературы

1. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник для студентов вузов. М. : Право и закон; Юрайт. 2002.

2. Приказ Минздрава России от 12 января 2017 г. № 3н, определяющий порядок проведения судебно-психиатрической экспертизы. Приказ Минздравсоцразвития России от 12 мая 2010 г. № 346н, определяющий порядок организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.

3. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511, утверждающий Инструкцию по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации. Приказ ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277, утверждающий Инструкцию по организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности. Приказ Минюста России от 20 декабря 2002 г. № 347, утверждающий Инструкцию по организации производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.

4. Проблемные вопросы, возникающие при назначении экспертизы // Арбитражный суд Республики Бурятия. URL: https://buryatia.arbitr.ru/process/forensic_examination/questions.

5. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. 4 июня. № 23. Ст. 2291.

Шуваева М. С.[1]*,*
доцент кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Пенькова М. Н.[2]*,*
слушатель ИФПСОПР
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Современный мир характеризуется стремительным развитием науки и техники. Некой новинкой в области исследования, изъятия и фиксации материальных следов преступления стали так называемые 3D-технологии, которые активно внедряются информационной средой в практическую деятельность правоохранительных органов в качестве технико-криминалистических средств и методов, применяемых при производстве различных процессуальных и следственных действий. Следует сказать, что в России, в отличие от европейских стран, данная тема является недостаточно изученной по причине низкого уровня применения данных технологий.

3D-технологии представляют собой графическое трехмерное измерение, один из основных разделов компьютерной графики. Эти технологии применяются для создания трехмерного изображения в разных сферах. Одной из сфер применения 3D-технологий является криминалистика [2, с. 75].

Надо отметить, что в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) 3D-технологии никак не раскрываются. Вместо них упоминаются цифровые ресурсы, применяемые на самых разных стадиях уголовного процесса, а про 3D-технологии в УПК РФ нет ни слова.

3D-технологии помогают в повседневной работе эксперта, с их помощью он может надежно и быстро фиксировать телесные повреждения, материальные следы (особенно биологического происхождения) в той форме, в которой представляется возможным их сохранить, а также в том виде, в котором они будут пригодны для хранения в течение длительного периода времени. Например, 3D-сканирование человеческих останков позволяет выявить телесные повреждения непосредственно на месте преступления, что экономит время и способствует проведению сразу нескольких исследований [4, с. 149].

Отдавая приоритет методу 3D-сканирования по сравнению с такими методами, как изготовление слепков следов в натуре или фотография, можно исключить ошибки, которые могут возникнуть на практике, например, неисполь-

[1] © Шуваева М. С., 2025.
[2] © Пенькова М. Н., 2025.

зование измерительного прибора или его неправильное использование, ненадлежащий метод фотографирования, неупакованные или ненадлежащим образом закрепленные следы в натуре, в результате чего при транспортировке на них появляются повреждения, немаркированные следы и т. д.

Система 3D-сканирования может использоваться там, где необходимо провести быструю и точную оцифровку интересующего пространства или объекта (объектов). Объектом можно считать отдельный предмет, интересующий следствие, обстановку комнаты, высотные здания улицы и т. д. Пространственное сканирование – геодезический метод измерения пространственных координат. Он заключается в автоматическом и точном измерении большого количества точек, где каждая точка определяется в трехосевой системе координат параметрами X, Y, Z. Точки не имеют ограничений по размеру и количеству. Точность сбора данных зависит от отражательной способности материалов сканируемых объектов. 3D-сканер предназначен для сканирования внутренних и внешних поверхностей зданий, крупных объектов, таких как транспортные средства, корабли или самолеты. Их также можно использовать в труднодоступных местах, например, в погребах, шахтах и др.

При поиске и обнаружении трасологических следов на практике сталкиваемся с рядом проблем, которые обусловлены главным образом особенностями механизма следообразования, различными условиями местности и их распространенностью. Так, следы могут быть оставлены на рыхлом материале или на снегу, тогда при работе с ними необходимо использовать укрепляющее средство. Любые способы, используемые для затвердевания материала и создания слепка следа, нарушают его материальную природу, что может привести к изменению характера и свойств изымаемых доказательств. В результате след станет непригодным для дальнейшего исследования, либо невозможно будет точно определить специфические особенности объекта, оставившего данный след, например, отраженные в микрорельефе структуры поверхности подошвы или каблука обуви, протектора шины. Слепок не может содержать всех основных признаков следа, а неподходящая твердость гипса приводит к повреждению или царапинам слепка во время очистки.

Одним из наиболее существенных преимуществ 3D-сканирования является то, что при 3D-сканировании отпечатка (например, ноги) отсутствует физический контакт, сканирование не нарушает материальную природу сканируемого объекта, не трансформирует объект и не изменяет его свойства и структуру. Временной фактор также склоняет в пользу 3D-сканирования, так как время имеет решающее значение для качества закрепления доказательств. Чем быстрее будут зафиксированы следы с момента их создания, тем выше потенциал их использования в качестве доказательств. Скорость и точность сканирования зависят от выбора сканера и его технических параметров. Инновационный вклад в область оцифровки треков заключается в методе их хранения и экономии места.

Для хранения и архивации данных возможно создание базы данных 3D-моделей трасологических путей, к которой можно вернуться в любой момент. Цифровые следы по-прежнему будут иметь те же свойства и параметры, их можно

будет повторно исследовать, оценивать, измерять, распечатывать на 3D-принтере в случае получения физического следа и использовать для идентификации.

Результатом 3D-сканирования любого объемного следа является его 3D-модель, которая в качестве примера графически представлена на рисунке 1. Созданная таким образом 3D-модель следа позволяет в программе исследовать все важные параметры, имеющие значение для экспертного исследования, уточнения и последующей идентификации (длина следа, ширина следа, глубина следа в заданной среде, рельеф поверхности, наличие частных идентификационных признаков и т. д.).

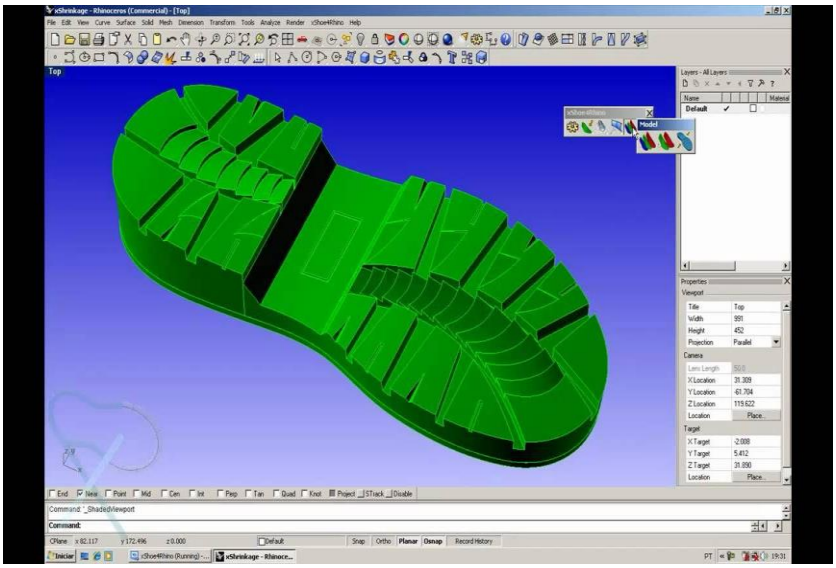

Рис. 1. 3D-модель эталонного трасологического следа [5]

Достаточно целесообразным и эффективным представляется применение 3D-моделирования при осмотре места дорожно-транспортного происшествия. В данной ситуации оно будет способствовать обеспечению безопасности как участников следственного действия, так и потенциального места дорожно-транспортного происшествия, кроме того, данный метод демонстрирует, по сравнению с другими, целый ряд преимуществ: бесконтактность, относительную скорость, точность, объективность, автоматизацию измерений, минимизацию времени, проведенного в опасных условиях, и простоту эксплуатации.

По сравнению с используемыми в настоящее время технико-криминалистическими средствами и методами измерений этот метод значительно их опережает. Современное техническое оборудование, используемое для фиксации дорожно-транспортных происшествий, представляет собой совокупность различных, в основном ручных методов и приборов обследования, используются дальномерные колеса, рулетки и нивелирные рейки. Для фиксации места происшествия до сих пор создаются фототаблицы и чертятся схемы места происшествия.

В целом эти методы можно рассматривать как недорогие, простые в использовании и относительно точные при правильном соблюдении процедуры измерения, однако на практике часто сталкиваются с большим количеством ошибок и отклонений от реальной ситуации. Точность измерений снижается в зависимости от

обширности, труднодоступности и сложности рельефа местности, а также влияния погодных условий. Их точность обычно составляет немалую погрешность.

К другим методам относится использование цифровых тахеометров, спрямляющий крест. Их преимущества по сравнению с вышеперечисленными – более высокая точность, данные о высоте положения точек, уклоне дороги; недостатки – работа в парах, необходимость определенных навыков в использовании, недостаточность практики, частые ошибки, допускаемые при измерениях, фотосъемка, видеосъемка.

Проведя сравнительный анализ, мы приходим к выводу, что применяемые сегодня технико-криминалистические средства, методы и способы фиксации, изъятия и исследования материальных следов преступления, обстановки совершения преступления, проигрывают по сравнению с использованием 3D-технологий, выражающихся в применении 3D-сканера при производстве отдельных процессуальных и следственных действий.

Лазерный 3D-сканер – это современный прогрессивный инструмент цифровой регистрации пространственной информации, он достаточно мобилен, удобен в использовании и не требует каких-либо дополнительных затрат. Помимо вышеперечисленных преимуществ, данный метод обеспечивает визуализацию пространств как целостности, с помощью которой можно дополнительно измерять объекты криминалистического исследования и следы. Следует добавить, что 3D-сканер целесообразнее использовать для сканирования мест со сложным рельефом местности, неоднородной поверхностью местности, продольными и поперечными уклонами дорог, поворотами или деревьями, а также для сканирования мест, где были совершены особо тяжкие преступления.

Весьма подходящей основой служит 3D-сканирование, которое в сочетании с использованием видеозаписей с камер видеонаблюдения предоставляет процессуальным лицам возможность всестороннего и объективного документирования места преступления, в частности, места дорожно-транспортного происшествия – для точной реконструкции обстановки.

В статье Е. А. Катюшина и Д. А. Мочалова [3] в качестве перспективного затрагивается метод «Объемное кинетическое картирование», который рассматривается в контексте реконструкции дорожно-транспортных происшествий. Метод подчеркивает важность записей с камер, фиксирующих дорожные ситуации. Видеозапись, сделанная с места дорожно-транспортного происшествия, в сочетании с 3D-сканированием места происшествия и подходящей программой моделирования позволяет точно реконструировать место происшествия, что может способствовать тщательной и последовательной оценке события.

Несмотря на все свои положительные стороны, метод 3D-сканирования не лишен недостатков. К ним следует отнести тот факт, что сканирование во время плохих погодных условий (дождь, снег, туман и пр.) считается проблематичным, так как это приводит к преломлению лазерного луча и появлению шумов, вызванных плохим отражением от некоторых типов поверхностей или измерением при неподходящем угле падения луча. К минусу можно также отнести значительные финансовые затраты, необходимые для приобретения сканирующего устройства.

3D-сканирование больших и несложных пространств (длинные прямые дороги, простые перекрестки) представляется неэффективным, поскольку увеличивает требуемое время, что может отрицательно влиять, например, на разрешенное время простоя участка проезжей части дороги из-за дорожно-транспортных происшествий.

Таким образом, использование 3D-технологий представляет собой перспективное направление при производстве экспертных исследований и отдельных следственных действий, однако для его эффективного применения, необходимо решить ряд существующих проблем и ограничений, что потребует дальнейших исследований и развития в данной области.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174 (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Бардикова Д. А., Булатова Я. В., Батраков А. В. Помощь современных технологий в работе криминалиста // Интеллектуальный потенциал Сибири : сборник научных трудов 31-й Региональной научной студенческой конференции: в 7 ч. Новосибирск, 2023. С. 75–77.

3. Катюшин Е. А., Мочалов Д. А. К вопросу об использовании 3D-технологий в области криминалистике // Научно-технический прогресс как механизм развития современного общества : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 2 ч. Уфа, 2023. С. 148–153.

4. Петряев И. А. Новеллы применения 3D-технологии в криминалистике // Новеллы права, экономики и управления 2022. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2023. С. 287–289.

5. Электронный ресурс. URL: https://i.ytimg.com/vi/Mecn2PAFbc/maxresdefault.jpg.

ЧАСТЬ 2

Бадалов А. О.[1]*,*
аспирант
кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина
(МГЮА)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Предварительное следствие является одной из форм предварительного расследования в отечественном уголовном процессе, которую в литературе вполне справедливо называют основной [1, с. 29; 2, с. 375]. Подобное его положение закономерно следует из правовых традиций российской государственности, отражающихся во взгляде современного законодателя на уголовное судопроизводство. Предварительное следствие открывает блок норм, посвященных формам предварительного расследования в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), юридико-технически определяет его процессуальный инструментарий. Законодательной конструкцией следствие обозначается как обязательное по всем категориям дел, в то время как прочие формы расследования представлены в порядке специальной регламентации (ст. 150 УПК РФ). Значение предварительного следствия в уголовном судопроизводстве не вызывает сомнений. Между тем его производство сегодня сопряжено с рядом проблем и сложностей, по своей природе тянущихся к общей конструкции досудебного производства и вопросу процессуальной формы предварительного следствия.

Понятие процессуальной формы является фундаментальным для всякой процессуальной отрасли права, широко разработанным в науке. Она внутренне присуща любой процессуальной деятельности [3, с. 10] и обеспечивает практическое воплощение ее содержательного начала. Процессуальная форма, таким образом, есть определенный нормативно закрепленный порядок осуществления процессуальной деятельности, характеризующий ее последовательность и условия [4, с. 8; 5, с. 41]. Уголовно-процессуальная форма является ее разновидностью, а потому обладает аналогичными признаками с учетом отраслевой специфики. Так, она определенным образом масштабируется сообразно структуре уголовного процесса, что позволяет выделять предварительное следствие как его отдельную процессуальную форму. Отмеченное закономерно подводит к вопросу – что позволяет дифференцировать предварительное следствие от других форм предварительного расследования?

Несмотря на юридико-техническую связь следственных действий с предварительным следствием, их включение в структуру его процессуальной формы оказывается невозможным. Они являются важнейшим элементом процессуаль-

[1] © Бадалов А. О., 2025.

ной формы предварительного расследования как стадии уголовного процесса в целом. Это же можно сказать и обо всех прочих общих условиях предварительного расследования [1, с. 28]. Процессуальная форма предварительного расследования, являясь структурной частью процессуальной формы досудебного производства, обеспечивает единство всех форм расследования.

Технический взгляд на сроки производства также нельзя назвать существенным основанием дифференциации предварительного следствия. Безусловно, оно обладает наибольшим изначальным сроком производства по делу – два месяца (ст. 162 УПК РФ). Тем не менее, пределы его продления оказываются во многом сходны с современной конструкцией дознания (ст. 223 УПК РФ). Более значимые особенности следствия связаны с отдельными элементами в процедуре его производства, институтом привлечения в качестве обвиняемого (гл. 23 УПК РФ), а также порядком окончания такового (гл. 30–31 УПК РФ). Ключевым критерием отграничения предварительного следствия от других форм расследования, однако, оказывается их разграничение по категориям дел (ст. 150 УПК РФ), отраженное в подследственности. Само по себе данное обстоятельство нельзя оценить как негативное, поскольку его существование является объективно необходимым. Тем не менее, в условиях недостатка иных критериев дифференциации, это закономерно детерминирует искусственный характер его природы.

Сказанное, главным образом, характеризует специфику соотношения следствия и дознания. Сокращенное дознание, несмотря на недостатки его законодательной конструкции [6, с. 53–57], обладает отличной от них процессуальной формой, которой предполагаются, в том числе, особенности доказывания (ст. 226.5. УПК РФ), оцениваемые в литературе как важные основания дифференциации [7, с. 124]. Процессуальные же формы предварительного следствия и дознания сегодня отличаются несущественно. Подобная ситуация не всегда была характерна для отечественного уголовного процесса, сложилась в советский период, в том числе под влиянием институциональных факторов [7, с. 122]. Потому проблемный характер дифференциации следствия и дознания в науке осознавался давно, продолжает разрабатываться и сегодня. Так, например, в современной литературе встречаются предложения, связанные с унификацией предварительного расследования посредством устранения дознания как его самостоятельной формы [8, с. 90; 9, с. 141].

Проблема явственно отражается в статистической информации. По 62,7 % преступлений, зарегистрированных в 2024 г., предварительное следствие было обязательным [10, с. 20]. Сам по себе данный показатель не является негативным, однако его оценка может варьироваться в зависимости от того, с каких позиций она осуществляется. Если исходить из того, что предварительное следствие является наиболее полной и сложной формой расследования, то подобные показатели демонстрируют его недостаточную дифференциацию. Как справедливо подчеркивается в научной литературе, быстрота производства является одним из важных условий реализации назначения уголовного процесса [6, с. 52-53]. При этом очевидно, что она не должна умалять полноты расследования, что детерминирует значение дифференциации как способа рационального распределения процессуальных средств. Процессуальная форма следствия

в действующем законодательстве характеризуется наиболее полной и сложной процедурой расследования, а потому ей не может одновременно обеспечиваться соответствие критерию быстроты, что противоречило бы правилам диалектики. Доминирующая же представленность наиболее комплексной формы расследования влечет ряд недостатков, связанных с неспособностью системы уголовного преследования отвечать вызовам противоправного поведения. Можно наблюдать снижение количества предварительно расследованных преступлений (с 1032 тыс. в 2020 г. до 899,6 тыс. в 2024 г. [10, с. 15]) в условиях общего снижения количества зарегистрированных преступлений (с 2044,2 тыс. в 2020 г. до 1911,26 тыс. в 2024 г. [11]).

С учетом изложенного дальнейшее совершенствование предварительного следствия как процессуальной формы досудебного производства связано с выбором между концептуальными моделями организации данного процесса – унифицированной формой расследования или дифференцированной формой такового. Притом ни одну из них нельзя оценить как однозначно преимущественную. Отечественной государственности уже был известен достаточно успешный опыт применения унифицированного расследования. Представлено оно и в зарубежных государствах. Сложившуюся же в отечественном уголовном процессе ситуацию с разграничением форм расследования в таком случае можно рассматривать как оформившуюся предпосылку построения подобной модели.

Следует, однако, полагать, что унификация не способна устранить явления дифференциации, поскольку ей отражается разнообразие форм преступного поведения. Она не исключалась, в том числе, известным сторонником единой формы уголовного судопроизводства М. С. Строговичем, хотя и связывалась им с «непременным сохранением всех процессуальных гарантий» [12, с. 52]. Унификация расследования не только не устранит, но и не трансформирует вектор дифференциации, она продолжит оставаться внутренней. И в существующей конструкции досудебного производства внешней ее можно назвать лишь условно, в контексте самостоятельного рассмотрения отдельных процессуальных форм, которые, между тем, так же являются частью единой процессуальной формы. Рассматриваемая проблема, по сути, является продолжением дискуссии, начатой еще в 70-е гг. XX в., в ходе которой было высказано мнение, что унификация и дифференциация процессуальной формы являются диалектически едиными категориями, противоположными лишь во внешних проявлениях [13, с. 36].

На основании изложенного, учитывая сложившиеся особенности построения российского уголовного процесса, представляется наиболее целесообразным продолжение совершенствования процессуальной формы досудебного производства в целом, а также предварительного следствия в частности, на началах дифференцированной конструкции. Современные проблемы предварительного расследования связаны не с отдельным следствием, а недостаточной гибкостью всего производства. Значительное сходство двух из трех форм предварительного расследования не способствует эффективному выполнению задач уголовного судопроизводства [8, с. 83–87]. В то же время доминирующее значение следствия в условиях преобладания преступлений небольшой и средней тяжести (67,7 % за 2024 г. [10, с. 18]), свидетельствует о кризисе материальных

оснований дифференциации. В настоящее время дознание производится по уголовным делам о конкретно определенных преступлениях (ч. 3 ст. 150 УПК РФ). Очевидно, что подобное разграничение, отражающее лишь особенности составов преступлений, не учитывает всех обстоятельств их совершения. Отсюда еще в советской науке поднимался вопрос относительно возможностей дифференциации по критериям «сложности», «очевидности» преступлений [14, с. 36]. Безусловно, нельзя не согласиться с тем, что подобные категории являются субъективными [14, с. 36], вместе с тем представляется, что в них отражается обозначившаяся необходимость совершенствования начал дифференциации процессуальных форм предварительного расследования.

Положение предварительного следствия как дифференцированной формы предварительного расследования не умаляет его значения как наиболее комплексной формы, обеспечивающей повышенные гарантии защиты прав и свобод человека, а также не устраняет единого начала всего досудебного производства. Напротив, им повышается результативность его осуществления и, как следствие, обеспечивается эффективность в реализации назначения уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Лапаев И. С. Досудебное производство по уголовным делам : учебное пособие. Пенза : Пензенский государственный университет, 2020.

2. Клещина Е. Н. О некоторых вопросах предварительного следствия // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 375–378.

3. Горшенев В. М. Природа и значение процессуальной формы в советском праве // Вестник Ярославского университета. 1972. № 4. С. 3–23

4. Азаров В. А., Боярская А. В. Уголовно-процессуальная форма: понятие, свойства, система // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 5–20.

2. Гуськова А. П. Уголовно-процессуальная форма и ее значение в становлении уголовного судопроизводства охранительного типа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 3 (139). С. 41–44.

3. Кувалдина Ю. В., Лазарева В. А. Сокращенное дознание: соответствует ли процедура назначению уголовного судопроизводства // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/1. С. 50–61.

4. Гирько С. И. Исторические аналогии при формировании отечественной процессуальной формы унифицированного досудебного производства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 119–124.

5. Малышева О. А. О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9 (118). С. 80–92.

6. Прокопова А. А. Развитие дознания в России как аргумент потребности унификации процессуальной формы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 4. С. 134–144.

7. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 г. М. : ГИАЦ МВД России, 2024.

8. Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36224.

9. Строгович М. С. О единой процессуальной форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 50–53.

10. Проблема совершенствования уголовного судопроизводства // Социалистическая законность. 1975. № 8. С. 36–38.

11. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж : Воронежский университет, 1980.

Байкова А. П.[1]*,*
курсант
Института подготовки
сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Уханова Н. В.,
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

В настоящее время вопросам борьбы с незаконной миграцией уделяется значительное внимание со стороны государства. Противодействие незаконной миграции и усиление контроля за миграционными потоками выделяется в качестве одной из важнейших задач государственной политики, реализуемой в целях обеспечения государственной и общественной безопасности [1]. Указанный вектор развития государственной политики обозначается в последние годы в качестве приоритетного в связи со значительным увеличением числа незаконно пребывающих на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства.

По данным МВД России, по состоянию на 1 октября 2024 г. в Российской Федерации находились 6,5 млн иностранных граждан, из которых более 740 000 не имели законных оснований пребывания на территории Российского государства, в 2023 г. указанные показатели составляли 3,5 млн и 630 000 человек соответственно [2].

Необходимо отметить, что значительная часть незаконных миграционных потоков намеренно формируется лицами, совершающими преступления, связанные с организацией незаконной миграции. В связи с чем важнейшим направлением противодействия незаконной миграции на современном этапе выступает расследование преступлений, предусмотренных ст.ст. 322.1, 322.2 и 322.3 УК РФ.

Общественная опасность указанных преступлений обусловлена в первую очередь тем, что иностранные граждане и лица без гражданства, незаконный въезд и пребывание которых на территории Российской Федерации обеспечивается лицами, совершающими преступления, связанные с организацией неза-

[1] © Байкова А. П., 2025.

конной миграции, как правило, сами являются склонными к нарушению правовых требований, в связи с чем их пребывание на территории российского государства создает дополнительную угрозу стабильности и безопасности.

По данным Следственного комитета Российской Федерации, в последние годы количество преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, постоянно увеличивается. Так, в 2024 г. (по состоянию на 1 октября 2024 г.) иностранными гражданами совершено 26 тысяч преступлений, 8059 из них совершено иностранными гражданами и лицами без гражданства, незаконно пребывающими на территории России, что почти в 3 раза больше, чем в аналогичном периоде прошлого года (в 2023 г. – 2880). Количество преступлений, совершенных трудовыми мигрантами, также возросло с 5 868 до 9 708 [3].

Указанные данные свидетельствуют, в том числе, о продолжении преступной деятельности лиц, организующих незаконный въезд и пребывание на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства в целях совершения преступлений. Нередко иностранные граждане, незаконное пребывание которых организуется лицами, совершающими преступления, предусмотренные ст.ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ являются лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности на территории Российской Федерации.

Так, 28 февраля 2024 г. Шумячским районным судом Смоленской области за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 322 УК РФ, был осужден иностранный гражданин, в отношении которого 4 мая 2021 г. УФСИН России по Липецкой области было принято решение о неразрешении указанному лицу (гражданину Республики Беларусь) въезда на территорию Российской Федерации сроком на восемь лет после отбытия наказания за совершение преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, до момента погашения судимости, о чем данный иностранный гражданин был уведомлен. Он был депортирован из Российской Федерации в Республику Беларусь 27 мая 2021 г. Несмотря на наличие принятого в отношении указанного иностранного гражданина такого решения, он 19 мая 2022 г. с целью трудоустройства на территории г. Подольска Московской области незаконно пересек границу Российской Федерации у населенного пункта Дубовичка, Шумячского района Смоленской области, в связи с чем был задержан и впоследствии осужден [4].

Ключевым моментом, определяющим ход расследования и порядок производства следственных действий, является квалификация совершенного деяния. При квалификации рассматриваемых преступлений сложность, как правило, связана с разграничением организации незаконной миграции со связанными с ней преступлениями.

С. М. Хоменко справедливо отмечает, что чаще всего организация незаконной миграции «заключается в предоставлении обустроенного жилья (помещения для проживания) и оформлении уведомления о прибытии в место, где иностранный гражданин пребывать заведомо не будет, а также в ином создании условий для незаконных въезда, пребывания (проживания), транзитного проезда и выезда с территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» [5, с. 472]. В связи с этим возникает проблема отграничения организации незаконной миграции от смежных составов преступлений.

Сходство в объективных признаках преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, обусловливает возникновение споров о квалификации, которые имеют место, несмотря на наличие разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу [6]. Так, приговором Гагаринского районного суда г. Москвы Исмаилова И. Т., Тургунова М. М., Курбанов О. А., Ким А. А., Халматов Ш. Т., Турсунов Н. М., которые осуществляли поиск иностранных граждан, незаконно находящихся на территории Российской Федерации, получали копии их личных документов и использовали их для постановки иностранных граждан на миграционный учет, признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ. Кроме того, А. А. Ким признан виновным также в совершении преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ в связи с тем, что именно им вносились сведения об иностранном гражданине в базу данных, содержащую сведения об иностранных гражданах. При этом в вышеуказанном приговоре отмечено, что действия, осуществляемые каждым из соучастников в соответствии с распределением ролей, могли выполняться при необходимости любым соучастником. Тем не менее, несмотря на наличие указанного положения, совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 322.1 и 322.3 УК РФ, была усмотрена только в действиях А. А. Кима [7]

В качестве наиболее важных особенностей расследования преступления, связанных с организацией незаконной миграции, выступает то, что по данным уголовным делам иностранные граждане и лица без гражданства выступают одновременно в различных процессуальных статусах. Например, свидетелями по уголовному делу, возбужденному по факту организации незаконной миграции, и подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу о незаконном пересечении государственной границы Российской Федерации (ст. 322 УК РФ). Кроме того, нередко субъектом преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, также является иностранный гражданин. Этим обусловлен порядок и тактика производства с ними следственных действий, и как результат – успешность их проведения.

При этом необходимо учитывать, что факт участия в уголовном судопроизводстве иностранного гражданина или лица без гражданства сам по себе определяет необходимость выполнения лицом, производящим расследование, ряда требований уголовно-процессуального законодательства.

В качестве основного подобного требования выступает необходимость реализации принципа языка уголовного судопроизводства и обеспечения права его участников, не владеющих русским языком, бесплатно пользоваться помощью переводчика. При организации участия в уголовном судопроизводстве переводчика лица, производящие расследование, нередко сталкиваются с рядом сложностей организационного характера.

М. Э. Каац отмечает, что в настоящее время не решена проблема процедуры привлечения переводчика на различных стадиях уголовного судопроизводства, в том числе при задержании лица по подозрению в совершении преступления, что непосредственным образом влияет на должную реализацию прав лиц, вовлекаемых в такое производство [8, с. 250]. Речь идет об отсутствии четко ре-

гламентированного механизма приглашения переводчика для производства следственных и процессуальных действий. Различные следственные подразделения и органы дознания вырабатывают собственный порядок решения данного вопроса. Однако имеют место ситуации, когда подобный порядок отсутствует совсем, что влечет за собой затягивание производства по уголовному делу и нарушение прав его участников.

Отсутствие переводчика или длительность процедуры его привлечения может приводить к нежеланию иностранных граждан, выступающих как в качестве свидетелей, так и в качестве подозреваемых и обвиняемых, не обладающих знаниями языка уголовного судопроизводства, сотрудничать с органами предварительного расследования.

Кроме того, необходимо отметить, что преступления в сфере организации незаконной миграции нередко совершаются группой иностранных граждан, которые в ходе расследования получают процессуальные статусы подозреваемых и обвиняемых. При этом производство процессуальных действий с каждым из них возможно только при участии переводчика. В целях исключения сговора указанных лиц на дачу ложных показаний и противодействие расследованию возникает необходимость привлечения в качестве переводчиков для каждого подозреваемого и обвиняемого разных лиц. Однако отсутствие в следственной практике механизма приглашения переводчика приводит к тому, что по таким уголовным делам для производства всех процессуальных действий приглашается одно и то же лицо, что создает дополнительные сложности в расследовании и препятствует установлению истины по делу.

Аналогичная проблема возникает и в тех случаях, когда по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 322.1, 322.2 и 322.3 УК РФ, и подозреваемыми, обвиняемыми (лицами, организовавшими незаконную миграцию иностранных граждан, и лицами без гражданства) и свидетелями (иностранными гражданами, незаконное пребывание которых на территории РФ было организовано) являются иностранные граждане, которые при производстве следственных действий с их участием нуждаются в помощи переводчика. В данном случае участие в качестве переводчика одного лица может повлечь воздействие на свидетелей со стороны подозреваемых, обвиняемых, что приводит к даче ложных свидетельских показаний или отказу от них.

На наш взгляд, для исключения возникновения подобных сложностей, необходимо закрепить в статьях УПК РФ обязанность организаций, имеющих в штате сотрудников (работников), владеющих необходимым языком, направить данного сотрудника к лицу, производящему предварительное расследование по его запросу, для производства следственных действий с его участием в качестве переводчика.

В качестве такой организации может выступать любая организация, оказывающая услуги по переводу, образовательная организация дополнительного образования в области изучения иностранных языков, иная организация, работники которой владеют иностранным языком на необходимом уровне, что подтверждается документом об образовании (например, школы, учебные заведения среднего профессионального и высшего образования).

В качестве одной из особенностей расследования преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, выделяется необходимость проведения значительного количества следственных действий в короткие сроки в связи с тем, что пребывание иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации во времени ограничено. Подобной точки зрения придерживается О. А. Науменко, которая отмечает, что по рассматриваемым уголовным делам максимальный объем следственных и процессуальных действий должен проводиться в очень сжатые сроки в связи с невозможностью выезда сотрудников, проводящих расследование в служебные командировки, невозможностью приглашения свидетелей и потерпевших из-за границы, отсутствием в ряде случаев четкого механизма взаимодействия с правоохранительными органами зарубежных стран и т. д. [9, с. 63]. Указанная проблема имеет место, в частности, в связи с тем, что иностранные граждане – свидетели по уголовным делам в сфере организации незаконной миграции, нередко успевают покинуть пределы Российской Федерации до момента проведения с ними необходимых следственных действий, что приводит к затягиванию предварительного расследования по уголовным делам в сфере организации незаконной миграции и снижает эффективность работы органов, его осуществляющих.

В основе решения данной проблемы, на наш взгляд, лежит укрепление международного взаимодействия в части организации и проведения следственных действий с иностранными гражданами на территории других государств, в основе которого лежит принятие дополнительных международных соглашений о сотрудничестве государств в рассматриваемой сфере.

Помимо этого, определенные особенности при расследовании преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, выделяются и при избрании мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых в их совершении. Анализ судебной практики за 2023–2024 гг. показал, что в большинстве случаев в отношении данных лиц в качестве меры пресечения избирается заключение под стражу – в связи с тем, что подозреваемые и обвиняемые по рассматриваемым уголовным делам нередко являются лицами с двойным гражданством, не имеют постоянного места пребывания или проживания на территории Российской Федерации, а также постоянного места работы.

Так, 27 февраля 2024 г. Пермским краевым судом по результатам рассмотрения апелляционной жалобы на постановление Свердловского районного суда г. Перми об избрании в отношении А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, меры пресечения в виде заключения под стражу, было принято решение об оставлении данной апелляционной жалобы без удовлетворения. При этом в мотивировочной части апелляционного постановления Пермского краевого суда в качестве обстоятельств, исключающих возможность удовлетворения апелляционной жалобы, было указано, что «обвиняемый А. официально не трудоустроен, не имеет постоянного источника дохода, ранее неоднократно привлекался к административной ответственности в сфере миграционного законодательства, а также имеет гражданство другого государства и действительный заграничный паспорт, что может стать препятствием для достижения целей уголовного судопроизводства» [9]. Принятие су-

дами апелляционной инстанции подобных решений, на наш взгляд, является достаточно оправданным, так как обстоятельства, изложенные в описательно-мотивировочной части судебного решения, свидетельствует о наличии у лица реальной возможности выехать за пределы Российской Федерации и скрыться от органов, проводящих расследование.

Аналогичные решения выносятся судами по результатам рассмотрения апелляционных жалоб на решения районных судов о продлении сроков содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере организации незаконной миграции.

Так, Московским городским судом без удовлетворения оставлена апелляционная жалоба на решение Кузьминского районного суда г. Москвы о продлении срока содержания под стражей иностранного гражданина Бобоярова, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ. При этом в качестве обоснования принятого решения приводятся доводы о том, что Бобояров, являясь иностранным гражданином, постоянного места работы на территории Российской Федерации не имеет, а сведения о наличии у него законного и постоянного источника дохода отсутствуют, что расценивается судом как наличие у Бобоярова возможности скрыться или иным способом воспрепятствовать производству по уголовному делу. Необходимо обратить внимание также на то, что в данном случае решение о продлении срока содержания под стражей в отношении Бобоярова принято, несмотря на представленные стороной защиты сведения о наличии у обвиняемого на иждивении несовершеннолетних детей, отсутствие судимости и сотрудничество с органами предварительного следствия [10].

Подобная практика принятия судебных решений обусловливает то, что на этапе предварительного расследования по уголовным делам данной категории значительное внимание уделяется процедуре избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, связанной с подготовкой постановления с ходатайством об ее избрании или продлении срока содержания под стражей в суд и поддержанием его в суде. В связи с этим временные затраты на реализацию указанной процедуры необходимо учитывать при планировании расследования по уголовным делам в сфере организации незаконной миграции.

Таким образом, расследование преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, обладает определенной спецификой, обусловленной в первую очередь правовым статусом иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, а также особенностями уголовно-правовой и криминалистической характеристик данных деяний.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. 5 июля. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

2. Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya?ysclid=m82foq8mjj367866060.

3. Сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/press/events/item/1917930/.

4. Приговор № 1-10/2023 1-3/2024 1-51/2022 Шумячского районного суда Смоленской области от 28 февраля 2024 г. // Сайт «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru.

2. Хоменко С. М. Проблемы отграничения организации незаконной миграции от смежных составов преступлений и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232). С. 472–475.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Российская газета. 2020. 17 июня (№ 156).

4. Приговор № 1-131/2023 Гагаринского районного суда г. Москвы от 10 июля 2023 г. // Официальный портал Судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru.

5. Каац М. Э. Вопросы обеспечения реализации принципа языка уголовного судопроизводства лицами, проводящими расследование // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 2 (44). С. 248–254.

6. Науменко О. А. Некоторые проблемы расследования преступлений, совершаемых в отношении иностранных граждан // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 3 (49). С. 62–66.

7. Приговор № 22К-1395/2024 Пермского краевого суда от 27 февраля 2024 г. // Сайт «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru.

8. Приговор № 10-27065/2024 Московского городского суда от 18 декабря 2024 г. // Официальный портал Судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru.

Барабанова А. А.[1]*,*
адъюнкт
факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Есина А. С.*,*
профессор
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ, ИМЕЮЩЕГО ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО (ЗАБОЛЕВАНИЕ)

Проблема процессуального порядка допроса свидетеля, имеющего психическое расстройство (заболевание), является актуальной междисциплинарной темой, требующей комплексного подхода. В настоящий момент численность официально зарегистрированных больных, страдающих психическими расстройствами и расстройствами поведения, в Российской Федерации достигает 3 788 983 [1]. Однако, по мнению С. Ю. Циркина, психическими расстройствами страдают от 10 % до 90 % населения страны (данный диапазон, по мнению ученого в области психиатрии, обусловлен тем, что границы между патологическим заболеванием и нормой размыты) [2, с. 28]. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что определенное количество лиц, принадлежащих к данной социальной категории, вполне может оказаться вовлеченной в уголовно-процессуальную сферу, включая возможность выступления в рамках расследования уголовного преступления в качестве свидетелей. При этом стоит отметить, что законодатель не уделил должного внимания разработке и установлению процессуального порядка проведения допроса с участием представителей этой категории.

Полагаем, поиск ответов на интересующую нас проблему начать необходимо с вопроса, какое содержание в себе несет понятие «психическое расстройство» в уголовно-процессуальной сфере. В научной литературе рассматриваемый термин демонстрирует поразительную вариативность трактовок, его значение существенно разнится в зависимости от контекста. Мы наблюдаем его активное использование не только в медицинской сфере, но и в таких дисциплинах, как криминалистика, социология, криминология, уголовное право и т. д. Именно эта многогранность, обусловленная различными методологиче-

[1] © Барабанова А. А., 2025.

скими подходами и исследовательскими целями разных научных областей, существенно затрудняет формулирование универсального, однозначного определения. Рассмотрим, например, применение этого термина в уголовном праве. Здесь психическое расстройство, выступающее как ключевой фактор при оценке вменяемости, не рассматривается в качестве абстрактного понятия, а оценивается строго индивидуально, с учетом всей совокупности факторов. Тяжесть заболевания и степень его влияния на поведение и действия человека играют решающую роль в правовой квалификации. Один и тот же диагноз, поставленный судебно-психиатрической экспертизой, может привести к совершенно различным правовым последствиям. Лицо, совершившее противоправное деяние, может быть признано вменяемым, если его психическое расстройство не повлияло на понимание характера и общественной опасности своих действий или же, напротив, признано вменяемым с частичным ограничением ответственности, если влияние заболевания было частичным и не исключало понимания противоправности содеянного. Наконец, в случае выраженного психического расстройства, полностью исключающего понимание характера и значения своих действий, лицо может быть признано невменяемым.

Все известные виды психических расстройств представлены в Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) [3], которая введена в практику психиатрии в нашей стране с 1999 г. и действует по настоящее время. В ходе проведения судебно-психиатрической экспертизы данный классификатор используют медики-эксперты при составлении резолютивной части заключения. Также, опираясь на данную классификацию, И. Б. Бойко в своей научной работе дал следующее определение понятию «психическое расстройство» (которое, по его мнению, может быть применимо и в уголовно-процессуальной сфере): «это поражение всего человеческого организма с преимущественным нарушением деятельности головного мозга органического и функционального уровня, болезненного характера, проявляющееся социальными изменениями в поведении» [4, с. 127]. Мы согласны с предложенным определением ученого, поскольку оно, во-первых, учитывает отсутствие сильных эмоциональных потрясений (аффект), а также исключает состояние опьянения. Это значит, что под определение подпадают только действия, совершенные в состоянии ясного сознания и без влияния сильных эмоций. Во-вторых, понятие психического расстройства, используемое в этом определении, универсально и пригодно для применения в любых научных областях, таких как гражданское и уголовное право, не будучи привязано к специфическим терминам какой-либо конкретной дисциплины.

Уголовный кодекс Российской Федерации регулирует вопросы ответственности лица, совершившего преступление, при этом имеющего психическое расстройство (заболевание). Ключевой термин здесь – вменяемость, хотя само определение вменяемости в уголовном законе напрямую не дано. Однако, законодатель в ст. 21 УК РФ дает определение «невменяемости». Невменяемым считается человек, который из-за хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики не мог понимать противоправность своих действий (или бездействия) и/или контролировать их. Таким образом, вменяемость подразумева-

ется как противоположное состояние: способность осознавать характер и общественную опасность своих действий и управлять ими. Отсутствие прямого определения вменяемости подразумевает, что ее наличие предполагается, если отсутствуют признаки невменяемости, описанные в уголовном законе.

Так, если у подозреваемого или обвиняемого есть проблемы с психическим здоровьем, которое ставит под сомнение его адекватность или способность самостоятельно защищать свои права и законные интересы, назначается судебно-психиатрическая экспертиза. Результаты этой экспертизы определят дальнейший ход предварительного расследования и в дальнейшем судебного процесса, в соответствии с гл. 51 УПК РФ. Аналогично, если у потерпевшего есть психическое расстройство (заболевание), которое может помешать ему правильно понимать ситуацию и давать показания, экспертиза назначается обязательно в соответствии с п. 4 ст. 196 УПК РФ. Это необходимо для того, чтобы убедиться в достоверности и объективности его показаний и оценить их значимость для дела. Таким образом, наличие серьезных заболеваний как у подозреваемого или обвиняемого, так и у потерпевшего, автоматически приводит к необходимости проведения судебно-психиатрической экспертизы, если есть основания считать, что это заболевание может оказать влияние на ход расследования. Однако, несмотря на то, что процессуальный статус потерпевшего и свидетеля схож, уголовно-процессуальный кодекс не содержит аналогичных норм, касающихся показаний свидетелей.

В соответствии с этим у правоприменителя возникает ряд вопросов, связанных с порядком допроса свидетеля, имеющего психическое расстройство, а именно: какие документы должны быть в уголовном деле и свидетельствовать о наличии психического заболевания у свидетеля? Следует ли в обязательном порядке проводить до допроса свидетеля судебно-психиатрическую экспертизу? Какие именно психические расстройства могут свидетельствовать о необходимости назначения подобной экспертизы? Как следует оценивать показания свидетеля с психическим расстройством (заболеванием) с точки зрения их допустимости?

В данной работе мы не можем подробно охватить все проблемные аспекты, но постараемся осветить некоторые из них.

Одним из наиболее важных вопросов является то, как оценивать свидетельские показания человека с психическим расстройством в контексте их допустимости. Рассмотрим пример из судебной практики. Гражданин П. был осужден по пп. «д», «к» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 162 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. В своей апелляционной жалобе П. просил его оправдать, поскольку, по его мнению, суд доверился показаниям Т. (матери погибшей), которая, по его словам, на момент проведения допроса страдала психическим заболеванием, о чем не уведомила следователя. Апелляционная инстанция назначила проведение судебно-психиатрической экспертизы. В результате экспертизы у обследуемой (матери погибшей) было выявлено психическое расстройство, проявляющееся в легкой умственной отсталости и незначительных поведенческих нарушениях. Эксперт, который был допрошен в суде, высказал мнение, что это расстройство не лишало человека способности адекватно воспринимать важные для дела обстоятельства и давать показания во время предварительного следствия. В связи

с этим показания Т., данные в ходе предварительного следствия, судом были признаны допустимыми [5]. Как мы видим из данного примера, наличие психического расстройства у свидетеля не влечет за собой автоматического признания его показаний недопустимыми. Имеет значение вид и тяжесть психического расстройства свидетеля.

Однако в приведенном примере следует обратить внимание на следующее. На этапе предварительного расследования следователь или дознаватель имеет право назначить судебно-психиатрическую экспертизу для свидетеля только при наличии согласия последнего. Тем не менее, следует учитывать, что может возникнуть ситуация, когда свидетель откажется проходить такую экспертизу. Важно отметить, что закон не предусматривает принудительное проведение судебной экспертизы для свидетелей. Это означает, что если свидетель не желает участвовать в экспертизе, то должностное лицо органа предварительного расследования не может заставить его это сделать.

Некоторые ученые-процессуалисты в своих научных трудах выступают с предложением изменить действующий уголовно-процессуальный закон, чтобы появилась возможность проводить принудительную судебную экспертизу свидетелей до их допроса [6, с. 229; 7, с. 27]. Мы разделяем подобные предложения, соглашаясь с тем, что если у должностного лица органа предварительного расследования есть серьезные сомнения в способности свидетеля объективно воспринимать и описывать события, важные для расследования уголовного преступления, то производство необходимой экспертизы должно стать обязательным. Е. В. Ветрила в своей научной работе выступает не только с предложением о принудительной судебной экспертизе в отношении свидетеля на стадии предварительного расследования, но и предлагает изменить ч. 3 ст. 56 УПК РФ. В частности, она считает необходимым добавить положение, согласно которому, если судебно-психиатрическая экспертиза установит, что лицо из-за психических нарушений или недостаточного психического развития не в состоянии адекватно воспринимать факты, имеющие значение для расследования уголовного преступления, и давать по ним показания, то такое лицо не может быть допрошено в качестве свидетеля [8, с. 157]. Полагаем целесообразным дополнить соответствующим положением и ст. 196 УПК РФ.

Вне всякого сомнения, предложения о проведении принудительной судебно-психиатрической экспертизы свидетелю перед проведением его допроса следует поддержать. Для точного определения психического состояния свидетеля, когда отсутствуют соответствующие документы, подтверждающие наличие психического расстройства (заболевания), но есть сомнения относительно его психического состояния, – необходимо проводить экспертизу. По нашему мнению, это требование должно являться обязательным, так как без выяснения этого вопроса дальнейшие действия субъекта расследования могут привести к нарушению принципа законности.

Реализация высказанного предложения будет способствовать уравниванию статуса свидетеля с другими участниками уголовного судопроизводства, такими как обвиняемый и потерпевший. Это, в свою очередь, позволит более эффективно защищать права и законные интересы всех участников, вовлеченных в процесс

расследования. В связи с вышеизложенным полагаем целесообразным дополнить ст. 196 п. 4.1. и включить в его содержание условия, при которых назначение и производство судебной экспертизы станет обязательным для свидетеля.

Это предложение будет приемлемо и для ситуации, когда у должностного лица органа предварительного расследования перед проведением допроса свидетеля уже имеются медицинские документы, подтверждающие наличие у последнего психического расстройства (заболевания).

Определенный интерес по рассматриваемому вопросу представляет изучение зарубежного законодательства. Так, ст. 210 УПК Республики Казахстан (далее – УПК РК), содержащая в себе общие правила проведения допроса на стадии предварительного расследования закрепляет, в ч. 8 следующее правило: «При наличии у допрашиваемого психического или иного тяжкого заболевания его допрос осуществляется с разрешения врача и в его присутствии». Отметим, что положения данной статьи распространяются не только на подозреваемого, потерпевшего, но и на свидетеля. Более того, казахский законодатель в ст. 78 УПК закрепляет строгий запрет на допрос лиц, которые, в том числе из-за наличия психических расстройств, не способны адекватно воспринимать факты и обстоятельства, имеющие значение для расследования уголовного преступления. Мы полагаем, что данное требование тесно переплетено с результатами судебно-психиатрической экспертизы, которая, согласно нормам УПК РК, является обязательной для проведения в отношении свидетелей, если возникают сомнения относительно их способности правильно воспринимать информацию и давать достоверные показания (п. 5 ч. 1 ст. 271 УПК РК). Важно отметить, что аналогичные нормы присутствуют и в уголовно-процессуальном кодексе Республики Кыргызстан. В частности, ст.ст. 178 и 198 УПК Кыргызстана также содержат правила, касающиеся допроса свидетелей, имеющих психические расстройства или заболевания. Эти правила подчеркивают необходимость тщательной оценки психического состояния свидетелей, чтобы избежать возможных ошибок при сборе доказательств. Таким образом, законодательство обеих стран признает значимость психического здоровья участников процесса и устанавливает четкие процедуры для обеспечения справедливости и законности уголовного процесса.

Возвращаясь к началу нашей дискуссии и обращаясь к Международной классификации болезней 10-го пересмотра, мы можем увидеть, что не каждое психическое расстройство (заболевание), может приводить к потере гражданской дееспособности. Так, к примеру, лицо, страдающее шизофренией, может быть как полностью дееспособным, ограниченно дееспособным, так и недееспособным. Может ли следователь/дознаватель самостоятельно определить до допроса способность гражданина быть допрошенным в качестве свидетеля по обстоятельствам уголовного преступления, если нет никаких медицинских документов или даже просто информации о психическом расстройстве или заболевании этого гражданина? Полагаем, что, скорее всего, не может. Если у должностного лица органа предварительного расследования возникнут сомнения в способности свидетеля правильно воспринимать обстоятельства произошедшего или данные им показания будут не сопоставимы с иными доказа-

тельствами по уголовному делу, тогда назначение судебно-психиатрической экспертизы для такого лица должно стать обязательным.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что вовлечение лиц, страдающих психическими расстройствами (заболеваниями), в процесс предварительного расследования, включая их допрос в качестве свидетелей, является возможным. Однако для обеспечения справедливости и корректности этого процесса необходимо учитывать несколько важных аспектов. Во-первых, перед проведением допроса таких свидетелей следует обязательно проводить судебно-психиатрическую экспертизу. Это особенно актуально в тех случаях, когда возникают сомнения относительно способности свидетеля адекватно воспринимать факты и обстоятельства дела, а также давать о них достоверные показания. Подобная экспертиза поможет определить уровень психического состояния свидетеля и его готовность к участию в допросе, что является необходимым шагом для защиты прав данных участников. Во-вторых, крайне важно на законодательном уровне определить свидетелей с психическими расстройствами (заболеваниями) в отдельную категорию. Это позволит предусмотреть особые процессуальные правила и процедуры проведения допроса, которые будут учитывать специфику их состояния. Такой подход не только обеспечит защиту прав свидетелей, но и повысит эффективность расследования, так как позволит избежать недопонимания и неправильной интерпретации их показаний.

Список литературы

1. Число зарегистрированных больных с диагнозом психического расстройства и расстройствами поведения. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/41706.

2. Циркин С. Ю. О границе психической нормы и патологии // Независимый психиатрический журнал. 2000. № 4. С. 28–31.

3. Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10). Подготовлен в отделе медицинской демографии и Международной классификации болезней НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н.А. Семашко РАМН. Введен в действие приказом Минздрава Российской Федерации от 27.05.97. № 170. URL: https://nriph.ru/.

4. Бойко И. Б. Психическое расстройство: медико-правовой аспект // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. 2012. № 3. С. 122–127.

2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 17 октября 2017 г. № 56-АПУ17-23. URL: https://www.ugpr.ru/npd/doc/docid/555742689/modid/96.

3. Гришина Е. П. Концептуальные и правовые проблемы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве России : монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 320.

4. Артамонова Е.А. О соразмерности затрагиваемых правовых интересов обвиняемого и свидетеля при принятии решения о производстве судебной экспертизы в отношении последнего // Адвокатская практика. 2019. № 2. С. 27–30.

5. Ветрила Е. В. К вопросу о правосубъектности свидетеля // Вопросы российского и международного права. 2016. № 8. С. 157–163.

Белых К. С.[1]*,*
студент
Российского государственного университета
правосудия имени В. М. Лебедева

Научный руководитель:
Макеев А. В.,
доцент кафедры
организации судебной и правоохранительной деятельности
Российского государственного университета
правосудия имени В. М. Лебедева,
кандидат юридических наук

МЕСТО ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Прокуратура – единая федеральная централизованная система органов. Органы прокуратуры выполняют ряд возложенных на них функций: осуществляют надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов; надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и иные функции.

Обратимся к ст. 11 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ-2202-1). Согласно положениям комментируемой статьи «систему прокуратуры Российской Федерации составляют Генеральная прокуратура Российской Федерации, прокуратуры субъектов Российской Федерации, *приравненные к ним военные и другие специализированные прокуратуры»* [3]. Из формулировки данной нормы мы видим, что, с одной стороны, военные прокуратуры упоминаются отдельно, как бы выделяются среди других специализированных прокуратур, т. е. идут как отдельное звено и самостоятельный элемент системы специализированных прокуратур, с другой стороны – ставятся в один ряд с другими специализированными прокуратурами. При этом, исходя из закона, по своему статусу и объему полномочий военные прокуратуры приравнены к прокуратурам субъектов. Но из-за неточности изложения текста рассмотренной статьи закона место военной прокуратуры в системе органов прокуратуры неоднозначно.

Кроме того, стоит обратить внимание, что ФЗ-2202-1 не содержит конкретного перечня специализированных прокуратур. Получается, что данным федеральным законом частично регулируется организация и деятельность только одного из видов специализированных прокуратур, а именно военной прокуратуры [1, с. 265].

Что касается других видов специализированных прокуратур, то организация и порядок их деятельности закреплены в Приказе Генпрокуратуры России от 7 мая 2008 г. № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» (далее – Приказ

[1] © Белых К. С., 2025.

№ 84) [3]. В соответствии с положениями данного Приказа выделяются следующие пять видов специализированных прокуратур:

1) прокуратуры по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах (п. 2.1 Приказа № 84);

2) прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях (п. 2.2 Приказа № 84);

3) природоохранные прокуратуры (п. 2.3 и 4 Приказа № 84);

4) транспортные прокуратуры (п. 3 Приказа № 84);

5) военные прокуратуры (п. 6 Приказа № 84).

Таким образом, рассматриваемый Приказ закрепляет перечень специализированных прокуратур и детализирует их полномочия.

Характерной чертой специализированных прокуратур является то, что они создаются по особому предмету надзора или, говоря проще, по отдельной сфере общественной жизни, в отличие от других прокуратур, которые образуются по территориальному признаку.

Подробно остановимся на военных прокуратурах. Стоит в целом рассмотреть роль и функции военной прокуратуры. Перечень полномочий, возложенных на военных прокуроров, приведен в п. 6 Приказа № 84, где содержится 13 абзацев, перечисляющих полномочия военной прокуратуры. Говоря обобщенно, военные прокуратуры осуществляют прокурорский надзор в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – ВС РФ), иных войсках, воинских формированиях, силовых структурах и в некоторых других органах и службах. Также в компетенцию органов военной прокуратуры входит функция по осуществлению уголовного преследования.

Как уже было отмечено ранее, органы военной прокуратуры являются составной частью единой централизованной системы органов прокуратуры Российской Федерации. Рассмотрим ст. 46 ФЗ-2202-1. Проанализировав положения вышеуказанной статьи, видим, что военная прокуратура имеет трехуровневую структуру. Первый уровень, *верхнее звено* – Главная военная прокуратура. Второй уровень, с*реднее звено* – военные прокуратуры военных округов, флотов, Ракетных войск стратегического назначения, Московская городская военная прокуратура и другие военные прокуратуры, *приравненные к прокуратурам субъектов.* Третий уровень, *низшее звено* – военные прокуратуры объединений, соединений, гарнизонов и другие военные прокуратуры, *приравненные по своему статусу и объему полномочий к прокуратурам городов и районов.* Возглавляет органы военной прокуратуры и руководит их деятельностью Главный военный прокурор, который по совместительству является заместителем Генерального прокурора. Соответственно, органы военной прокуратуры находятся в подчинении Генеральной прокуратуры.

Исходя из положения ч. 6 ст. 14 ФЗ-2202-1, в Генеральной прокуратуре на правах структурного подразделения образуется Главная военная прокуратура. Это означает, что, несмотря на единство системы органов прокуратуры, военная прокуратура может рассматриваться несколько обособленно, идти как отдельная составляющая системы органов прокуратуры, как самостоятельный элемент.

Возвращаясь к вопросу о месте военной прокуратуры в системе органов прокуратуры, мы приходим к выводу, что ее положение двойственно. С одной стороны, структура и организация военных прокуратур частично урегулированы ФЗ-2202-1. С другой стороны, более детально полномочия военных прокуратур приведены в Приказе № 84, регламентирующем сферу деятельности и компетенцию специализированных прокуратур в целом. В данном Приказе военные прокуратуры рассматриваются как разновидность специализированных прокуратур. Регулирование деятельности военных прокуратур осуществляется как бы на стыке ФЗ-2202-1 и Приказа № 84. Соответственно получается, что вопросы функционирования органов военной прокуратуры разнесены по двум разным правовым актам.

В разделе «Структура» сайта Генеральной прокуратуры звено военных прокуратур выделено как отдельное (*рис. 1*). Вероятнее всего, это сделано для того, чтобы показать роль военных прокуратур в системе органов прокуратуры, подчеркнуть особенность сферы деятельности таких прокуратур и специфику их функционирования.

Рис. 1. Структура Генеральной прокуратуры России

Соответственно мы вполне обоснованно можем прийти к выводу, что военные прокуратуры стоят несколько обособленно от остальных видов специализированных прокуратур.

При этом следует уточнить, что свои полномочия органы военной прокуратуры осуществляют в ВС РФ, других войсках, воинских формированиях и органах, созданных в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами (ч. 4 ст. 46 ФЗ-2202-1).

Несмотря на то, что система органов военной прокуратуры является составной частью единой централизованной системы органов прокуратуры Российской Федерации, наблюдается двойственность положения военной прокуратуры, балансирующей на стыке правового регулирования ФЗ-2202-1 и Приказом № 84.

Предлагается целесообразным закрепить за военной прокуратурой особый правовой статус с целью обозначения специфики возложенных на нее полномочий и выполняемых ею функций в отдельной сфере жизни общества.

Подводя итоги, надо сказать, что по своему статусу и объему полномочий военные прокуратуры могут быть приравнены к прокуратурам субъектов либо к прокуратурам городов и районов.

Вообще же положение военной прокуратуры в системе органов прокуратуры Российской Федерации заслуживает отдельного внимания. Так, можно рассмотреть данный вопрос с двух разных точек зрения. Согласно первой из них, военная прокуратура является разновидностью системы специализированных прокуратур, согласно второй – стоит обособленно, как бы выделяется отдельно среди других специализированных прокуратур. Здесь четко прослеживается двойственность положения военных прокуратур.

Рассуждая на тему неоднозначности положения военных прокуратур, автор предлагает сделать акцент на отдельный правовой статус для таких прокуратур, тем самым уточнив и конкретизировав их предназначение. Предполагается, что имеет смысл выделить правовое положение и компетенцию военных прокуратур в отдельный Федеральный закон «О системе военных прокуратур Российской Федерации». Тем самым удастся преодолеть неопределенность статуса военных прокуратур.

Рассматриваемый вопрос требует концептуально нового подхода. Исходя из буквального толкования нормы ст. 11 ФЗ-2202-1, военные прокуратуры можно расценивать в качестве составного элемента системы специализированных прокуратур и одновременно как отдельное звено, формально относящееся к системе специализированных прокуратур, но по факту выделяющееся среди них и стоящее особняком.

Потому предлагается внести изменение в комментируемую норму и изложить ее следующим образом: «систему прокуратуры Российской Федерации составляют Генеральная прокуратура Российской Федерации, прокуратуры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним органы военной прокуратуры, специализированные прокуратуры...».

Список литературы

1. Судебные и правоохранительные органы : учебник [Е. В Бурдина. и др.]. Ч. 2. М., 2024.

2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

3. Приказ Генпрокуратуры России от 7 мая 2008 г. № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» (ред. от 02.09.2024).

Беспалов В. Н.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

О ПРАВЕ ЗАЩИТНИКА КОПИРОВАТЬ МАТЕРИАЛЫ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ)

В настоящее время продолжают оставаться актуальными вопросы обеспечения права на защиту, в частности, возможность снятия защитником копий с материалов уголовного дела до окончания расследования. В определенной степени это обусловлено нечеткостью уголовно-процессуального законодательства. С целью решения указанной проблемы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 3 марта 2005 г. направлен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». По мнению авторов законопроекта, изложенной в пояснительной записке, предлагаемые изменения позволят разрешить споры по поводу того, есть ли у защитника право делать выписки из протоколов следственных действий, снимать с них копии до ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ [1].

Возникает вопрос, действительно ли проблема ознакомления защитника с протоколами следственных действий в ходе расследования настолько актуальна, что ее не разрешить без внесения изменений в УПК РФ.

По мнению А. В. Рагулина, нередко лица, производящие расследование, не позволяют защитникам делать выписки из протоколов следственных действий, проведенных с участием их подзащитных, с иных документов, предъявляемых подзащитному, а также запрещают снимать копии с этих документов, что приводит к ограничению права на защиту, не позволяя своевременно выявлять допущенные недостатки и нарушения в ходе расследования [2, с. 77].

На эту же проблему обращает внимание С. А. Батманов, отмечая, что в последние годы начинает формироваться практика, в соответствии с которой запрет защитнику на снятие копий с протоколов следственных действий с участием подзащитного признается незаконным, однако единообразной позиции по данному поводу нет [3, с. 364]. Опрошенные нами адвокаты отмечают, что во многом следственная практика по данному вопросу зависит от взаимоотношений конкретного защитника и следователя. Приобретение следствием характера конфликтного зачастую влечет отказ в получении копий протоколов следственных действий с участием подозреваемого, обвиняемого.

Неоднозначность решения рассматриваемого вопроса обусловлена, в том числе, нечеткими формулировками уголовно-процессуального законодательства. Так, в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник имеет право лишь

[1] © Беспалов В. Н., 2025.

знакомиться с протоколами процессуальных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому. Однако при ознакомлении с материалами уголовного дела уже предусмотрено право защитника выписывать из уголовного дела любые сведения в любом объеме, снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств (п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Аргументация следователей, отказывающих в снятии копий с протоколов процессуальных действий, документов, с которыми защитник вправе знакомиться в ходе расследования сводится к тому, что защитнику такое право предоставлено только по окончании расследования.

Правоприменительная практика по данному поводу противоречива, хотя Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) неоднократно озвучивал свою позицию. Так, в частности Конституционный Суд разъяснил, что «не имеет разумного основания» отказ защитнику выписывать любые сведения из материалов, с которыми он был ознакомлен до окончания следствия [4], хотя о снятии копий с них в постановлении умалчивается. В последующем Конституционный Суд уточнил свою правовую позицию и указал, что положения УПК РФ не содержат запрета «на выписывание сведений из таких документов в любом объеме или на снятие с них копий, в том числе с помощью технических средств» [5]. Однако формулировка «не содержат запрета» не равнозначна обязанности следователя предоставлять защитнику такую возможность, равно как прямо сформулированному праву защитника на такие действия.

С. А. Батманов отмечает, что «суды до 2019 г. не признавали в качестве нарушения отказы следователей в удовлетворении ходатайства стороны защиты о снятии копии с предъявляемых протоколов и постановлений» [3, с. 364], но в дальнейшем ситуация изменилась, что подтверждается некоторыми апелляционными постановлениями Московского городского суда, вынесенными в 2020 г. Этими постановлениями отказ следователя в снятии копий защитником с предъявляемых последнему документов признан незаконным. Однако нельзя утверждать, что по данному вопросу сформировалась единая практика. Так, например, по уголовному делу № 12401170046000926, находящемуся в производстве следственного отдела ОМВД России «Муромский», следователь отказал защитнику в ходатайстве о предоставлении ему возможности снять копии с протокола допроса в качестве подозреваемого его подзащитного К., мотивировав отсутствием у защитника такого права до окончания расследования. Муромский городской суд отказал в удовлетворении жалобы защитника, отметив, что «отказ основан на положениях п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, что соответствует требованиям закона» [6]. Примеры отказа следователем защитнику в возможности снять копии с заключения эксперта после ознакомления с ним приводят также А. В. Кайзер и А. Б. Сергеев [7, с. 124].

По мнению авторов приведенного выше законопроекта, эта проблема может быть разрешена путем дополнения п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ правом защитника делать необходимые выписки и снимать копии с материалов, с которыми защитник вправе знакомиться до окончания уголовного дела. Аналогичные дополнения предлагается внести и в ч. 2 ст. 53 УПК РФ, предоставив защитнику

право делать выписки и снимать копии с протоколов следственных действий, в которых он принимал участие. Изменения соответствующего характера предлагаются и в статьях УПК РФ, регламентирующих порядок производства отдельных следственных действий (допроса, обыска), в ст. 166 УПК РФ, регламентирующую составление протокола следственного действия и ознакомления с ним. Аналогичные дополнения планируется внести и в ч. 1 с. 206 УПК РФ относительно возможности осуществления выписок и снятия копий при ознакомлении с заключением эксперта и протоколом допроса эксперта.

Возникает вопрос, существует ли опасность злоупотребления защитником правом снимать копии с документов, с которыми он вправе знакомиться до ознакомления со всеми материалами уголовного дела, делать из них выписки?

Существует мнение, что даже существующий сегодня порядок, в соответствии с которым защитники по окончании расследования вправе знакомиться со всеми материалами уголовного дела, делать выписки и снимать копии, может негативно сказываться на тайне предварительного расследования и предоставлять возможность для злоупотреблений. М. А. Сильнов отмечает, что «результатом такого однобокого толкования права защитника на оцифровку материалов дела становится то, что протоколы следственных и иных процессуальных действий попадают в свободный доступ в сети Интернет» [8, с. 112].

Действительно, исключить возможности злоупотребления при получении стороной защиты копий материалов уголовного дела сложно, в особенности в период тотального использования информационных технологий, позволяющих размещать любую информацию, доступную неограниченному кругу лиц, анонимно.

Другие авторы полагают, что законодательно закрепить право защитника использовать технические средства не только в ходе ознакомления с материалами уголовного дела, но и при участии в следственных действиях, необходимо [9, с. 426]. По мнению М. А. Сильнова, нельзя допускать копирование материалов, содержащих охраняемую законом тайну и персональные данные участников, а также необходимо разработать технический регламент снятия копий с материалов уголовного дела [8, с. 113].

Представляется, что вопрос о праве защитника снимать копии с материалов уголовного дела, делать выписки из процессуальных документов в ходе предварительного расследования не может решаться без учета положений ст. 161 УПК РФ, регулирующей вопросы предания гласности данных предварительного расследования. Следователь (дознаватель) полномочны разрешить предать данные предварительного расследования гласности только в том объеме, в котором это будет признано ими допустимым с учетом интересов предварительного расследования и обеспечения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, разрешая защитнику снимать копии с материалов уголовного дела, должны учитывать, что указанные материалы могут быть преданы гласности, в том числе с использованием сети Интернет или иным образом. Отсюда следует, что прямо предусмотренное право защитника на снятие копий с таких материалов, выписки из них вступит в противоречие с положениями ст. 161 УПК РФ. При этом допустимо предусмотреть, что защитник вправе снимать копии с материалов уголовного дела, которые предъявляются ему, а также обвиняемому, подозреваемому, делать из них выписки с разрешения следователя (дознавателя), которые

при этом, согласно ч. 3 ст. 161 УПК РФ, вправе предупредить защитника о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, содержащихся в указанных материалах, и взять с него подписку с предупреждением об уголовной ответственности в соответствии со ст. 310 УПК РФ.

Представляется целесообразным урегулировать процедуру снятия копий с материалов уголовного дела с помощью технических средств. В частности предусмотреть, что не могут быть скопированы или зафиксированы с помощью фото- и светокопировальной техники сведения, образующие охраняемую законом тайну, а также персональные данные участников по уголовному делу; обязанность следователя заверять полученные стороной защиты копии своей подписью.

Таким образом, вопросы, поднятые внесенным законопроектом, действительно, актуальны, однако принятие его в предложенном виде, представляется нецелесообразным.

Список литературы

1. Законопроект № № 854010-8 //URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/854010-8.

2. Рагулин А. В. Проблемные вопросы реализации адвокатом-защитником права на ознакомление с материалами уголовного дела до выполнения требований ст. 217 УПК РФ // Вестник ВЭГУ. 2010. № 5 (49). С. 76–83.

3. Батманов С. А. О праве участников уголовного судопроизводства на снятие копий с предъявляемых им документов // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики. Сборник докладов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону– Таганрог, 2021. С. 363–365.

4. Постановление Конституционного суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2013 г. № 1557-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куприянова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами 11, 12 и 13 части четвертой статьи 47, пунктами 6 и 7 части первой статьи 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Уголовное дело № 12401170046000926, находящееся в производстве СО МО МВД России «Муромский».

7. Кайзер А. В. Проблемы реализации функций защитника на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Социальное управление. 2024. Т. 6. № S1. С. 123–127.

8. Сильнов М. А. О содержании права обвиняемого и его защитника на снятие копий с материалов уголовного дела // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1 (99). С. 111–117.

9. Коршунов В. В. Право адвоката-защитника на применение технических средств при проведении следственных действий // Проблемы реформирования российской государственности. Материалы XIV Всероссийской конференции по национальному и международному праву. 2019. С. 424–428.

Блидар М. А.[1]*,*
слушатель
Института-факультета
подготовки сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Фадеев П. В.*,*
профессор
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

За последние семь лет в 7,5 раза увеличилось количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Статистические данные показывают, что их удельный вес увеличился с 15 % до 40 %. При этом в 2024 г. было зарегистрировано 765,4 тыс. таких преступлений, что на 13,1 % превысило показатели 2023 г. [1; 2].

Информационные технологии активно используются и при совершении вымогательств, так как различные угрозы, в том числе по распространению сведений о личной (интимной) жизни, позволяют правонарушителям длительное время оставаться неустановленными. Затрудняет установление этих лиц и отсутствие современных методик расследования подобных преступлений, а также необходимых знаний по организации и производству отдельных следственных действий.

Анализ правоприменительной практики, исходя из направленности преступного умысла, позволяет выделить две группы вымогательств с использованием средств информационно-телекоммуникационных технологий:

1) преступления, направленные непосредственно на сетевые ресурсы различных собственников;

2) преступления, связанные с незаконным требованием о передаче денежных средств или иного имущества с угрозами обнародования компрометирующей информации (кибершантаж).

Особенностью первой группы преступлений является неправомерный доступ в сетевые ресурсы владельца, влекущий возможность их повреждения или иного воздействия, с последующим требованием денежного вознаграждения в обмен на прекращение атак.

---

[1] © Блидар М. А., 2025.

Как показывает анализ, одним из наиболее распространенных способов такого вымогательства является использование вредоносных программ-шифровальщиков. Эти программы, проникая в систему, применяют криптостойкие алгоритмы шифрования, полностью блокируя доступ к данным. Жертве предлагается заплатить определенную сумму за предоставление ключа расшифровки. При этом нередко правонарушители устанавливают срок для выполнения требования, угрожая безвозвратным уничтожением данных.

Кроме программ-шифровальщиков, правонарушители используют вредоносные приложения, способные безвозвратно уничтожать файлы или блокировать ключевые функции операционной системы. В таких случаях пользователи лишаются доступа не только к своим данным, но и к самому устройству, что делает угрозу особенно серьезной и требует немедленного реагирования. Если целью преступников становится сам сетевой ресурс, атаки направлены на блокировку его работы, в том числе путем проведения DDoS-атак в периоды пиковых нагрузок, что приводит к нарушению удаленного доступа пользователей и парализации сервисов.

Второй группой и наиболее распространенной формой вымогательства с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на наш взгляд, является кибершантаж. В данном случае правонарушители требуют от жертвы передачи денежных средств или иного имущества, угрожая обнародованием компрометирующей информации о ней или ее близких. Разглашение таких сведений может нанести значительный вред репутации, чести, достоинству, а также нарушить другие законные права и интересы потерпевшего.

Как показывает анализ, правонарушители получают компрометирующую информацию различными обманными методами. Они могут устанавливать контакт с жертвой через социальные сети и мессенджеры, выдавая себя за других людей – например, знакомых, деловых партнеров. Иногда они создают полностью вымышленные истории, манипулируя эмоциями потерпевшего, чтобы заставить его раскрыть личные данные, интимные фотографии или сведения, которые впоследствии используются для шантажа.

Кроме того, правонарушители могут применять фишинговые атаки, взламывать аккаунты жертвы, получать доступ к ее переписке, личным файлам и другим конфиденциальным материалам. В некоторых случаях они фабрикуют поддельные фото, видео или текстовые материалы, а затем угрожают их распространением, требуя выкуп. Конфиденциальная информация в виде личных данных, медицинской тайны и т. п. также может быть получена незаконным доступом путем взлома аккаунтов в социальных сетях, облачных хранилищ, персональных компьютеров или мобильных устройств жертвы [3, с. 312–313].

Следовательно, действия, связанные с реальной угрозой безвозвратного уничтожения данных или блокировки сервисов, с требованием передачи чужого имущества или права на имущество влекут за собой привлечение лиц, виновных в их совершении, к уголовной ответственности по ст. 163 УК РФ.

Использование средств информационно-телекоммуникационных технологий при совершении вымогательств оказывают существенное влияние на про-

изводство следственных и иных процессуальных действий на всех этапах расследования и на стадии возбуждения уголовного дела.

Важнейшим фактором успешного расследования является своевременное возбуждение уголовного дела и его передача в производство с учетом требований подследственности. Это обеспечивает надлежащий процессуальный контроль и позволяет привлечь к расследованию специализированные подразделения, обладающие соответствующей технической и экспертной базой для работы с цифровыми следами. Промедление на данном этапе может привести к утрате важных доказательств, затрудняя установление личности преступников, маршрутов их взаимодействия и схемы реализации преступной деятельности.

При проверке заявлений о вымогательстве, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий важно установить основания для возбуждения уголовного дела. Для этого органы дознания или предварительного следствия проводят комплекс процессуальных действий. Существенное значение на этом этапе имеет анализ предоставленной информации, который позволяет выявить ключевые обстоятельства происшествия, установить способ взаимодействия преступников с жертвой, определить возможные цифровые следы преступления и выбрать наиболее эффективные методы расследования.

Организация проверочных мероприятий осуществляется с учетом характера угроз, способов получения преступниками компрометирующей информации и методов передачи вымогательских требований. Кроме того, важным аспектом является установление каналов связи, используемых злоумышленниками, в том числе, анализ переписки в мессенджерах и социальных сетях, проверка номеров телефонов, адресов электронной почты и следов финансовых транзакций. Все эти действия направлены на оперативное выявление подозреваемых, предотвращение дальнейших преступных действий и сбор доказательственной базы, необходимой для последующего уголовного преследования. Характер же доказательств во многом определяется полнотой и достоверностью показаний заявителя, а также обстоятельствами происшествия.

В юридической литературе и правоприменительной практике определен перечень процессуальных действий, которые позволяют эффективно закрепить следы преступления и обеспечить реализацию назначения уголовного судопроизводства [4, с. 52–54].

При поступлении сообщения о вымогательстве целесообразно получить объяснение у заявителя для выяснения следующих деталей:

1) даты, времени и частоты контактов с преступником;

2) используемых абонентских номеров, SIM-карт, никнеймов;

3) технических устройств, с которых осуществлялся контакт;

4) выяснения, использовались ли интернет-мессенджеры, социальные сети, другие платформы для коммуникации;

5) поведения преступника, его требований, способов передачи денег характера угроз;

6) источника компрометирующей информации, которой он располагал;

7) фактов передачи денежных средств: сумм, способов перевода, количества транзакций;

8) внешности преступника (если была очная встреча или видеосвязь).

В большинстве случаев незамедлительно проводится осмотр места происшествия с участием специалиста. В процессе осмотра в обязательном порядке обследуются помещения, где находилась техника, используемая для общения с преступником; места личных встреч и передачи денег или имущества; прилегающая территория на предмет камер видеонаблюдения.

Кроме того, при осмотре места происшествия осуществляется изъятие компьютерной и другой мобильной техники, записей с камер видеонаблюдения, звонков, переданных файлов и иных цифровых следов, материальных и виртуальных следов (следов рук, документов, данных с электронных носителей).

Если перевод денег осуществлялся через банковские терминалы, осуществляется проверка наличия камер видеонаблюдения в местах платежа, изучение и изъятие видеозаписей. Эти меры направлены на быструю фиксацию доказательств и эффективное установление лиц, причастных к преступлению.

После возбуждения уголовного дела на первоначальном этапе расследования, при дефиците информации, проверяются несколько ключевых версий: непосредственно факт вымогательства, возможный неправомерный доступ к компьютерной информации, применение вредоносного программного обеспечения, а также вероятность серийности преступной деятельности. Если потерпевший называет конкретное лицо, следует также рассмотреть возможность оговора.

Следует отметить, что на ранних стадиях расследования установление личности правонарушителя существенно затруднено по причине неопределенности места его нахождения. В связи с этим представляется целесообразным уделить внимание поиску виртуальных следов, которые могут быть оставлены в сети на локальных или удаленных электронных носителях в результате взаимодействия пользователей с цифровыми системами и их фиксации на различных уровнях технической инфраструктуры.

Как показывает анализ, доказывание по делам данной категории в первую очередь связано с собиранием юридически значимой информации, которую можно получить в ходе расследования преступления. При этом процесс собирания доказательств зависит от особенностей проектирования конкретной информационной среды, а также архитектуры хранения и обработки данных, форматов взаимодействия и принципов регистрации событий, оказывающих существенное влияние на доступность и детализированность цифровых следов.

Действительно, сам цифровой след представляет собой сложную информационную структуру, включающую как непосредственные значения параметров объектов (например, IP-адреса, логи активности, метаданные файлов), так и вспомогательную информацию, определяющую его принадлежность к конкретной цифровой среде. Эта дополнительная информация может включать временные метки, коды авторизации, данные о протоколах передачи данных и других атрибутах, позволяющих идентифицировать источник следа и его контекст в рамках расследуемого события [5, с. 23–26].

Эффективность расследования интернет-вымогательства во многом определяется оперативностью принятия решений о проведении следственных и процессуальных действий, направленных на выявление, фиксацию и последующую проверку цифровых доказательств. Быстрота реагирования на преступные дей-

ствия злоумышленников играет ключевую роль, так как преступники могут оперативно скрывать следы своей деятельности, удалять переписку, изменять реквизиты платежных средств и использовать анонимные каналы связи.

Важное значение при расследовании вымогательств с использованием средств информационно-телекоммуникационных технологий отводится такому следственному действию как допрос потерпевшего, свидетелей, сотрудников банков и кредитных организаций. На начальном этапе расследования целесообразно назначить такие судебные экспертизы, как компьютерная, трасологическая, дактилоскопическая и портретная.

При получении информации о предполагаемом подозреваемом проводится комплекс следственных действий, включающий его допрос, обыск, изъятие документов и электронных носителей информации.

Одним из ключевых этапов расследования, который позволяет получить значительную часть критически важной информации, является изъятие данных в банках, у операторов платежных систем и интернет-провайдеров. Анализ цифровых следов, содержащихся в компьютерной технике, банковских документах и информации о соединениях между абонентами, позволяет отследить схемы преступных действий, выявить сообщников и установить маршрут движения денежных средств.

Особое внимание уделяется изучению финансовых транзакций, анализу происхождения средств, маршрутов их перемещения и выявлению фактов их обналичивания. Детальная работа с финансовыми данными дает возможность проследить цепочку переводов, выявить конечных получателей средств и определить местонахождение преступников.

Таким образом, расследование вымогательств с использованием средств информационно-телекоммуникационных технологий, предполагает комплекс следственных и процессуальных действий, направленных на установление лиц, причастных к вымогательству, а также обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в целях реализации назначения уголовного судопроизводства. При этом важное значение имеют полнота и быстрота в получении доказательственной информации от лиц, владеющих соответствующей информацией о предмете преступления.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 г. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/.

2. Киберпреступность в России: 765 тысяч случаев за 2024 г. URL: https://www.securitylab.ru/news/556419.php.

3. Гайдин А. И., Морин А. В. Проблемы формирования частной криминалистической методики расследования вымогательства, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Право и государство: теория и практика. 2023. №7. С. 310–313.

4. Вертепова Т. А., Павелко П. А. Актуальные вопросы квалификации вымогательства, совершенного с использованием информационно-

телекоммуникационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 4. С. 50–54.

5. Комов А. В. Использование компьютерных (цифровых) следов при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений : дис. … канд. юрид. наук. М., 2025.

6. Гайдин А. И. Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о вымогательстве в киберпространстве // Актуальные проблемы защиты прав и свобод личности: теория, история, практика: Материалы 21-й заочной Всероссийской научно-практической конференции от 11 апреля 2023 г. / под ред. И. В. Потаниной. Воронеж : Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2023. С. 11–16.

Виноградов Е. А.[1]*,*
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
по кафедре оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ С ИНЫМИ СУБЪЕКТАМИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Высочайшая актуальность темы противодействия хищениям, совершаемым с использованием вредоносного программного обеспечения, которые выступают одним из видов киберпреступлений, подтверждается не только теорией и практикой, но и особым вниманием к данной проблеме высокопоставленных лиц нашего государства. Несмотря на то что Председатель Центрального Банка России Э. С. Набиуллина заявляет о предотвращении крупными банками порядка 95 % атак мошенников против граждан [11], Президент Российской Федерации В. В. Путин указывает на то, что и при таком положении дел ущерб от киберпреступлений в 2024 г. составил около 200 млрд. руб., причем порядка четверти пострадавших – это лица пенсионного возраста [13]. Сказанное обусловливает необходимость повышения уровня эффективности противодействия таким преступлениям, который может быть достигнут только посредством общего взаимодействия всех заинтересованных лиц, организаций и органов власти.

Определяя взаимодействие как выработку рациональных форм разделения труда [3] и осуществление совместных согласованных действий [7], в данном случае направленных на противодействие киберпреступности, следует иметь в виду, что системообразующими элементами такового выступают объект взаимодействия, субъекты взаимодействия, его средства и способы, а также ожидаемые результаты. Помимо указанных, к числу значимых можно отнести и другие элементы, но перечисленные выше, как представляется, составляют основу взаимодействия.

Выяснение сущности и содержания объекта взаимодействия в анализируемом направлении, под которым как раз и следует понимать противодействие хищениям, совершаемым с использованием программного обеспечения, – пожалуй, наиболее насущная проблема, так как качество взаимодействия в данной сфере зависит от наличия общего понимания используемых категорий, к числу которых относится и категория «вредоносное программное обеспечение». Хотя ст. 273 УК РФ предусматривает уголовную ответственность непосредственно за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или

[1] © Виноградов Е. А., 2025.

нейтрализации средств защиты компьютерной информации, термин «вредоносное программное обеспечение» не закреплен законодательно. Поэтому попытки раскрыть его содержание и, соответственно, классификацию, предпринимаются на доктринальном уровне.

Так, Г. А. Гундерич определяет вредоносное программное обеспечение в самом общем виде, предлагая понимать под таковым способ совершения преступлений с использованием информационных технологий (наряду с такими способами как метод социальной инженерии и использование специальных технических средств) [1, с. 11–17]. При этом указанный ученый называет назначение такого программного обеспечения в качестве критерия классификации. Анализируя возможные способы использования вредоносного программного обеспечения преступниками, все же четкой классификации таких способов автор не приводит. Другие ученые, не останавливаясь на самом понятии «вредоносное программное обеспечение», предлагают выделять такие виды вредоносных программ, как программы-вымогатели и программы-взломщики, а в качестве способов их использования называют скимминг, шимминг, фишинг, кардинг, ливанскую петлю, снифферинг, социальную инженерию, вишинг, траппинг [2, с. 88–93]. Третья группа исследователей, также не вдаваясь в подробности сущности дефиниции «вредоносное программное обеспечение», указывают на такие способы его применения злоумышленниками, как использование вредоносных программ скрытого управления; использование программ считывания пароля; применение программ удаленного доступа; создание так называемого зеркального сайта, или сайта двойника, использование поддельных мобильных приложений, троянских программ, а также уязвимостей отдельных протоколов дистанционного банковского обслуживания и др. [9, с. 173–179].

Анализируя все названные подходы к сути понятия вредоносного программного обеспечения, можно прийти к выводу, что отсутствие законодательного закрепления как самого вредоносного обеспечения и его видов может снижать эффективность взаимодействия, поскольку правоохранительные органы на основании доктринальных подходов ученых-правоведов могут понимать под таковым только несанкционированный доступ к данным пользователей в целях хищения их денежных средств, а иные субъекты противодействия, в том числе коммерческие компании, осуществляющие защиту персональных данных в киберпространстве, могут использовать более широкое определение, подразумевая также и использование таких программ, с помощью которых не просто осуществляется хищение, но и скрывается присутствие иных вредоносных программ, а также предоставляется удаленный доступ злоумышленнику.

Поэтому считаем необходимым закрепить понятие вредоносного программного обеспечения на законодательном уровне, например, в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», и предлагаем следующую формулировку: «Вредоносное программное обеспечение – намеренно разрабатываемые и внедряемые в компьютерные устройства программы (скрипты), целью которых выступает неправомерное завладение информацией, денежными средствами

и иными материальными и нематериальными ценностями пользователей информационно-телекоммуникационных систем».

В качестве субъектов взаимодействия с органами дознания по противодействию анализируемому виду преступлений могут выступать как сами граждане и их объединения, так и коммерческие и некоммерческие организации, а также различные органы власти. Полагаем, что граждане и их объединения могут выступать в роли и активных, и пассивных участников такого противодействия. Во-первых, граждане могут самообразовываться в сфере использования киберпространства, что позволит в принципе не становиться жертвами преступников. Во-вторых, граждане могут как на открытой, так и на конфиденциальной основе предоставлять оперативным подразделениям оперативно значимую для выявления и раскрытия киберхищений информацию.

Взаимодействие с коммерческими организациями и органами власти может осуществляться не только на внутригосударственном, но и на международном уровне. Несмотря на то что нынешняя международная обстановка довольно неоднозначна, взаимодействие по пресечению преступлений в киберпространстве не прекращается. Например, в числе субъектов взаимодействия с российскими правоохранительными органами, оказывающих значительную поддержку в противодействии киберпреступлениям, следует назвать Интерпол и Европол.

На внутригосударственном уровне основным субъектом противодействия хищениям, совершаемым с использованием вредоносного программного обеспечения, выступает Центральный Банк России (ЦБ РФ), который в 2024 г. разработал стандарт по безопасности финансовых сервисов при удаленном подтверждении личности клиента, обновил порядок информирования о мошеннических переводах для операторов платежных систем и операторов электронных платформ, уточнил перечень мероприятий по противодействию переводам средств без добровольного согласия со стороны клиента и др. Список принимаемых Центробанком России решений можно продолжить, но суть такова, что именно ЦБ РФ выступает основным регулятором, который не просто отслеживает обстановку в сфере обращения денежных средств в киберпространстве, но и является основным субъектом предупреждения преступных деяний в данной сфере.

Что касается непосредственно взаимодействия МВД России (оперативных подразделений) с ЦБ России, то в 2022 г. был подписан закон, согласно которому введена в действие ч. 44 ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»: Банк России предоставляет информацию о случаях и (или) попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел. В свою очередь порядок информационного обмена, форма и перечень предоставляемых сведений закрепляются в соглашении Банка России с органами внутренних дел, что прямо следует из Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

Не менее значимыми, а по ряду вопросов даже наиболее значимыми субъектами противодействия хищениям денежных средств, совершаемым с использованием вредоносного программного обеспечения, выступают коммерческие ор-

ганизации, предоставляющие услуги по защите информации. В числе первых следует назвать компанию АО «Лаборатория Касперского», которая не только разрабатывает защитные решения как для рядовых пользователей, так и для бизнес-корпораций, но и придерживается политики сотрудничества с правоохранительными органами. Такое сотрудничество осуществляется как в форме предоставления комплексной защиты интернет-шлюзов, файловых и почтовых серверов, рабочих станций и смартфонов, так и в форме осуществления консультаций технического характера, анализа вредоносных программ в рамках совместных расследований.

Совершенно справедливым видится утверждение о том, что без экспертных знаний сотрудников таких компаний выявление и раскрытие преступлений, совершаемых в киберпространстве, не просто бы осложнилось, а стало бы, скорее всего, невозможным [5, с. 119–126]. В числе направлений использования специальных знаний для выявления, раскрытия и расследования хищений, совершаемых с использованием вредоносного программного обеспечения, называется привлечение технических специалистов для осмотра компьютерного (телефонного) устройства потерпевшего. При этом в качестве таких специалистов могут быть привлечены как сотрудники ЭКЦ МВД России, а также иных органов власти (Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций), так и сотрудники интернет-провайдеров, компаний, специализирующихся на защите информации. Наряду с этим в определенных ситуациях имеется необходимость привлечения сотрудников операторов сотовой связи, которые специализируются на разработке и обслуживании биллинговой информации для сетей сотовой связи.

Ожидаемые результаты взаимодействия органов дознания со всеми указанными субъектами противодействия хищениям денежных средств, совершаемых с использованием вредоносного программного обеспечения, заключаются, конечно же, в снижении количественного и качественного уровня таких преступлений, а также минимизация ущерба, который причиняется законопослушным пользователям компьютерных систем.

Таким образом, следует сказать, что противодействие хищениям денежных средств, совершаемым с использованием вредоносного программного обеспечения – сложный процесс, который требует консолидации всех возможных усилий, начиная от самообразования граждан в сфере киберотношений и заканчивая внедрением самых современных технологий в деятельность правоохранительных органов. Первоочередной задачей выступает налаживание эффективного взаимодействия всех субъектов противодействия как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Органы дознания МВД России в процессе выявления и раскрытия преступлений исследуемой категории сотрудничают не только с НЦБ Интерпола МВД России, но и с ЦБ РФ, ФСБ России, а также с иными органами государственной власти и коммерческими организациями, осуществляющими защиту информации.

Однако несмотря на предпринимаемые попытки по совершенствованию процесса взаимодействия по всем направлениям, наличие проблем как законодательного, так и практического характера продолжает негативно сказываться

на объемах выявленных и раскрытых киберпреступлений. Считаем, что необходимо на законодательном уровне закрепить понятие «вредоносное программное обеспечение», разработать образовательные стандарты для обучения противодействию киберпреступлениям и действующих сотрудников органов внутренних дел, и вновь поступающих на службу, что позволит повысить, в том числе, качество взаимодействия при использовании знаний специалистов в выявлении и раскрытии киберпреступлений.

Список литературы

1. Гундерич Г. А. Использование информационных технологий в качестве способов совершения преступления // Сборник статей по материалам научно-практической конференции (III школы-семинара молодых ученых-юристов). 2020. С. 11–17.

2. Кащеева К. С. Кибермошенничество: характеристика и способы // Сборник статей по материалам научно-практической конференции (III школы-семинара молодых ученых-юристов). 2020. С. 88–93.

3. Кенжесариев А. К. Понятие взаимодействия в деятельности органов внутренних дел // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований. Материалы всероссийской научно-практической конференции / сост. А. А. Сарсенова. 2021. С. 97–100.

4. Классификация вредоносного ПО. URL: https://ibs.ru/media/klassifikatsiya-vredonosnogo-po/.

5. Кравец Е. Г., Шувалов Н. В. Комплекс специальных знаний, необходимых при расследовании хищений, совершаемых с использованием вредоносных компьютерных программ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 3 (53). С. 119–126.

6. Национальное центральное бюро Интерпола. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola.

7. Потапова С. А. К вопросу о понятии и сущности взаимодействия органов внутренних дел и других правоохранительных органов // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 442–448.

8. Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/76408.

9. Сабельникова Г. С. Киберпреступность в банковской сфере. тенденции и особенности расследования // Сборник статей по материалам научно-практической конференции (III школы-семинара молодых ученых-юристов). 2020. С. 173–179.

10. Ситков А. С. Международное сотрудничество полиции в рамках Интерпола по противодействию киберпреступности и обеспечению кибербезопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 238–242.

11. Совещание с членами Правительства России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/78765.

12. Типы вредоносного ПО. URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/malware-classifications.

13. Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/76408.

Виноградская К. С.[1]*,*
слушатель
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ермаков С. В.*,*
заместитель начальника кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОЗНАВАТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Назначение уголовного судопроизводства определено в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и предполагает, в частности, защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Все это позволяет говорить о важности не только непосредственного расследования конкретных преступлений, производства по уголовным делам, привлечения виновных лиц к ответственности, но и выявления причин, условий, способствующих совершению преступления, с последующим принятием мер реагирования по их устранению.

Понимая всю важность проводимой работы по предупреждению совершения преступлений, законодатель наделил лиц, осуществляющих предварительное расследование полномочиями по профилактике правонарушений. Данная деятельность носит комплексный характер и предполагается на всех этапах расследования преступления.

Вместе с тем вопросам профилактики правонарушений при проведении дознания в настоящее время уделяется недостаточное внимание, что приводит к увеличению рецидивной преступности, совершению преступлений с более тяжкими последствиями. В связи с этим возникает потребность пересмотра отдельных компонентов проведения профилактической деятельности дознавателя, что подтверждается рядом обстоятельств, исходящих из правоприменительной практики и позиций исследователей.

Так, УПК РФ, как известно, содержит две основные нормы, регламентирующие организацию профилактической деятельности дознавателем, а именно ч. 2 ст. 73, где указывается, что подлежат выявлению обстоятельства, способствующие совершению преступления, а также ч. 2 ст. 158, предусматривающая право дознавателя направлять представления об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления.

---

[1] © Виноградская К. С., 2025.

Считаем, что имеющаяся на сегодня законодательная конструкция в части регулирования деятельности дознавателя по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления, не всегда обеспечивает организацию профилактической работы в рамках процессуальных форм. Так, УПК РФ не отражает критериев, которые указывали бы на обстоятельства, способствующие совершению преступления, что фактически приводит к потребности субъективной их оценки как со стороны дознавателя, так и со стороны начальника подразделения дознания, прокурора, суда.

Не урегулирован также вопрос, связанный с полнотой, достоверностью исполнения требований представления об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Иными словами, должностное лицо, организация, в чей адрес было направлено представление, в отдельных случаях может уходить от всестороннего и полного рассмотрения представления. При этом ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ предполагает умышленный характер неисполнения представления. При этом отсутствуют основания для привлечения к ответственности, например, не в полном объеме либо формально.

Третий блок проблем, связанный с процессуальными формами деятельности дознавателя по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления, вызван ограниченными сроками производства дознания и месячным сроком исполнения представлений об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления. Согласно ст. 223 УПК РФ срок дознания составляет 30 суток с возможным продлением еще на 30 суток. Из практики следует, что, как правило, срок дознания не превышает 60 суток в общей сложности.

Вместе с тем направление представлений об устранении обстоятельств осуществляется в основном по окончанию предварительного расследования, что дает основания полагать, что представление не будет исполнено к моменту направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного акта. В связи с этим в значительной части ситуаций прокуроры возвращают уголовные дела на дополнительное расследование, в том числе в связи с отсутствием ответов на представления об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления. Все это существенно увеличивает общие сроки уголовного судопроизводства и негативно влияет на восстановление нарушенных прав и свобод потерпевших.

Таким образом, нами предлагается рассмотреть следующие мероприятия, направленные на повышение эффективности профилактической деятельности дознавателя в рамках реализации процессуальных форм:

1. Изложение ч. 2 ст. 73 УПК РФ в следующей редакции: «Подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Обстоятельства, способствующие совершению преступления, предусматривают явления и процессы, которые порождают намерения совершить преступления, увеличивают общественную опасность преступления».

2. Внести изменения в ст. 17.7 КоАП РФ, а именно дополнить объективную сторону административного правонарушения помимо умышленного неполного выполнения требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, до-

знавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении.

3. Внесение дополнения в ч. 2 ст. 158 УПК РФ в части разделения сроков рассмотрения представления об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления: для органов предварительного следствия – 1 месяц; для подразделений дознания – 14 суток.

Вторым направлением для совершенствования профилактической деятельности дознавателей является использование внепроцессуальных форм, обусловленных исполнением требований иных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы профилактики в деятельности полиции, как субъекта системы профилактики. Именно от данных форм профилактики сегодня зачастую зависит достижение главной цели – устранение причин, условий совершения преступления, девиантного поведения, отказа от преступных намерений, а также от совершения административных правонарушений.

На наш взгляд, на сегодняшний день требуется определение конкретных направлений для совершенствования профилактической деятельности на основании полномочий дознавателя. Так, предлагается рассмотреть реализацию следующих мероприятий:

1) дополнить ст. 226 УПК РФ ч. 1.1. следующего содержания: «Прокурор при выявлении обстоятельств, способствующих совершению преступления и не устраненных в ходе направленных дознавателем в установленные сроки представлений, обеспечивает реализацию мер надзорного реагирования по устранению выявленных недостатков законодательства»;

2) издание на уровне федеральных органов исполнительной власти, в которых находятся подразделения дознания, правовых актов, регулирующих основания, порядок и способы осуществления профилактической деятельности дознавателей при расследовании преступлений, исходя из правового статуса сотрудников данных органов государственной власти и федерального законодательства, регламентирующего осуществление профилактики правонарушений, в том числе несовершеннолетних. Все это позволит централизировать, систематизировать и обеспечить ведомственный контроль над проводимыми профилактическими мероприятиями;

3) предусмотреть обязательное направление не только представлений об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступлений, но и информационных писем в уполномоченные органы и должностным лицам, что позволит устранить косвенные причины, условия совершения преступления, повысить эффективность всей системы профилактики.

В целом для совершенствования профилактики правонарушений дознавателем можно предложить следующие меры:

1) грамотную и своевременную подготовку и внесение представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления;

2) адекватную интерпретацию, объяснение и оценку обстоятельств и событий в рамках криминологической диагностики. Это поможет доказать причинно-следственные связи;

3) регулярную психологическую подготовку дознавателей для поддержания профилактической работы на надлежащем профессиональном уровне;

4) использование экспертно-криминалистической профилактики. Экспертные учреждения могут обобщить данные, полученные в процессе исследований, разработать на их основе профилактические рекомендации и проинформировать соответствующие структуры о выявленных несовершенствах и предложениях по их устранению [2].

Таким образом, в рамках совершенствования профилактической деятельности дознавателя нами предлагаются следующие мероприятия:

1. Изложение ч. 2 ст. 73 УПК РФ в следующей редакции: «Подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Обстоятельства, способствующие совершению преступления, предусматривают явления и процессы, которые порождают намерения совершить преступления, увеличивают общественную опасность преступления».

2. Внести изменения в ст. 17.7 КоАП РФ, а именно дополнить объективную сторону административного правонарушения, помимо умышленного выполнения требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. Умышленное невыполнение либо частичное исполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении.

3. Внесение дополнения в ч. 2 ст. 158 УПК РФ в части разделения сроков рассмотрения представления об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления: для органов предварительного следствия – один месяц; для подразделений дознания – 14 суток.

4. Дополнение ст. 226 УПК РФ следующего содержания: «Прокурор при выявлении обстоятельств, способствующих совершению преступления и не устраненных в ходе направленных дознавателем в установленные сроки представлений, обеспечивает реализацию мер надзорного реагирования по устранению выявленных недостатков законодательства».

5. Издание на уровне федеральных органов исполнительной власти, в которых находятся подразделения дознания, правовых актов, регулирующих основания, порядок и способы осуществления профилактической деятельности дознавателей при расследовании преступлений, исходя из правового статуса сотрудников данных органов государственной власти и федерального законодательства, регламентирующего осуществление профилактики правонарушений, в том числе несовершеннолетних. Все это позволит централизировать, систематизировать и обеспечить ведомственный контроль над проводимыми профилактическими мероприятиями.

6. Обязательное направление не только представлений об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступлений, но и информационных писем в уполномоченные органы и должностным лицам, что позволит устра-

нить косвенные причины, условия совершения преступления, повысить эффективность всей системы профилактики.

Список литературы

1. Антонов И. А. Реализация следователем профилактической функции уголовно-процессуального права: проблемы правоприменительной практики // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 107–113.

2. Политыко О. Е., Жижилева А. А. Проблемы и перспективы совершенствования профилактической деятельности органов предварительного следствия // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 1 (1). С. 85–96.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Вихляев А. А.[1]*,*
адъюнкт кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

В соответствии с данными официальной статистики МВД России [1], на территории Российской Федерации продолжает фиксироваться достаточно высокое количество преступлений экстремистской направленности.

Только за 2024 г. в России были установлены 677 фактов преступлений экстремистской направленности и 1 364 преступления террористического характера, которые совершались представителями религиозных объединений, из которых 410 (+27,7 %) и 604 (+67,3 %) соответственно – совершались посредством использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Также отмечается увеличение количества выявленных экстремистских преступлений, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена ст.ст. 282 УК РФ – на 48,8 %, и ст. 282.3 УК РФ – на 13 %.

Следственная практика показывает, что преступления религиозно-экстремистской направленности совершаются посредством как самих акций прямого действия, так и путем дистанционного распространения материалов религиозно-экстремистского содержания, и иных действий, направленных на неопределенный круг лиц (прежде всего, посредством использования информационно-телекоммуникационного пространства) и разжигающих межнациональную и межконфессиональную рознь.

Дистанционная вербовка новых последователей среди граждан Российской Федерации и иностранных граждан является наиболее действенным способом вовлечения в деятельность экстремистских и псевдорелигиозных объединений, отмечаются новые способы психологической обработки – от морального подавления последователей в тоталитарных религиозных объединениях и сектах, обещаний материального вознаграждения за совершение противоправной деятельности до запугиваний с угрозами неприятных последствий (распространения сведений дискредитационного характера, обвинений в мошенничестве, угроз убийством и пр.) по мобильной связи, через мессенджеры, социальные сети, форумы, Интернет. Предпочтение в вербовочных мероприятиях отдается лицам, склонным к девиантному поведению, религиозным фанатикам, мнительным и психически зависимым людям.

---

[1] © Вихляев А. А., 2025.

Диапазон действий, совершаемых такими последователями, также различен и включает не только акции прямого действия, связанные с совершением насильственных действий, вандализма, уничтожения или повреждения чужой собственности, преступлений против безопасности государства, но и посредством привлечения указанных лиц к финансированию экстремистской деятельности, легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, предоставления личного жилья для функционирования преступных ячеек и групп.

Не менее острая ситуация отмечается и в связи с функционированием деструктивных культов, деятельность которых все чаще направлена против Российской Православной Церкви, на разжигание межнациональной вражды, межконфессиональной розни, унижения достоинства человека, а также иных действий, сопряженных с оскорблением чувств верующих и совершением преступлений против личности, характерных среди психологических культов и тоталитарных сект.

Изучение материалов уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений экстремистской направленности в связи с деятельностью религиозных объединений, позволяет говорить о высокой степени латентности преступлений, совершаемых их организаторами и последователями – в большинстве случаев планирование и организация мероприятий экстремистского характера и взаимодействие между членами экстремистских религиозных объединений осуществлялась в жилом секторе, где для привлечения новых последователей и хранения экстремистских материалов, использовались жилища граждан, квартиры, сдаваемые в поднаем, нежилые постройки, использовавшиеся запрещенными религиозными группами для осуществления религиозных обрядов и вовлечения в экстремистскую деятельность, самовольно-оборудованные молельные комнаты и осуществляющие деятельность в жилых районах религиозные центры иностранных религиозных объединений, коммерческих и некоммерческих организаций. Коммуникации между членами таких организаций все чаще осуществляются посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей с высоким уровнем шифрования и анонимности – даркнета, проекта «Невидимый Интернет», через одноранговые сети, или посредством мессенджеров Telegram и Signal.

Практика выявления преступлений экстремистской направленности, совершаемых представителями религиозных объединений, доказывает необходимость оперативно-разыскного противодействия указанным видам угроз.

Однако вопросы использования результатов оперативно-разыскной деятельности в предварительном расследовании остаются одними из наиболее актуальных в правоприменительной практике.

В частности, как гласит ст. 89 УПК РФ [2], запрещается использовать в процессе доказывания по уголовным делам результаты осуществления оперативно-разыскной деятельности, если такие результаты не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Так, к доказательствам в уголовном процессе принято относить показания участников уголовного процесса, протоколы следственных действий, заключения и справки экспертов и специалистов, документы, полученные посредством совершения следственных и иных процессуальных действий.

Однако действующее законодательство [3; ч. 2 ст. 11] позволяет использовать результаты оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам, если такие результаты были получены и легализованы в соответствии с требованиями УПК РФ, непосредственно затрагивающими вопросы собирания, проверки и оценки доказательств.

Отметим, что не все сведения, которые были получены оперативно-разыскным путем, могут быть повторно собраны или проверены в процессуальном порядке, поскольку они могут выступать основой для формирования других сведений, касающихся противоправной деятельности виновных лиц, которые, в свою очередь, будут признаны доказательствами по уголовному делу.

Так, могут быть признаны доказательствами по уголовному делу следующие результаты оперативно-разыскной деятельности – предметы, которые в определенных условиях могут стать вещественными доказательствами после их непосредственного сбора и оценки процессуальным путем; документы, полученные в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий – например, после наведения справок, протоколы оперативно-разыскных мероприятий и др.

Кроме того, к вещественным доказательствам могут быть приравнены легализованные данные прослушивания телефонных переговоров, сведения, полученные в ходе изучения компьютерной информации, снятия информации с технических каналов связи или результаты проверочных закупок, а также материалы, полученные в результате оперативно-технических мероприятий – звуко-, видеозапись, фотосъемка, цифровые доказательства противоправной деятельности участников псевдорелигиозных объединений, которые могут впоследствии быть признаны доказательствами на основании ст.ст. 81 и 82 УПК РФ.

Данные сведения признаются доказательствами по уголовным делам ввиду того, что они не только содержат информацию о преступлении, зафиксированную на материальный носитель однократно, но и обстоятельства их получения имеют статус доказательственного факта.

При получении сведений о преступлениях и лицах, их совершающих и совершивших, от лиц, оказывающих конфиденциальную помощь, полученные данные могут быть использованы в качестве доказательств только в случае участия указанных лиц в качестве свидетелей по уголовным делам. Данный способ легализации содержит ограничения, связанные с применением ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [3]. Предание гласности указанных лиц допустимо лишь только с их согласия, выраженного в письменной форме.

При осуществлении легализации результатов оперативно-разыскной деятельности по делам об экстремистской деятельности религиозных объединений важно помнить, что сведения, полученные при использовании негласных сил, средств и источников составляют государственную тайну.

Рассмотренные примеры правоприменительной практики и обозначенные способы совершения экстремистских преступлений псевдорелигиозными объединениями показали, что основной спектр доказательств подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлений экстремистской направленности внутри таких объединений, может быть раскрыт и своевременно пресечен только посредством осуществления оперативно-разыскной деятельности.

Доказательства экстремистской деятельности могут быть получены путем проведения широкого спектра оперативно-разыскных мероприятий, а информация о таких действиях – получена от лиц, сведения о большинстве из которых не подлежат оглашению или должны быть надлежащим образом легализованы.

При разрешении вопросов, связанных с выявлением преступлений экстремистской направленности и установлении лиц, причастных к их приготовлению и совершению из числа участников религиозно-экстремистских групп и организаций, сотрудники оперативных подразделений должны учитывать обстоятельства последующей процессуальной легализации данных, полученных оперативно-разыскным путем, и выбирать наиболее оптимальные пути по организации и реализации оперативно-разыскных мероприятий применительно к особенностям совершения экстремистских действий в связи с осуществлением религиозной деятельности.

Список литературы

1. Данные официальной статистики ГИАЦ МВД России.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

3. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/.

4. Приказ МВД России от 27 сентября 2013 г. № 776 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://ivo.garant.ru/#/document/70531824/paragraph/1:0/.

5. Кузьмин Н. А., Завьялов И. А. Особенности оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по раскрытию преступлений прошлых лет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 141–148.

Волкова Г. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Иванов Д. А.,
начальник кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ ТРЕБОВАНИЙ ОБ УСТРАНЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Своевременным и обоснованным видится рассмотреть вопросы, касающиеся как прокурорского надзора за деятельностью следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, так и непосредственно полномочий прокурора по реализации требований ст. 17.7 КоАП РФ.

Переходя в плоскость изучаемых обстоятельств в разрезе прокурорского надзора, отметим, что О. В. Химичева небезосновательно полагает, что «прокурор имеет право возвратить уголовное дело следователю для дополнительного расследования в любых случаях, если, по его мнению, выявленные нарушения будут препятствовать дальнейшему продвижению уголовного дела» [9, с. 249–250].

Дополняя вышесказанное, Л. Р. Муллагалеева обоснованно утверждает, что «если исходя из смысла ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., предупреждение и искоренение преступлений являлось одной из главенствующих задач уголовного судопроизводства, то таким безусловным основанием для возвращения уголовного дела, как раз и являлось установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления» [4, с. 156].

Видим, что указанные ученые считают, что данное основание носит материально-правовой характер, и выделяют его в качестве безусловного при возвращении уголовного дела.

Не можем при этом с ними не согласиться, учитывая важность изучаемой нами темы, а также и тот факт, что изученные нами уголовные дела доказывают нашу позицию. Так, согласно проведенному анализу материалов уголовных дел нами установлено, что в них имелись постановления прокурора о возвращении на дополнительное следствие (в 22,6 % изученных уголовных дел) по тем при-

[1] © Волкова Г. А., 2025.

чинам, что в ходе расследования не были приняты исчерпывающие меры к установлению, доказыванию и устранению изучаемых нами обстоятельств.

При этом отметим, что в ныне действующем УПК РФ предупреждение преступлений не указано в назначении уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), но это не говорит о том, что оно потеряло свою актуальность, так как отдельные нормы уголовно-процессуального закона (ст.ст. 21, 38, 39, 73, 158 и др.) достаточно подробно регламентируют данный вид деятельности. Естественно, нами в настоящей работе предлагаются некоторые изменения и дополнения вышеуказанных положений УПК РФ, но исключительно в целях совершенствования изучаемого нами направления деятельности органов предварительного следствия, прокурора и суда.

Конкретные факты возвращения прокурорами уголовных дел мы также не можем не привести, так как они напрямую подтверждают нашу позицию относительно важности и значимости профилактической деятельности следователя, а при ненадлежащем ее осуществлении свидетельствуют о мерах прокурорского надзора.

Прокурором возвращено уголовное дело № XXXXXX, где следователем СО ОМВД России по району Свиблово (СВАО) г. Москвы не устранены противоречия между показаниями обвиняемого и свидетелей. Из показаний свидетелей и обвиняемого Г. следует, что для совершения преступления он привлек И. и Н. Однако юридическая оценка действиям вышеуказанных лиц не дана. Следователем также не были приняты меры по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

По уголовному делу № XXXXX, возвращенному также на дополнительное расследование прокурором указано, что следователь СО ОМВД России по району Сокольники г. Москвы в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого указал, что обвиняемый Г. не смог задуманное преступление довести до конца, однако не установил обстоятельства, которые способствовали начатому уголовно наказуемому деянию. Помимо этого, в ходе расследования не приняты меры к устранению причин и условий, совершения уголовно наказуемого деяния, хотя они были очевидны, исходя из изученных прокурором материалов уголовного дела.

Анализируя вышеприведенные и другие многочисленные факты, свидетельствующие о возвращении прокурорами уголовных дел, отметим, что одной из основных причин остается неполнота следствия, которая выражается и в том, что следователи не принимают должных мер к установлению, доказыванию и устранению изучаемых нами обстоятельств, которые являются причинами и условиями совершения уголовно наказуемых деяний. Это свидетельствует и о недостаточном уровне знаний следователями действующего законодательства, неумении правильно его применять в практической деятельности.

Прокурорами районов и округов г. Москвы также установлено, что зачастую руководители территориальных следственных подразделений продолжают игнорировать требования ч. 2 ст. 158 УПК РФ в части контроля получения ответов о реально принятых мерах, направленных на устранение изучаемых обстоятельств, и не ведут учет рассмотрения представлений следователей

уполномоченными субъектами. Данные факты нашли свое отражение в постановлениях прокуроров по делам, возвращенным в СО ОМВД России по районам Замоскворечье, Мещанский и ряда других подразделений.

Учитывая объем полномочий прокурора, отметим, что при изучении следственной и прокурорской практики встречались случаи, когда прокурор реагировал на выявленные им факты ненадлежащей деятельности по устранению причин и условий совершения преступлений – как со стороны следователей, так и со стороны других сотрудников органов внутренних дел.

Заместителем прокурора Кировской области внесено представление «Об устранении нарушений законодательства о предупреждении преступности несовершеннолетних в деятельности органов предварительного следствия», где отражено, что большинство представлений следователей СУ УМВД России по Кировской области адресованы начальникам территориальных ОВД с выводами о ненадлежащем проведении профилактических мероприятий участковыми уполномоченными полиции. При этом не анализировалась деятельность учреждений социального обслуживания населения, медицинских организаций, органов опеки и попечительства, учреждений уголовно-исполнительной системы, также входящих в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Отсутствовали ссылки на нормативные правовые акты, нарушения которых способствовали совершению противоправных деяний. По результатам проведения служебной проверки три следователя территориальных подразделений СУ УМВД России по Кировской области привлечены к дисциплинарной ответственности [1, с. 4].

В такой ситуации прокурорский надзор является действенным инструментом реагирования на выявленные факты ненадлежащей работы по профилактике преступлений, а также возможностью исправить допущенные ошибки в досудебном производстве, исключив при этом возвращение уголовных дел судами в порядке ст. 237 УПК РФ или же наступление еще более серьезных последствий в виде вынесения судами оправдательных приговоров (ч. 2 ст. 302 УПК РФ).

Далее считаем обязательным и необходимым перейти к рассмотрению вопроса, касающегося деятельности прокурора по привлечению к административной ответственности лиц, виновных в невыполнении законных требований следователей.

Итак, как установлено в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» [8, с. 13], задачи деятельности органов прокуратуры подчинены целям, для достижения которых созданы эти органы, и в первую очередь – обеспечению верховенства закона. Поэтому реализация административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ является важнейшим элементом, способствующим укреплению законности в целом.

Согласно ч. 2 ст. 28.4 КоАП РФ постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении должно содержать сведения, предусмотренные ст. 28.2 КоАП РФ. Копия постановления под расписку вручается физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых возбуждено дело, а также потерпевшему [3].

Важен именно факт, подтверждающий получение адресатом лично представления, в котором содержатся конкретные законные требования следователя об устранении причин и условий совершения преступлений. В случае же невозможности подтверждения данного факта вручения и получения адресатом представления возникают ситуации, когда не представляется возможным привлечь лицо, виновное в неисполнении требований об устранении изучаемых нами обстоятельств по ст. 17.7 КоАП РФ. И этому есть реальные подтверждения из следственной практики. Так, нами выявлены случаи, когда следователями в органы дознания были направлены материалы для возбуждения административного производства по ст. 17.7 КоАП РФ, в отношении индивидуальных предпринимателей, оставивших без ответа и не исполнивших законные требования, указанные в представлениях. В дальнейшем по таким материалам вынесены постановления. Причинами непринятия мер к возбуждению административных производств явились невозможность установить факт (дату) получения конкретными должностными лицами представления, внесенного в порядке ст. 158 УПК РФ, так как представления направляются по почте без уведомления, а не заказным письмом или вручением лично, а также указание неверного адреса местонахождения организации, истечение сроков привлечения к административной ответственности.

Говоря же о фактах именно подобного рода постановлений прокурора при неисполнении законных требований по устранению изучаемых нами обстоятельств, отметим, что взаимодействие органов предварительного расследования с надзирающими прокурорами здесь характеризуется следующими показателями.

Согласно сведениям территориальных органов МВД России, следователями и дознавателями в 2024 г. прокурорам направлено 486 материалов. По результатам направления руководителями следственных органов материалов о неисполнении законных требований следователей прокурорами вынесены постановления о возбуждении производства об административном правонарушении – по 437 фактам.

Нами также установлено, что при установлении фактов невыполнения законных требований руководителей следственных органов и следователей, только в Белгородской области на районном уровне следственными подразделениями в 2023 г. направлено прокурорам 43 материала, из них по 33 материалам прокурорами составлены протоколы и направлены суд, где впоследствии все виновные лица были привлечены к административной ответственности.

Приведем здесь в подтверждение и конкретные судебные решения по итогам рассмотрения постановлений прокуроров о возбуждении дел об административных правонарушениях по ст. 17.7 КоАП РФ.

Так, постановлением мирового судьи судебного участка № 4 Западного округа г. Белгорода по ст. 17.7 КоАП РФ в виде штрафа в сумме 2 000 руб. привлечен гр. Р., являющийся исполнительным директором ООО «Элта», за неисполнение требований, изложенных в соответствующем представлении. Требования заключались в установке оборудования по проверке подлинности купюр [6].

Аналогично 07.04.2021 мировым судьей судебного участка № 1 Новолялинского судебного района Свердловской области и. о. директора ООО «Новоля-

линский» А. признан виновным по ст. 17.7 КоАП (штраф в размере 2 000 руб.). В судебном заседании установлено, что ответ на представление СО МО МВД России «Новолялинский» Свердловской области А. не направлялся, а мероприятия по принятию мер к обеспечению сохранности имущества, принадлежащего ООО «Новолялинский» (исключить свободный доступ посторонних на территорию указанного предприятия, организовать надлежащую охрану и складирование имущества), указаны в представлении следователя обоснованно и не проводились [5].

Постановлением мирового судьи участка № 2 Борисовского района Белгородской области признана виновной в совершении правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ гр. К., которая не выполнила законные требования, изложенные в представлении, выразившееся в необходимости оборудования рабочих мест продавцов-кассиров приборами по определению подлинности купюр номиналом 5000 и 1000 руб. Последней назначено наказание в виде штрафа в сумме 2000 руб. [7].

За непринятие мер по внесенным представлениям к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ привлечены главы администраций Веселовского и Калиновского сельских поселений Красногвардейского района Белгородской области (в связи с отсутствием профилактической работы с населением, следствием чего стало совершение краж чужого имущества с незаконным проникновением в жилые помещения) директор ООО «Мираж» (расположенного в Чернянском районе Белгородской области), не выполнивший законные требования следователя, выразившиеся в необходимости приведения инженерно-технической укрепленности помещений кафе-бара «Русь» в соответствие с требованиями постановления Губернатора Белгородской области от 12.10.2009 № 94 [2, с. 12].

Приведенные факты свидетельствуют о реальности принимаемых прокурорами мер, направленных на привлечение к ответственности виновных лиц по ст. 17.7 КоАП РФ.

При этом также отмечается, что не всегда прокуроры по направленным из следственных подразделений материалам возбуждают дела об административных правонарушениях по ст. 17.7 КоАП РФ. Так, по данным Генеральной прокуратуры России в числе причин отказов являются факты, свидетельствующие о наличии в представлениях мероприятий, которые не входят в компетенцию субъектов, которым они направлены.

В частности, в СУ МВД по Республике Калмыкия надзирающими прокурорами в 2024 г. признаны необоснованными 43 представления – в связи с тем, что мероприятия, предложенные к исполнению руководителям организаций (предприятий) и органов местного самоуправления, не входили в их компетенцию.

Аналогично и в СУ по Республике Тыва за 2023 г. составлено 12 протоколов по 17.7 КоАП РФ, однако к административной ответственности привлечено только 3 лица (25 %). По 9 административное производство прокурорами прекращено в связи с малозначительностью и за отсутствием состава административного правонарушения (поскольку требование к индивидуальному предпринимателю об установлении камер видеонаблюдения в автобусах при перевозке пассажиров, законом не предусмотрено).

Комментируя такие случаи, следует отметить, что только четко выстроенный алгоритм взаимодействия руководства следственных органов и прокуроров, в том

числе и по указанному направлению важной профилактической деятельности, позволит исключить подобные примеры из следственно-прокурорской практики. Сказанное в свою очередь позволит повысить не только уровень взаимодействия между указанными субъектами, но и реально позволит повысить качество работы по профилактике уголовно наказуемых деяний.

Подытоживая вышесказанное, напрашивается закономерный и обоснованный вывод о том, что право прокуроров на привлечение лиц, виновных в неисполнении законных требований по ст. 17.7 КоАП РФ, является действенным инструментом в деятельности по устранению причин и условий совершения уголовно наказуемых деяний.

Список литературы

1. Информационно-аналитический обзор Следственного департамента МВД России «О практике внесения в органах предварительного следствия в системе МВД России представлений об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 158 УПК РФ» в 2022 г.

2. Информационно-аналитический обзор Следственного департамента МВД России «О направлении информационно-аналитического обзора практики внесения представлений» в 2024 г.

3. Методические рекомендации «Привлечение к административной ответственности за невыполнение законных требований прокурора» (одобрены Генпрокуратурой России 20.02.2015). URL: https://legalacts.ru/doc/metodicheskie.

4. Муллагалеева Л. Р. Исторический обзор развития оснований для возвращения прокурором уголовного дела следователю // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник по итогам V международной научно-практической конференции 5 июня 2021 г. Пенза : МЦНС «Наука и просвещение, 2021. С. 154–157.

5. Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Новолялинского судебного района Свердловской области. URL: https://sudact.ru/magistrate/court/3ksdcP2fFWNe/.

6. Постановление мирового судьи судебного участка № 4 Западного округа г. Белгорода. URL: https://sudact.ru/magistrate/court/3ksdcP2fFWNe/.

7. Постановление мирового судьи участка № 2 Борисовского района Белгородской области. URL: https://sudact.ru/magistrate/court/3ksdcP2fFWNe/.

8. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I (с последующими изменениями и дополнениями) «О прокуратуре Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.garant.ru.

9. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2004.

Денищик А. Ю.[1]*,*
курсант
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Стацюк Д. Н.,
старший преподаватель
кафедры криминалистики
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ИНТЕГРАЦИЯ ДАННЫХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Современное развитие технологий, основанных на искусственном интеллекте (далее – ИИ), привело к их активному внедрению в различные сферы жизни.

В бизнес-аналитике ИИ используется для обработки больших массивов данных, прогнозирования тенденций и повышения эффективности принятия решений [1, с. 146–156.]. Однако, как показывает практика, его потенциал гораздо шире, что позволяет его использование в органах внутренних дел.

Т. Ю. Маренникова считает, что технология искусственного интеллекта может существенно повысить эффективность расследования, оказывая помощь по сбору, анализу и оценке доказательств [3, с. 141–148.]. В связи с этим совершенно закономерно возникает вопрос о допустимости интегрирования информации, полученной с помощью ИИ, в качестве доказательства в уголовном процессе.

Согласно УПК РФ, доказательствами являются сведения, на основании которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. При этом процесс доказывания состоит из: сбора доказательств – обнаружения, фиксации и изъятия материальных следов преступления; проверки доказательств – проведения экспертиз, оценки достоверности и относимости полученных данных; оценки доказательств – определения их допустимости и значимости для принятия законного и обоснованного решения.

Представляется, что данная технология ИИ может повысить эффективность каждого обозначенного этапа, автоматизируя обработку информации и снижая вероятность ошибок, допущенных человеком.

Д. В. Еремеев отмечает, что технология ИИ уже используют при анализе цифровых следов – программы на основе ИИ используют для идентификации лиц схожих паттернов в преступлениях, выявлении связей между событиями и лицами; автоматизации составления процессуальных документов; проверки достоверности показаний допрашиваемых – алгоритмы могут анализировать мимику, тональность голоса и другие параметры для выявления несоответствий в допросах; работа с криминалистическими учетами – ИИ способен оперативно

[1] © Денищик А. Ю., 2025.

анализировать базы данных, сопоставлять отпечатки пальцев, изображения и иные сведения [3, с. 141–148.].

Кроме того, не менее значимым для деятельности органов внутренних дел является интеграции ИИ для прогнозирования преступлений на основе анализа криминогенной обстановки и выявления аномалий в поведении потенциальных правонарушителей. Несмотря на очевидные преимущества, вопрос его применения в уголовном процессе столкнулся с рядом проблем. Во-первых, с необъективностью решений, поскольку его технология обучается на больших объемах данных, но может унаследовать системные ошибки или предвзятости. Во-вторых, с правовым вакуумом, образовавшимся из-за отсутствия в уголовно-процессуальном законе регламентации использования ИИ в процессе доказывании по уголовному делу. В-третьих, с непрозрачностью его алгоритмов ввиду сложности интерпретирования решений и трудности их проверки и оценки в процессе исследования. В-четвертых, с риском манипуляций в интересах одной из сторон, когда нарушаются установленные принципы состязательности процесса.

Во избежание перечисленных рисков считаем целесообразным создание четкой правовой базы, регламентирующей порядок и допустимость использования данных, полученных с помощью ИИ в уголовном процессе в качестве полноценного доказательства.

Следует отметить, что в ряде стран уже существуют системы, активно использующие ИИ в деятельности правоохранительных органов. В Китае, например, внедрена система социального рейтинга, основанная на анализе данных о гражданах [5, с. 250–259.]. США и некоторые страны ЕС используют аналитические системы, позволяющие выявлять подозреваемых на основе поведенческих моделей [6, с. 46–49.]. Однако и в этих странах вопрос законности и этичности таких методов остается дискуссионным [7, с. 155–159.].

Таким образом, технология ИИ, с одной стороны, демонстрирует общественную значимость и потенциал повышения эффективности уголовного судопроизводства, в частности процессе доказывания. С другой стороны, его применение требует детального правового регулирования, исключающего возможность ошибок и возможных злоупотреблений одной из сторон в целях достижения преследуемого ими интереса. Невзирая на столь стремительную интеграцию технологии ИИ в повседневную жизнь, важно, чтобы между технологическим прогрессом и защитой прав участников процесса сохранялся баланс.

В связи с этим считаем, что технология ИИ не может подменять должностное лицо, осуществляющее процесс доказывания по уголовному делу, и должна использоваться только как вспомогательный инструмент. Окончательное процессуальное решение принимают уполномоченные лица, руководствуясь принципами законности и справедливости.

Список литературы

1. Карцан И. Н., Нуриев С. А. Использование искусственного интеллекта в бизнес-аналитике // Современные инновации, системы и технологии. 2024. Т. 4. № 3. С. 146–156.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025), статья 74 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Еремеев Д. В. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 141–148.

4. Искусственный интеллект. Detectron. URL: https://blog.studylie.ru/ is-kusstvennyj-intellekt-detectron/.

5. Графов Д. Б. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 250–259.

6. Левина Ю. В. Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в России и за рубежом // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 5 (168). С. 46–49.

7. Стацюк Д. Н. Актуальные проблемы обеспечения прав лиц, участвующих в производстве процессуальных действий в ходе проверки сообщения о преступлении // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (51). С. 155–159.

Жидович А. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Тишутина И. В.*,*
профессор кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Для понимания сущности и содержания криминалистического обеспечения расследования незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в современных реалиях целесообразно обратиться к научным исследованиям прежних лет, проведенным по рассматриваемой проблематике. Справедливо в связи с этим указывает В. А. Талалаев, что «без знания историко-правовых явлений и изучения процесса их развития сложно решать имеющиеся проблемы, совершенствовать законодательство и практику его применения» [1, с. 8].

Криминалистическое обеспечение расследования изучалось в трудах Р. С. Белкина, А. Ф. Волынского, В. А. Волынского, Э. К. Горячева, Т. Ф. Дмитриевой, В. Г. Коломацкого, А. М. Кустова, И. И. Лузгина, А. П. Пацкевича, И. В. Тишутиной и др. [2, с. 64–69; 3–9]. Оно в своем развитии прошло ряд этапов. Анализ специальной литературы позволяет выделить несколько основных точек зрения ученых-криминалистов на его периодизации.

А. М. Кустов выделяет четыре этапа становления теории, связывая их с «периодами становления самой криминалистической науки:

1-й этап (с XI в. и до середины XIX в.) – начало формирования и накопления криминалистической практики (эмпирического материала), уделяется особое внимание тактико-криминалистическому обеспечению;

2-й этап (с 1854 по 1930 г.) – начало приоритетных исследований по использованию знаний сведущих лиц, использование достижений технических и естественных наук, разработка технических приемов и методов регистрации, поиска и отождествления преступников;

3-й этап (с 1931 по 2000 г.) – разработка общей теории криминалистики и внедрение ее в практику, уделяется особое внимание к методико-криминалистическому обеспечению;

[1] © Жидович А. С., 2025.

4-й этап (с 2001 г. по настоящее время) – характеризуется разработкой новых частных теорий и методов познания, а также частных методик расследования преступлений» [8, с. 120]. Аналогичной точки зрения придерживается Л. Р. Гибадулинова [10].

Нам представляется, что позиция авторов в этом вопросе является неоднозначной. Во-первых, в рамках предлагаемых этапов не прослеживается связующая нить со сторонами и особенностями эволюции криминалистического обеспечения; во-вторых, заменив «криминалистическое обеспечение», например, на учение «о криминалистической регистрации» или теорию «криминалистической идентификации», существенных отличий в части отражения и фиксации значимых вех развития этих учений и теорий, отмечено не будет, что свидетельствует не об универсализации подхода, а о его дискуссионности.

В основу второй точки зрения в качестве критерия формирования этапов были положены научные взгляды ученных о понимании сущности и содержания криминалистического обеспечения. Так, А. П. Пацкевич, И. И. Лузгин, Я. А. Черепанова и Чжу Цзиньцзе выделяют:

1-й этап (60-е гг. XX в.) – характеризуется началом пересмотра общетеоретических проблем криминалистики такими учеными, как Р. С. Белкин, В. Г. Коломацкий и Ю. И. Краснобаев;

2-й этап (70-80-е гг. XX в.) – связан с определением криминалистического обеспечения функционирования правоохранительных органов как специфической деятельности в виде технико-криминалистического обеспечения этой деятельности, исследование которого отражено в работах А. Ф. Волынского, Н. П. Яблокова и В. А. Жбанкова;

3-й этап (90-е гг. XX в.) – связан с предложениями российских ученных В. П. Лаврова и А. В. Шмонина о рассмотрении понятия криминалистического обеспечения как вида деятельности правоохранительных органов;

4-й этап (2000-е гг.) – современное развитие, в котором криминалистическое обеспечение рассматривается как важная составляющая деятельности по преодолению противодействия преступности» [11, с. 33; 9; 12].

Сторонником второго подхода также является Т. Ф. Дмитриева, которая, разделяя мнение указанных ученых, полагает оправданным конкретизировать последний этап, разграничив его на два: «четвертый – с 2000 по 2009 г., предполагающий усиление систематического подхода к пониманию криминалистического обеспечения, и пятый – с 2010 г. по настоящее время – современное состояние различных аспектов криминалистического обеспечения» [13, с. 12].

Указанный подход видится наиболее аргументированным, поскольку рамки этапов коррелируют со схожими научными взглядами к пониманию сущности и содержанию криминалистического обеспечения.

Имеются и иные точки зрения. Так, весьма убедительной видится позиция П. А. Кононова, который рассматривает «процесс становления и развития теории криминалистического обеспечения расследования преступлений в Республике Беларусь в рамках двух этапов: первый: советский (1930-е – начало 90-х гг. XX в.); второй: постсоветский (1991 г. – наст. время)» [14, с. 50].

Автор связывает историю становления криминалистического обеспечения с «развитием наук в период существования единого государства как в силу более тесных научных и практических связей, так и общего государственного интереса; с геополитическими изменениями» [14, с. 50].

Отчасти мы солидарны с исторической периодизацией П. А. Кононова, однако, по нашему мнению, указанный подход крайне обобщен и требует детализации. Поскольку, во-первых, спорным видится суждение, что постсоветский период длится по настоящее время. Несомненно, советское наследие в некоторой степени присутствует в различных сферах общества, в науках уголовно-правового цикла, в том числе и криминалистике. Однако геополитические процессы, развитие НТП, возникновение и становление научных школ, изменения уголовно-правового характера и многое другое свидетельствует о наличии нового этапа – современного. Во-вторых, не в полной мере автор раскрывает существенные и значимые процессы развития криминалистического обеспечения, которому, как и любой области научного знания, свойственны периоды становления и эволюции: после приобретения отчетливой и ясной формы в глубине имеющихся наук компонентов, зерен новоявленной теории, наступает упорядочивание и структурирование полученной информации. Создается теория, представляющая концептуальное значение как совокупность базовых положений этой области научных знаний и обобщений практической деятельности, отображающих современные реалии [15, с. 10].

С учетом рассмотренных точек зрения представляется целесообразным определить периодизацию формирования и развития криминалистического обеспечения расследования преступлений в Республике Беларусь следующим образом:

1) *первый этап*: советский (1930-е – начало 90-х гг. XX в.):

2) *второй этап*: постсоветский (1991 –1999 гг.);

3) *третий этап*: современный (2000-е гг. – наст. время).

Предложенный нами подход видится обоснованным, поскольку отражает специфику и содержание криминалистического обеспечения расследования преступлений сквозь призму развития права и становления белорусской государственности в рассматриваемый период. Понимается, что этапы криминалистического обеспечения расследования преступлений «…так или иначе связаны: с развитием государства, права, властных структур правопорядка; с жизнью структурных подразделений (кафедр) вузов; с появлением значимых научных трудов, периодических изданий, учебников по криминалистике; с возникновением и деятельностью научно-исследовательских учреждений криминалистики и судебных экспертиз; с научной деятельностью ученых-криминалистов…» [16].

Представляется, что изучение вопросов развития и становления криминалистического обеспечения в рамках предложенной периодизации, будет способствовать полному и качественному исследованию имеющихся проблем с учетом современных условий по рассматриваемой проблематике, а на их основе – и выработке действенных рекомендаций в целях улучшения результативности расследования незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Список литературы

1. Талалаев В. А. Криминалистическое обеспечение расследования хищений оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ : монография. Минск : Военная академия Республики Беларусь, 2009.

2. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / [Т. В. Аверьянова и др.] ; под. ред. Т. В. Аверьяновой и Р. С. Белкина ; Министерство внутренних дел Российской Федерации, Академия МВД России. М. : Новый Юрист, 1997.

3. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учебной пособие Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016.

4. Волынский В. А. криминалистическая техника: наука, техника, общество, человек М. : Юнити-Дана, 2000.

5. Горячев Э. К., Тишутина И. В. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений : монография. М. : Юрлитинформ», 2006.

6. Дмитриева Т. Ф. Тактико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия. Витебск : Витебский государственный университет, 2013.

7. Криминалистика : учебник для вузов МВД : в 3 т. Т. 1 : История, общая и частные теории / [Т. В. Аверьянова и др.] ; под ред. Р. С. Белкина и др. М. : Академия МВД России, 1995.

8. Кустов А. М. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений экстремистской направленности // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы : сборник статей международной научно-практической конференции. Москва, 30 октября 2019 г. М., 2019. С. 119–127.

9. Пацкевич А. П., Лузгин И. И. К вопросу о дефиниции «криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений» Вестник Полоцкого государственного университета. 2012. № 13. С. 195–199.

10. Гибадулинова Л. Р., Кустов А. М. Значение криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов и прокуроров уголовного судопроизводства // Успехи в химии и химической технологии. 2014. № 7 (156). С. 124–126.

11. Чжу Цзиньцзе. Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений в Республике Беларусь и Китайской народной Республике: специальность 12.00.12 «Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность»: дис. … канд. юрид. наук. Минск. 2014.

12. Черепанова Я. А. Исторические этапы развития криминалистического обеспечения в правоохранительной деятельности // Тезисы докладов XV межвузовской научной конференции молодых ученых. Минск. 19 апреля 2012 г. Минск : ГИУСТ БГУ, 2012. С. 209-210.

13. Дмитриева Т. Ф. Генезис понятия криминалистического обеспечения осмотра места происшествия // Право. Экономика. Психология. 2016. № 2 (5). С. 9–17.

14. Кононов П. А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта (по материалам Республики Беларусь) : дис. … канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023.

15. Белкин Р. С. Курск криминалистики : учебное пособие для вузов. 3-е изд., доп. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2001

16. Мухин Г. Н. Исторические аспекты развития представлений о предмете криминалистики // Вестник Гродненского государственного университета имени Я.Купалы. 2010. № 2 (99). С. 75–81.

Киселева А. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

«ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ В ИСХОДЕ ДЕЛА» ИЛИ ОТГОЛОСКИ ФОРМАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: НАЗАД В ПРОШЛОЕ

Современный уголовный процесс России во многом основан на принципах, заложенных Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., который предопределил вектор его развития и заложил фундамент для построения целостной уголовно-процессуальной системы. Одним из фундаментальных принципов с тех пор является принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, который пришел на смену господствовавшей ранее формальной оценке.

Уголовно-процессуальное доказывание – основное содержание уголовного судопроизводства, его построение предопределяет историческую модель уголовного процесса. Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. инквизиционная модель российского судопроизводства была заменена смешанной моделью, а формальная оценка доказательств канула в небытие вместе со сломом средневекового инквизиционного уголовного процесса.

Свободная оценка доказательств не означает, что доказательства оцениваются вне всяких правил. Законодатель устанавливает критерии оценки доказательств по внутреннему убеждению субъекта доказывания, который руководствуется при этом законом и совестью, оценивая доказательства по всей их совокупности (ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК). Закон не определяет ценность того или иного доказательства, требования к которым ограничены лишь надлежащей процессуальной формой. Сведения могут быть почерпнуты из любых не запрещенных законом источников, все доказательства по доказательственной силе равны и никакие из них не имеют предустановленной силы [1, с. 436].

Казалось бы, с момента приобретения свободной оценкой доказательств господствующего положения субъект доказывания перестал быть связанным какими-либо формальными ограничениями, не позволяющими использовать порой весьма ценную для расследования информацию. Это большое достижение для российского судопроизводства, позволяющее использовать в доказывании необходимый массив информации – сведения, обладающие свойствами относимости и допустимости.

Несмотря на то что законодатель, наконец, поверил в субъекта доказывания, доверил ему самостоятельно определять доброкачественность того или иного доказательства и возможность его использования в доказывании, сам суд стал последовательно формировать определенные шаблоны, которые на деле сводят уголовно-процессуальное доказывание к основным положениям формальной оценки.

На протяжении нескольких десятилетий в теории и правоприменительной практике дискуссионен вопрос о пределах использования в доказывании свиде-

[1] © Киселева А. А., 2025.

тельских показаний сотрудников правоохранительных органов. Некоторое время серьезных вопросов к априорной характеристике таких доказательств не возникало, их оценка происходила по общим правилам наравне с другими доказательствами. Ситуация стала резко меняться после высказанной Конституционным судом Российской Федерации (далее – Конституционный суд) позиции, которой впервые был поднят вопрос о запрете допроса следователя (дознавателя) и которая послужила основанием для разворота доказательственных положений вновь в сторону формальной оценки.

Конституционный суд указал на запрет допроса следователя (дознавателя) с целью восстановления недопустимых показаний подозреваемого (обвиняемого) [2]. Обозначенная позиция, подкрепленная иными решениями Конституционного суда [3], расширяющими ее пределы, послужила импульсом для обострения научных дискуссий и стала основой для формирования тенденций в судебной практике, состоящих в отношении к свидетельским показаниям сотрудников правоохранительных органов как к менее совершенным и непригодным для использования. Такое отношение прослеживается в основном к показаниям данных лиц относительно сведений, ставших им известными от иных участников процесса при исполнении служебных функций. Вне зависимости от того, в каком правовом режиме получены сведения от обвиняемого (подозреваемого, преследуемого), их ретрансляция путем допроса должностных лиц стала признаваться недопустимой (даже в случаях, не охваченных разъяснениями Конституционного суда, полученных, например, в ходе беседы [4]).

Согласимся, что недопустимые доказательства нельзя использовать в доказывании. Принимаем и случаи признания недопустимыми показаний должностных лиц относительно воспринятых от преследуемого лица изобличительных сведений в ситуациях, когда последний должен быть обеспечен уголовно-процессуальными гарантиями (право на квалифицированную юридическую помощь и право не свидетельствовать против себя (ст.ст. 48, 50 Конституции Российской Федерации). Однако трудно согласиться с абсолютным запретом на использование любых показаний сотрудников правоохранительных органов о воспринятых вербальных сведениях от преследуемого лица в порядке, не противоречащем закону, в обстановке, не требующей специальных процессуальных гарантий.

Отметим, что аналогичные показания лиц, не являющихся сотрудниками правоохранительных органов, признаются судами допустимыми и по формальным критериям не оспариваются стороной защиты [5]. Особое отношение к сотрудникам правоохранительных органов свидетельствует о проявлении изначального к ним недоверия. Здесь отсутствует основание в виде познавательных закономерностей, а в основе сформированной порочной практики – предубеждение к показаниям должностных лиц, выражающееся в оценке их показаний как неблагонадежных, якобы ввиду служебной заинтересованности и обвинительном уклоне. Это фактически свидетельствует о процессуальной дискриминации по признаку профессии [6, с. 76].

Разросшиеся до неразумных пределов установленные Конституционным судом ограничения превращаются в положения, дискредитирующие суть оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Подход, состоящий в отказе от использования в доказывании практически любой сообщенной сотрудниками правоохранительных органов информации (зачастую весьма ценной), свидетельствует о привлекательности для правоприменителя средневековой теории формальных доказательств, снимая с него часть ответственности за самостоятельную оценку доказательств по внутреннему убеждению.

Полагаем, что существует опасность дальнейшего расширения пределов формального подхода к оценке производных показаний лиц, получивших какую-либо информацию от подозреваемого, обвиняемого или лица, подвергающегося уголовному преследованию иным образом. К числу недопустимых доказательств могут быть отнесены и показания лиц, не являющихся сотрудниками правоохранительных органов, по той лишь формальной причине, что преследуемому лицу не было разъяснено право хранить молчание и не свидетельствовать против самого себя.

Свобода оценки доказательств, которая сегодня лежит в основе отечественного уголовного процесса, прежде всего, заключается в недопустимости отношения к каким-либо доказательствам как имеющим заранее установленную силу [7, с. 106].

Отступление от этого правила – нарушение закона, с которым следует бороться, а не симулировать необоснованной трактовкой правовых позиций Конституционного суда.

Список литературы

1. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л. В. Головко. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2021.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2005 г. № 473-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Корчагина А. Ю. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 5-УД19-22 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2022 № 48-УД22-44-А2 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Кальницкий В. В. Участие сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации в судебном разбирательстве // Законодательство и практика. 2020. № 1. С. 277-278.

7. Победкин А. В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 104–107.

Кияева Е. Ю.[1],
эксперт ЭКЦ УВД по САО
ГУ МВД России по г. Москве,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сумин А. А.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ИССЛЕДОВАНИИ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Использование специалистом технических средств при исследовании материалов уголовного дела представляет собой важный аспект современного уголовного судопроизводства [1]. В соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист определяется как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела.

В нынешних условиях специалист может применять широкий спектр технических средств при исследовании материалов уголовного дела, включая:

1) инструменты фиксации (фото-, видео- и аудиоаппаратура);
2) поисковое оборудование (металлоискатели, георадары, эндоскопы);
3) измерительные устройства (дальномеры, спектрометры, хроматографы);
4) вычислительная техника и специализированное программное обеспечение;
5) оборудование для проведения предварительных исследований (микроскопы, ультрафиолетовые осветители и т. д.).

В контексте развития цифровых технологий особую актуальность приобретает вопрос о применении специалистом искусственного интеллекта и нейросетей при исследовании материалов уголовного дела. Перспективным направлением является использование алгоритмов нейросетей в моделировании и предсказании преступлений. Однако применение таких технологий требует тщательной правовой регламентации и разработки соответствующих методик [2].

Важным аспектом применения технических средств специалистом является обеспечение сохранности и целостности цифровых доказательств. В связи с этим актуальным становится вопрос о правильном изъятии и хранении электронных носителей информации. Современные исследователи предлагают раз-

[1] © Кияева Е. Ю., 2025.

работать специальные протоколы обращения с цифровыми доказательствами [4].

В условиях стремительного развития информационных технологий и их широкого использования в преступной деятельности компьютерно-техническая экспертиза становится незаменимым инструментом для раскрытия и расследования многих видов преступлений. Она позволяет извлекать и анализировать цифровые следы, оставленные преступниками, восстанавливать удаленные данные, исследовать вредоносное программное обеспечение и многое другое.

Однако применение технических средств и методов в рамках компьютерно-технической экспертизы должно осуществляться с неукоснительным соблюдением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Это требование вытекает из конституционных гарантий прав граждан и принципов уголовного процесса.

Необходимо соблюдать тонкий баланс между эффективностью расследования и защитой конституционных прав граждан при использовании технических средств. С одной стороны, применение современных технологий позволяет значительно повысить результативность следственных действий и качество получаемых доказательств. С другой стороны, неконтролируемое и чрезмерное использование технических средств может привести к нарушению права на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и других фундаментальных прав личности.

Для соблюдения этого баланса необходимо четкое нормативное регулирование порядка проведения компьютерно-технических экспертиз, определение допустимых пределов вмешательства в частную жизнь граждан, а также установление процедур судебного контроля за действиями следователей и экспертов. Важно также обеспечить прозрачность и возможность оспаривания результатов экспертизы стороной защиты.

В условиях цифровизации уголовного судопроизводства возрастает роль IT-следователей и специалистов, способных эффективно работать с цифровыми доказательствами. Современный специалист должен уметь работать с большими данными, анализировать экспертные заключения по результатам проведения компьютерно-технических экспертиз любой сложности, широко применять электронные документы.

Компьютерно-техническая экспертиза играет исключительно важную роль в современном уголовном судопроизводстве. Ее основная задача заключается в получении ответов на вопросы, требующие специальных познаний в области компьютерной криминалистики, включая знания о методах поиска, закрепления и исследования цифровых доказательств по преступлениям, связанным с компьютерной информацией [3].

Особое значение имеет соблюдение принципа законности при сборе цифровых доказательств. Все действия по изъятию и исследованию компьютерной информации должны осуществляться в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства. Недопустимо использование нелегальных методов получения доступа к информации или применение непроверенных инструментов анализа данных [5].

Важным аспектом является также обеспечение сохранности и целостности цифровых доказательств в процессе их изъятия, хранения и исследования. Необходимо применять специальные криминалистические методики и технические средства, позволяющие создавать точные копии данных без внесения каких-либо изменений в оригинальные носители информации.

При проведении компьютерно-технической экспертизы следует учитывать и этические аспекты. Эксперты должны руководствоваться не только формальными требованиями закона, но и общими принципами справедливости и гуманности. Недопустимо использование результатов экспертизы для оказания давления на подозреваемых или обвиняемых, разглашения конфиденциальной информации, не имеющей отношения к расследуемому делу.

Таким образом, компьютерно-техническая экспертиза, являясь мощным инструментом расследования преступлений в цифровую эпоху, требует взвешенного и ответственного подхода. Только при соблюдении баланса между эффективностью расследования и защитой прав граждан она может в полной мере служить целям правосудия, способствуя установлению истины по уголовным делам и обеспечению законности в сфере информационных технологий.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: применение специалистом технических средств при исследовании материалов уголовного дела является важным фактором повышения эффективности и объективности расследования преступлений в современных условиях. Требуется разработка специальных методик и протоколов обращения с цифровыми доказательствами для обеспечения их сохранности и целостности.

Для решения выявленных проблем предлагается:

1) внести дополнения в УПК РФ, регламентирующие порядок применения современных цифровых технологий специалистом при исследовании материалов уголовного дела;

2) разработать и утвердить на ведомственном уровне методические рекомендации по применению специалистом технических средств, включая новейшие цифровые технологии;

3) организовать систематическое повышение квалификации специалистов в области применения современных технических средств и информационных технологий в уголовном судопроизводстве;

4) создать единую информационную систему для хранения и обработки цифровых доказательств, обеспечивающую их сохранность и аутентичность;

5) разработать стандарты и протоколы применения искусственного интеллекта и нейросетей в уголовном судопроизводстве с учетом соблюдения прав и законных интересов участников процесса.

Реализация данных предложений позволит повысить эффективность применения специалистом технических средств при исследовании материалов уголовного дела, что в конечном итоге будет способствовать более качественному и объективному расследованию преступлений в условиях цифровизации общества.

Список литературы

1. Ревенко Я. Д. О применении специалистом технических средств в исследовании материалов уголовного дела // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 18 (194). С. 56–59.

2. Федюнин А. Е., Перетятько Н. М. Нейросети как инструмент раскрытия преступлений в условиях цифровой трансформации общества // Цифровая трансформация социальных и экономических систем : материалы международной научно-практической конференции, Москва, 26 января 2024 г. М. : Московский университет имени С.Ю. Витте, 2024. С. 629–638.

3. Хахина А. М., Ермолаева А. С., Молодых Е. И. Инновационные технические средства и оборудование в решении экспертных задач судебной компьютерно-технической экспертизы // Вопросы российского и международного права. 2022.Т. 12, № 6А. С. 218–224.

4. Эксархопуло А.А. Роль судебной компьютерно-технической экспертизы на примере уголовного дела о покушении на сбыт наркотиков. URL: https://zaleshin.ru/law-articles/narkotik-ekspertiza.

5. Яковлева К. Ю. К вопросу о собирании доказательств, содержащих электронную информацию в социальных сетях, в уголовном процессе // Закон и право. 2022. № 12. С. 253–256.

Коновалова Е. А.[1]*,*
старший следователь
по особо важным делам
СЧ по РОПД Следственного Управления
УМВД России по Тверской области,
адъюнкт кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ СОХРАНЕНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В научном сообществе не прекращается поиск способа реформирования досудебного производства в связи недостаточной эффективностью деятельности должностных лиц на данном этапе уголовного судопроизводства.

В современной России наблюдается рост удельного веса возвращенных прокурору уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ от общего числа рассмотренных уголовных дел, который согласно статистике Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации составил в 2018 г. 1,22 %, в 2019 г. – 1,59 %, в 2020 г. – 1,88 %, в 2021 г. – 1,78 %, в 2022 г. – 1,79 %.[1]

К причинам низкой эффективности следственного аппарата можно отнести низкую квалификацию сотрудников, отсутствие опыта работы, существенная текучка кадров в данной сфере и многое другое. Качество предварительного расследования имеет тенденцию к ухудшению, а современное состояние досудебного производства не отвечает вопросам борьбы с преступностью, что говорит о необходимости его реформирования, при этом взгляды ученых на данный процесс кардинально расходятся.

Активным сторонником исключения стадии возбуждения уголовного дела из уголовного процесса Российской Федерации следует считать профессора Б. Я. Гаврилова, который не только достаточно часто публично высказывал свое мнение по данному вопросу, но и реализовывал свою правовую позицию через учеников, защитивших диссертационные исследования по данному вопросу (например, В. В. Кожокарь [2, с. 20]). В обоснование своей позиции авторы приводят достаточно обоснованные аргументы, в том числе указывая, «что право отказывать в возбуждении уголовного дела влечет за собой ряд негативных факторов: решения органов расследования об отказе возбуждения уголовного дела ограничивают конституционное право граждан на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением вреда, эти решения непосредственно нарушают уголовно-процессуальный закон, поскольку от 20 до 40 % таких решений прокурорами ежегодно признаются незаконными, необоснованными и отменяются» [3, с. 18].

Разделяют правовую позицию профессора Гаврилова и многие видные ученые-процессуалисты: С. И. Гирько [4, с. 16], Ю. В. Деришев [5, с. 34], И. С. Ди-

[1] © Коновалова Е. А., 2025.

карев и А. П. Кругликов [6, с. 341], А. В. Победкин и В. Н. Яшин [7, с. 140], И. Л. Петрухин [8, с. 64], А. А. Усачев [9, с. 72], В. В. Гордиенко [10, с. 16]. Однако утверждать, что подобная позиция преобладает в научной среде, было бы неверно, поскольку есть и такие авторы, которые придерживаются противоположенного мнения. Такие авторы, как О. В. Хитрова [11, с. 10], В. М. Быков [12, с. 54], В. С. Шадрин [13, с. 719], А. В. Красильников [14, с. 53], Н. С. Алексеев, В. Г. Даев и Л. Д. Кокорев [15] в своих работах указывают на важность и нужность сохранения такой стадии уголовного процесса, как возбуждение уголовного дела.

Мы полагаем, что стадию возбуждения уголовного дела необходимо сохранить. В качестве аргумента следует сказать о некоторых аргументах в ее пользу. Бесспорным следует считать тот факт, что первый этап уголовного судопроизводства выполняет функцию своеобразного фильтра, при помощи которого заявления о преступлении проходят проверку на достоверность изложенной информации и на обнаружение признаков преступления, если они действительно имеют место. Интересно отметить, что если обратиться к официальной статистике Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2016 г., то увидим, что из 2 494 172 отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела возбуждено только 183 646 уголовных дел, что составляет 7,3 % от отмененных прокурором постановлений, а от общего числа отказных материалов (6,7 млн) – 2,7 % [16]. Аналогичное процентное соотношение с небольшими колебаниями сохраняется на протяжении 2017–2022 гг. То есть из всех вынесенных решений об отказе в возбуждении уголовного дела неправомерно или преждевременно приняты только 2,7 %. На наш взгляд, это допустимая погрешность, так как срок проверки по сообщению о преступлении ограничен и не может превышать 30 суток, хотя для качественной проверки, особенно по материалам экономической направленности (где одна только бухгалтерская экспертиза может проводиться более 6 месяцев), требуется более длительный срок.

Нельзя также не обращать внимание на тот факт, что не ведется статистика и затруднительно показать в цифрах количество прекращенных уголовных дел, возбужденных из отказных материалов по указанию прокурора. Здесь отчетливо видно несовершенство оценки работы правоохранительных органов, когда возбуждение уголовного дела из отказного материала является положительным показателем прокуратуры и одновременно отрицательным для следственных подразделений системы МВД России.

Проблема также заключается в том, что прекращение уголовного дела, вне зависимости от того, возбуждалось ли оно из отказного материала по указанию прокурора или нет, является статистикой, отрицательно характеризующей деятельность органов расследования системы МВД России. Поэтому дела не прекращаются, а приостанавливаются.

Уверены, что отдельные ошибки в деятельности должностных лиц имеют место при проверке сообщения о преступления. Однако это не может рассматриваться как необходимость исключения стадии возбуждения уголовного дела из системы уголовного судопроизводства. Ликвидация этой стадии приведет к увеличению количества прекращенных уголовных дел, в том числе и по реа-

билитирующим основаниям. Как быть с правами реабилитированного лица на возмещение ущерба, в том числе материального характера? Готов ли наш законодатель, бюджет страны к выплате денежных сумм только за то, что «поспешили» с возбуждением уголовного дела, с началом уголовного преследования?

В качестве примера приведем дело «Ананьев и другие против Российской Федерации» [17] и «Щербаков против Российской Федерации» [18], где Европейский суд по правам человека, присудил заявителям значительные суммы компенсации морального вреда – от 2000 до 18 000 евро, что составляло 80 000 до 720 000 руб. – при среднемесячной зарплате в стране 26 440 руб.

В этом аспекте исключение стадии возбуждения уголовных дел по каждому поступившему сообщению о преступлении следует рассматривать не только с точки зрения аргументации в поддержку этого решения, но одновременно с предложениями целого комплекса мер правового характера, направленных на обеспечение прав граждан для устранения последствий, связанных с увеличением случаев прекращения уголовного производства. Однако подобных предложений мы не нашли в специальной литературе. В таком аспекте постановки проблемы стадия возбуждения уголовного дела представляется нам единственным и оптимальным средством, которое способно ограничить необоснованные решения о возбуждении уголовного дела, препятствовать поспешным выводам о наличии признаков преступлений в обстоятельствах, которые требуют уточнения и дополнительной проверки и могут граничить с гражданско-правовыми или административно-правовыми действиями.

Факт того, что законодатель неоднократно обращается к вопросам совершенствования правового регулирования деятельности на этапе проверки сообщения о преступлении, свидетельствует о том, что перспектива ее сохранения имеется. Дело не только в расширении полномочий должностных лиц в рамках процессуальной деятельности на данном этапе, но и в установлении процессуального статуса лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства при проверке сообщения о преступлении (п. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Законодатель изменил правила проведения доследственной проверки и, совершенствуя ст. 144 УПК РФ, расширил перечень следственных действий, которые могут производиться до возбуждения уголовного дела. Однако следует отметить, что и в этом направлении очевидны недоработки правового регулирования деятельности по проверке сообщения о преступлении. Например, достаточно указать на право производства изъятия документов и предметов в порядке, установленном УПК РФ. Очевидно, что в УПК РФ нет такого следственного действия, как изъятие. Но почему-то неудачность избранного термина стала очевидной только при правоприменении. Безусловно, уместнее было бы говорить о праве на выемку до возбуждения уголовного дела. Допущенная некорректность с термином вызывает проблемы в правоприменительной практике и вынуждает субъектов проверки сообщения о преступления изыскивать законные процессуальные действия для изъятия предметов или документов. О каком единообразии правоприменительной практики может идти речь, когда сам законодатель не может четко определить полномочие должностного лица? Соответственно в ряде регионов составляется протокол изъя-

тия, а в ряде – протокол выемки. Данный пример свидетельствует о совершенствовании механизма законодательной техники, о выверенности терминов и понятий, используемых в формировании правовых требований. Однако это ни в коей мере не умаляет значимость первого этапа уголовного процесса.

В данной статье мы попытались сформулировать и привести дополнительные аргументы в пользу позиции сохранения стадии возбуждения уголовного дела. Надеемся, что при принятии окончательного решения по рассматриваемому вопросу законодатель учтет и наше мнение.

Список литературы

1. Судебный департамент при верховном суде Российской Федерации данные статистики. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

2. Кожокарь В. В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 20–23.

3. Гаврилов Б. Я. Концепция начала производства по уголовному делу: законодательные мифы и реалии правоприменения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-nachala-proizvodstva-po-ugolovnomu-delu-zakonodatelnye-mify-i-realii-pravoprimeneniya.

4. Гирько С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15. С. 16.

5. Деришев Ю. В. Стадия возбуждения уголовного дела - реликт «социалистической» законности // Российская юстиция. 2003. № 8. С.34.

6. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела : монография / [И. С. Дикарев и др.]. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 341–368.

7. Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. С. 140.

8. Петрухин И. Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2005. № 1. С. 64–70.

9. Арсеньев Б. Я. Возбуждение уголовного дела // Настольная книга следователя / под общ. ред. Г. Н. Сафонова. М., 1949. С. 72.

10. Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Настольная книга следователя… С. 5.

11. Хитрова О. В. Начало уголовного процесса: научные концепции и перспективы правового регулирования // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 2 ч. М. : Академия управления МВД России, 2012. Ч. 2. С.10–15.

12. Быков В. М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 54.

13. Шадрин В. С. Начальная фаза уголовного процесса: от Устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 719–721.

14. Красильников А. В. К вопросу о содержании стадии возбуждения уголовного дела // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 53–57.

15. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 168.

16. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/.

17. Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 января 2012 г. Дело «Ананьев и другие против России» [Ananyev and Others vs. Russia] (жалобы №№ 42525/07 и 60800/08) (I Секция). URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70114844/.

18. Постановление ЕСПЧ от 17.06.2010 «Дело «Щербаков (Shcherbakov) против Российской Федерации» (жалоба № 23939/02) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=179959#OyiI5oSe46bQySpm.

Кузовлева М. А.[1]*,*
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Золочевская Л. С.,
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИЕЙ ПОЛОЖЕНИЙ СТ.СТ. 91, 92 УПК РФ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Конституцией Российской Федерацией каждому гражданину страны гарантировано право на свободу и личную неприкосновенность, независимо от национальности, пола, расы, возраста и идеологии [1]. В соответствии с этим приоритетной задачей государства является охрана прав и свобод граждан при осуществлении предварительного расследования, достижение которой осуществляется с помощью комплекса законодательных и правоприменительных мер.

Следовательно, охрана прав и свобод граждан, а также осуществление предварительного расследования в рамках закона – приоритетная задача государства, достижение которой возможно с помощью реализации комплекса законодательных и правоприменительных мер.

Следователь, как должностное лицо, уполномоченное проводить расследование по уголовным делам своей подследственности, наделено законодателем правом ограничивать отдельные конституционные права граждан в интересах следствия. Одной из разновидностей подобного ограничения является мера процессуального принуждения – задержание лица в порядке ст.ст 91, 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2]. Само по себе задержание можно рассматривать в двух формах – задержание физическое (фактический захват) и задержание процессуальное (юридическое оформление).

Физическое задержание лица представляет собой комплекс действий, направленных на подавление воли лица и его способности к сопротивлению, путем применения к последнему физической силы, специальных средств, а в отдельных случаях и огнестрельного оружия, с целью пресечения преступной деятельности лица и его доставления в органы предварительного следствия или в орган дознания для организации проведения следственных действий в интересах расследования уголовного дела. В некоторых случаях, данный вид задержания регламентируется Федеральным законом № 3 «О полиции» [3].

---

[1] © Кузовлева М. А., 2025.

Процессуальное задержание лица – вид деятельности следователя, направленный на выполнение требований ст.ст. 91, 92 УПК РФ путем оформления соответствующего протокола задержания и последующего допроса лица в качестве подозреваемого. А данный вид деятельности регламентируется уже уголовно-процессуальным законом Российской Федерации.

Очевидно, что процесс физического и процессуального задержания разнесены между собой по времени, и именно в разнице во времени кроется первая проблема, существующая на практике. Так, согласно ст. 92 УПК РФ после доставления подозреваемого к следователю в срок не позднее трех часов должен быть составлен протокол задержания. При этом следует учитывать так же и положение ст. 27.3 КоАП РФ, согласно которой срок административного задержания (а именно в этом порядке зачастую лица задерживаются и доставляются в отделы полиции) не должен превышать трех часов с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. Соответственно, получается ситуация, при которой на доставление лица в отдел и оформление протокола задержания есть всего шесть часов. С одной стороны, это достаточно длительный срок, однако, если учитывать, что зачастую органы дознания (сотрудники ОУР) документарно не оформляют процедуру доставления такого лица в территориальный орган внутренних дел, то, соответственно, срок может увеличиваться еще на несколько часов.

Так, исходя из соображений соблюдения прав и законных интересов задерживаемого лица, срок его фактического задержания зачастую не совпадает со временем задержания, отраженного в протоколе задержания, что является грубым нарушением его прав. Важность правильной фиксации времени задержания необходима в первую очередь для того, чтобы правильно отсчитать 48 часов (до момента избрания в отношении задержанного меры пресечения судом), которые законодатель предоставляет сотрудникам органа предварительного расследования для выхода в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста. Установленный срок фактического задержания подозреваемого лица является фундаментальным для последующего производства по уголовному делу. Однако ученые и правоприменители по-разному полагают, входит ли в срок процессуального задержания период времени от физического захвата лица до его процессуального оформления.

Так, по мнению Р. С. Абдурахманова, если задержание переросло в уголовно процессуальное, то срок (48 часов) будет исчисляться с момента фактического (физического) задержания, однако в ином случае срок с этого момента исчисляться не будет [4]. О. И. Цоколова полагает, что срок задержания должен исчисляться с момента доставления подозреваемого к следователю [5]. А вот Е. А. Семенов и Л. С. Золочевская полагают, что момент фактического задержания соответствует фактическому моменту лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления [6].

Однако мы полагаем, что срок задержания является точкой отсчета для всех последующих процессуальных действий [7], поэтому его необходимо исчислять с момента физического (фактического) захвата лица.

По нашему мнению, данная проблема может быть решена путем ужесточения прокурорского надзора за оперативно-разыскной деятельностью, а именно за фиксацией времени реального задержания лица и временем его доставления в территориальный орган внутренних дел.

Если говорить о сроках задержания лица, то стоит отметить и другую, противоположную проблему. Согласно ст.ст. 91, 92 УПК РФ срок задержания лица не может превышать 48 часов. После задержания лицо обязательно должно быть допрошено в качестве подозреваемого. В следственной практике сложился также алгоритм, согласно которому после задержания лица ему также предъявляют обвинение в первоначальной редакции и, соответственно, допрашивают в качестве обвиняемого, после чего следователю надлежит собрать необходимые материалы для предоставления суду вместе с ходатайством об избрании той или иной меры пресечения. В некоторых следственных подразделениях текст ходатайства об избрании меры пресечения на практике согласуется не только с непосредственным руководителем подразделения, но и с надзирающим прокурором, что, естественно, требует существенных затрат времени, которое и без того ограничено законодательно.

По нашему мнению, целесообразно увеличить срок возможного задержания лица до 72 часов по решению следственных органов. Такое новшество позволит решить одновременно несколько задач.

Во-первых, у следственных органов появится больше времени на сбор материалов, подтверждающих необходимость избрания в отношении лица меры пресечения, связанной с ограничением свободы, что в свою очередь позволит полнее собирать указанные сведения.

Во-вторых, предоставление следственным органам дополнительных 24 часов позволит разгрузить суды, которые и принимают окончательное решение в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого.

В-третьих, предоставление дополнительного времени органам предварительного следствия позволит узаконить время нахождения лица в территориальном органе внутренних дел, которое он и без того проводит там в состоянии неопределенности.

Следующей неочевидной проблемой, с которой сталкиваются сотрудники органов предварительного следствия при задержании лица и последующем выходе с ходатайством об избрании в отношении такого лица меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнем аресте, – необходимость подробного сбора характеризующего материала. На практике достаточно часто игнорируется требование закона о полном сборе характеризующих сведений о лице, ограничиваются лишь получением справок от участковых и оперативных сотрудников.

Однако если мы обратимся к Постановлению Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» [8], то увидим целый перечень медицинских противопоказаний к содержанию лиц в следственных изоляторах. Соответственно, при сборе характеризующего материала

о личности задержанного времени на истребование справок из медицинских учреждений попросту нет, а соответственно, они не предоставляются в суд.

По нашему мнению, это является существенным упущением, поскольку подобные сведения могут повлиять на принимаемое судом решение. Решение данной проблемы видится в создании единой цифровой базы МВД и Минздрава, по аналогии с базами данных ОСК, ГИАЦ и ИЦ, где при введении паспортных данных будет предоставляться выписка о наличии у лица хронических заболеваний, что в свою очередь позволит решить несколько задач в рамках предварительного следствия:

1) обеспечит полноту сбора материала, предоставляемого следователями в суд для решения вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

2) даст возможность следователю еще на этапе возбуждения уголовного дела получить исчерпывающую характеристику личности подозреваемого, что в свою очередь позволит принять в случае необходимости меры предосторожности, если будет установлено, что лицо страдает опасными инфекционными заболеваниями, либо же спланировать ход расследования с учетом имеющихся у лица психических нарушений (установится необходимость проведения судебно-психиатрических экспертиз).

Еще одной проблемой, с которой может столкнуться следователь при задержании лица и последующем выходе в суд с ходатайством о применении к лицу соответствующей меры пресечения, является организация доставки лица из ИВС (изолятора временного содержания) в суд. На практике ИВС находятся за пределами территориального органа внутренних дел, и передача требования о вывозе лица в суд после назначения времени заседания требует от следователя личного визита в ИВС, что также требует времени, необходимого на подготовку к заседанию. Данная проблема может быть решена, к примеру, путем внедрения цифровой системы оповещения конвоя судами о грядущем заседании с участием лица находящегося на ИВС. Тогда со следователя будут сняты задачи по оповещению конвойной роты, а суд сможет своевременно извещать конвой о необходимости вывоза человека в суд.

Подводя итог проведенному исследованию, мы можем отметить, что деятельность следователя по задержанию лиц, совершивших преступление, является неотъемлемой частью работы по расследованию уголовных дел. При этом данный вид деятельности не лишен ряда проблем, решение которых позволит в значительной степени повысить эффективность работы следователя, а также существенно снизить нагрузку с других подразделений и ведомств, непосредственно и опосредованно связанных с задержанием лица.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосование 12 декабря 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: htttps//www.consultant.ru/.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Российская газета. 2001. № 249.

3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.

4. Абдрахманов Р. С. Проблемы законодательного регулирования уголовно-процессуального задержания : лекция. М. : РГУП, 2017.

5. Цоколова О. И. Фактическое задержание // Законность. 2006. № 3. С. 26.

6. Семенов Е. А., Золочевская Л. С. Задержание: как исчислять срок и что писать в протоколе // Уголовный процесс. 2019. № 2 (170). С. 117–123.

7. Золочевская Л. С. Процессуальные проблемы при оформлении задержания подозреваемого // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. № 1 (1). С. 230–235.

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3«О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109436/.

Макаров Д. А.[1]*,*
соискатель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

СУДЬБА ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ИМЕЮЩИХ КУЛЬТУРНУЮ ЦЕННОСТЬ, ПРИ ОКОНЧАНИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Под культурными ценностями в контексте объектов уголовно-правовой охраны и признания их вещественными доказательствами по уголовному делу в Российской Федерации предлагается понимать движимые и недвижимые предметы, обладающие признаками уникальности, значимости, оригинальности, историзма, признанными в установленном законодательством порядке, имеющие историческое, художественно, научное или культурное значение для общества, вне зависимости от их происхождения как по времени, так и по месту, а также возникшие в результате природных действий или являющиеся результатом человеческой деятельности.

Неправильное применение норм уголовно-процессуального права, регламентирующих вещественные доказательства, может являться основанием для отмены итоговых судебных решений, в том числе, когда идет речь об игнорировании требований по установлению собственника вещественного доказательства [3, с. 30–35]. По итогам рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях, связанных с хищением культурных ценностей (ст. 164 УК РФ) вещественные доказательства возвращаются законном владельцу, где в качестве такового выступают физические лица (частные лица) [11] либо государство в лице своих органов (к примеру, Федеральное казенное учреждение «Российский государственный военно-исторический архив») [12].

Такой подход полностью согласован с нормами действующего уголовно-процессуального закона. В соответствии с ч. 3 ст. 81 УПК РФ при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах, в частности, деньгах, ценностях и ином имуществе, полученном в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества подлежат возвращению законному владельцу.

Между тем в уголовном процессе отсутствует легальная дефиниция «законные владельцы», вследствие чего на практике может возникнуть множество вопросов. Например, если на конкретную культурную ценность одномоментно претендуют несколько «законных владельцев» – потерпевший и добросовестный приобретатель. Из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации вытекает, что лицо считается потерпевшим по уголовному делу «в силу самого факта причинения ему преступлением вреда», а его процессу-

[1] © Макаров Д. А., 2025.

альный статус лишь «оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им» [13]. Более того, Верховным Судом Российской Федерации также попутно отмечалось, что законным владельцем признается именно лицо, которое владело имуществом в момент совершения преступления [1]. В связи с этим мы солидарны с тем, что в уголовно-процессуальный закон стоит добавить понятие «законный владелец», под которым следует понимать собственника имущества, утраченного в результате совершения преступления, а также иное лицо, которое на законных основаниях владело им на момент совершения преступления [5, с. 161].

Некоторые вопросы могут возникнуть при определении судьбы вещественных доказательств, которые одновременно имеют признаки и оружия, и культурной ценности. Как известно, согласно п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела принимается решение о том, что орудия совершения, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются [4, с. 27–31]. Соответственно можно предположить, что из оружия, являющегося культурной ценностью, было совершено убийство, вследствие чего возникает вопрос: какая уголовно-процессуальная норма должна быть применена? Принимая во внимание тот факт, что здесь вещественное доказательство попадает под разные категории, все же, думается, ни в коем случае недопустимо принятие решения об уничтожении, поскольку в таком случае будет ликвидирована культурная ценность. Более того, из приведенной выше нормы мы усматриваем, что она также допускает конфискацию или передачу в соответствующее учреждение. Полагаем необходимым в таком случае осуществить передачу в подведомственные учреждения Министерства культуры Российской Федерации. Одновременно рассматривая вещь как культурную ценность, а не только как орудие преступления, поскольку именно эти признаки более существенны и первичны.

Одновременно термин «орудие» может рассматриваться и в широком значении, не только через категорию оружия, поскольку могут быть рассмотрены любые предметы, непосредственно используемые в процессе посягательства для достижения преступного результата, т. е. при реализации действий, образующих объективную сторону преступления [2, с. 59], что зачастую может восприниматься крайне спорно при решении судьбы культурных ценностей, выступающих вещественными доказательствами.

Так, по одному из уголовных дел Ш. был признан виновным в контрабанде культурных ценностей – иконы Богородицы Владимирская, которая как орудие преступления была конфискована. При этом не был принят во внимание тот факт, что изъятая у Ш. икона ранее приобретена его родителями на законных основаниях, а затем подарена ему. По мнению суда надзорной инстанции, икона не была нажита преступным путем и не являлась орудием преступления. В результате чего приговор в части обращения в доход государства вещественного доказательства отменен Верховным Судом Российской Федерации, а икона возвращена Ш. [6]

Мы солидарны с данной позицией, но, как было показано, п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ предусматривает, что орудия подлежат конфискации, передаются

в соответствующие учреждения или уничтожаются. Возврат такого орудия законному владельцу действующим законодательством не предусмотрен. Более того, в абз. 1 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» [8] говорится, что принадлежащие обвиняемому орудия, оборудование или иные средства совершения преступления (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) подлежат конфискации судом (при отсутствии оснований для их передачи в соответствующие учреждения или уничтожения) по делам о преступлениях, перечень которых законом не ограничен. В связи с этим первично именно рассмотрение вопроса о передаче в соответствующие учреждения, но не частным лицам, а вторично уже решение вопроса о конфискации такого орудия. Вместе с тем в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» [7] предполагается, что предметы контрабанды не сопоставляются с понятием орудия преступления, о чем свидетельствует специальная оговорка относительно использования транспортного средства, оборудованного специальным хранилищем для сокрытия товаров или иных предметов при их перемещении через таможенную границ или государственную границу. В таком случае транспортное средство рассматривается в качестве орудия преступления и подлежит конфискации в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ (абз. 2 п. 18). Кроме того, только специфические предметы контрабанды (наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, оружие), как разъяснил Пленум ВС РФ, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются (абз. 6 п. 18). Но здесь применяется иная уголовно-процессуальная норма, а именно п. 2 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, про культурные ценности здесь речь не идет. Только в случае неустановления законных владельцев культурной ценности, выступающей предметом контрабанды, она может быть по решению суда обращена в собственность государства. Данный случай, как мы видим, является исключительным. Под обращением стоит понимать именно передачу все же соответствующим учреждениям.

Вместе с тем следует учитывать также и то, что на культурные ценности, являющиеся вещественными доказательствами, не распространяется Положение о порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожение [9], что обусловлено особой правовой природой таких предметов, а точнее – их уникальностью. Однако если обратиться к постановлению Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2019 г. № 1238 «О распоряжении имуществом, обращенным в доход государства» [10], то в нем содержится положение, согласно которому любое движимое имущество, представляющее культурную ценность, включая движимое имущество религиозного назначения, передается Министерству культуры Российской Федерации в установленном порядке (подп. «в» п. 3). Но это касается лишь движимых вещей, которые являются бесхозяйными [14]. При имеющихся законных владельцах – потерпевших или их наследников при смерти первых, культурная ценность должна передаваться именно им.

Перспективным видится производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора,

постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем (гл. 55.1 УПК РФ). Под доходами здесь понимается имущество, которое раскрывается в ст. 104.1 УК РФ, под которое в свою очередь попадают ценности, в том числе культурные, но по ограниченным составам преступления. Так, если культурная ценность являлась предметом контрабанды (ст. 226.1 УК РФ), тогда она может быть конфискована (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), соответственно, и применена гл. 55.1 УПК РФ по запросу иностранных властей. Аналогичная ситуация будет усматриваться, когда культурные ценности использовались или предназначались для организации деятельности преступного сообщества (преступной организации), а также для деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации (п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). По иным преступлениям, в том числе хищению культурных ценностей (ст. 164 УК РФ) и повреждению объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ), данный механизм не задействован. В связи с этим данное направление является актуальным, и на него обращено отдельное внимание в Указание Генпрокуратуры России от 31 августа 2020 г. № 442/35 «О мерах по организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по возвращению активов из-за рубежа» [15].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает различные подходы при определении судьбы вещественных доказательств, начиная с принятия решения об их реализации, утилизации или уничтожения и заканчивая конфискацией вещественных доказательств и передачей законным владельцам. Разрешение судьбы культурных ценностей, выступающих вещественными доказательствами, имеет свои особенности, в частности, их нельзя утилизировать или уничтожить, принимая во внимание их особые свойства (неповторимость, уникальность, ценность и т. д.).

2. По уголовным делам о преступлениях, связанных с хищением культурных ценностей, последние при постановлении итогового судебного решения или решения органов предварительного расследования передаются, как правило, законным владельцам. В качестве последних рассматриваются как физические, так и юридические лица, в том числе государство в лице соответствующих органов. В силу отсутствия легальной дефиниции «законный владелец» на практике может возникнуть споры о принадлежности культурной ценности, выступающей вещественным доказательством. К примеру, потерпевший от преступления или добросовестный приобретатель является законным владельцем культурной ценности. По общему правилу такие споры решаются в порядке гражданского судопроизводства. Между тем судебная практика рассматривает законным владельцем именно потерпевшего от преступления.

3. Если вещественное доказательство одновременно попадает под категорию культурной ценности и орудия, возникает проблема о выборе конкретного процессуального основания (п. 1 ч. 3 ст. 81 или п. 4 ч. 1 ст. 81 УПК РФ). При этом они предусматривают различные последствия. Так, в первом случае может быть принято решение об их конфискации, уничтожении или передаче в соответствующие учреждения, а во втором предусмотрен лишь один вариант – передача законному владельцу. Такая проблема возникает при решении судьбы культурных ценностей, выступающих вещественными доказательствами, когда

они являются предметами контрабанды, и обусловлен широким подходом к понятию «орудие преступления», под которым разумеется любой предмет, используемый в процессе посягательства для достижения преступного результата. По причине особых свойств, присущих культурной ценности, к ней применяются исключительно правила, предусмотренные п. 4 ч. 1 ст. 81 УПК РФ.

4. Не исключена и возможность применения в отношении культурных ценностей механизма конфискации, предусмотренного п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ. Но данное основание применяется лишь в одном случае, когда культурные ценности не имеют законных владельцев, о чем свидетельствуют, в частности, и нормы материального уголовного права относительно предметов (доходов) контрабанды (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). Следовательно, данное основание является по своей сути экстраординарным.

5. Несмотря на имеющуюся правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации о том, что необходимость сохранения вещественных доказательств может быть продиктована необходимостью исследования их при рассмотрении иного уголовного дела, видится довольной острой ситуация об указании в приговоре по итогам рассмотрения первоначального уголовного дела об оставлении в месте их хранении (допустим у законного владельца) до принятия решения по иному уголовному делу, в том числе без права ее отчуждения третьим лицам. Здесь на чашу весов становится обеспечение соразмерности публичных и частных интересов, поскольку, с одной стороны, у собственника культурной ценности не может быть без законных оснований ограничено права распоряжаться вещью, но, с другой стороны, публичные интересы при наличии обоснованных и мотивированных обстоятельств должны также соблюдаться. Ошибочным видится, когда в итоговом процессуальном решении используется абстрактная формулировка о передаче культурной ценности по принадлежности, без детализации адресата.

6. В целях оптимизации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства видится необходимой активизация производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем (гл. 55.1 УПК РФ). Причем такие итоговые судебные решения могут быть приняты не только в рамках иностранного уголовного, но и гражданского судопроизводства.

Список литературы

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 14-АПУ15-1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online.consultant.ru.

2. Владыкина Т. А. Разрешение вопроса о вещественных доказательствах при постановлении приговора // Уголовное право. 2013. № 3. С. 59.

3. Долгих Т. Н. Ошибки, допускаемые судами при решении вопроса о судьбе вещественных доказательств // Уголовный процесс. 2022. № 12 (216). С. 30–35.

4. Козловский П. В. Обращение с вещественными доказательствами: конкуренция публичных и частных интересов // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 3 (78). С. 27–31.

5. Мурылев-Казак В. В. Содержание понятия «законный владелец» для цели решения судьбы вещественных доказательств в виде имущества, полученного в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9 (142). С. 161.

6. Определение надзорной инстанции Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2008 г. по делу № 46-Д08-17 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online.consultant.ru.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» // Российская газета. 2017. № 99.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2018. № 134.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 августа 2012 г. № 848 «О порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online.consultant.ru.

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2019 г. № 1238 «О распоряжении имуществом, обращенным в доход государства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 39. Ст. 5437.

11. Приговоры Енисейского районного суда Красноярского края от 18 октября 2022 г. № 1-194/2022; Пушкинского городского суда Московской области от 21 мая 2020 г. № 1-277/2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online.consultant.ru.

12. Приговор Басманного районного суда города Москвы от 17 мая 2021 г. по делу № 1-106/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online.consultant.ru.

13. Пункт 5 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2019 г. № 23-П; п. 3 определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О; п. 2 определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online.consultant.ru.

14. Решения Дзержинского районного суда города Оренбурга от 9 января 2025 г. по делу № 2-536/2025; Нижегородского районного суда города Нижнего Новгорода от 21 января 20205 г. по делу № 2а-1419/2025; Советского районного суда города Брянска от 17 октября 2024 г. по делу № 2–4158/2024 и др. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online.consultant.ru.

15. Указание Генпрокуратуры России от 31 августа 2020 г. № 442/35 «О мерах по организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по возвращению активов из-за рубежа» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online.consultant.ru.

Максимов Н. Р.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Химичева О. В.*,*
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: СИСТЕМА ИСТОЧНИКОВ

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью представляет собой направление внешней политики государств, ставящее перед собой цель сосредоточить усилия государств в противодействии наиболее общественно опасным видам преступлений и таким образом минимизировать негативные социальные, экономические и иные их последствия. Одним из наиболее важных направлений международного сотрудничества правоохранительных органов является международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, представляющее собой взаимодействие компетентных органов и должностных лиц – участников уголовного судопроизводства с представителями иностранных государств и международных организаций в целях реализации назначения уголовного судопроизводства.

При этом, несмотря на особую общественно-политическую важность данного направления сотрудничества, в юридической науке остается нерешенным вопрос о том, что понимать под правовой основой международного сотрудничества по уголовным делам.

В первую очередь необходимо отметить, что международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства представляет собой деятельность, урегулированную соответствующими правовыми нормами. Так, поскольку международное сотрудничество по уголовным делам является государственной процессуальной деятельностью, осуществляется оно на основе норм национального законодательства.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 УПК РФ к числу законов, определяющих порядок уголовного судопроизводства, относятся Конституция Российской Федерации и основанный на ней Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Также законодатель допускает и использование норм международного права в уголовном судопроизводстве, причем разделяя в тексте соответствующей нормы (ч. 3 ст. 1 УПК РФ) два вида источников – общепризнанные принципы

[1] © Максимов Н. Р., 2025.

и нормы, представленные Уставом Организации Объединенных Наций 1945 г., фундаментальные, императивные начала, на основе которых государства выстраивают свои международные отношения, а также договоры субъектов международного права, содержащие основной массив норм указанной правовой системы, что говорит об их основополагающей роли в регулировании межгосударственных отношений.

Законодатель в ч. 3 ст. 1 УПК РФ указывает, что частью уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство, являются общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации. Однако применение положений соответствующих международных договоров возможно только в их истолковании, не противоречащем Конституции Российской Федерации. При этом в случае коллизии УПК РФ и международного договора законодатель предписывает применять положения последнего. В связи с этим полагаем необходимым указать на то, что мнение о безусловном приоритете национального права Российской Федерации над международным, высказываемое отдельными исследователями при толковании ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации, носит дискуссионный характер.

Также высказывается точка зрения о том, что международные акты не могут использоваться на территории Российской Федерации ввиду того, что в них не закреплена уголовно-процессуальная форма производства тех или иных процессуальных действий, из чего следует, что источниками уголовно-процессуального права они также не являются [7, с. 25–29]. В контексте рассматриваемой темы не представляется возможным согласиться с высказанной позицией.

Рассуждая о роли и месте международных договоров в области международного сотрудничества по уголовным делам, необходимо отметить отсутствие единого мнения среди ученых о том, какие виды международных договоров должны относиться к числу источников права международного уголовно-процессуального сотрудничества.

В настоящее время в науке наиболее распространенным является суждение, сформулированное И. Ю. Гринь, согласно которому все международные договоры, заключенные как на межгосударственном, так и на межправительственном и межведомственном уровне, являются источниками права международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Также к данной подгруппе источников автор относит и международные обычаи [5, с. 10]. Схожей точки зрения придерживается и А. Х-А. Пихов, высказывающий мнение о том, что законодатель включил международные межведомственные договоры в число источников, например, в чч. 2, 3 ст. 453 и ч. 1 ст. 457 УПК РФ [8, с. 17].

Имеет место и позиция, сторонники которой, как, например, М. П. Глумин, основываясь на положениях, закрепленных в пп. «к» и «о» ст. 71 и ч. 1 ст. 76 Конституции Российской Федерации, приходят к выводу, что источниками российского уголовно-процессуального права являются только те международно-правовые акты, которые заключены от имени Российской Федерации как субъекта международного права, иные же международно-правовые акты, в т. ч. межправительственные и межведомственные соглашения, а также договоры, заключенные

и утвержденные с нарушением процедуры, применению в ходе производства расследования или судебного рассмотрения уголовных дел не подлежат [4, с. 19].

Данная позиция носит дискуссионный характер ввиду того, что в положениях Конституции Российской Федерации, на которые ссылается автор, речь идет о разграничении предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов как административно-территориальных единиц, но не о разграничении предметов ведения государства Российской Федерации и ее органов (в данном случае Правительства Российской Федерации и компетентных органов государственной власти, например, Министерства внутренних дел России) как субъектов международного права (коими государственные органы не являются). Подробно природу разноуровневых международных договоров Российской Федерации раскрывает Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». Часть 2 ст. 3 указанного закона гласит о том, что «Международные договоры Российской Федерации заключаются с иностранными государствами, а также с международными организациями и иными образованиями от имени Российской Федерации (межгосударственные договоры), от имени Правительства Российской Федерации (межправительственные договоры), от имени федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций (договоры межведомственного характера)» Таким образом, законодатель объединяет межгосударственные договоры Российской Федерации, а также межправительственные и межведомственные договоры под общим наименованием «международные договоры Российской Федерации».

На основании вышеуказанного можно также утверждать о том, что законодатель не только «косвенно» в положениях ч. 5 УПК РФ ссылается на межведомственные международные договоры как на источники уголовно-процессуального права, но и непосредственно в ч. 3 ст. 1 УПК РФ, понимая под ними весь массив международных актов, заключенных Российской Федерацией с иными субъектами международного права.

Помимо общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров Российской Федерации, невозможно обделить вниманием и «нетрадиционный» источник международного права – международный обычай.

В общей теории международного права под международным обычаем понимается «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы». При этом доказательством существования обычая могут служить дипломатическая переписка, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, разъяснения правительств государств [9, с. 3].

Генезис современного международного правопорядка в настоящий момент свидетельствует о все возрастающем влиянии указанной группы источников международного права, причем, как указано выше, и на международный правопорядок, так и на национальное законодательство, что подтверждается имплементацией отдельных принципов межгосударственного взаимодействия, в том числе, и в уголовно-процессуальное законодательство. Так, в ч. 1 ст. 462 УПК РФ законодатель указывает взаимность при оказании правовой помощи иностранному государству и получении таковой от него как принцип международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства [3, с. 2]. Подобную

норму, представляющую собой выраженный в уголовно-процессуальном законе международно-правовой принцип обязанности государств сотрудничать друг с другом, можно понимать как международный обычай, введенный в национальную правовую систему.

Тем не менее, наибольшее значение в регулировании международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства имеет уголовно-процессуальный закон Российской Федерации.

Часть пятая УПК РФ полностью посвящена вопросам международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве. Ее целью является создание правовой основы для взаимодействия российских участников уголовного судопроизводства с иностранными государствами и международными организациями. Законодатель также указывает, что международное сотрудничество регулируется как национальным законодательством, так и международными договорами.

В первую очередь, необходимо отметить, что ч. 5 УПК РФ закрепляет формы взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с компетентными органами и должностными лицами иностранных государств. Так, устанавливается порядок и содержание запроса о правовой помощи, направляемого Российской Федерацией в адрес иностранного государства либо международной организации, а также порядок исполнения поступающих в Российскую Федерацию международных следственных поручений, причем законодатель разделяет запрос о правовой помощи и осуществление уголовного преследования по запросу иностранного государства, что дает основания для дальнейшей дискуссии вокруг вопроса о месте направления/исполнения запросов об осуществлении уголовного преследования невыданного лица в системе международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, а именно о его самостоятельности относительно запросов о правовой помощи либо о вхождении его в число правовых механизмов, реализуемых путем направления запроса о правовой помощи.

Полагаем, что осуществление уголовного преследования является самостоятельной частью международного сотрудничества по уголовным делам, поскольку далее, в ст. 453 УПК РФ законодателем строго обозначен предмет направления запроса о правовой помощи – необходимость производства на территории иностранного государства следственных либо иных процессуальных действий. Направление же материалов уголовного дела иностранному государству для осуществления его органами и должностными лицами, по нашему мнению, хоть и является процессуальным действием (поскольку осуществляется в соответствии с нормами УПК РФ), однако, по отношению к конкретному уголовному делу является завершающим и последующих процессуальных действий (кроме случаев возвращения прокурором следователю или органу дознания соответствующих материалов) за собой не влечет, а, следовательно, цель производства дальнейших процессуальных действий российскими органами и должностными лицами не стоит.

Подводя итог, следует отметить, что правовая основа международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства представляет собой объемную систему, состоящую из норм международного права и национального законодательства. Международные нормы представлены общепризнанными принципами

международного права, закрепленными Уставом ООН 1945 г., а также международными договорами, при этом автор, проанализировав законодательство Российской Федерации о международных договорах, высказал предположение, что уровень заключения договора не влияет на его принадлежность к числу источников уголовно-процессуального права. Также автор включает в систему правовой регламентации международного сотрудничества по уголовным делам и международный обычай. При этом в заключении делается вывод о том, что именно национальное уголовно-процессуальное законодательство наиболее детально регулирует процедуры, связанные с взаимодействием участников уголовного судопроизводства с аналогичными субъектами из зарубежных государств.

Список литературы

1. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_7258/.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

3. Белясов С. Н. Общая характеристика и классификация источников международного сотрудничества в борьбе с преступностью // Право и практика. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-i-klassifikatsiya-istochnikov-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-borbe-s-prestupnostyu/.

4. Глумин М. П. Международно-правовая помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

5. Гринь И. Ю. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2006.

6. Клевцов К. К. Понятие и правовая природа передачи уголовного преследования (судопроизводства) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 6. С. 11–14.

7. Конькова Е. В. Взаимодействие российской национальной системы права и норм международного права в области уголовного судопроизводства : дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 1995; Комаров С. А. Общая теория государства и права. М. : Манускрипт, 1996. С. 25–29.

8. Пихов А. Х-А. Взаимодействие субъектов уголовного преследования с компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международных организаций : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

9. Стародубцев Г. С. Обычай в международном праве // Социально-политические науки. 2015. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obychay-v-mezhdunarodnom-prave/.

Маньковская Д. Ю.[1]***,***
слушатель
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Макеева Н. В.,
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЙ ДОСТУП К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Сегодня все большее количество информации становится оцифрованной. Речь идет о личных данных человека, финансовом состоянии организации, сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную тайну. Данная информация представляет собой интерес для криминальных структур, что подтверждается данными статистики, согласно которым в период с января по декабрь 2024 г. в России было зафиксировано 765,4 тысячи киберпреступлений, что на 13,1 % больше, чем за аналогичный период 2023 г[2]. По официальным статистическим данным их доля среди всех зарегистрированных преступлений увеличилась с 34,8 % в 2023 г. до 40 % в 2024 г. В 2022 г. доля IT-преступлений составляла 26,5 % от общего количества преступлений в стране, в 2021 г. – 25,8 %, а в 2020 г. – 25 %. По данным МВД, в 2024 г. было совершено 84,8 % преступлений с использованием интернета, это четыре из пяти. Зарегистрировано 649,1 тысячи таких случаев, что превышает показатели предыдущего года на 23 %. Также в минувшем году возросло число киберпреступлений, связанных со средствами мобильной связи. В 2023 г. было зарегистрировано почти 303 тысячи таких случаев, а в 2024 г. это число увеличилось на 14,3 % и достигло 346 тысяч.

Так, в стратегии Национальной безопасности Российской Федерации обозначено, что анонимность, которая обеспечивается за счет использования информационно-коммуникационных технологий, облегчает совершение преступлений, расширяет возможности для легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, распространения наркотических средств и психотропных веществ [1, с.78].

Статья 272 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации. В связи с тем, что неправомерный

---

[1] © Маньковская Д. Ю., 2025.

[2] Состояние преступности в России в 2020–2024 гг. Официальный сайт МВД России.

доступ к компьютерной информации существенно отличается от других видов преступлений, на наш взгляд, необходимо выделить следующие его особенности.

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения в связи с обеспечением целостности и сохранности компьютерной информации и безопасности функционирования электронных информационных систем. По сравнению с другими общественными отношениями, являющимися объектами уголовно-правовой защиты, указанные общественные отношения возникли сравнительно недавно и стремительно развиваются в современном обществе.

Предметом преступления, который является обязательным признаком объекта относительно преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ, выступает компьютерная информация, представляющая собой специфическую категорию.

На основе указанных особенностей возникает и иная специфика, присущая неправомерному доступу к компьютерной информации.

Особенность общественной опасности неправомерного доступа заключается в том, что он не имеет физической осязаемости и поэтому может быть совершен в любой точке мира без пересечения государственных границ. А также в современном мире, когда ценность (в том числе финансовая) компьютерной информации только возрастает, злоумышленники при незаконном получении важной компьютерной информации имеют потенциальные возможности влиять на крупнейшие организации, компании и даже государства.

Сложность в правильном установлении всех элементов состава данного преступления. Уровень технического и информационного прогресса позволяет компьютерной информации видоизменяться, копироваться и формироваться в самые короткие временные сроки, а также отправляться и доставляться на любые по удаленности расстояния. Тем самым, вызывая у правоохранительных органов трудности с определением орудия преступления, которым зачастую является ЭВМ и лица, совершившие неправомерный доступ, т. е. субъекты преступления.

Неправомерный доступ к компьютерной информации может быть совершен в совокупности с другими преступлениями. Лицо совершает неправомерный доступ к компьютерной информации для ее последующего использования в преступной деятельности.

Латентность неправомерного доступа, заключающая в скрытности от человека, что затрудняет обнаружение преступления как обладателем информации, так и правоохранительными органами. Организации не сообщают о преступные посягательства в отношении принадлежащей им информации в связи с тем, что опасаются наступления репутационных потерь.

Сложность определения основных идентифицирующих характеристик, объективных признаков преступления, так как компьютерная информации носит технический характер и может быть изменена или удалена преступником, что повлечет невозможность установления времени, обстановки и места совершения общественно опасного деяния, что влечет за собой возращение судом уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ в связи с отсутствием всех обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Дистанционность совершения характеризуется возможностью удаленного местонахождения преступника и устройства, накопителя, сервера, содержащего компьютерную информацию, что не исключает их расположение на территории разных государств, т. е. того, что они подпадают под действие разных законодательств.

Невозможно использовать традиционные методы раскрытия и расследования неправомерного доступа к компьютерной информации, политические разногласия усложняют процессы международного сотрудничества в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, отсутствует единый подход к определению основных признаков неправомерного доступа, особенно в случаях, когда преступлением затронуты интересы нескольких государств.

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующие особенности квалификации преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации:

1) использование информационных технологий в совершении преступлений может выражаться в непосредственном воздействии на них (предмет преступления), а также в их использовании для воздействия на иные предметы, т. е. на предмет преступления (орудия и средства);

2) все преступления, где информационные технологии используются как предмет преступления, перечислены в гл. 28 УК РФ, в остальных составах они выступают средством или орудием;

3) имущественные преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий являются самыми распространенными, значительная часть преступлений, указанных в современном УК РФ, может быть совершена с их использованием, например, публичное оправдание экстремизма, незаконный оборот наркотиков, вымогательство и др. При этом часто ответственность за такие преступления наступает в совокупности с преступлениями в сфере компьютерной информации.

Список литературы

1. Макеева Н. В., Макеев А. В. Особенности возбуждения уголовных дел и деятельности следователя на первоначальном этапе расследования хищения с использованием вредоносных компьютерных программ // Актуальные вопросы экономической безопасности. Волгоград, 2024. С. 78–84.

2. Пекарева В. В., Фроловская Ю. И. Градация общественно опасных последствий преступления, подразумевающего уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240). С. 532–534.

3. Макеева Н. В., Макеев А. В. Процессуальный порядок и особенности допроса свидетеля : учебное пособие. Калининград, 2004.

4. Судебные и правоохранительные органы : учебник / [Е. В. Бурдина и др.]. Ч. 2. М., 2024.

Никитина У. Р.[1]***,***
слушатель института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Фадеев П. В.,
профессор кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМЫХ ДЕЯНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

В статье 58 Конституции Российской Федерации отмечается, что каждый человек обязан охранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам [19]. При этом согласно ст. 115 Конституции, Правительство Российской Федерации обязано формировать в обществе ответственное отношение к животным.

Такой подход связан с тем, что ежегодно число случаев жестокого обращения с животными продолжает расти. Например, в 2021 г. количество зарегистрированных преступлений, связанных с жестоким обращением с животными и повлекших их гибель или увечье, составило 673, то уже в 2022 г. – 709 (увеличение на 5,3 %) [1]. С другой стороны, несмотря на рост числа зарегистрированных преступлений, количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 245 УК РФ, остается низким. Так, например, в первом полугодии 2022 г. привлечено к уголовной ответственности 76 человек, причем к лишению свободы осуждено лишь 14 человек [2]. Эксперты отмечают, что это связано с тем, что у сотрудников правоохранительных органов нет понимания, как работать по ст. 245 УК РФ, в том числе как доказывать вину. Это приводит к тому, что уголовные дела согласно статистике, остаются не возбужденными, а лица, совершившие преступление, избегают уголовной ответственности.

Жестокое обращение с животными является серьезной проблемой общества, поскольку она является малоизученной и напрямую касается гуманизации отношений. Увеличение количества нераскрытых преступлений свидетельствует о недостаточной подготовленности сотрудников правоохранительных органов к расследованию жестокого обращения с животными и проблемах в законодательстве.

---

[1] © Никитина У. Р., 2025.

Следует отметить, что подобное отношение в области защиты животных имеет место и в других странах, которые принимают соответствующие правовые акты. Например, в Германии действует один из самых строгих законов о защите животных – Закон о защите животных. В нем закреплено, что любое действие, причиняющее животному «необоснованные страдания или боль», является уголовным преступлением. Во Франции в 2021 г. были ужесточены законы о защите животных. Франция предусмотрела запрет на содержание животных, лицам, которые совершили в их отношении преступления [3, с. 73].

В Российской Федерации понимание ответственного отношения к животным раскрывается в Федеральном законе от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 498-ФЗ) [4]. Указанный закон определил не только понятие, но сущность жестокого обращения с животным. Его определяют противоправные действия, которые привели или могут привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями, иными действиями).

Статья 245 Уголовного кодекса Российской Федерации [5], предусматривает уголовную ответственность за жестокое обращение с животными и определяет общие и квалифицирующие признаки. Вместе с тем анализ показывает, что в процессе расследования указанного вида преступлений правоприменители испытывают затруднения при понимании отдельных квалифицированных признаков и, соответственно, квалификации уголовно-наказуемого деяния.

Одной из причин такого положения, на наш взгляд, является отсутствие законодательно закрепленного понятия «садистские методы». Как справедливо отмечает Р. В. Свиридов, данное обстоятельство вызывает сложности в правоприменительной практике, так как невозможно определить степень и длительность страдания животного. В целом, можно согласиться с его мнением о том, что формулировка закона является недостаточно детализированной [6, с. 250].

Затрудняет понимание понятия «садистские методы» и судебная практика, которая показывает неоднозначный подход к его определению, так как аналогичные деяния при применении садистских методов могут быть рассмотрены судами по-разному: как жестокое обращение с животными с применение садистских методов либо как просто жестокое обращение с животными.

Например, гражданин К. нанес множество ударов по туловищу и различным частям тела кошки о стены и двери дома, затем бросил ее на пол и придавил ее своим телом. Указанные действия свидетельствуют о жестоком обращении с кошкой путем применения садистских методов. На это же указывают результаты осмотра трупа кошки, смерть которой наступила в результате многочисленных гематом головы, кровоизлияний, перелома основания черепа [7]. Однако при аналогичном случае по делу № 1-24/2020 были установлены те же обстоятельства произошедшего [8]. Но в обвинении было указано, что гражданин С. совершил жестокое обращение с животным в целях причинения ему боли и страданий.

Как показывает анализ, неумение правильно квалифицировать деяние лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, также нередко встречается.

Так, в 2009 г. в Москве Дмитрий Худояров отстреливал собак из пневматической винтовки, выезжая на улицы города. Он стрелял в животных из окна своего автомобиля, что приводило к их мучительной гибели. По данным следствия, количество убитых собак могло достигать нескольких десятков. Некоторые собаки умирали мучительной смертью от полученных травм [9]. Стоит отметить, что преступление было квалифицировано по ч. 1 ст. 245 УК РФ.

В 2021 г. в Северодвинске Анна-Виктория Громович и Артем Лаврентьев похитили кота по кличке Кузя и подвергли его жестоким истязаниям, выкладывая видеозаписи своих действий в социальные сети. Кот умер от полученных травм [10]. В данном случае преступление было квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ.

Указанные обстоятельства показывают, во-первых, целесообразность законодательного закрепления понятия «садистские методы» для более четкого понимания и правильной квалификации деяний, предусмотренных ст. 245 УК РФ. Во-вторых, применение садистских методов неразрывно связано с осознанием виновного лица негативных последствий.

Следует отметить, что аналогичного мнения придерживаются некоторые ученые в области уголовного права [11, с. 22; 12, с. 57; 13, с. 76]. Однако суды не всегда исследуют вопрос об осознании виновным своих действий, что приводит к неправильной квалификации деяния. Суды фактически определяют, что эмоциональное восприятие последствий причинения страданий животному виновным лицом и является жестоким обращением с животными, что исключает применение квалифицирующих признаков в данном случае. Осознание последствий является аспектом квалифицирующего признака ст. 245 УК РФ, а именно п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ. Осознание последствий преступления – это понимание виновным лицом своих фактических преступных действий и социального значения своих действий, а также причинно-следственной связи между этими аспектами.

В науке уголовного права предлагают различные определения «садистские методы» [6, с. 250]. Следует согласиться, что садистские методы предполагают мучительные способы обращения с животными, причиняющие им особые страдания (мучительное умерщвление или членовредительство, пытки, сожжение живым, удушение, истязание и т. п.) [14, с. 294–296; 15, с. 20–24]. При этом заслуживает внимание мнение П. А. Филиппова, который считает, что садистские методы в первую очередь направлены на удовлетворение страсти [12, с. 92–98.]. Это обусловлено личностью преступника-зоосадиста, который использует особо изощренные жестокие методы совершения данного рода преступлений.

Анализ судебной практики позволяет выделить различные виды садистских методов. Среди них:

1) систематическое избиение;

2) оставление без пищи и воды на длительное время;

3) использование в различных схватках; натравливание животных друг на друга, охота негуманными способами;

4) мучение животных или издевательство над ними;

5) причинение им страданий; использование для научных опытов; содержание в невыносимых условиях, препятствующих нормальному функционированию организма и др. [16, с. 17; 17–20].

Учитывая вышеизложенное, под садистскими методами следует понимать *насильственный способ обращения с животными, который характеризуется продолжительным мучительным и изощренным применением насилия и направлен на удовлетворение личной страсти насильника*.

Как отмечалось ранее, при квалификации преступлений указанного вида возникает проблема доказывания умысла на применение садистских методов по отношению к животным. Ст. 25 УК РФ определяет, что преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.

В контексте жестокого обращения с животными важное значение имеет вопрос о наличии прямого умысла. Для того чтобы квалифицировать деяние как жестокое обращение, необходимо доказать, что лицо намеренно причиняло страдания животному, а не действовало по неосторожности или в результате незнания.

Основной проблемой при доказательстве умысла в таких делах является отсутствие очевидных внешних признаков намеренности. В отличие от преступлений, совершаемых в отношении людей, где эмоции и мотивация преступника могут быть более явными, жестокое обращение с животными часто проявляется в виде физических повреждений или состояний, которые не всегда однозначно свидетельствуют о злонамеренности. Более того, жестокость может проявляться в разных формах: от случайных издевательств до систематического насилия. Установление причинно-следственной связи между действием обвиняемого и страданиями животного требует комплексной экспертизы и анализа поведения животного до и после инцидента.

Для доказательства умысла в делах о жестоком обращении с животными часто требуется привлечение специалистов-психологов или экспертов, которые могут помочь в установлении психоэмоционального состояния обвиняемого. Важно выявить, имел ли он злонамеренное намерение причинить страдания животному, или же действия были обусловлены другими мотивами, такими как агрессия или садизм.

В некоторых случаях важно также провести психолого-психиатрическую экспертизу обвиняемого для оценки его психического состояния, чтобы установить, понимал ли он общественную опасность своих действий и был ли способен контролировать свои поступки в момент совершения преступления [21, с. 37–44].

Зачастую в случаях жестокого обращения с животными единственными свидетелями являются сами животные или косвенные признаки, такие как следы насилия, состояние здоровья животного или поведение, свидетельствующее о травмах. При этом роль свидетелей или показаний пострадавших животных ограничена, что затрудняет получение объективных доказательств умысла.

Для более точного установления факта жестокого обращения с животным часто привлекаются ветеринарные эксперты, которые могут на основе осмотра выявить характер повреждений, установить степень боли и страданий, а также

указать на возможные причины травм. Однако подобные экспертные заключения всегда будут носить предположительный характер, что добавляет неопределенности в процесс доказывания.

Таким образом, недостаточная теоретическая регламентация квалифицирующего признака «садистские методы», предполагает целесообразность внесения изменений в ст. 245 УК РФ в качестве примечания: «Садистские методы – это насильственный способ обращения с животными, который характеризуется продолжительным, мучительным и изощренным применением насилия, и направлен на удовлетворение личной страсти истязателя».

Список литературы

1. Официальный сайт «Известия». URL: https://iz.ru/1470265/2023-02-15/v-mvd-soobshchili-o-roste-chisla-sluchaev-zhestokogo-obrashcheniia-s-zhivotnymi

2. Новостной интернет-портал Агентство социальной информации. URL: https://asi.org.ru/news/2021/04/28/assocziacziya-blagopoluchie-zhivotnyh-poschitala-skolko-beznadzornyh-zhivotnyh-v-rossii/?utm_source=chatgpt.com

3. Мотонкуев А. Б. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с жестоким обращением с животными // Вестник науки и образования. 2019. № 19-1 (73). С. 74–77.

4. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8424.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891&rdk=0

6. Свиридов Р. В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовая квалификация и отграничение от иных правонарушений : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019.

7. Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 18 декабря 2018 г. № 44у-271/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=254341&cacheid=34E7EE591F23B1DEC.

8. Приговор № 1-24/2020 1-406/2019 от 22 апреля 2020 г. по делу № 1-24/2020) // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: ttps://sudact.ru/regular/doc/tPrtAbEwQiLJ/.

9. Новостной интернет-портал РИА Новости. URL: https://ria.ru/20090902/183382113.html.

10. Новостной интернет-портал РИА Новости. URL: https://ria.ru/20210929/zhivodery-1752199813.html.

11. Филиппов П. А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука. 2019. С. 92–98.

12. Хайбрахманова Р. Р. Проблема квалификации жестокого обращения с животными // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 55–58.

13. ГОСТ Р 58436-2019. Ветеринарная экспертиза механических повреждений у непродуктивных животных. Общие требования. М. : Стандартинформ, 2019. (Национальный стандарт Российской Федерации).

14. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2021 г. № 77-1558/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=50140#ihh7sLUywwO8CnES.

15. Апелляционное определение от 12 марта 2018 г. по делу № 22-1700/2018 Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=50140&cacheid=803070F787280D87D753E4E34EA861AE&mode=splus&rnd=FkD3Xg#T8xVXJUleM1cIFn5.

16. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2022 г. № 2187-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагина Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=732967&cacheid=E56F920D6555CE40E8452F859455A8ED&mode=splus&rnd=FkD3Xg#8aFWXJUi7Vq4XaR11.

17. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2007 г. № 4-О07-13 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=243019&cacheid=659389D34593A4782A04F31CA7 CF81A7&mode=splus&rnd=FkD3Xg#nlhWXJUawfNG7htP.

18. Конин В. В., Корсаков К. К., Сидоренко Е. В. Некоторые вопросы методики расследования и предмета доказывания жестокого обращения с животными // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2 (38). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-metodiki-rassledovaniya-i-predmeta-dokazyvaniya-zhestokogo-obrascheniya-s-zhivotnymi.

19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ред. от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

Сиворакша В. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ендольцева А. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

СОБЛЮДЕНИЕ ТАЙНЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ ПРИ ПРОДЛЕНИИ СРОКА РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Расследование уголовных дел всегда связано с необходимостью соблюдения установленных законом сроков предварительного следствия и дознания. Однако порой их бывает недостаточно для достижения целей уголовного судопроизводства. В связи с этим Уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК РФ) предусмотрена процедура продления, которая сопряжена с выполнением ряда требований, без которых она не может признаваться законной.

Одним из таких требований в соответствии с ч. 7 ст. 162 УПК РФ является составление процессуального документа, выражающего решение уполномоченного лица на продление срока. Отметим, что в нормах, регламентирующих продление других сроков, такой документ иногда именуется как ходатайство, например, в ч. 3 ст. 144 УПК РФ. В практической деятельности составляется постановление о возбуждении ходатайства о продлении срока предварительного следствия (дознания) (далее – ходатайство или постановление). Суть его заключается в мотивировке и обосновании необходимости продления процессуального срока.

Ст.ст. 162 и 223 УПК РФ содержат ряд специальных правил, относящихся к процедуре продления и усиливающихся с увеличением продлеваемого срока. Однако каких-либо требований к содержанию самого ходатайства в законе нет. В некоторой степени они отражены в ведомственных актах, регулирующих процедуру продления. Например, Приказ ГУ МВД России по г. Москве от 3 сентября 2020 г. № 260 «Об утверждении Инструкции по организации процессуального контроля при возбуждении ходатайств о продлении сроков предварительного следствия, содержания обвиняемых под стражей и домашнего ареста, применения запрета определенных действий по уголовным делам, находящимся в производстве у следователей»; Приказ МВД России от 29 июня 2020 г. № 27 «Об утверждении Инструкции по организации процессуального контроля при возбуждении ходатайств о продлении сроков предварительного

[1] © Сиворакша В. В., 2025.

следствия, содержания обвиняемых под стражей и домашнего ареста, применения запрета определенных действий по уголовным делам, находящимся в производстве у следователей»; Приказ ГСУ СК России по г. Москве от 9 февраля 2011 г. № 8 «Об организации деятельности следственных управлений по административным округам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве» (в ред. от 19.05.2022 № 38) и др.

Одним из таких правил является необходимость указания о проведенных следственных и иных процессуальных действиях, а также запланированных к проведению в истребуемый срок расследования, что, на наш взгляд, не всегда отвечает интересам органов предварительного следствия и дознания.

С одной стороны, без соблюдения данного требования процедура продления рискует стать формальной, поскольку в таком случае постановление вряд ли можно будет назвать обоснованным. Кроме того, без понимания всего объема выполненного и запланированного руководитель следственного органа и прокурор не смогут в должной степени реализовать функцию процессуального контроля и определить достаточный срок для окончания расследования.

С другой стороны, чрезмерно подробные сведения, указываемые в тексте ходатайства, порой могут негативно сказываться на самом процессе расследования. Применительно к рассматриваемой теме нельзя не согласиться с Е. В. Блиновой, Д. А. Ивановым и Е. Н. Клещиной о том, что обеспечение неразглашения данных досудебного производства заключается в «предотвращении нанесения ущерба расследованию уголовного дела, нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и иных лиц» [1, с. 55].

Открытым и дискуссионным остается вопрос о путях и средствах такого предотвращения, а применительно к теме настоящего исследования он становится актуальным в случаях ознакомления участниками уголовного судопроизводства с текстом постановления о возбуждении ходатайства о продлении срока меры пресечения, избираемой по решению суда, или в случаях обжалования ими решения о продлении срока предварительного следствия и дознания, когда они знакомятся с поступившими в суд материалами.

В ст. 161 УПК РФ определено, что данные предварительного расследования не подлежат разглашению, но изложение сведений по уголовному делу в процессуальных документах таким разглашением не является. Разумеется, к их числу также не относится предоставление должностному лицу, уполномоченному принимать решение о продлении процессуального срока, сведений о ходе и результатах расследования дела. Вместе с тем, последнее при неправильном подходе может стать помехой в достижении целей государственных органов.

Так, А. Е. Маслов к числу сведений, составляющих тайну предварительного расследования, относит данные о перечне, порядке и результатах следственных действий, а также о личности участников уголовного судопроизводства [2, с. 40–46]. А именно они и содержатся в тексте ходатайства о продлении срока предварительного следствия и дознания. В ситуациях, когда такие сведения становятся известными стороне защиты, это может привести к неэффективности производства как отдельных следственных действий (например, обыска в жилище конкретного лица или организации), так и расследования уголовного дела в це-

лом. Кроме того, нередки случаи оказания давления со стороны обвиняемых и их защитников на потерпевших, свидетелей, а также других подозреваемых и обвиняемых, данные о которых зачастую достаточно подробно приводятся в постановлении о продлении срока предварительного следствия и дознания. Последнее не только препятствует нормальному ходу расследования дела, но и существенно нарушает права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Сказанное подтверждается и полученными в ходе исследования результатами анкетирования 185 респондентов из числа следователей органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации, дознавателей, прокуроров, адвокатов и работников образовательных и научно-исследовательских организаций, проведенного в 2022–2024 гг. в 31 субъекте Российской Федерации.

Так, на вопрос о том, нарушается ли требование ст. 161 УПК РФ, если в ходатайстве о продлении срока предварительного расследования приводится перечень проведенных с момента последнего продления следственных или иных процессуальных действий, а также запланированные следственные действия в истребуемый срок, при условии, что с данным ходатайством знакомится неопределенный круг лиц: 33,7 % опрошенных считают, что нарушается в обоих случаях; 15,3 % ответили, что нарушается в случае указания о запланированных действиях; 3,8 % – что нарушается в случае указания о проведенных следственных действиях, а 37,7 % полагают, что не нарушается.

В связи с этим совершенно справедливо, по нашему мнению, некоторые ученые относят недопустимость разглашения данных предварительного расследования к числу его общих условий [1, с. 49; 3; 4, с. 164–172]. А. В. Ендольцева рассматривает ее в качестве «базиса» для реализации ряда принципов уголовного судопроизводства [5, с. 285].

А. С. Есина и Е. В. Блинова подчеркивают, что в ходе производства по уголовному делу следователь обязан принять меры к реализации указанного правила, с чем нельзя не согласиться [6, с. 115].

На практике соблюдение требований ст. 161 УПК РФ связывают с получением от участников процесса подписки о неразглашении данных предварительного расследования. Однако, на наш взгляд, применительно к процедуре продления процессуальных сроков в досудебном производстве, указанные положения действуют, как правило должного поведения и вне истребования такого документа, распространяясь на всех лиц, вовлеченных в орбиту уголовного процесса, в том числе и на само лицо, производящее расследование.

Разделяя точку зрения о позитивном влиянии данной нормы на процесс расследования, отметим, что в науке у нее имеются и противники [7; 8, с. 14–15].

Обобщая сказанное и приходя к выводу о невозможности полного исключения информации о следственных действиях и об участниках уголовного судопроизводства из текста ходатайства, к наиболее приемлемым средствам обеспечения сохранения в тайне данных досудебного производства, по нашему мнению, возможно отнести следующие:

1) объем и содержание проведенных и запланированных следственных действий, указываемых в тексте постановления, должны определяться на усмотрение следователя и дознавателя, с учетом всех обстоятельств и исходя из такти-

ки расследования и понимания возможности оказания противодействия со стороны участников. При этом подробный план расследования с целью реализации функции процессуального контроля может приводиться в непроцессуальных документах, определенных ведомственными правовыми актами, которые не приобщаются к материалам уголовного дела;

2) в случае заявления участниками уголовного судопроизводства ходатайства о предоставлении копии постановления о продлении срока предварительного следствия или дознания, в том числе, с целью реализации своего права на обжалование такого решения, предоставлять выписку из текста постановления с указанием понятных доводов, послуживших причинами продления срока;

3) в случае продления срока расследования уголовных дел, по которым в отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога или запрета определенных действий, с учетом невозможности исключить факт ознакомления участников с постановлением о продлении срока расследования, прилагаемым к ходатайству перед судом о продлении меры пресечения, таким средством может являться сведение к минимуму содержания материалов, предоставляемых в суд.

Кроме того, считаем, что положения ст. 161 УПК РФ о недопустимости разглашения данных предварительного расследования должны рассматриваться должностными лицами в качестве принципа и одного из общих условий досудебного уголовного производства в целом, а также как правило при продлении срока предварительного следствия и дознания, без соблюдения которого могут быть нарушены права и законные интересы участников процесса, а также может снижаться эффективность расследования уголовного дела.

Список литературы

1. Блинова Е. В., Иванов Д. А., Клещина Е. Н. Обеспечение неразглашения данных досудебного производства по уголовным делам : монография ; под ред. Е. Н. Клещиной. М. : Юрлитинформ, 2021.

2. Маслов И. В. Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

3. Власова Н. А. Обеспечение тайны предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie–tayny–predvaritelnogo–rassledovaniya.

4. Подольный Н. А. Следственная тайна – общее условие предварительного расследования и тактико-криминалистическое средство установления обстоятельств совершения преступления // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 164–172.

5. Ендольцева А. В., Шамиданова А. Д. Допустимость и недопустимость разглашения данных предварительного расследования: проблемные вопросы // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов X ежегодной Всероссийской конференции, Москва,

26 ноября 2020 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 285–288.

6. Есина А. С., Блинова Е. В. Неразглашение данных предварительного следствия: проблемы правоприменения и вопросы толкования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 113–117.

7. Васильев Ф. Ю., Лобанова В. С. Тайна предварительного расследования как одно из общих условий предварительного расследования: проблемы, пути решения // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12 ноября 2021 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 65–68.

8. Любичев С. Г. Этические основы следственной тактики. М. : Юрид. лит., 1980.

Туров С. С.[1]*,*
студент юридического факультета
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

Научный руководитель:
Григорьева Н. В.*,*
доцент кафедры
международного и публичного права
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗЬ (ВКС) В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В последние годы происходит процесс интеграции инновационных технологий и разработок в различные сферы государства. В связи с этим в отраслях права открываются возможности использования новых технических решений. Уголовно-процессуальное право не отстает от тенденции цифровизации и активно применяет технологии видео-конференц-связи (далее – ВКС).

Для начала рассмотрения темы использования ВКС необходимо осветить в работе историю внедрения и применения данной технологии и в соответствии с этим проследить изменения в законодательстве, обусловленные дополнением специальных норм, регулирующих использование этой связи.

Легальное понятие закреплено в приказе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, где под ВКС предложено понимать «способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами» [1]. Исходя из определения, можно говорить о конкретном способе, который позволяет осуществлять процессуальные действия. Данные технологии позволяют более оперативно и эффективно решать задачи, стоящие перед органами участвующими в процессуальных действиях.

Если рассмотреть научное определение, к примеру, понятие видеоконференц-связи, которое дает Архипова Е. А., то под ВКС в уголовном судопроизводстве, предлагается понимать «основанное на нормативных положениях российского уголовно-процессуального законодательства и нормах международного права интерактивное взаимодействие участников уголовного процесса, в ходе которого производится непрерывный и четкий обмен аудиовизуальной информацией, имеющей значение для уголовного дела, в режиме реального времени посредством обособленной телекоммуникационной сети» [2]. В этом определении упоминается интерактивное взаимодействие участников, значит, предполагается возможность расширенного использования системы

[1] © Туров С. С., 2025.

ВКС как на досудебной стадии, так и в судебном производстве для участия сторон в процессе. Проведение следственных действий с использованием ВКС вовсе не исчерпывает возможности применения этой связи, есть возможность и перспектива использования ВКС и в других институтах уголовного процесса.

История применения ВКС на территории Российской Федерации началась еще в 1999 г. и была применена Челябинским областным судом. «Предпосылками для использования судом данной технологии послужили высокая стоимость конвоирования осужденного, удаленность следственного изолятора, сложность своевременной его доставки в судебное заседание и др.» [3]. Именно экономическая и логистическая составляющая дала толчок применению судами технологий ВКС. Первое закрепление ВКС произошло в ст. 376 УПК РФ в 2001 г. В результате последовал ряд постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации, которые затрагивали вопросы применения в судопроизводстве систем ВКС [4], в которых, по сути, главным вопросом оставалось решение суда относительно участия подсудимого в заседании посредством ВКС и конституционность данных положений о том, что вопрос участия в таком формате решается судом.

Подобные решения Конституционного Суда в итоге подвигли законодателя на принятие изменений в уголовно-процессуальное законодательство, и спустя некоторое время, в 2010 г. было принято решение закрепить право осужденного, содержащегося под стражей или отбывающего наказание ходатайствовать о выборе способа участия в судебном заседании, в том числе путем использования системы ВКС. Такое же право предоставлялось лицам, к которым были применены меры принудительного медицинского характера.

Дальнейшие изменения в сфере применения ВКС произошли в 2011 г. с добавлением ч. 2 ст. 399 УПК РФ, которая закрепила обязанность суда обеспечить возможность применения ВКС. В последующих изменениях добавилась возможность участия осужденного в заседании апелляционной инстанции посредством ВКС. Продолжили тенденцию изменения, позволившие допрашивать свидетелей и потерпевших в ходе судебного заседания посредством ВКС. В 2014 г. законодатель внес изменения, касающиеся использования ВКС для обеспечения безопасности участников в уголовном процессе, в эти изменения также вошла возможность подсудимого огласить последнее слово с использованием технологии ВКС. Таким образом, путем внесения различных изменений и с течением времени сформировалась практика использования технологии ВКС.

Развитие использования ВКС началось и в досудебном производстве по уголовным делам, вследствие этого в 2021 г. ФЗ № 501 была введена в УПК РФ ст. 189^1, которая закрепила особенности и порядок проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем ВКС.

Рассмотренные нормы участия в судебном производстве с помощью ВКС были обобщены путем введения ст. 241.1, посвященной участию в судебном заседании путем использования систем ВКС. Теперь к лицам, имеющим право на использование систем ВКС добавляются новые субъекты, но данное право реализуется только посредством принятия ходатайства стороны. Дополнительно закреплены условия использования ВКС, такие как техническая возможность применения технологии судами; наличие ходатайства от стороны или обстоя-

тельств, препятствующих очному участию в судебном заседании. В данной статье также четко определено, что применение ВКС невозможно в судебном заседании с участием присяжных заседателей. Можно говорить, что законодатель не останавливает работу над внедрением технологии ВКС и расширением применения ВКС для институтов уголовно-процессуального права.

И тут стоит обратить внимание на следующий аспект использования ВКС в уголовном судопроизводстве. Далеко не все изменения по внедрению в возможные институты произошли, и, возможно, требуются изменения в уже действующие положения с учетом обобщения следственно-судебной практики. Ученые и авторы научных публикаций предлагают внесение новых, дополняющих аспектов, расширяющих сферу использования ВКС в уголовном процессе, например проведение не только допроса, очной ставки и опознания, но и иных следственных действий посредством применения дистанционных ресурсов [5]. Однако вместе с этим появляются новые проблемы – такие как безопасность, достоверность информации, получаемой путем использования ВКС, в числе проблем могут оказаться и тайна следствия, и соблюдение прав и свобод граждан [6]. Очень важным остается и экономическое обоснование использования ВКС.

Порядок использования ВКС, как отмечено выше, закреплен в 2015 г. регламентом организации применения ВКС при подготовке и проведении судебных заседаний, который был утвержден приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Отметим, что изменения в данный регламент после 2020 г. не вносились.

Интересно, что данный регламент охватывает сразу несколько отраслей права, таких как гражданский процесс, арбитражный процесс, уголовный процесс. Тут, наверное, целесообразно высказать точку зрения об унификации судопроизводства в отношении использования инновационных технологий в сфере коммуникации, рассмотреть гражданское, уголовное и арбитражное судопроизводство в сравнении с друг с другом.

Если говорить об унификации, то разумно начинать с самого основополагающего, на основе чего, по сути, строится правосудие – с принципов. Г. Я. Борисевич, рассматривая ситуацию с внедрением во все процессы апелляции, пишет, что «внедрение повсеместной апелляции выявило ситуации, требующие унификации некоторых норм, регулирующих апелляционное производство в процессуальном праве» [7], и если в данном случае выявилась необходимость унификации определенных норм, возможно ли такое же с использованием технологии ВКС?

В Гражданско-процессуальном кодексе РФ, в ст. 155.1, предусмотрено участие в судебном производстве путем использования систем ВКС и прописаны условия, при которых можно использовать данную технологию, такие как техническая возможность, наличие ходатайства стороны процесса. ВКС может использоваться в досудебной стадии при объяснении сторон и третьих лиц. Порядок регулируется упомянутым регламентом. Делая вывод, насколько полно данный регламент покрывает необходимое нормативное закрепление процедуры, А. А. Васильева утверждает, что «нормативно-правовое регулирование вопроса использования ВКС является достаточно полным и обеспечивает правовую ре-

гламентацию вопросов» [8], следовательно, данный регламент полностью закрывает потребности использования ВКС для гражданского процесса.

В Арбитражном процессе также используется технология ВКС. Статья, регулирующая данную процедуру закреплена в Арбитражном процессуальном кодексе РФ, а именно ст. 153.1 – участие в судебном заседании путем использования систем ВКС. В кодексе отсутствует четкая и полная регламентация процедуры использования ВКС, но существует в правовом поле Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12 (ред. от 27.06.2017) «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», п. 23 которого дополнительно регламентирует применение ВКС. Но действующие нормы не регламентируют все возможные аспекты применения ВКС, о чем пишет и Н. В. Архиереев, который предлагает разработать «единый акт для применения судами в Российской Федерации, закрепляющий правила поведения участников судебного процесса, проводимого в формате видео-конференц-связи или веб-конференции» [9]. Стоит отметить, что в арбитражном процессе применяется регламент 2015 г. об организации применения ВКС. Исходя из этого, можно сделать вывод, что арбитражный процесс тоже тяготеет к регламентации, которая будет использоваться во всех видах судопроизводства.

Подчеркнем, что наиболее прогрессивным в использовании ВКС можно считать гражданский процесс. Следовательно, положительный опыт в применении технологии ВКС можно использовать и в уголовном процессе, понимая специфику институтов постепенно расширять круг возможностей использования систем ВКС в процессуальных действиях.

Для единообразного подхода в процессуальном законодательстве по отношению к ВКС в части единообразного подхода к написанию анализируемых систем предлагаем внести изменения в УПК РФ для упорядочивания написания, так как закон содержит два варианта написания ВКС. Первый вариант – «видеоконференц-связь» (в ст.ст. 35, 389.12, 389.1, 399, 401.13). Второй вариант – «видео-конференц-связь» (ст.ст. 46, 47, 49, 189.1, 241.1 и др.). Целесообразно, на наш взгляд, заменить написание «видео-конференц-связь» на «видеоконференц-связь», ведь именно в такой формулировке ВКС присутствует в Гражданском процессуальном кодексе РФ (ст.ст. 155.1, 159, 177, 188 и др.). Формулировка «видеоконференц-связь» присутствует и в Арбитражном процессуальном кодексе (ст.ст. 136, 153.1 и др.). В Кодексе административного судопроизводства РФ применяется написание «видеоконференц-связь» (ст. ст. 69, 142 и др.). Исходя из вышеперечисленного, считаем целесообразным внесение изменении в УПК РФ в написание термина, обозначающего систему ВКС.

Также предлагаем рассмотреть возможность внедрения в уголовное судопроизводство механизма участия в судебном заседании путем использования системы ВКС. Такая система хорошо зарекомендовала себя в гражданском процессе (ст. 155.2 ГПК РФ), арбитражный процесс также использует эту систему (ст. 153.2). Участие в судопроизводстве с помощью системы ВКС закреплено и в Кодексе административного судопроизводства (ст.142.1). Внедрение веб-конференции позволит также унифицировать судопроизводство.

Применение ВКС в уголовном процессе, бесспорно, имеет ряд преимуществ, однако существуют также определенные риски, которые стоит учитывать.

Во-первых, технические проблемы, обусловленные нестабильным соединением. Если связь будет прерываться или качество сигнала ухудшится, это может повлиять на ход судебного процесса, привести к задержкам или потере важной информации. С другой стороны, в судах и иных правоохранительных органах некоторых регионов может отсутствовать необходимая инфраструктура для качественной видеоконференции.

Во-вторых, вопросы безопасности, связанные с защитой персональных данных. Использование ВКС требует передачи конфиденциальной информации через интернет, что повышает риск ее утечки или перехвата злоумышленниками. Участившиеся кибератаки, попытки взлома системы связи могут привести к нарушению конфиденциальности судебных заседаний.

В-третьих, проблемы коммуникации, ограниченная возможность невербальной коммуникации. На мониторе порой сложно уловить мимику, жесты и другие важные элементы общения, что может затруднить восприятие информации участниками процесса. Прямой контакт между сторонами, особенно адвокатом и подсудимым, важен для эффективной защиты прав последнего, поэтому ВКС может ограничить такую коммуникацию.

В-четвертых, риски нарушения процессуальных норм, при которых существует теоретическая возможность подмены участника процесса, хотя на практике такие случаи крайне редки благодаря современным технологиям идентификации. Некоторые аспекты использования ВКС в судебной практике могут оставаться недостаточно урегулированными законом, что создает правовые неопределенности.

В-пятых, психологические факторы, при которых участие в судебном заседании через ВКС может вызывать дополнительный стресс у обвиняемого или свидетеля, особенно если они не привыкли к такому формату взаимодействия. Отметим и различия в условиях участия сторон (например, одна сторона находится в зале суда, другая – на удалении), которые могут создавать ощущение неравенства перед судом.

В-шестых, правовые последствия. В случае технических сбоев или проблем с качеством связи может возникнуть сомнение в достоверности показаний свидетелей или иных доказательств, представленных через ВКС. Недостаточное качество связи или технические проблемы могут стать основанием для обжалования решений суда и последующих отмен приговоров.

Несмотря на эти риски, использование ВКС в уголовном процессе является важным инструментом, позволяющим ускорить судебные процессы, снизить затраты и обеспечить доступ к правосудию в сложных ситуациях, например, в условиях пандемии. Однако важно тщательно оценивать потенциальные угрозы и принимать меры для их минимизации.

Список литературы

1. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении Регламента организации при-

менения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» (ред. от 30.12.2020) // Бюллетень актов по судебной системе. № 3. 2016.

2. Архипова Е. А. Применение видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран : автореф… дис. канд. юрид. наук. М., 2013.

3. Щерба С. П., Архипова Е. А. Правовые основы применения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования // Уголовное право. 2014. № 4. С. 109–117.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 октября 2003 г. № 319-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белашева Владимира Ильича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2004 г. № 63-О По жалобе гражданина Гунина Сергея Юрьевича на нарушении его конституционных прав статьями 375 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

6. Ушаков А. Ю., Кирянина И. А. О введении в уголовно-процессуальный закон нормы, позволяющей проводить отдельные следственные действия посредством дистанционных ресурсов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 1. С. 57–62.

7. Росовская Е. В. Влияние использования видео-конференц-связи при допросе свидетеля на достоверность его показаний // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 5964.

8. Борисевич Г. Я. Унификация процессуального законодательства Российской Федерации, регулирующего контрольно-проверочные стадии, как средство защиты прав, законных интересов личности и укрепления законности // Ex jure. 2020. № 4. С. 167–184.

9. Васильева А. А. Некоторые вопросы применения видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 536–546.

10. Архиереев Н. В. О проблемах применения видео-конференц-связи в арбитражном процессе // Судебная власть и судейское сообщество: история развития и современность. 2024. №1. С. 20–23.